

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ.
2022**

Сборник материалов XVI международной научной конференции

Белгород 2022

УДК 03.09.23
ББК 63.3 (0) 3
К 79

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 3 от 20.10.2022 г.)

Ответственный редактор-составитель:

д.и.н. Н.Н. Болгов

Рецензенты:

д.и.н. И.В. Абдулманова (БЮИ МВД РФ им. И.Д. Путилина)

к.и.н. А.В. Кобзева (лицей № 32 г. Белгорода)

К 79 **Классическая и византийская традиция. 2022:** сборник материалов XVI международной научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2022. – 280 с.

ISBN 978-5-6049008-0-2

В настоящее издание вошли материалы XVI международной научной конференции, проведенной кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета 1 октября 2022 г. Среди авторов сборника – начинающие ученые, аспиранты и студенты, работающие в русле научного направления «Классическая и византийская традиция», а также приглашенные ученые. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной и византийской истории и культуры.

В сборник также вошли некоторые материалы ежегодной научно-практической конференции «Художественная литература по истории» (разделы «История древнего мира» и «История средних веков»), хроника научных событий и другие материалы.

УДК 03.09.23
ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-6049008-0-2

© Болгов Н.Н., отв. ред., 2022
© Коллектив авторов, 2022

Содержание

XVI научная конференция «Классическая и византийская традиция»	7
--	---

История древней Греции и Рима

Гапеев Д.А. (<i>Белгород</i>). Занятия и образ жизни древних индийцев в представлении древних греков	8
Анисимов К.А. (<i>Тула – Белгород</i>). Фракийский царь Котис I. Происхождение	12
Денисова А.Л. (<i>Белгород</i>). Общественные повинности в древнегреческом обществе в современной историографии	18
Коновалова А.Д. (<i>Белгород</i>). Слоны-канатоходцы, или Животные в энциклопедической традиции Плиния Старшего	23
Колотушкина А.А. (<i>Белгород</i>). Изучение семейных отношений в римском обществе периода Империи отечественными историками середины XX – начала XXI вв.	27
Загидуллина Д.Т. (<i>Белгород</i>). Ключевые аспекты изучения личности Аврелия Виктора и его работ в современной отечественной историографии	32
Сумаковская Е.С. (<i>Белгород</i>). Аммиан Марцеллин в отечественной историографии конца XIX – 1-й пол. XX вв.	36
Анохина Е.В. (<i>Белгород</i>). Роль женщины в публичной жизни позднеримского общества: нормативный аспект	39
Зубкова И.А. (<i>Белгород</i>). Роль косметики в жизни позднеантичной женщины	47

Боспор и Причерноморье

Коровина А.С. (<i>Белгород</i>), Супренков А.А. (<i>Симферополь</i>). Торговые связи городища Сююрташ в III-II вв. до н.э. на основе анализа импортной амфорной тары (по материалам исследований 2017-2021 гг.)	50
Шова С.В. (<i>Тула</i>). Появление алан в Северном Причерноморье по данным письменных источников	53
Большаков В.Э. (<i>Тула</i>). Тафрии Крымского полуострова: проблема этнической идентификации и локализации	58
Алиева Л.Х. (<i>Тула</i>). О римском присутствии в Херсонесе по данным материальных источников	60
Ярцев С.В. (<i>Тула</i>), Филатов Р.И. (<i>Мирный, Респ. Саха – Якутия</i>). Изменение тактики обороны западных рубежей Боспора в контексте проведения экспансионистской политики боспорских царей	63

Кузнецова Н.А. (Тула). К вопросу о наличии скифского этнического компонента среди населения Белинского городища в Восточном Крыму	68
Бобин Р.М. (Тула). Особая задача римских гарнизонов в Колхиде: необходимость или взаимовыгодное сотрудничество	72
Шашков Д.А. (Тула). Династическая борьба на Боспоре в III в.	83

Поздний Рим

Малинин М.А. (Тула). Асдинги и лакринги: к вопросу о противостоянии в свете римской внешней политики	89
Стрижак А.Р. (Тула). К вопросу о хронологических рамках домината в римской истории	91
Войлоков Б.М. (Белгород). Сочинения Аврелия Августина в контексте событийной истории церковных расколов	94
Барсова Е.Р. (Белгород). Юристы периода Средней и Поздней империи	101
Попова Я.В. (Белгород). Отражение трансформации религиозных воззрений епископа в эпистолярной коллекции Синезия Киренского.....	105
Владимиров К.А. (Белгород). «Не решился я умолчать... о расправах злодеев»: Григорий Турский о нарушениях церковных канонов франкскими епископами VI в.	109
Прохоров Н.С. (Тула). Особенности распространения христианства в позднеантичной и раннесредневековой Испании	116
Внуков А.А. (Тула). История изучения европейских гуннов в XVIII-XIX вв.	119

От античности к Византии

Литвяк М.А. (Белгород). Памфилийский язык – один из диалектов древнегреческого?	126
Черникова Е.В. (Белгород). Роза в античных письменных источниках	128
Холодов Е.А. (Белгород). Благородные разбойники античности: Тиамид, Вириат и Булла Феликс	132
Андреева Д.Г. (Белгород). Общественная деятельность представителей Второй софистики в их городах (по «Жизнеописаниям софистов» Филострата)	135
Погорелова Ю.И. (Белгород). К вопросу о проявлениях императорского культа в Римской Ликии	139
Черняева Э.Ю. (Белгород). Особенности императорского культа в Римской Памфилии	141
Кириллов В.М. (Белгород). Надпись о саде Адониса в Лаодикее Приморской и возможности её интерпретации	143

Оганян З.Г. (<i>Белгород</i>). Изучение археологических памятников Арташата по данным работ Армяно-германского проекта «Артаксата» (АГАП)	146
Ермолович Р.А. (<i>Белгород</i>). Гиераполь Фригийский: римско-ранневизантийский город и его памятники	149
Нукушов Р.М. (<i>Белгород</i>). Территориальный континуитет города Сарды в Лидии периода поздней античности	152
Болгов Н.Н., Елисеева А.Ю. (<i>Белгород</i>). Город Амафунт на Кипре и его памятники	156
Лобынцев Д.В. (<i>Белгород</i>). Положение нехристианских конфессий в ранневизантийской Киликии	161
Руднева М.А. (<i>Белгород</i>). Гробницы античной и ранневизантийской Александрии в зарубежной историографии: Ком эль-Шокафа	167
Бабенкова Е.Л. (<i>Белгород</i>). Синкретизм язычества и христианства в письменной культуре Северной Африки V-VI вв.	172

Ранняя Византия

Добрынина Д.Н. (<i>Белгород</i>). У истоков монашества: женщина в раннехристианском аскетизме	176
Манохин Я.В. (<i>Борисоглебск</i>). Антропологическая концепция свт. Епифания Кипрского в контексте ортодоксальной христианской теологической традиции	179
Родина Е.О. (<i>Белгород</i>). Паломничество в Иерусалим: пути, направления, смыслы в ранневизантийское время	185
Сапожникова М.Г. (<i>Белгород</i>). К вопросу о попытках императора Феодосия Младшего объединения Восточной и Западной Римской империи	188
Арисланов Б.С. (<i>Белгород</i>). Трансформация сената и системы сенаторских должностей в период христианизации в Афинах	192
Черномурова А.Н. (<i>Белгород</i>). Светское строительство Юстиниана в Константинополе	196
Колесников А.И. (<i>Белгород</i>). Взаимодействие Ортодоксальной церкви и готов на территории Византийской империи	198
Лихошерстов В.А. (<i>Белгород</i>). Медиевализация монофизитской церкви Александрии	201
Зайковская О.С. (<i>Белгород</i>). Особенности позднеантичной модели византийской армии V в.	205
Мишнев С.Н. (<i>Белгород</i>). Религиозный аспект восстания Виталиана	212
Синица М.М. (<i>Белгород</i>). К вопросу о религиозных взглядах Прокопия Кесарийского	215

Фартушной Н.О. (<i>Белгород</i>). Феномен восточной периферии в эпоху Поздней античности на примере взаимодействия Византии с блеммиями	221
Тарасов В.А. (<i>Белгород</i>). Преемственность воинских традиций и отношений между солдатами эпохи принципата и византийской армии VI-VII вв.	226

Славяне и Русь

Дедов А.С. (<i>Белгород</i>). Славяне и крестьянская община в Византии VI-VIII вв. в оценках русских византинистов дореволюционного периода	231
Зубков А.Д. (<i>Белгород</i>). Отражение особенностей деятельности византийской делегации в ходе Ферраро-Флорентийского собора в произведениях русских книжников на примере литературного жанра «хожений»	235
Шевцов Н.В. (<i>Белгород</i>). Структурная композиция народной сказки Борма Ярыжка как одного из элементов рецепции античности и её вклад в формирование политической идеологии Московского царства в сер. XVI в.	240
Таранова П.С. (<i>Белгород</i>). Проблемы и перспективы развития интеллектуальной истории в России	246

Художественная литература по истории

Зайковская О.С. Морис Дрюон. «Железный король»	250
Добрынина Д.Н. «Чума» А. Камю: «быть честным – значит делать свое дело»	251
Лихошерстов В.А. В.Я. Брюсов. «Юпитер поверженный»	255
Шевцов Н.В. Репрезентация античности и идей эпохи Просвещения в «Письмах к сыну» графа Честерфилда	256

Хроника

Болгов Н.Н., Литвяк М.А. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2021 г.	260
Литвяк М.А., Вартанян А.А. Китейская экспедиция в 2022 г.	271
Ермолович Р.А., Авилова А.А. Паломническая поездка в Херсонес (2022)	275
Фартушной Н.О., Черникова Е.В. VI всероссийская летняя школа по византологии (2022)	277

XVI научная конференция «Классическая и византийская традиция»

1 октября 2022 г. на историко-филологическом факультете в рамках проекта «Региональная научно-просветительская платформа «Византийское древо: корни православной духовности и нравственности» программы развития НИУ «БелГУ» на 2021-2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» состоялась XVI международная научная конференция молодых ученых.

Конференция, которая проводится с 2007 г., является важным звеном научно-исследовательской работы студентов и аспирантов одноименного научного направления НИУ «БелГУ», представляя результаты их деятельности за год.

Традиционно участниками конференции, помимо членов проблемной группы и студенческого клуба «Византийское древо» являются коллеги из других научных центров. На этот раз форум собрал молодых исследователей из Тулы, Воронежа, Москвы, Симферополя (Респ. Крым), Мирного (Респ. Саха-Якутия), Республики Армения, а также белгородских научных центров – НИУ «БелГУ», Юридического института МВД РФ, областного краеведческого музея.

Всего в программе было заявлено 75 докладов и сообщений на тематику от классической античности до славяно-русских проблем.

Несмотря на то, что в очном формате смогли собраться только белгородские исследователи, конференция прошла в конструктивном творческом духе. Доклады вызвали живое обсуждение и дискуссии.

Заседания секций привлекли не только самих докладчиков, но и слушателей, в том числе младших курсов, что важно для формирования преемственности научных поколений.

Тематика конференции посвящена двум непреходящим основам современной культуры – классической античной истории и ее актуальным проблемам, а также истории и культуре Византии, являющейся основой отечественной цивилизационной традиции.

Основная задача конференции, теперь в рамках проекта «Византийское древо», заключается в создании и расширении круга заинтересованных людей вокруг тематики византийских корней отечественной цивилизационной традиции. Конференция стала важным шагом на пути к созданию Региональной научно-просветительской платформы.

Это особенно важно в свете глобальных исторических процессов, которые стремительным потоком охватили современный мир. Устоять в этом потоке можно только хорошо зная и понимая исторические и культурные основы нашей страны, ту традицию, которая нам передана нашими предками.

*Н.Н. Болгов,
В.А. Лихошерстов,
Е.Л. Бабенкова*

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ, ЭЛЛИНИЗМ, РИМ

ЗАНЯТИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ИНДИЙЦЕВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Д.А. Гапеев (Белгород)

Автор рассматривает представления древних греков об образе жизни и быте древних индийцев. Отмечается неполнота и ошибочность некоторых сведений греческих писателей об Индии. Автор приходит к выводу о наличии в источниках как стереотипов, так и вполне достоверных знаний об Индийском регионе.

Ключевые слова: индийцы, древние греки, быт, образ жизни, культурные взаимодействия

Цивилизации Запада и Востока имеют многовековой опыт взаимодействия. К XXI веку, благодаря процессам глобализации и постоянной миграции, в обществе накопилось множество знаний о других культурах. Сейчас путешественнику не составляет труда отправиться в страну с незнакомыми традициями и образом жизни, предварительно изучив ее цивилизационные особенности. Однако и в этом случае велик шанс стать заложником стереотипов. Вышесказанное определяет актуальность тематики, связанной с изучением человека другой культуры.

В древнем мире, когда люди только начинали осваивать ареалы обитания, межкультурные контакты были нечастыми. Однако их хватало, чтобы сформировать определенное представление о другом народе. Показательным примером такого рода отношений являются представления древних греков об индийцах. Индия казалась грекам сказочной страной, вызывала интерес античных авторов к социально-экономическим отношениям, культурным особенностям индийцев и природной специфике Индостана.

Плодородные почвы Индии позволяли собирать местному населению по несколько урожаев в год¹. Диодор Сицилийский писал, что Индия никогда не знала голода из-за особенностей климата, а именно зимнего и летнего дождевых сезонов. По мнению древнегреческого историка, именно из-за обилия продовольствия жители Индии отличались рослостью и дородностью. Также автор отмечает преуспевание индийцев в выращивании полевых культур (Diod. Sic. II, 36).

А. Бэшем, проанализировав материалы древнегреческих авторов, пишет, что греков удивляла урожайность, объясняющаяся не сколько климатом, сколько умелым земледелием. Однако ученый считает, что сельскохозяйственные методы индийцев были довольно примитивны, только из-за муссонного орошения становилось возможным получить второй урожай риса².

¹ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 226.

² Бэшем А. Цивилизации Древней Индии. Екатеринбург, 2007. С. 186.

Сохранились у греков сведения и об ирригационных системах в Индии. Об этом прямо свидетельствует Флавий Филострат, сообщая о полноводных каналах, что отходят от Ганга и служат для орошения (Philostr. V. Apoll. III, 5). Также о каналах при описании должностных лиц упоминает и Страбон. Он описывает полномочия смотрителей рынка, в число которых входит регулирование русла рек и наблюдение за каналами (Strabo. XV, 50).

Древнегреческих писателей, как людей, незнакомых с данной территорией, интересовали виды растений, которые выращивало местное население. У Страбона можно найти подробное описание сельскохозяйственных культур, возращаемых индийцами, таких как: сезам, рис и босмор, во время сезона дождей – лен и просо, зимой индийцы сажали пшеницу, ячмень и бобовые культуры. Кроме того, Страбон отмечает, что индийцы выращивали «...другие съедобные растения, которые у нас неизвестны» (Strabo. XV, 13).

Относительно вина в античных источниках содержатся достаточно противоречивые сведения. Страбон, ссылаясь на мнение Ариостобула, указывал на произрастание виноградной лозы в Индии. Однако, он же отдельно отмечал, что по рассказам других писателей, вина в Индии не было (Strabo. XV, 22). Не исключено, что индийцы употребляли какие-то спиртные напитки, но, так как грекам они не были известны, можно предположить, что греки пытались экстраполировать привычную им реальность на Индию.

У Арриана можно найти информацию о «дарении» Дионисом вина индам как эллинам (Arrian. Ind. VII, 5).

По мнению К. Карттунена, вино в Индии появилось относительно поздно. Климат в большинстве регионов Индостана не особенно подходил для выращивания винограда. Вероятно, вино попадало к индийцам с запада от торговцев или путешественников¹.

В описании занятий индийцев фигурирует и охота. Хотя ее удельный вес в экономике снижался, однако она сохраняла большое значение для ловли ценных слонов, а также тех видов животных, что шли на продажу в другие страны². Вообще, слонов античные авторы достаточно полно описывали в своих трудах, характеризуя как биологические особенности и видовые различия (Diod. Sic. II, 35, 47), так и методы поимки (Arrian. Ind. XIII, 1-13). Такой интерес, вероятно, можно объяснить неполнотой знаний греков об этих животных. Лишь походы Александра Македонского дали им возможность вживую познакомиться со слонами³. Этим же объясняется явная ошибочность некоторых представлений. Так, Аристотель полагал, что слоны живут 200-300 лет (Arist., Hist. anim., VIII, 68), аналогичные сведения есть у Страбона (Strabo. XV, 43).

Внешний вид и одежда индийцев нашли отражение в трудах античных писателей, тем более, что местные ткани были известны далеко за пределами

¹ Karttunen K. India in Early Greek literature. Helsinki, 1989. P. 209.

² Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Указ. соч. С. 226.

³ Банников А.В. Боевые слоны в античности и в раннем Средневековье. СПб., 2013. С. 8.

Индии¹. У Страбона мы можем обнаружить упоминание хлопчатобумажных тканей (Strabo. XV, 71). Он также писал, что одни писатели характеризуют одеяния жителей Индии как пестрые, вышитые золотом, со множеством драгоценных камней и украшения. Другие же писатели, как отмечает Страбон, описывали их одежду как простую и сшитую из белых тканей (Strabo. XV, 54, 71). Также можно найти информацию о том, что все индийцы окрашивают свои одежды и волосы, а также бороды (Strabo. XV, 30). Страбон объясняет это эстетическими соображениями, однако окрашивание одежд в Древней Индии имело символическое значение – определенной варне соответствовал отдельный цвет². Арриан писал, что индийцы носили льняные хитоны, а поверх них надевали некое верхнее одеяние, покрывающее также и голову (Arrian. Ind. XVI, 1-2).

Немало древние греки знали об особенностях медицины Древней Индии. Еще в ведическую эпоху индийцам были известны разнообразные микстуры, мази, ингаляции, полоскания рта и омовения³. Страбон при описании категорий философов-гарманов упоминает врачей, которые главным образом лечили пищевым режимом, а из лекарств наиболее ценили мази и пластыри (Strabo. XV, 60). Арриан сообщает, что индийские врачи были искусными врачевателями, так как могли вылечить укус ядовитой змеи, чего не могли сделать эллинские лекари (Arrian. Ind. XV, 11). Индийские медики знали множество болезней и умели определять их симптомы на основании температуры тела, цвета кожи и т.д. Врачи понимали оздоровительное значение свежего воздуха, солнечного света, физических упражнений, правильного питания⁴.

Индийцы в представлении древних греков вели скромный образ жизни. Диодор Сицилийский указывал, что никто из индийцев не имеет права вступить в брак с человеком из другой группы или следовать не свойственным им призваниям, менять свою профессию или осуществлять два рода занятий одновременно (Diod. Sic. XIX, 41). Сообщение Диодора в целом достоверно, однако объясняется не скромностью, а особенностями варновой системы, при которой смешанные браки были крайней редкостью⁵.

Древние греки считали, что благодаря простоте и бережливости, индийцы живут счастливо (Strabo. XV, 53).

Также Страбон упоминает, что жители Индии были достаточно простыми в своем рационе питания. Для этого он обращается к рациону питания индийцев, отмечая, что пищей им служит по большей части рисовая похлебка (Strabo. XV, 53). Арриан пишет, что инды питаются хлебами, которые сами взращивают, а также дичью (Arrian. Ind. XV, 17). Вероятно, древнегреческие авторы не были знакомы с рационом питания других

¹ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Указ. соч. С. 240.

² Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М., 1990. С. 126.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 471.

⁵ Там же. С. 295.

регионов Индостана, поэтому и описали повседневный рацион всех индийцев в виде рисовой похлебки.

Большой интерес вызывали у греческих писателей непривычные им обычаи. У Диодора Сицилийского можно найти уникальное свидетельство о ритуальном сжигании младшей из жен стратега Кетя. Диодор указывает на стремление обеих жен быть кремированными вместе с мужем, ибо это почетно. Как отмечают Г.М. Бонгард-Левин и Г.А. Кошеленко, древнегреческий историк в своей работе запечатлел индийский обычай сати. Сати – это женщины, добровольно сжигающие себя на погребальном костре¹. Данный рассказ является достаточно важным, так как в нем была совершена попытка описать причину и обряд так, как это понимал Диодор. Данную практику упоминали также Иероним из Кардии² и Страбон, который ссылаясь на мнение Аристубула (Strabo. XV, 62). Отметим, что свидетельство Иеронима более достоверно. Это связано с двумя факторами: во-первых, он сам видел в Сузиане, когда вдовы погибшего кшатрия действительно спорили о праве быть сожженной на погребальном костре мужа, и отказ воспринимался как огромное несчастье. Во-вторых, он получал более детальную информацию от индийцев, с которыми он тесно общался на протяжении длительного времени.

Таким образом, по мнению Г.М. Бонгард-Левина, эти данные Иеронима основаны на аутентичной информации. Можно полагать, что Иероним воспроизводит, не искажая, те представления, которые бытовали в Индии в это время³.

Помимо кремации, древнегреческие авторы описывали и погребения у индийцев. Страбон сообщает о скромности похорон у местного населения и что «...могильные холмы невысоки» (Strabo. XV, 53). У Арриана мы можем обнаружить информацию о погребальном обряде. Согласно его сообщению, индийцы не ставят надгробные памятники, а ограничиваются воспоминаниями о добродетелях умерших и исполнением песен в их честь (Arrian. Ind. X, 1). Исследователи фиксируют у индийцев обычай шмашана – церемония насыпания холма над останками умершего⁴.

Достаточно специфическую особенность индийцев описал Арриан. По его сообщениям, жители Индии считали почетным для девушек, если их красота оценивалась в целого слона (Arrian. Ind. XV, 17). Арриан даже отмечает, что для индийских женщин не постыдно согрешить, если им предлагают слона.

Таким образом, греческие представления о быте и образе жизни индийцев не лишены неверных суждений и стереотипов. Так, во многих случаях греки пытались экстраполировать привычную им реальность на индийскую действительность. Это видно на примере представлений о

¹ Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А. Диодор Сицилийский об одном из индийских обычаев // Вестник древней истории. 2007. № 1 (260). С. 23.

² Цит. по: Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002. С. 15.

³ Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 26-27.

⁴ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 209.

произрастании виноградной лозы в Индии. Греки были уверены, что Дионис «подарил» индийцам вино.

Незнание или недостаточная информированность древнегреческих авторов порождали неверное восприятие быта и образа жизни индийцев. Так, ввиду неполноты знаний о слонах древнегреческие историки заблуждались об их сроках жизни, полагая, что они живут 200 или 300 лет.

С другой стороны, греческие писатели достаточно правдоподобно описали специфические обычаи в Индии. Довольно точно переданы особенности медицины и социальной мобильности в варновой системе. Некоторые особенности древнеиндийского быта и образа жизни переданы без искажений либо ввиду личной информированности авторов источников, либо ввиду постоянных контактов между двумя цивилизациями. Так эллинские авторы подробно описали уникальный обряд сати и особенности кремации в Древней Индии.

THE ACTIVITIES AND LIFESTYLES OF THE ANCIENT INDIANS AS SEEN BY THE ANCIENT GREEKS

Д.А. Гапеев (Belgorod)

The author examines the ideas of the ancient Greeks about the lifestyle and way of life of the ancient Indians. The incompleteness and inaccuracy of some information of Greek writers about India is noted. The author come to the conclusions that there are both stereotypes and quite reliable knowledge about the Indian region in the sources.

Keywords: Indians, ancient Greeks, household, lifestyle, cultural interactions

ФРАКИЙСКИЙ ЦАРЬ КОТИС I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ

К.А. Анисимов (Тула – Белгород)

Предлагаемая статья посвящается одному из спорных вопросов фракийской истории – родословной Котиса I, выдающегося политика, правившего Одрисским царством во второй четверти IV в. до н.э. При этом царю одрисы в последний раз добились гегемонии на северо-востоке Балканского полуострова, однако наши сведения о его происхождении противоречивы. В данной работе предпринята попытка собрать все имеющиеся данные, чтобы определить место Котиса на генеалогическом древе одрисских царей.

Ключевые слова: одрисы, Котис I, Фракия, генеалогия.

Одрисское царство – древнее государство, в период своего расцвета объединявшее большую часть фракийских племен и игравшее роль гегемона в северо-балканском регионе в V-IV вв. до н.э. Несмотря на это, оно привлекает незаслуженно мало внимания в историографии, особенно отечественной.

Одним из самых ярких представителей плеяды правителей этой державы был последний из великих царей одрисов – Котис I, правивший Одрисским царством на протяжении более чем 20 лет. Выдающийся политик и дипломат, он вошел в историю как одна из хрестоматийных фигур античной литературы,

воплощая для одних, наверное, все самые худшие, по мнению древних греков, пороки правителя, а для других – сложную и противоречивую личность, борющуюся со своими страстями¹. Невероятное на фоне других фракийских правителей по объему данных досе свидетельствует о том, что при жизни Котис был не менее известен, чем его младший современник – Филипп II Македонский, «величайший царь своего времени», восхождение которого к славе началось сразу после смерти Котиса².

Биографию человека принято начинать с его рождения и происхождения. Древние авторы не оставили информации о том, кто были родители этого царя. Восполнить этот важный пробел в биографии Котиса позволяют эпиграфический материал и богатейшее нумизматическое наследие, оставленное им. Однако, тут наши сведения крайне туманны. Очевидным представляется лишь то, что Котис происходил из рода одрисских царей, именуемых в историографии Тересидами, по имени первого известного правителя из этой династии.

Относительный свет на происхождение последнего великого царя одрисов проливает афинский декрет, изданный около 330 г. до н.э. в честь некоего Ребулы, «сына Севта и брата Котиса» (IG II², 1, 349). Адресат этого декрета сам по себе не менее загадочная личность, однако внимание привлекает формулировка «брата Котиса». Она имеет смысл только в случае, если подразумевается царь Котис I, так как других знаменитых носителей этого имени в то время не было известно³. Следовательно, отцом царя Котиса был Севт.

В истории одрисов известны два одрисских правителя, которые могут претендовать на роль отца Котиса: Севт I, сын Спарадока и внук Тереса I, занимавший престол Одрисского царства с 424 по приблизительно 410-407 гг. до н.э. (Thuc. II, 97, 3; II, 101, 5; IV, 101, 5) и Севт II, сын Месада, который был правителем одной из областей державы одрисов в 400-387 гг. до н.э. и прославился своим неуживчивым характером и связями с эллинскими политиками (Xen. Anab. VII; Xen. Hell., III, 2, 2 - 2, 10; Hell. III, 8.25-8.28; Diod. XIII, 105, 3; Arist. Pol. V, 1312a; Aristid. I, 172, 10).

На первый взгляд, наиболее подходящим на роль отца Котиса I подходит Севт II. Он также был весьма известной личностью в греческом мире. Его отец, Месад, был правителем племен финов, транипсов и меландитов, занимавших

¹ Kotova D. The Personality of Kotys in the Ancient Literary Tradition // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. V. 21. 2014. P. 37-63.

² О царе Котисе: Анисимов К.А. Внешняя политика фракийского царя Котиса I // Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород, 2017. С. 31-37; Анисимов К.А. Одрисский царь Котис I: литературный образ и биография // Исторический формат. №4. 2021. С. 175-180.

³ В литературе распространено мнение о том, что Котис и Ребула были сыновьями Севта III, действовавшего как раз во время издания этого декрета. Однако, во времена Севта источники вообще не упоминают никого по имени Котис. Краткий обзор историографии вопроса см.: A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva et al. (eds.). Wiley Blackwell, 2015. P. 53.

крайнюю юго-восточную окраину Одрисского царства, примыкавшую к Византию, Перинфу и Аполлонии Понтийской. «Когда дела одрисов пришли в плохое состояние»¹, фины и прочие подняли восстание и изгнали одрисских династов. Вскоре Месад умер, а его сын воспитывался у Медока, через какое-то время ставшего царем одрисов (Хен. Anab. VII, 32). Около 400 г. Севт II попросил у Медока дружину и отправился покорять финов. Эти события описаны в VII книге «Анабасиса» Ксенофонта, который лично принимал в них участие.

Долгое время Севту не сопутствовала удача, но затем неподалеку появилось знаменитое войско 10 000 греческих наемников, которые пытались добраться до дома. Севт привлек их на службу. С такой армией он сумел за несколько месяцев подчинить себе все владения отца и расширить подвластную территорию (Хен., Anab., VII, 2, 32-33; Anab., VII, 5, 1). Поскольку Проливы контролировались после Пелопонесской войны спартамцами, Севт наладил с ними добрые отношения: он передал спартанскому военачальнику Фиброну контроль над наемным войском (Хен. Anab., VII, 8, 4), в помощь его преемнику Деркилиду отправил отряд всадников и пельтастов во время кампании в Вифинии (Хен. Hell., III, 2, 2-5), принимал Деркилида во время его экспедиции на Херсонес Фракийский (Хен. Hell., III, 2, 6). Со спартамцами Севт II сохранял, насколько можно судить, партнерские отношения вплоть до 390/389 г. до н.э.

В этом году в зоне Проливов появляется афинский флот под командованием Фрасибула, а Севт повздорил с новым одрисским царем Амадоком (Амедоком) I². Фрасибулу удалось примирить царя и Севта (Хен. Hell. III, 8.25-8.28). С этими событиями закономерно связывают создание афинского декрета, в котором читаются имена «[А]медок» и «[С]италк» (IGr II (2), 1, 22a).

Возможно, Севт через какое-то время устроил заговор против царя Амадока, о чем говорит Аристотель, сравнивая Севта с Киром Великим, свергнувшим Астиага (Arist. Pol. V, 1312a). Свое положение сын Месада пытался закрепить с помощью афинян. На это указывает другой декрет, в котором упоминаются имена Севта, афинского стратега Хабрия, слова «симмахия» и «лакедемоняне» (IGr. II (2), 1, 21). А. Фол убедительно

¹ Наиболее вероятным временем этого кризиса Одрисского царства будет период между 422 и 416 гг. до н.э.: *Анисимов К.А.* Кризис Одрисского царства: проблемы датировки // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» «Тулское Образовательное Пространство». 2017. №1. С. 109-112; *Анисимов К.А.* Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна // Древний мир: История и археология: рецензируемый сборник научных статей. Труды Международной научной конференции «Дьяковские чтения», Москва, МПГУ, 7 декабря 2019 г. М., 2020. С. 179-187.

² Мнение о том, что Амадок I и Медок – одно и то же лицо, широко распространено в литературе, ранее оно разделялось и нами. Однако, доводы в пользу того, что Амадок был преемником (скорее всего сыном) Медока кажутся нам более убедительными: *Тачева М.* Царете на Древна Тракия. Книга I. София, 2006. С. 107 и след.

датировал этот документ 388/387 г. до н.э., когда Хабрий командовал флотом в Эгейском море¹.

Последний раз Севт II упоминается в связи с заключением Анталкидова мира, как одна из сил, потенциально опасная для новой системы международных отношений в Восточном Средиземноморье (Aristid. I, 172, 10).

В связи с борьбой Севта II за власть Корнелий Непот упоминает афинского стратега Ификрата, который помог Севту вернуть его царство. Эта информация позволяет связать Севта II с Котисом (Nep., XI, 2). Ификрат был женат на дочери Котиса и находился у последнего на службе (Dem. XIII. 129; Nep., XI, 3). На основании известия Непота ряд исследователей высказывали мнение, что вскоре после заключения Анталкидова мира Севт был изгнан новым одрисским царем Гебридзельмом, но вернул свои владения при помощи Ификрата. По этой версии, вскоре Севт умер, а его преемником стал Котис².

Другим косвенным доводом в пользу того, что именно Севт II был отцом Котиса, служит уже упоминавшийся афинский декрет в честь Ребулы. Он датируется 330 г. до н.э. С учетом имеющихся данных, логично было бы предположить, что адресат почестей, оказанных афинянами представителю царского рода одрисов, был скорее сыном Севта II, умершего около 387 г. до н.э., нежели Севта I, скончавшегося где-то в конце V в. до н.э.

Однако, при более пристальном взгляде в этой красивой и логичной концепции обнаруживаются слабые места, которые позволяют усомниться в том, что Севт II был отцом Котиса.

Сомнения появляются при попытке определить возраст Котиса I. Главным маркером, позволяющим делать предположения на этот счет, является сообщение о свадьбе его дочери с Ификратом. Менесфей, родившийся от этого брака, был стратегом в 357/356 г. до н.э. Исходя из сведений о возрасте, в котором можно было занимать эту должность, рождение Менесфея и брак его родителей должны были состояться около 389 г. до н.э.

Мы можем уточнить дату: Ификрат находился в Пропонтиде в 390 г. до н.э., сменив здесь Фрасибула³. Брачный возраст у девочек в соседних странах, в первую очередь в Македонии, наступал приблизительно с 16 лет⁴. Если взять за основу расчётов этот возраст, то дочь Котиса должна была родиться около 405 г. до н.э., а сам Котис около 425 г. до н.э. Известен также сын Котиса Керсоблепт.

Из сообщений Демосфена (Dem., C. Aristocr., 169) создается впечатление, что на момент смерти Котиса он был еще совсем молодым человеком, однако этому противоречит тот факт, что уже около 354 г. до н.э.

¹ Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София: Наука и Изкуство, 1975. С. 132-137.

² Попов Д. Древна Тракия. История и култура. София, 2009. С. 99-101; Анисимов К.А. Сюжет афинско-фракийского военного столкновения в произведении Полиэна. С. 184.

³ Buck R.J. Thrasibulus and the Athenian Democracy // Historia Einzelschriften. 120. Stuttgart, 1998.

⁴ Carne E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000. P. 19.

у Керсоблепта было четверо сыновей, достаточно взрослых для того, чтобы представлять одрисов на международной арене и быть проксенами в Дельфах (Dittenberger. Syll³, I, 195)¹. В таком случае, считать Котиса I сыном Севта II становится затруднительно, поскольку сам Севт II был немногим старше².

Что касается сообщения Корнелия Непота о том, что Ификрат помог Севту вернуть его царство, то тут важны два момента. Во-первых, Непот ничего не говорит об известном факте службы полководца у его тестя Котиса (хотя о браке на его дочери сообщает). Во-вторых, как отметил еще в XVIII в. Ф. Кари, далеко не во всех списках Непота говорится о помощи Ификрата Севту. В одном из вариантов вместо Севта указывается именно Котис, что устраняет все противоречия³.

Следовательно, отцом Котиса I может быть Севт I. Дополнительные аргументы в пользу родства Котиса приводит С. Топалов. Используя нумизматический материал он доказывает, что монеты, которые некоторые авторы приписывают Севту II, были отчеканены Севтом I, а используемые на них символы служат доказательством того, что царь Гебридзельм и сменивший его Котис были сыновьями этого царя⁴. Гебридзельм, правивший около 387-384 гг. до н.э., помимо монет, упоминается также в афинском декрете (IG II/III² 31) и надписи из Эдирне⁵, которая также связывает Гебридзельма с каким-то Севтом. Их объединяют: 1) преемственность политики; 2) география; 3) символы на монетах.

Все это позволяет утверждать, что Котис, Гебридзельм и Ребула были сыновьями Севта I. Ввиду этих данных необходимо откорректировать наши предположения о рождении Ребулы и времени смерти Севта I. Можно согласиться с теми авторами, которые связывают именно с этим правителем упоминание о дружбе афинского авантюриста Алкивиада с фракийскими царями Севтом и Медоком (Нер., VII, 7; Diod., XIII, 105, 3) в 407-406 гг. до н.э. В пользу того, что речь тут идет именно о Севте I, говорит царский титул последнего. Ксенофонт, знавший Севта II лично, называл его «архонтом

¹ Этот факт использовал П. Делев для того, чтобы представить Котиса сыном Севта I, однако исследователь исходил из неверного представления о том, что и Севт II был в 400 г. до н.э. совсем молодым человеком: *Делев П.* Филип II и залезът на „Голямото“ Одриско царство в Тракия // Шуменски университет “Епископ Константин Преславски”. Трудове на катедрите по история и богословие 1, 1997. С. 8.

² *Анисимов К.А.* Кризис Одрисского царства: проблемы датировки. С. 111.

³ *Cary F.* Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris: Desaint & Saillant, 1752. P. 19; *Kahrstedt U.* Iphikrates // Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft begr. Von Pauly, neu bgg. Von Wissowa, Kroll u. a. IX. 1916. P. 2019-2022; *Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975. С. 145.

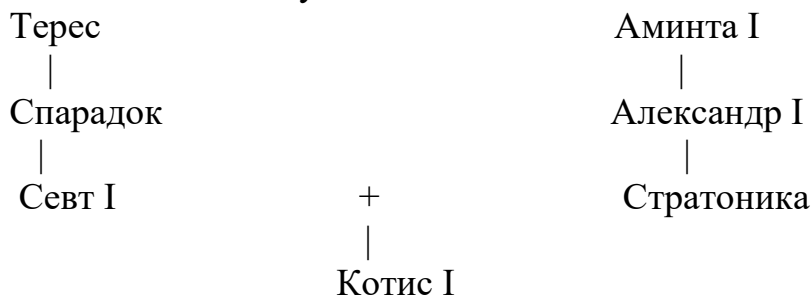
⁴ *Топалов С.* Одриското царство от края на V до средата на IV в. пр. н.е. Приноси към проучване на монетосеченето и историята му. София, 1994. С. 131 и след.; *он же.* Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София, 2014. С. 497.

⁵ *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1976 (2). С. 3; *Юркова Й.* Монетите на тракийските племена и владетели. Том I. София, 1992. С. 50.

Приморской области» (Xen. Hell. III, 8.25-8.28), а Аристотель – «стратегом» царя Амадока (Arist. Pol. V, 1312a).

Возможно, лишь незадолго до своей смерти, Севт II успел принять царский титул. На это указывает заключение им особого договора с Афинами и упоминание «царства Севта» в тексте Анталкидова мира. Однако, сложно представить, что уже в 407 г. до н.э. он мог представлять реальную политическую силу, которую Алкивиад упоминал наравне с царем Медоком. Также трудно представить, что Севт с относительно небольшой дружиной мог продержаться в стране финов вплоть до 400 г. до н.э. Если «царь» Севт, друг Алкивиада, был Севтом I, то это позволяет отодвинуть его смерть к самому концу V в. до н.э. Таким образом, если Ребула родился незадолго до этого, он вполне мог активно действовать около 330 г. до н.э.

Итак, есть все основания утверждать, что отцом Котиса I был Севт I, царь одрисов с 424 г. до н.э. Однако, у нас есть возможность определить происхождение Котиса и по женской линии. Семья Котиса I определенно имела связи с македонской аристократией. Исследователи отмечали некоторое сходство монет Гебридзельма с македонскими¹. Мы выше видели, что он, вероятнее всего, приходился старшим братом Котиса. Старший из внуков Котиса, сын Керсоблепта, носил типичное греко-македонское имя – Иолай. Вскоре после македонского завоевания Фракии появляются монеты правителей с инициалами ФI, ФIΛ, ФIΛH и ΔHMHTPYO. Символы на этих монетах указывают на близкое родство с Котисом и Керсоблептом, а имена указывают на родственные связи с Македонией². При этом, эти связи могли появиться лишь ДО македонского завоевания. Фукидид сообщает, что Севт I взял в жены македонскую царевну Стратонику. Очевидно, именно она была матерью Котиса и, возможно, Гебридзельма. Родственные связи Котиса можно представить в виде следующей схемы:

THE THRACIAN KING COTYS I. ORIGINS

K.A. Anisimov (Tula-Belgorod)

This article is devoted to one of the controversial issues of Thracian history: the genealogy of Cotis I, an outstanding politician who ruled the kingdom of Odrysses during the second quarter of the IV century BC. Under this king, the Odryssians achieved hegemony for the last time in the

¹ Юркова Й. Указ. соч. С. 57.

² Топалов С. Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. С. 529 и след.

northeast of the Balkan Peninsula, but our information about his origins is contradictory. This paper attempts to collect all available data in order to determine the place of Cotis in the genealogical tree of the Odryssian kings.

Keywords: odrisae, Cotis I, Thrace, genealogy.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.Л. Денисова (Белгород)

В данной статье исследуются основные аспекты благотворительности в Древней Греции в историографии XXI века. Выявлено, что благотворительность рассматривается как социокультурный феномен и как способ получения социальной поддержки населения. Обозначен круг вопросов, изучаемых исследователями при анализе различных видов общественных повинностей.

Ключевые слова: благотворительность, литургия, общественные повинности, Древняя Греция, историография.

Благотворительность в Древней Греции давно привлекала внимание антиковедов. За последнее десятилетие вышло довольно много работ по данной теме, как специально исторических, так и междисциплинарных. Это связано с тем, что благотворительность в наши дни становится всё более распространённой. Осуществление важных и интересных культурных программ в большинстве случаев невозможно без привлечения дополнительных средств. Создаётся множество корпоративных и частных фондов для поддержки учёных и деятелей искусства, покупаются картины для музеев, устраиваются выступления музыкантов и гастрольные туры театров. Поэтому особую актуальность приобретает исследование истории и традиций благотворительности в прошлом на основе современной историографии.

В поле нашего внимания находятся работы историков и представителей смежных областей гуманитарного знания. Прежде всего, следует выделить специальные работы о благотворительности, основанные на исторических источниках.

Монография Ларисы Дмитриевны Бондарь «Афинские литургии V-IV вв. до н.э.» посвящена системе общественных повинностей, направленных на организацию отдельных актов государственного значения, благодаря денежным средствам состоятельных граждан полиса. Автор анализирует две группы литургий: ординарные, которые предназначались для организации отдельных праздничных мероприятий, и пожертвования, покрывавшие издержки на военные нужды – экстраординарные.

Исследователь считает институт классических литургий одним из способов формирования доходов государства, однако отмечает их не прямой характер: «И наконец, ещё одной статьёй дохода были общественные повинности, возлагавшиеся на состоятельных граждан полиса, – литургии. Однако литургии по своему характеру отличались от всех перечисленных выше выплат, поскольку не приносили непосредственного дохода в казну, но

являлись повинностями, направленными на финансовое и организационное обеспечение различных государственных мероприятий за счёт средств исполнителей»¹.

Л.Д. Бондарь характеризует разные виды общественных повинностей таких как, хорегия, малые ординарные литургии, триерархия и др., особо выделяя хорегию как «самую крупную из ординарных литургий, которая обязывала исполнителя поставить хор для государственного праздника на собственные средства. Исполнитель этой литургии назывался хорегом, что буквально значит «предводитель, руководитель хора»². Из этого следует, что состоятельные граждане полиса не только финансировали мероприятия, но и занимались их непосредственной организацией.

Лариса Дмитриевна отмечает, что триерархия использовалась только в военное время: «Помимо ординарных литургий, существовали и другие – экстраординарные, или военные, назначавшиеся не постоянно, а в военное время и для военных целей»³.

Исследователь приходит к выводу о том, что главная задача ординарных литургий – организация государственных праздников, а экстраординарных – военные цели.

Аналогичная типология литургий приведена в статье С.Г. Верещагина «Экстраординарные налоги в Древней Греции: историко-правовой аспект»: как указывает автор, «...большое значение в обеспечении деятельности Афинского государства имели разовые государственные займы – литургии, т.е., общественные повинности, возлагавшиеся на наиболее состоятельных граждан полиса. Сущностью литургий было то, что с их помощью государство финансировало различные общественные и государственные мероприятия: постановку комедий и трагедий, строительство храмов, праздничные шествия, организацию хоров и т.д.»⁴. Автор отмечает, что у государства не было стабильных источников дохода.

М.Г. Гришин в работе «Проблемы социальной политики Афинского государства в 1-й половине V в. до н.э.» отмечает, что главным успехом полисной демократии было достижение компромисса между бедными и богатыми за счёт действий властей, которые положили начало традиции социальной поддержки населения. Автор пишет: «Взаимосвязь власти и общества предполагает заботу государства о социальном обеспечении граждан. Благодаря основным свидетельствам Аристотеля и Плутарха мы знаем о существовании широкой системы социальной помощи во время правления Перикла»⁵. Автор имел в виду ответственность государства перед

¹ Бондарь Л.Д. Афинские литургии V-IV вв. до н.э. СПб., 2009. С. 5.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 118.

⁴ Верещагин С.Г. Экстраординарные налоги в Древней Греции: историко-правовой аспект. М., 2017. С. 56.

⁵ Гришин М.Г. Проблемы социальной политики Афинского государства в 1-й половине V в. до н.э. // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. – <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/grishin.htm>

обществом и роль государства в регулировании вопросов социального неравенства.

Как форму помощи неимущим в Афинах во времена Перикла расценивает общественные работы Л.А. Муравьева в статье «Финансово-экономическое развитие Древней Греции»: «Рабский труд составлял конкуренцию свободным мастерам, ухудшал их материальное положение и социальный статус, так как на них начинали смотреть как на людей, занимающихся презренными профессиями. Перикл оказывал государственную поддержку свободным гражданам, обеспечивая их заработком на общественных работах»¹. Таким образом, речь идет не о пожертвовании средств населению, а о предоставлении им рабочих мест, чтобы у них была возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь.

О благотворительности как способе получения социальной поддержки населения пишет латвийский историк-антиковед Харийс Туманс. В своей работе «Перикл на все времена» он высказывает мнение о том, что Кимон добился успеха не только потому, что занимал государственный пост, но и благодаря тому, что использовал свои средства на благо граждан: «Свое ведущее положение в городе он реализовывал через государственные должности, но укреплял его неформальными методами, например, с помощью необычайно щедрой благотворительности, надолго запомнившейся и навсегда вошедшей в анналы афинской истории»². Кроме того, из этой работы мы узнаём, что Перикл, так же, как и Кимон, осуществлял социальную поддержку населения, но не за свои деньги, а за государственный счёт: «Кимон, как уже было отмечено, привлек на свою сторону народ традиционным аристократическим способом – путем необычно щедрой благотворительности, поразившей воображение, как современников, так и потомков. На этом поле Перикл явно проигрывал и не мог составить конкуренцию своему противнику, но тут ему на помощь пришел софист Дамон, который дал совет делать то же самое, но за государственные деньги»³. Следовательно, Перикл и Кимон использовали благотворительность в своих личных целях, чтобы добиться поддержки граждан.

Различные аспекты древнегреческой благотворительности изучаются специалистами других областей гуманитарного знания.

Е.П. Агапов в труде «Социальная помощь на Западе» обращает внимание на греческие корни термина «филантропия»: «В древнегреческий язык слово «филантропия» ввёл выдающийся трагик Эсхил, живший в VI–V вв. до н.э. В своей трагедии «Прометей Прикованный» он использовал это слово для обозначения любви к людям, которой отличался Прометей, научивший их пользоваться огнём, а также заниматься ремёслами и

¹ *Муравьева Л.А.* Финансово-экономическое развитие Древней Греции. М., 2013. С. 61.

² *Туманс Х.* Перикл на все времена. М., 2010. С. 119.

³ Там же. С. 122.

искусствами. Зевс повелел приковать Прометея к Кавказским горам, чтобы он, по словам Власти, «зарёкся дерзостно людей любить»¹.

Как утверждает автор: «со временем слово «филантропия» стало ассоциироваться не только с божественной, но и с любой другой помощью людям. Иными словами, оно использовалось уже более широко, чем у Эсхила, обозначая благотворительную деятельность вообще»².

При этом Е.П. Агапов отмечает, что «благотворительность в Древней Греции не распространялась на рабов, поскольку они не являлись гражданами полиса»³. Следовательно, на получение социальной помощи могли рассчитывать не все представители низов.

О группах населения, которым оказывалась социальная помощь, пишет А.А. Быков в статье «Благотворительность как социокультурный феномен в генетическом и темпоральном измерении»: «В Древней Греции и Риме формируется социальная политика, направленная на поддержку неимущих слоёв населения, а также таких его групп, как инвалиды, сироты, престарелые»⁴. Автор рассматривает благотворительность в Древней Греции и Риме как социокультурное явление. По его мнению, благотворительность возникла из-за того, что бедные слои населения представляли опасность для власть имущих, а также из-за сострадания, милосердия и желания помочь людям.

Нам также интересна работа «О греко-римской филантропии: от взаимности дарений к гуманизму и милосердию» Фридриха Фурмана. Автор обращает внимание на то, что «эта языческая концепция филантропии выглядит с нынешней точки зрения чрезмерно расчетливой и эгоистичной: она скорее похожа на экономическую операцию обмена, чем на альтруистический порыв. Он, обмен, на самом деле, имел здесь место, но в соответствии с представлениями древних о солидарности и взаимопомощи. При родоплеменном, а затем и полисном строе, с их неразвитостью производства и дефицитом ресурсов древний альтруизм неизбежно приобретал форму взаимного обмена»⁵.

Автор оценивает феномен обмена в греческом обществе с позиции социальной психологии. Он не согласен с современной точкой зрения о том, что это не является благотворительностью, и что в Греции при обмене у людей отсутствовало желание помочь. Ф. Фурман придерживается мнения о том, что как раз альтруизм из-за недостатка средств перешёл в форму взаимного обмена. Автор также приводит показательный пример о греческом ораторе римского времени Героде Аттике. Отец оставил ему средства, которые Герод должен был выплачивать афинянам, но вместо этого они были потрачены на

¹ Агапов Е.П. Социальная помощь на Западе. Ростов н/Д., 2001. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Быков А.А. Благотворительность как социокультурный феномен в генетическом и темпоральном измерении. Томск. 2005. С. 91.

⁵ Фурман Ф. О греко-римской филантропии: от взаимности дарений к гуманизму и милосердию. 2020. С. 19.

обновление панафинейского стадиона: «Чтобы вернуть к жизни и обновить древний панафинейский стадион в знак «греческого ренессанса» и еще раз утолить страсть к «вечной славе» – а этот проект требовал огромных расходов – Герод Аттик использовал средства фонда, завещанного Афинам его отцом с регулярными выплатами каждому афинянину одной мины. И никогда не вернул им этот источник немалого дохода»¹.

Также Ф. Фурман считает, что пожертвования были одним из главных способов получения общественного признания не только при жизни, но и после смерти. Это свидетельствует об обеспокоенности состоятельных лиц публичным признанием своей филантропической деятельности и поэтому является одной из причин такой щедрости со стороны благодетелей по отношению к своим согражданам.

Таким образом, историография XXI века даёт нам довольно развернутое представление о благотворительности в Древней Греции, демонстрируя усиление интереса к данной тематике.

Исследователи выделяют разные виды общественных повинностей, более пристальное внимание уделяя такой одинарной литургии, как хорегия.

Историки и представители смежных гуманитарных знаний приходят к выводу, что благотворительность положительно влияла на политическую жизнь, поскольку за счёт литургий увеличивался бюджет государства. Кроме того, благодаря социальной помощи государство обретало более устойчивую поддержку населения.

Историки обращают внимание на благотворительность в военное время, делая вывод о том, что существовали экстраординарные литургии, которые назначались исключительно в конкретные периоды и использовались для военных нужд.

Особо следует отметить мнение Ф. Фурмана, который считает, что благотворительность осуществлялась не из альтруистических соображений, а в целях получения поддержки со стороны сограждан, в конечном итоге – для личной выгоды.

PUBLIC DUTIES IN ANCIENT GREEK SOCIETY IN MODERN HISTORIOGRAPHY

A.L. Denisova (Belgorod)

This article explores the main aspects of charity in Ancient Greece in the historiography of the XXI century. The author revealed that charity is considered as a socio-cultural phenomenon and as a way of obtaining social support from the population. The range of issues studied by researchers in the analysis of various types of public duties is indicated.

Key words: charity, liturgy, public duties, Ancient Greece, historiography.

¹ Фурман Ф. О греко-римской филантропии: от взаимности дарений к гуманизму и милосердию. 2020. С. 9.

СЛОНЫ-КАНАТАХОДЦЫ, ИЛИ ЖИВОТНЫЕ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

А.Д. Коновалова (Белгород)

В статье анализируется книга VIII «Естественной истории» Плиния Старшего, в которой он даёт подробное описание сухопутным животным. Дается определение энциклопедической традиции. Анализируется описание слонов. Приводятся выдержки из текста источника в подтверждении некоторых фактов. В заключении делается вывод о вкладе Плиния Старшего в развитие энциклопедической традиции.

Ключевые слова: Плиний Старший, энциклопедизм, Естественная история, слоны, животные.

Роль знаний в информационном обществе трудно переоценить, на сегодняшний день мы обладаем невероятным объемом научных достижений, накопленных человечеством за тысячелетия. Энциклопедизм является важной составляющей научно-просветительской сферы, а энциклопедическая традиция представляет собой философско-научно-техническое явление в сфере знаний и их развития в человеческой культуре. В узком смысле энциклопедизм является особым, универсальным, тематическим, категориально-понятийным способом мыследеятельности, заключающимся в обобщении, систематизации и сопоставлении свода знаний¹.

В своем зрелом варианте энциклопедическая традиция оформилась уже в Новое время, но до этого она прошла довольно длительный путь развития, а, интересующий нас античный период представляет собой латентно-стихийный этап ее эволюции, когда постепенно формировалась потребность общества в универсальном своде знаний и в неявном, скрытом виде развивалась идея энциклопедизма². Рим в своём социально-политическом развитии имел тенденцию к имперской государственности. Поэтому на римский энциклопедизм оказала большое влияние имперская идеология³.

Древнеримская культура отмечена такими энциклопедистами как Варрон, Цельс и Плиний Старший. Широкий спектр античных знаний представлен в «Естественной истории» Плиния Старшего (23-79 гг.). Этот труд наполнен обширной информацией о различных видах флоры и фауны. Однако его произведение наполнено неоднозначными и противоречивыми взглядами на природные события и явления.

В книге восьмой «Естественной истории», повествующей о сухопутных животных, насчитывается 62 вида животных. Из них 44 вида – это знакомые нам: слоны, змеи, быки, лошади, ослы, лоси, леопарды, пантеры, львы, тигры, верблюды, рыси, ласки, волки, крокодилы, гиппопотамы, дельфины, черепахи,

¹ Семёнов И.Н., Скорин Ю.А. Энциклопедизм: вчера, сегодня, завтра (статья первая: рефлексия истоков междисциплинарности естествознания и психологии – от древности до Нового времени) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012. №5-6. С. 11.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 23.

лисицы, медведи, хамелеоны, гиены, бобры, лягушки, тюлени, олени, дикобразы, мыши, ежи, белки, улитки, ящерицы, собаки, овцы, козы, свиньи, кабаны, обезьяны, зайцы, кролики, землеройки, кроты, муфлоны, носороги, называемые Плинием «единорогами». «Василиск» – фантастическое животное, знакомое нам по античной мифологии. Есть животные, неизвестные нам по их названиям: «катоблепас», «левкрокота», «ихневмон», «леонтофон», «верблюдобрас» и др. Также есть названия для животных, полученных от соединения разных видов. К примеру, «корокотта» – это животное, полученное от соития льва и гиены, «мул» – от соития осла и кобылицы, «лошак» – от соития жеребца и ослицы.

В описании животных Плиний Старший придерживался некоторого плана. Чаще всего он пишет о внешнем облике животного, местах его обитания, способах охоты. Иногда он упоминал о болезнях у разных видов животных и методах борьбы с ними. Выделяются особи, которые могут быть ядовитыми для других видов. Очень часто Плиний Старший прослеживал связь между отдельными животными, или конкуренцию отдельных видов на определённой территории. Также в труде есть информация о значении указанных видов животных для человека, иногда описывается охота или способы использования животных в каких-либо других целях. Автор пишет и о применении шкур, когтей и клыков животных, при этом, здесь различается отношение людей к этим животным, например, в отдалённых частях Африки бивни слонов используются для изготовления дверных косяков, а в других местностях они служат материалом для статуй богов¹. Существуют также описания вкуса мяса животного. Иногда встречаются упоминания о первых встречах людей с этими животными. Есть много фактов и наблюдений над определёнными видами животных в дикой природе. В принципе, такая структура энциклопедии вполне коррелирует с современными статьями в подобного рода трудах, хотя, конечно, манера изложения сильно отличается от современного, «академического» варианта.

Что же касается слонов, то этому виду Плиний даёт довольно подробное описание в «Естественной истории», и это обстоятельство привлекло наше внимание именно к данному представителю царства животных.

Слон – крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями, обитающее в тропической Африке и Азии². Некоторые факты о слонах, приводимые Плинием, вполне согласуются с тем, что мы знаем об этих животных, другие же кажутся абсурдными, и современные учёные вряд ли бы согласились с древнеримским энциклопедистом.

В «Естественной истории» Плиний называл слонов самыми крупными наземными животными. Автор считал, что слоны наиболее близки человеку по разуму и приписывал им человеческие качества, такие как честность,

¹ Здесь и далее пер. с лат. И.Ю. Шабаги: Плиний Старший. Естественная история. Книга VIII. Труды Кафедры древних языков. Вып. III. Труды Исторического ф-та МГУ: Вып. 53. Серия III. Instrumenta studiorum: 24. М., 2012. С. 186.

² Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. С. 143.

благоразумие и справедливость. Также автор утверждает, что у слонов развито чувство стыда, и они обладают хорошей памятью. В подтверждение своих слов Плиний приводит описание брачного периода у слонов: «Из-за присущего им чувства стыдливости слоны сходятся всегда тайно: самец в возрасте пяти, а самка – десяти лет. Их брачный союз сохраняется в течение двух лет, причем, как говорят, они находятся вместе в продолжение пяти дней в году и не более, а на шестой день, прежде чем возвратиться в стадо, входят в реку и поливают друг друга водой» (Plin. HN VIII. 5, 13).

Удивительным является также описание трепетного отношения слонов к людям. В «Естественной истории» приводятся примеры, когда слон влюблялся в человека и мог узнать его даже спустя много лет: «Так, передают, что один слон в Египте полюбил некую продавщицу кораллов и что она (дабы никто не подумал, будто слон выбрал первую попавшуюся девушку) была очень любима Аристофаном, всем известным грамматиком, так что, видимо, девушку отличали какие-то выдающиеся качества. Другой слон, как говорят, полюбил сиракузянина Менандра, молодого воина в войске Птолемея, и доказательством этой любви было то, что он отказывался от пищи всякий раз, когда не видел юношу. А Юба утверждает, что некогда слон полюбил продавщицу благовоний. Все эти животные выказывали свою любовь радостью при виде любимого лица и неловкими проявлениями ласки, а также тем, что сохраняли протянутые им ветви и осыпали ими предмет своей любви. Да и неудивительно, что животные, обладающие памятью, способны и любить! И действительно, тот же писатель сообщает, что спустя многие годы слоны узнают в постаревшем человеке того, кто был их погонщиком в свои молодые годы» (Plin. HN V. 13-15).

Автор обнаруживает наличие у слонов особых ритуалов и почитание небесных светил – Солнца и Луны, приписывая этим животным человеческие качества. В подтверждение своих доводов Плиний приводит пример, что «...в лесистых местностях Мавретании стада слонов во время полнолуния сходятся к некой реке по названию Амилон и там, производя обряд очищения, торжественно обливаются водой; после этого, воздав почести светилу, они возвращаются в леса, пропуская вперед уставших детенышей» (Plin. HN I. 2).

По Плинию слоны очень исполнительные, если же у них не получалось следовать каким-либо приказаниям, то по ночам они оттачивали своё умение до совершенства: «Известно, что одного слона, который не сразу понимал отдаваемые ему приказания и частенько бывал бит за это плетьюми, ночью застали упражняющимся в отработке этих приказаний» (Plin. HN III. 6).

Автор «Естественной истории» передаёт заверения консула, что один слон выучил начертания греческих букв и мог писать: «Муциан, трижды бывший консулом, утверждает, будто один из слонов выучил начертания греческих букв и имел обыкновение писать на этом языке: «Я сам это написал и возвестил о кельтской добыче» (Plin. HN III. 6).

Совсем немыслимой кажется информация о том, что слоны умели ходить по канатам, даже спускаться и подниматься по веревкам, если те в свою очередь натянуты под углом (Plin. HN III. 6).

Плиний пишет, что впервые итальянцы увидели слонов во время Пирровой войны (280-275 гг. до н.э.). В Риме же они оказались, когда очень много слонов было захвачено у карфагенян на Сицилии в результате победы понтифика Луция Метелла. Тогда они использовались в цирках и были полностью истреблены в гладиаторских сражениях. Плиний объясняет это тем, что римляне не знали, что делать с этими диковинными животными, слоны у них вызывали презрение, как трофеи от поверженных врагов и поэтому они использовали их для своего развлечения (Plin. HN VI. 16, 17).

Однако для войска слоны имели большое значение. Они служили не только для помощи в перевозке боевых припасов, но также участвовали в боевых действиях и вселяли в противника ужас и страх своим видом. В связи с этим возник термин слоновость, обозначающий конкретные воинские подразделения, использующие войска на слонах¹.

В дикой природе слоны всегда ходят стадом: возглавляет строй старший, завершает второй по старшинству (Plin. HN V. 11).

Плиний описывает сразу несколько способов приручения слонов. В Индии погонщик на уже прирученном слоне хлещет кнутом другого слона, пока тот не потеряет силы, потом пересаживается на этого слона. В Африке слонов ловят при помощи ям. Автор также описывает способ ловли слонов с помощью траншей, в которые загоняли животных и морили их голодом, чтоб вызвать послушание. Существует информация о том, что некоторые люди для приручения слонов использовали алкоголь: «Попав в плен, слоны быстро приручаются, отведав ячменного напитка» (Plin. HN VIII. 24, 25).

Некоторые африканские племена ловили слонов для пропитания. Плиний Старший пишет о таком племени как троглодиты, которые питаются исключительно слоновьим мясом. Способ охоты у них таков: самые сильные и ловкие юноши залезают на деревья, растущие вблизи слоновьей тропы, и, высматривая последнего слона в колонне, прыгают ему на спину, хватая животного за хвост. Далее специальным топором человек племени обрезает сухожилия сначала на одной ноге, а потом, когда животное замедляется, на другой (Plin. HN VIII. 26).

В «Естественной истории» есть упоминание о змеях, которые нападали на слонов. Это были огромные пресмыкающиеся, которые пытались душиТЬ слона, кусали его в уши и в глаза. Обычно, в этой схватке не было победителя, умерший слон падал на землю и раздавливал противника своей тушей (Plin. HN XII. 33).

Таким образом, в книге о сухопутных животных слонам выделено особое место. О них Плиний Старший собрал больше всего информации, в сравнении с другими видами животных. Этому мог способствовать ряд причин. Во-первых, возможно, Плиний Старший восхищался этими животными, в подтверждение чему можно выделить большое количество эпитетов и примеров, их восхвалявших, поскольку слоны вызывали у многих

¹ Whitney W.D., Smith B.E. Elephantiasis // The Century Dictionary and Cyclopaedia: The Century dictionary. Ann Arbor, 1911. P. 2257.

людей восторженность и благоговение своими размерами и повадками. Во-вторых, видимо, к тому времени слоны были достаточно хорошо изучены, поскольку сохранилось много фактов и источников, упоминающих этих животных.

Если же говорить об энциклопедической традиции в целом, то, по словам отечественных исследователей И.Н. Семёнова и Ю.А. Скорина, в «Естественной истории» Плиния Старшего представлено плюралистическое расширение свода античных знаний, где встречались подчас противоречивые и даже взаимоисключающие точки зрения, проявилась доскональность и широта его компилятивно-философских взглядов¹. Тем не менее, фундаментальный труд Плиния Старшего послужил прообразом многих последующих энциклопедий в плане объёма, цитирования авторов тех или иных утверждений и наличия указателя содержания.

Конечно, Плинию, как и другим античным энциклопедистам, было присуще убеждение в таинственной взаимосвязи всего существующего, любовь к сверхъестественному, но, при этом, Плиний Старший был одним из главных проводников образованности в Риме в I в. и в последующие столетия.

ELEPHANT-EQUILIBRISTS OR ANIMALS IN THE ENCYCLOPEDIA TRADITION OF PLINY THE OLDER

A.D. Konovalova (Belgorod)

The article analyzes Chapter VIII of Pliny the Elder's "Natural History". There he gives a detailed description of overland animals. The definition of the encyclopedic tradition is given. The description of elephants is analyzed, to confirm some facts, excerpts from the text of the source are given. The author comes to the conclusions about the contribution of Pliny the Elder to the development of the encyclopedic tradition.

Key words: Pliny the Elder, encyclopedism, Natural history, elephants, animals.

ИЗУЧЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

А.А. Колотушкина (Белгород)

В статье проводится анализ отечественных исследований середины XX – начала XXI вв. на тему семейных отношений в Древнем Риме периода Империи. Автор выделяет основные аспекты изучения института семьи в императорском Риме в трудах историков и определяет проблематику, на которой сконцентрировано внимание отечественных учёных.

Ключевые слова: Императорский Рим, семья, положение женщины, власть отца, брак, историография.

Семья является базисом любого общества. Именно в семье формируются фундаментальные качества личности человека, моральные

¹ Семёнов И.Н., Скорин Ю.А. Энциклопедизм: вчера, сегодня, завтра.... С. 23.

установки, его характерные особенности развития. Взаимоотношения внутри семьи влияют на адаптацию человека в социальной среде, проецируют поведение в кругу общества и создают определённые представления об институте брака и семьи. Тема семейных отношений является ключевой для ряда исследований в области психологии, социологии, биологии, а также истории. Для понимания многих процессов семейного уклада, а также для определения изменения семейных устоев в жизни общества, специалисты обращаются к прошлому. Одной из исторических эпох, которые учёные исследуют с целью разрешения современных проблем, является Императорский Рим.

Тема древнеримской семьи находится в центре внимания исследователей 2-й половины XX века, проблематика семейных отношений сохраняет актуальность и обретает новые ракурсы в историографии современности. Представляется интересным сопоставить направленность изучения указанной темы в различные периоды развития антиковедения.

Одним из масштабных исторических трудов середины XX века, направленных на изучение института семьи в Древнем Риме, является книга Марии Ефимовны Сергеенко «Простые люди и повседневная жизнь древнего Рима». В ней автор на основе исторических текстов и археологических данных подробно описывает повседневную сторону римских жителей, акцентирует внимание на особенностях в воспитании детей, принадлежащих к разным социальным категориям. Автор отмечает, что в сенаторском или всадническом сословии с семи лет мальчики переходили под руководство отца, тогда как их сёстры оставались под покровительством матерей. Глава семьи учил своего сына военному искусству, основам сельского хозяйства, нравственным установкам, патриотизму и родовым традициям, а в возрасте 15-16 лет отец отдавал юношу под попечительство кого-то из крупных государственных людей¹.

Иначе дело обстояло с развитием мальчиков, принадлежащих к более низкому сословию. По мнению М.Е. Сергеенко, период детства молодого человека из крестьянской семьи заканчивался довольно быстро, так как необходима была помощь в ведении хозяйства. Что касается воспитания девушек, то, независимо от того, к какой общественной категории она принадлежала, её уделом становилась сфера семейного быта, однако степень обязанностей женщины в семье также имеет различие в зависимости от сословной составляющей. Если в воспитании детей в высших слоях общества участвовали оба родителя, то в бедной семье вся тяжесть взросления ребёнка и его образования ложилась на плечи матери².

Правовые аспекты семейных отношений стали предметом исследования В.М. Смирин – историка и специалиста по древнеримскому праву. В первой главе книги «Культура древнего мира» Виктор Моисеевич

¹ Сергеенко М.Е. Простые люди и повседневная жизнь древнего Рима. М., 2017. С. 170-171.

² Там же. С. 198, 212.

анализирует то, как отразились патриархальные представления римлян на нормативных источниках, в частности, на Институциях Гая. Так, при разборе элементов «собственного» права римлян, автор делает акцент на так называемой «отеческой власти», при которой жизнь детей, произведённых на свет в законном браке, была полностью подконтрольна именно римским гражданам¹. Более того, ссылаясь на записи Дионисия Галикарнасского, исследователь указывает, что тотальная власть отца над детьми была отличием римлян от греков: полноправный римский гражданин не мог иметь ничего собственного, пока жив его отец. Учитывая изменения «отеческой власти» в разные периоды истории Рима, автор обращает внимание на то, что, начиная с эпохи Августа, дозволенное применение насильственных наказаний над сыновьями сменялось использованием законодательных мер в урегулировании конфликта. Кроме того, В.М. Смирин обозначает характерную особенность института брака в римском обществе: «... эволюция римского брака касалась только одной его стороны – положения жены... и совершенно не сказывалась на специфическом положении детей, в нем рожденных, т.е. на аспекте, непосредственно связанном с самой целью законного брака...».

Таким образом, исследователь приходит к следующему выводу. В отличие от медленной эволюции «отеческой власти», являющейся одним из первоэлементов римского правосознания, развитие всех установлений, связанных с властью в области брака, было прогрессивным и вело к оформлению свободной формы брачного союза².

Выделяя такой аспект проблемы, как моральные устои семьи, следует указать на работу Г.А. Цветаевой «Рим: дом и частная жизнь», в которой автор определяет падение нравов как одну из причин потери тенденции продолжительных браков в аристократической среде. Историк замечает, что для укрепления семейных традиций были предприняты меры правового урегулирования, такие как издание ряда законов, при которых лица высших сословий должны были обязательно вступить в брак, а в случае неисполнения данных условий налагался штраф за безбрачие и бездетность женщин и мужчин с определённого возраста. Однако Г.А. Цветаева приходит к выводу о том, что, никакие попытки государства сохранить обычаи семейных отношений в среде аристократии, не приводят к желаемому результату, и остановить процесс падения нравственности в высших слоях Древнего Рима так и не удаётся³.

Более детально изменения семейных устоев в императорский период анализирует Н.А. Чаплыгина. Она выделяет другую причину в деформации фундаментальных семейных установок, а именно, изменение политической и экономической структуры с последующим отражением этих перемен на

¹ Смирин В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985. С. 23.

² Там же. С. 45-46.

³ Цветаева Г.А. Античная цивилизация. Рим: дом и частная жизнь. М., 1973. С. 247.

институте брака и семьи. При анализе законодательных мер, принятых во избежание моральной деградации, Н.А. Чаплыгина разбирает политику Августа, направленную на преобразования в сфере семьи, при этом критикуя их противоречивый характер, свойственный императору. Так, борясь с ростом разводов, сам правитель был несколько раз разведён. Исследовательница, описывая определённые сюжеты из личной жизни Октавиана Августа, возрождает образ верной жены и любящей матери, коими были мать и сестра императора. Н.А. Чаплыгина приходит к выводу о том, что в эпоху Августа, нравственность римского общества теряла свои устойчивые позиции, и обычаи семейной жизни также претерпевали упадок¹.

В работе Л.П. Кучеренко «Общественная жизнь, быт и досуг древних греков и римлян» большое внимание уделяется формам брака и их особенностям, описанию церемонии бракосочетания и обрядам, выполняемым на свадебных мероприятиях. Людмила Прокопьевна определяет, что развод в римской семье становится частым явлением, начиная уже со II в. до н.э.; исходя из этого, автор заключает вывод о том, что в эпоху Империи продолжительные и счастливые браки становились редким исключением по сравнению с общей картиной понимания семейных традиций в древнеримском обществе².

В соответствии с гендерным подходом в отечественной научной среде также поднимается проблема положения женщины в обществе и её роли в семейных отношениях.

И.Л. Маяк, опираясь на сочинения античных историков, поэтов и философов, воссоздаёт женский образ той эпохи и присущие ему характерные особенности. Исследовательница определяет место древнеримской семьи как самостоятельной хозяйственной ячейки общества, в которой супруга считалась матерью семейства со способностью выполнять несколько ролей в кругу родных и это объясняется тем, что семья была многопоколенной и объединяла всех родственников³. Ия Леонидовна, основываясь на исторических текстах Плутарха, обозначает ценность брака и необходимость уважения мужем супруги и почтительного отношения к ней. И.Л. Маяк делает вывод, что в республиканскую эпоху уделом жизни римлянок было ведение семейной жизни, а роль матери была очень почитаема в обществе⁴.

В работе А.А. Плюща также поднимаются вопросы, связанные с определением статуса женщин в древнеримской социальной среде. Александр Алексеевич определяет, что образцовой женщиной в Риме была та, которая всецело посвящала себя семейным обязанностям. При рассмотрении процесса бракосочетания, минимальным возрастом при выдаче девушки замуж исследователь обозначает 12 лет, объясняя такой выбор причиной ранней

¹ Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа. М., 1995. С. 107, 111.

² Кучеренко Л.П. *Общественная жизнь, быт и досуг древних греков и римлян*. Сыктывкар, 1996. С. 69-70.

³ Маяк И.Л. *Женщина в раннем Риме (V-IV вв. до н.э.)*. М., 1995. С. 91.

⁴ Там же. С. 101–102.

смертности и низкой продолжительности жизни в древнеримском обществе¹. По мнению автора, женщины в годы Империи стали намного свободнее своих предшественниц, принимая активное участие в экономической и политической жизни Древнего Рима, и эта тенденция несомненно отразилась на сокращении количества браков и частоты разводов. Таким образом, А.А. Плющ делает вывод о том, что патриархальная структура общества действительно ограничивала права женщин, особенно во времена ранней Республики, однако, по мере развития института брака и семьи женщины уже в начале императорской эпохи становились свободнее в своём выборе жизненного пути².

Подводя итог, следует отметить, что тема семейных отношений в римском обществе в период Империи довольно широко представлена в работах отечественных учёных второй половины XX – начала XXI веков. Историки анализируют как общие тенденции развития института семьи, так и проблемные процессы, зарождающиеся в жизни римлян данного периода.

Можно отметить следующие аспекты, выделенные в работах исследователей: особенности воспитания детей в различных слоях общества, специфика форм заключения брака и церемониал свадебной процессии, влияние власти отца на домочадцев, законодательная сущность института семьи. Важно, что всё более актуальными темами в исследованиях становится проблема нравственного упадка и потеря значимости семейных традиций в древнеримском обществе императорского периода и последствия этого явления, а также положение женщины в римском обществе и её роль в жизни супруга и ребёнка.

THE STUDY OF FAMILY RELATIONS IN ROMAN SOCIETY IN THE PERIOD OF THE EMPIRE BY RUSSIAN HISTORIANS OF THE MIDDLE OF THE XX – EARLY XXI CENT.

A.A. Kolotushkina (Belgorod)

The paper analyzes Russian research in the middle XX – early XXI centuries on the theme of family relations in ancient Rome during the Empire. The author highlights the main aspects of the study of the family institution in Imperial Rome in the works of historians, and defines the problematics on which the attention of Russian scientists is concentrated.

Key words: Ancient Rome, family, position of woman, power of father, marriage.

¹ Плющ А.А. О положении женщин в Древнем Риме // Молодой ученый. 2020. № 11 (301). С. 135.

² Там же. С. 136–137.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ АВРЕЛИЯ ВИКТОРА И ЕГО РАБОТ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.Т. Загидуллина (Белгород)

В данной статье анализируются труды современных историков, посвященных Аврелию Виктору и его работам. Выявлена проблематика, на которой концентрируются отечественные антиковеды. Автор приходит к выводу, что ключевыми направлениями, сохраняющими дискуссионный характер, являются авторство и оригинальность работ Аврелия Виктора, их литературное и историческое значение.

Ключевые слова: Секст Аврелий Виктор, малые историки, отечественная историография, поздняя античность.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в связи с растущим объемом и разнообразием исторических источников и обновлением теоретико-методологического инструментария возрастает роль историографии. Период Поздней античности находится в центре внимания исторической науки как эпоха переходности, соотносимая по степени и масштабу процессов трансформации с современностью.

Цель нашего исследования – изучить ключевые аспекты анализа работ Аврелия Виктора в современной отечественной историографии. В связи с историографическим характером работы в качестве источников выступают научные исследования – статьи и монографии, посвященные античному автору, а не собственно его сочинения. Наиболее значимые работы принадлежат В.А. Дмитриеву, П.Н. Лебедеву, Д.В. Карееву, Н.В. Мишурову. Мы используем историко-генетический метод, который позволяет проследить эволюцию взглядов на сочинения Аврелия Виктора, и историко-типологический метод для определения общего и особенного в исследованиях отечественных историков, посвященных его биографии и работам.

В.А. Дмитриев, как и большинство отечественных предшественников, полагает, что авторство Аврелия Виктора можно точно закрепить лишь за одним произведением – «De Caesaribus»¹. На вопрос о том, является ли данная работа Аврелия чем-то оригинальным, или же он черпает информацию из какого-либо источника, исследователи отвечают сходным образом, однако если Н.А. Дьяков считает, что Аврелий Виктор и Евтропий извлекают различную информацию из одного источника², а Е.Е. Шеховцова указывает: «Аврелий Виктор опирался на работы своих предшественников»³, то В.А. Дмитриев отмечает определенную степень оригинальности текста,

¹ *Дмитриев В.А.* Римская историография периода поздней Империи: основные жанры и представители // *Метаморфозы истории.* 2003. №3. С. 196.

² *Дьяков Н.А.* Взаимоотношения Римской империи и варваров в Европе в конце III – IV вв. М., 2009. С. 17.

³ *Шеховцова Е.Е.* Римские императрицы в освещении античных авторов // *Ярославский педагогический вестник.* 2015. №1. С. 25.

полагая, что сочинение Аврелия «не есть простое и бессвязное извлечение...», а переосмысление «крупных работ писателей предшествующей эпохи»¹.

Особо В.А. Дмитриев выделяет сочинение «Ерiтoмe», в котором первые 11 глав, по его мнению, являются извлечением из оригинального «De Caesaribus» («О Цезарях»). Историк полагает, что «Ерiтoмe» никак не может принадлежать Аврелию Виктору, так как в сочинении «отсутствует связное изложение – биографии императоров представляют собой отдельные и независимые друг от друга части; нет и моралистических сентенций, свойственных сочинению Аврелия Виктора»².

Д.А. Федченков также считает, что за Аврелием Виктором можно закрепить лишь одно произведение – «О Цезарях». Однако, в противовес позиции В.А. Дмитриева, исследователь утверждает, что «Ерiтoмe» не может являться извлечением из сочинения «О Цезарях». Он полагает, что в двух рассматриваемых произведениях практически нет «полных текстуальных совпадений»³, а совпадения в первых 11 главах встречаются из-за того, что оба автора пользовались одним источником – биографиями цезарей Светония. Кроме того, Д.А. Федченков считает, что сочинения не могут принадлежать одному писателю, так как «в одном из них на первое место выдвинуты различные судьбы правителей, в другом – личности их или их характеры»⁴.

Н.В. Мишуров в контексте проблемы авторства предлагает принципиально новую позицию: «De Caesaribus» и «Ерiтoмe» принадлежат одному автору – Аврелию Виктору. Основные аргументы Николая Владимировича в поддержку того, что «Ерiтoмe» можно считать творением Аврелия Виктора, следующие: различный стиль изложения «De Caesaribus» и «Ерiтoмe» не может являться убедительным доказательством того, что сочинения принадлежат разным авторам. Они написаны с интервалом в 35-40 лет, за это время стиль повествования Аврелия Виктора мог измениться⁵. Различный стиль изложения мог зависеть и от целей повествования. «Для «De Caesaribus» это оценка исторических деятелей, их действий и характеров, отсюда обстоятельность повествования, морализаторские и философские отступления, для «Ерiтoмe» – показ, в первую очередь, событийного ряда, отсюда фрагментарность и отрывочность. Вполне логично, что произведения разных жанров могут быть написаны в разном стиле у одного и того же автора»⁶.

Н.В. Мишуров полагает, что фактологические противоречия – не повод относить произведения к разным писателям. Опять же, в связи с тем, что

¹ Там же. С. 197.

² Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней Империи: основные жанры и представители. С. 196.

³ Федченков Д.А. От Антонинов к Северам: Система принципата на рубеже II–III вв. н.э. М., 2006. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Мишуров Н.В. К вопросу об авторстве работ, приписываемых римскому историку сексту Аврелию Виктору // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №3. С. 73.

⁶ Там же. С. 74.

написание работ имеет интервал в 35-40 лет, историк мог найти другие факты или изменить отношение к имеющимся. В «De Caesaribus» и «Epitome» «христианство не упомянуто ни единым словом». Аврелий Виктор с 361 г. на протяжении нескольких лет занимал высшие должности в Паннонии, примерно этим же временем и датируется написание «Epitome», поэтому Н.В. Мишуров отмечает очевидную деталь – в «Epitome» должны быть упоминания о данном регионе. Николай Владимирович отмечает, что предложенные сведения о «Паннонии из «Epitome» являются уникальными и у более ранних авторов, включая Евтропия, не встречаются»¹.

Таким образом, Н.В. Мишуров предлагает новое решение проблемы авторства работ Аврелия Виктора, закрепив за ним два сочинения: «De Caesaribus» и «Epitome». А что касается «De origine gentis Romanae» и «De viris illustribus», то единственным аргументом в пользу того, что они также принадлежат Аврелию Виктору, он считает тот факт, что данные произведения с добавлением «De Caesaribus» и «Epitome» «образуют хотя и краткую, но вполне целостную и хронологически полную картину римской истории с древнейших времён до второй половины IV в.»²

Помимо авторства работ остается дискуссионным вопрос об оценке их значимости. Примечательно, что современные исследователи оценивают труды Аврелия Виктора в различных направлениях: стиль написания работ, преемственность и информативность.

К примеру, К.В. Вержбицкий, рассматривая преемственность идей Тацита в трудах поздних римских историков (Аврелия Виктора, Евтропия), отмечает, что созданные Тацитом образы принцепсов (Тиберия, Калигулы, Домициана) сохранились в первоизданном виде в работах позднеантичных историков, то есть, данные образы стали «хрестоматийными»³.

И.А. Миролубов в ряде своих работ, во-первых, отмечает тот факт, что Аврелий и Евтропий хронологически ближе к Константину, но «менее информативны, чем ряд византийских авторов»⁴.

Большой интерес представляет диссертация Н.В. Бугаевой. В своей работе Наталья Владимировна ссылается на дореволюционного историка – Василия Ивановича Модестова, который отмечает «компендиозный, т.е. сократительный характер трех первых сочинений, лишаящий их всякой реальной ценности для занимающихся римской историей»⁵. Таким образом, Василий Иванович считает, что работы Аврелия Виктора, в силу их специфики, не представляют большой ценности для изучения позднеантичной истории.

¹ Там же. С. 75.

² Там же.

³ Вержбицкий К.В. Тацит как историк принципата // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. №3. С. 64.

⁴ Миролубов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. М, 2018. С. 156.

⁵ Бугаева Н.В. Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней латинской традиции. М., 2008. С. 20.

М.Н. Серафимов также придерживается уже сложившейся традиции в отношении данного вопроса: работы Аврелия Виктора «не имеют столь большой ценности, как труд Аммиана, но иногда в них встречаются отдельные ценные подробности»¹.

Д.В. Кареев и вовсе называет труд Аврелия Виктора сборником «различных моралистических анекдотов»².

Проанализировав труды современных исследователей, мы выявили, что ими в большей степени рассматриваются следующие проблемы: авторство работ, литературное и историческое значение, оригинальность работ Аврелия Виктора.

Большинство исследователей низко оценивают степень оригинальности работ Аврелия Виктора, отмечая его зависимость от трудов предшественников. Исключением является мнение В.А. Дмитриева, который считает, что текст построен на отборе и переосмыслении Аврелием Виктором содержания более ранних источников.

В.А. Дмитриев и Д.А. Федченков считают, что авторство Аврелия Виктора можно закрепить лишь за одним сочинением – «О Цезарях». Н.В. Мишуров предлагает принципиальную новую идею: Аврелий Виктор является автором двух работ «De Caesaribus» и «Epitome».

Н.В. Бугаева, ссылаясь на В.И. Модестова, полагает, что работы Аврелия Виктора «не представляют большой ценности для изучения позднеантичной истории». Подобной позиции придерживаются Д.В. Кареев и М.Н. Серафимов, хотя последний видит ценность деталей в текстах позднеантичного историка. К.В. Вержбицкий отмечает, что в трудах Аврелия Виктора образы принцепсов, созданные Тацитом, стали «хрестоматийными». По мнению И.А. Миролубова, работы Аврелия недостаточно информативны для изучения истории правления Константина.

KEY ASPECTS OF STUDYING THE PERSONALITY OF AURELIUS VICTOR AND HIS WORKS IN THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

D.T. Zagidullina (Belgorod)

This article analyzes the works of modern historians dedicated to Aurelius Victor and his works. The problems on which Russian antiquarians concentrate are revealed. The author comes to the conclusions that the authorship and originality of the works of Aurelius Victor, their literary and historical significance preserve the controversial nature.

Key words: Sextus Aurelius Victor, minor historians, Russian historiography, Late Antiquity.

¹ Серафимов М.Н. Римская армия в IV в. н. э. СПб., 2010. С. 23.

² Кареев Д.В. Историческая концепция Евтропия. М., 2001. С. 12.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – В 1-Й ПОЛ. XX ВВ.

Е.С. Сумаковская (Белгород)

В статье рассматриваются основные направления исследований произведения Аммиана Марцеллина. Сравняются ключевые аспекты работ по позднеантичному автору в период конца XIX – первой половины XX в., а также оценивается влияние особенностей исторического периода на подход исследователей к «Res gestae».

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Деяния, историк, историография, Res gestae.

В отечественной историографии первые значимые труды об Аммиане Марцеллине и его произведении «Res gestae» появляются к концу XIX века. Они были созданы Ю.И. Венелиным и Ю.А. Кулаковским и посвящены преимущественно филологическим аспектам позднеантичного текста.

Первым отечественным историком, всесторонне изучившим «Деяния» Марцеллина, стал Юлиан Андреевич Кулаковский. Он увлекался позднеантичной тематикой; соответственно, и сфера его научной деятельности была направлена именно на этот исторический период, в частности, на становление христианства. Совместно с А.И. Сонни в начале XX в. он осуществил перевод «Деяний», который впоследствии переиздавался ещё два раза. А.А. Васильев в рецензии по праву назвал труд Ю.А. Кулаковского по переводу «Res gestae», продолжавшийся в 1904-1908 гг., введением в «Историю Византии»¹.

В предисловии к первому изданию «Деяний», или же, как назвал их Юлиан Алексеевич, «Римской истории», переводчик даёт положительную оценку произведению². Ведь оно оказывается крайне значимым для изучения политической и религиозной жизни в поздней Империи³.

«История Византии»⁴ в трёх томах, является историческим трудом исследователя, посвящённым прошлому Византии с 395 по 717 годы⁵. В нём Ю.А. Кулаковский опирается на сочинение Аммиана Марцеллина. Преимущественно, антиковед ссылается на позднеантичного историка при рассмотрении личностей правителей и других значительных фигур, например, таких как Лупицин – магистр армии во Фракии, с которым Аммиан был лично знаком⁶.

¹ Цит. по: Пучков А.А. Юлиан Кулаковский и его «История Византии» в пространствах российского византиноведения // Кулаковский Ю.А. История Византии 395-518 годы. 3-е изд., исправ. и доп. СПб., 2003. С. 5.

² Кулаковский Ю.А. Предисловие // Аммиан Марцеллин. История / пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. Киев, 1906. С. 30.

³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки // СПб., 1999. С. 299-306.

⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии 395-518 годы. СПб., 2003. 492 с.

⁵ Грушевой А.Г. Ю.А. Кулаковский (1855-1919) и его «История Византии» // Кулаковский Ю.А. История Византии 395-518 годы. 2-е изд. СПб., 1996. С. 436.

⁶ Кулаковский Ю.А. История Византии... С. 151.

И если в «Истории Византии» Ю.А. Кулаковский использует труды Аммиана Марцеллина по большей степени для раскрытия темы личности в переломный период истории, то в ещё одной своей работе – «Избранные труды по истории аланов и Сарматии» – автор рассматривает географический¹ и бытовой² экскурс об алланах.

Важное значение имеют исследования Юрия Ивановича Венелина. В своих работах об истоках славянства и Руси он часто опирается на труд Марцеллина, особенно, на его описания гуннов и сербов (*shervingi*)³. Он производит тщательный лингвистический анализ этнических и географических наименований в «Деяниях», сравнивая их с теми, что описывали другие античные авторы, такие как Кесарий Назианзин или готский историк Иордан, называемый в трудах Ю.И. Венелина Иорнандом.

Славяновед выдвигает теорию о том, что гунны являются предками болгар⁴. В «Деяниях» Марцеллина автор находит подтверждение своей теории, касательно территориального расселения болгар (северный берег Азовского моря). Однако, описание Аммианом быта и внешности гуннов у Ю.И. Венелина не вызывает доверия, о чем он и пишет⁵.

Критическому анализу сведений позднеантичного историка о гуннах посвящена отдельная работа «Замечания на Аммиана Марцеллина»⁶. Автор по пунктам разбирает записи об этом народе и отмечает сомнительные, на его взгляд, аспекты быта, описанные Аммианом. В частности, крайне неправдоподобно, по мнению историка, звучит отсутствие необходимости гуннов в огне, так как сложно представить жизнь без тепла в условиях континентального и умеренно-континентального климата. Здесь же Ю.И. Венелин высказывает своё мнение о том, что начинать изучение позднееримской истории с «*Res gestae*» не стоит, однако признает важность этого произведения как дополнительного источника.

Иначе воспринимает «Деяния» историк 1-й половины XX в. Валентин Иванович Холмогоров, для которого этот текст является основным источником. Считается, что ученый стал одним из основоположников глубокого изучения военного устройства позднееримского периода в отечественной науке⁷. Именно поэтому он рассматривал Марцеллина в большей степени как военного историка.

¹ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетей, 2000. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства. М., 2011. С. 397.

⁴ Гвоздев А.В. Рецензия на книгу: Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства // Православно-славянская цивилизация в геополитических учениях Новейшего времени. М., 2016. С. 94-101.

⁵ Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства... С. 184–185.

⁶ Венелин Ю.И. Замечания на Аммиана Марцеллина: рукопись. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_010418727?page=1&rotate=0&theme=white

⁷ Банников А.В. В.И. Холмогоров и начало изучения позднееримской военной организации в отечественной историографии // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. №7. С. 535.

В своей статье «Римская стратегия в IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина»¹ советский историк по тексту «Деяний» выявляет последовательность военных действий и событий, касающихся стратегии римлян по защите от варваров, а также ее эволюции. В.И. Холмогоров выделял четыре основных причины изменений, способствовавших переходу к пассивному характеру обороны, а затем полному краху: три внутривосточных и одну внешнеполитическую.

Внешней причиной стало усиление натиска варваров на границы позднеримской империи. В.И. Холмогоров насчитывал 17 масштабных вторжений варваров за период, освещённый в дошедшем до нас сочинении «Res gestae» (353–378 гг.).

Внутренними факторами ослабления римской стратегии, согласно В.И. Холмогорову, стало, во-первых, общее состояние упадка в государстве, обусловленное историческими процессами перехода от античности к средним векам. Во-вторых, как подмечал советский историк, особую роль сыграли народные массы, отрицательно настроенные к идее защиты порядков, установленных государством. В-третьих, вытекающее из недовольства народа государством, революционное движение, образованное в тылу римской армии, начинает оказывать сильное давление на остальные войска, которые в итоге были зажаты, одновременно защищаясь от варварских атак и натиска революционеров².

Историк приходит к выводу о том, что стратегия римской армии в IV в. полностью демонстрирует нам состояние сильнейшего упадка, в котором находилось государство, охраняемое этой самой армией.

Следует отметить, что советский ученый пришёл к указанным выводам на основе марксистского подхода в анализе римской армии, аргументы, связанные с революционными настроениями, выглядят ныне идеологизированными и не вполне аргументированными. Однако, для современных исследователей позднеримской военной организации труд В.И. Холмогорова не лишился своей актуальности. Он затрагивает практически все аспекты римской стратегии, описанные Марцеллином.

Оценивая «Деяния» в контексте исторического труда, В.И. Холмогоров не отрицает наличия в них некоторых слабых сторон. Одним из важных «минусов» Валентин Иванович считает неточность в военной терминологии, но сам же советский историк объясняет, что «многое и весьма многое из приписываемых Аммиану недостатков следует отнести за счёт языка и реальных отношений современной ему эпохи»³. В.И. Холмогоров высоко оценивает «Res gestae» как исторический источник, подчёркивая, что для изучения позднеримской военной организации данный труд – даже ценнее чем

¹ Холмогоров В.И. Римская стратегия в IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. №3. 1939. С. 87-97.

² Там же. С. 97.

³ Цит. по: Банников А.В. В.И. Холмогоров и начало изучения позднеримской военной организации в отечественной историографии // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. №7. С. 535.

*Notitia dignitatum*¹ – ещё один фундаментальный источник для исследований советского историка.

В итоге, в конце XIX – 1-й половине XX вв. исследования были направлены на рассмотрение следующих аспектов труда Аммиана Марцеллина. Ю.А. Кулаковского в «Деяниях» особенно интересовали религиозные и военные экскурсы. В своих трудах Юлиан Андреевич упоминал Марцеллина в контексте проблем личностей правителей в ранневизантийской истории, а также, поднимал тему природно-географического и бытового описания народа аланов. Историк отмечал значимость «Деяний» в изучении позднеантичной истории. Ю.И. Венелин использовал труд Марцеллина как источник для своих исследований в сфере истории зарождения славянского мира. Основной проблемой, поднятой Ю.И. Венелиным при изучении Аммиана Марцеллина, стали гунны в контексте происхождения болгар. Стоит отметить, что в отличие от других исследователей данного периода славяновед значительно критичнее относится к «Деяниям», выдвигая их в ранг дополнительной литературы. В.И. Холмогоров углублённо изучал военные экскурсы у Аммиана Марцеллина. В своём труде, посвящённом военной стратегии римлян, продемонстрированной в «*Res gestae*», историк аргументирует центральную идею статьи – стратегия римской армии в IV в. находится в состоянии сильного упадка.

AMMIANUS MARCELLINUS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE END OF THE 19TH – THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

E.S. Sumakovskaya (Belgorod)

The article discusses the main areas of research on the work of Ammianus Marcellinus. The key aspects of works on the Late Antique author in the period of the late 19th – the first half of the 20th century are compared, and the influence of the features of the historical period on the researchers' approach to "Res gestae" is assessed.

Key words: Ammianus Marcellinus, Res gestae, historian, historiography.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ²

Е.В. Анохина (Белгород)

Данная статья посвящена анализу нормативных представлений о роли женщины в общественной жизни позднеантичного социума. Выявлено, что представление о женском поле как о слабом и несовершенном коррелирует с зафиксированными в законодательных актах постановлениями, ограничивающими деятельность римлянок в публичной сфере.

¹ *Notitia Dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis*. Bonn, 1839-1853.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV-VI вв.».

Автор приходит к выводу о том, что истинная цель данных норм – это не ущемление женского пола, а лишь стремление защитить как самих женщин от возможных опасностей, так и других от вреда, который мог быть нанесен окружающим не вполне осознанно, по причине присущих римлянкам феминных характеристик.

Ключевые слова: женщины, феминность, влияние, Поздняя античность.

В современном мире актуальной остается проблема соотношения провозглашаемых прав и степени реального участия женщин в процессе разработки и принятия политических решений, в том числе на высшем государственном уровне. Незначительное влияние женщин в этой сфере является следствием их малого количественного представительства в институтах власти. Статистические данные, приводимые Inter-Parliamentary Union, свидетельствуют, что за 2-ю половину XX в. процент присутствия женщин в законодательных органах власти в государствах, имеющих парламенты, в целом вырос в 4 раза, однако в половине стран с парламентским строем этот показатель не превышает незначительной цифры в 14%¹. Таким образом, в условиях декларируемого юридического равенства по факту распределение властных полномочий между женщинами и мужчинами остаётся неравным, что во многом является результатом сохраняющихся традиционных представлений о гендерных ролях. Истоки данных воззрений следует искать в обществах с патриархальным укладом. Социумом такого типа является и позднеантичный, на примере которого представляется возможным проанализировать характер традиционных представлений о месте женщины в публичной жизни.

Как утверждает, М.В. Григер, интерес людей древности никогда не был сосредоточен на проблеме равноправия мужчин и женщин, а сам вопрос о правовом равенстве полов – совершенно современная постановка проблемы². В связи с этим в нашем распоряжении на сегодняшний день имеется не так много нарративных источников, на основании которых мы могли бы судить о том, что римляне, жившие в эпоху Поздней античности, думали о взаимоотношениях между полами.

А. Арьява отмечает, что, согласно унаследованному образу мышления, в представлениях позднеантичных авторов женщины являлись представителями более слабой формы человеческой расы, с меньшими талантами и куда более серьезными недостатками³.

К аналогичному выводу приходит В.А. Дмитриев, анализируя гендерный аспект в работе Аммиана Марцеллина⁴, которого он называет

¹ *Беляева Г.Ф.* Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 144.

² *Григер М.В.* Правовой статус женщины в позднеантичных правовых документах (Институции Гая и раздел «Нашим» Мишны) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. № 19. С. 112.

³ *Arjava A.* Women and Law in Late Antiquity. N.-Y., 1996. P. 231.

⁴ *Дмитриев В.А.* Женщины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина: к вопросу о гендерных представлениях «последних римлян» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород, 2015. 13 (210). С. 31.

типичным представителем «последних римлян» – языческой интеллектуальной элиты¹. В связи с этим кажется закономерным, что автор «Деяний» обладает традиционным для классической эпохи взглядом на мир, когда мужчина и «мужское» воспринимается как «эталон», своеобразная «норма» человека, а женщина и все «женское» понимается как «особенность», специфика по отношению к «норме» человека – мужчине². Это проявляется, прежде всего, в употреблении им экспрессивно окрашенных выражений, негативная смысловая коннотация которых обусловлена свойствами, традиционно приписываемыми женской натуре. Так, императора Констанция II Аммиан Марцеллин упрекает за то, что тот сочетал «совершенную и простую» христианскую религию со «старушечьим суеверием» (*anilis superstitio*) (Amm. Marc. XXI.16.18), а некоторые поступки римлянок, приведшие к негативным последствиям, историк объясняет «женской глупостью» (*vanitas muliebris*) (Amm. Marc. XVIII.3.1)³.

Даже ведущие христианские авторитеты, которые пришли к выводу, что изначально оба пола были равны и способны на одни и те же добродетели, не смогли окончательно отказаться от мысли, что женщины так или иначе уступают мужчинам, ввиду своей иррациональности и моральной слабости. Например, Августин по-прежнему называл мужской пол «более предпочтительным» и «благородным», в то время как женщина описывается, как «слабая полом» (Aug. De Civ. D.6.9)⁴.

Подобные конфликтные тенденции прослеживаются и в работах Иеронима⁵. С одной стороны, христианский писатель был лично знаком со многими женщинами, чьи интеллектуальные достоинства открыто признавал⁶. С другой, его работы полны утверждений, которые современным деятелям вполне могли бы показаться женоненавистническими, хотя на самом деле они были частью общепринятого образа мышления в греко-римском мире. Так, в письме, адресованном Деметриаде, автор рассуждает о недостатках мужчин, в числе которых он видит высокомерие и презрение, но при этом Иероним отмечает, что «если все это верно для мужчин, то насколько это применимо к женщинам, чьи непостоянные и колеблющиеся умы, если их оставить наедине с собой, скоро вырождаются» (Hier. Ep. 130.17).

В пользу того, что идея о неполноценности женщин была все еще широко распространена в позднеантичную эпоху, свидетельствует замечание

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского. СПб., 1994. 558 с.

² Купервар Е.А., Севелова М.А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 82.

³ Дмитриев В.А. Ук. соч. С. 34.

⁴ Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 231.

⁵ Letters of St. Jerome / W.H. Fremantle, G. Lewis, W.G. Martley / From Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series. Vol. 6. Ed. Philip Schaff, Henry Wace. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1893.

⁶ Дьяченко Г.В. Переписка блаженного Иеронима с римскими женщинами: личность адресатов и основные темы // Сборник студенческих работ. М., 2011. С. 19.

Иеронима, фигурирующее в письме к Принципии, где автор, повествуя о деяниях римлянок, чья святость для него несомненна, допускает мысль о том, что читатель «может смеяться надо мной, потому что я так долго хвалил простых женщин» (Hier. Ep. 127.5).

В этой связи нужно попытаться установить соответствие между бытовавшими в позднеантичном обществе представлениями о феминности и юридическими нормами, фиксирующими роль женщины в публичной сфере жизни. Используемые нами кодекс Феодосия (V в.)¹ и *Corpus Iuris Civilis* (VI в.)² включают в себя как документы, аутентичные времени их составления, так и более ранние акты, которые, по мнению составителей, не утратили своей актуальности к моменту начала работ по кодификации³. Таким образом, как подчеркивает Дж. Кларк, мы имеем дело скорее с конгломератом юридических материалов, чем с последовательной правовой системой, что, безусловно, затрудняет выявление изменений в социальных установках, произошедших к наступлению эпохи Поздней античности⁴.

Примечательно, что и в кодексе Феодосия, и в своде Юстиниана обнаруживаются тексты Ульпиана – юриста III в. Более того, произведя отбор материалов для кодекса, Феодосий и его советники особо подчеркнули, что последним из великих юристов, чье мнение имело первостепенное значение, был именно Ульпиан (CTh 1.4.3). Традиционно работы этого юриста используются для получения информации о классическом праве, однако включение их в состав рассматриваемых законодательных сводов, по мнению Дж. Кларк, позволяет считать Ульпиана также представителем постклассического законодательства и привлекать созданные им труды в качестве источника, сообщающего об особенностях мышления позднелатинского общества⁵.

Соответственно, рассуждения Ульпиана по поводу того, что бывший префект имеет преимущество над женой бывшего консула, «так как в мужском поле заключается большее достоинство» (D. 1.9.1), закрепляют на законодательном уровне распространенное в позднеантичном обществе убеждение о неравнозначности мужчин и женщин ввиду присущих их полу физических и психологических характеристик.

Следует отметить, что подобное восприятие женщин, как созданий слабых и несовершеннолетних, повлекло за собой фиксацию в законодательстве некоторых правил, официальной целью которых являлась защита представительниц прекрасного пола. Так, еще в 46 г. сенат издал указ, вошедший в историю как Веллеянов сенатусконсульт, где говорилось, что женщины не могут брать на себя поручительство за других лиц по каким-либо

¹ The Theodosian code and novels, and the Sirmondian constitutions / C. Pharr, T.Sh. Davidson, M.B. Pharr. Princeton, 2001. xxvi, 643 p.

² Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М., 2008. 584 с.

³ Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. N.-Y., 1993. P. 8.

⁴ Ibid. P. 9.

⁵ Clark G. Women in Late Antiquity. P. 9.

делкам¹. Вхождение данного постановления в состав Дигест свидетельствует о том, что и в эпоху Поздней античности данное правило должно было соблюдаться.

Для нас важен следующий факт: римские юристы оценили Веллеянов сенатусконсулт как явно позитивную меру, которая была призвана помогать женщинам, а не ограничивать их². Так, Ульпиан, комментируя данное постановление, пишет, что необходимо «воздать хвалу заботливости знатнейшего сословия, ибо оно оказало помощь женщинам по причине слабости их пола во многих относящихся сюда случаях» (D. 16.1.2). Более того, если женщина изначально действовала с нечестными намерениями, действие закона на нее не распространялось, «ибо помощь оказывается обманутым, а не обманывающим», «заслуживает помощи слабость женщин, а не лукавство» (D. 16.1.2).

Таким образом, закрепленные в законодательстве ограничения и привилегии зачастую являлись двумя сторонами одной медали: запреты, накладываемые на активность женщины, объяснялись заботой о ней же, исходя из концепции её слабости (*imbecillitas*)³.

По мнению А. Арьява, общий смысл позднеримских законов, отражающих правовое положение женщин, может быть выражен следующим образом: пока женщины заботятся о своих собственных делах, с ними обращаются почти как с равными, ограничения же вступают в силу затем, чтобы предотвратить возможные попытки, противоречащие ожиданиям социума, играть более активную общественную роль⁴.

Возможно, именно в связи с этим фактом Папиниан, известный юрист классической эпохи (II в.), открыто признавал, что «по многим постановлениям нашего права женщины находятся в худшем положении, чем мужчины» (D. 1.5.9). Включение же данного изречения в состав Дигест позволяет предполагать, что к Поздней античности общая ситуация с правами женщин если и претерпела изменения, то весьма незначительные.

Так, из комментариев Ульпиана мы узнаем, что в позднеантичный период, как и ранее, совершенно исключалась возможность занятия женщинами каких-либо общественных должностей: «Женщины отстранены от всех гражданских и публичных обязанностей и поэтому не могут ни быть судьями, ни исполнять магистратскую должность, ни выступать с обвинением, ни выступать за другого в качестве посредника, ни быть чьим-либо поверенным» (D. 50.17.2)⁵.

Одним из немногих публичных мероприятий, которому уделено внимание в юридических источниках Поздней античности, являлся суд,

¹ Веллеянов сенатусконсулт // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1868866.html>.

² *Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 237-238.*

³ *Павлов А.А. Елизарова Е.Ю. Женщина в античном Риме: новые зарубежные исследования // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 3. М., 2002. С. 259.*

⁴ *Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 233.*

⁵ *Gardner J. Women in Roman Law and Society. Bloomington, 1991. P. 85.*

поэтому более детально проанализировать положение женщин в данной сфере можно на основании тех условий, которые выдвигаются к их возможному участию в судебных процессах.

В законодательстве Поздней античности прослеживается принцип, согласно которому женщины не должны вмешиваться в дела, затрагивающие интересы других людей, в первую очередь, мужчин. Из этой идеи вытекает ряд правил. Так, женщины не могли предъявлять обвинения по уголовному делу. Данное правило неоднократно провозглашалось на протяжении III столетия¹, а в 322 г. Константин закрепил его законодательно в том виде, в котором оно позднее вошло в кодекс Феодосия: «... Женщины не должны иметь право выдвигать уголовное обвинение, кроме как по конкретным причинам; то есть, если они принимают меры в связи с причинением вреда себе или своей семье, законы должны соблюдаться в старом порядке. Неправильно, когда женщины имеют право выдвигать обвинения по каждому вопросу. Но иногда в публичных судебных процессах случалось, что их показания или выступления в качестве обвинителя принимались. Адвокаты должны быть предупреждены о том, что им не следует, с целью получения прибыли, опрометчиво принимать в качестве клиентов женщин, которые могут полагаться на свой пол и спешить с незаконными действиями» (CTh 9.1.3)². Как мы видим, причиной подобного запрета служат некие «особенности пола», ввиду которых женщины способны совершать необдуманные поступки.

Более конкретное объяснение можно найти в другом акте Константина, предметом которого было похищение женщин для заключения брака, однако нас больше интересует любопытное замечание, переводимое следующим образом: «... именно из-за вины легкомыслия и непостоянства ее пола и суждений древние лица полностью исключали женщину из судебных процессов и из дачи показаний, а также из всех вопросов, касающихся судов» (CTh 9.24.1)³.

Безусловно, заявление о полном исключении женщин кажется преувеличением. Из процитированного выше постановления Константина (322 г.) явно следует, что женщинам не было запрещено выступать в суде в качестве свидетелей; по утверждению историков, в этом отношении слова женщин пользовались не меньшим доверием, чем слова мужчин⁴. Кроме того, римлянки, безусловно, могли давать показания⁵.

По мнению исследователей, причина данного противоречия может заключаться в неверном переводе латинского слова «*postulatio*» на современные языки⁶. В классическом праве оно, по-видимому, означало

¹ Ibid. P. 87.

² Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 7-8.

³ Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 234-235.

⁴ Томас Я. Разделение полов в римском законодательстве // История женщин на Западе: от древних богинь до христианских святых. СПб., 2005. С. 165.

⁵ Гуревич Д., Рансат-Шарлье М.-Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006.

⁶ Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 235.

«лично предстать перед судьей (например, претором) с иском или возражением». Вплоть до III в. это было неотъемлемой частью любого судебного разбирательства. Но стоит отметить, что в кодексе Феодосия данный термин часто применялся для обозначения деятельности адвокатов. Таким образом, слово оказалось связанным с представлением других в суде, поэтому, как считает А. Арьява, странная формулировка CTh 9.24.1 означает запрет для женщин действовать от чьего-либо имени¹. В любом случае, единственным объяснением налагаемых ограничений служат черты, присущие, по мнению их авторов, исключительно женщинам – легкомыслие и непостоянство.

Если активное поведение женщин в публичной среде противоречило как традиционным представлениям общества, так и нормам, закрепленным в законодательных источниках, возникает вопрос о том, какой образ жизни от них ожидался. Информацию об этом можно получить из трех других законов, принятых в ранний период правления Константина.

Эти тексты свидетельствуют, что женщин не следует принуждать к появлению в обществе. Например, соответствующая часть первого закона гласит: «У мужа должна быть свободная возможность вмешиваться в дела его жены... так что женщины не должны, под предлогом того, что им нужно заниматься делами, неугомонно и нагло оставлять свою женскую застенчивость и посещать собрания мужчин и суды» (CTh 2.12.21). Данный закон носит скорее рекомендательный характер, так как известно, что официально женщинам не запрещалось лично присутствовать при решении их дел в судебном порядке, хотя респектабельная матрона и имела возможность воспользоваться услугами представителя – мужчины, который мог выступить перед судом либо от ее имени, либо вместе с ней. А. Арьява отмечает, что с конца III в. до начала VI в. зафиксировано личное присутствие в суде 14-ти женщин, за тот же период 10 римлянок были представлены мужчинами².

Очевидно, что идеальный образ жизни, навязываемый женщинам обществом, предполагал их определенную изоляцию. Так, другой закон Константина запрещает судье по какому бы то ни было поводу заставлять женщину выходить из дома, где она пребывает в уединении «из соображений ее пола» (CTh 1.22.1).

Третий законодательный акт позволяет женщинам «из-за их скромности и застенчивости» в свое отсутствие подтвердить возраст посредством обращения к документам и свидетелям (CTh 2.17.1.1)³. По мнению исследователей, данные постановления не произвели радикальных изменений в действующем законодательстве. Возможно, они адаптировали ранее существовавшие принципы с учетом сложившихся обстоятельств или зафиксировали давно известные правила, которые не всегда соблюдались на практике⁴.

¹ Ibid. P. 236.

² Arjava A. Women and Law in Late Antiquity. P. 243.

³ Ibid. P. 243-244.

⁴ Gardner J. Women in Roman Law and Society. P. 87.

Таким образом, в восприятии позднеримского общества женщины по-прежнему оставались существами, не равными мужчинам ввиду особенностей их физического развития и психологического склада. Об этом свидетельствуют труды как представителя римской языческой элиты Аммиана Марцеллина, так и других авторов данной эпохи, которые, будучи христианами, не могли не признавать определенных женских достоинств, но при этом подчеркивали большее благородство и разного рода преимущества мужского пола. Более того, тексты Ульпиана, включенные в состав позднеантичных законодательных сводов, указывают, что подобное представление о неравенстве полов в рассматриваемую эпоху было закреплено на законодательном уровне.

Восприятие женщин как представителей несовершенного пола повлекло за собой фиксацию в законодательстве правил, которые вносили ограничения в их публичную деятельность. С одной стороны, данные нормы преследовали цель защитить женщин – заведомо слабых существ – от возможных опасностей. С другой, пресечь их попытки вмешиваться в публичные дела, вследствие чего могли бы пострадать интересы других людей, в первую очередь, мужчин. Так, согласно постановлению от 322 г., женщины были ограничены в праве предъявлять обвинения по уголовному делу. Согласно другому закону Константина, им не позволялось выступать в суде в качестве чьих-либо представителей. Объяснением налагаемых ограничений служат феминные черты – легкомыслие и непостоянство.

На основании постановлений, принятых в период правления Константина, можно реконструировать желаемый образ жизни, предлагаемый социумом женщинам. Из содержания трех проанализированных нормативных актов следует, что представительницам прекрасного пола, ввиду их природной скромности и стыдливости, предписывалось как можно реже покидать пределы собственного дома и не вступать в публичное пространство.

Историки полагают, что данные законодательные акты не произвели радикальных изменений в действующем законодательстве, а лишь закрепили нормы, которые и ранее были распространены в общественном сознании.

THE ROLE OF A WOMAN IN THE PUBLIC LIFE OF LATE ROMAN SOCIETY: A NORMATIVE ASPECT

E.V. Anokhina (Belgorod)

This article analysis normative ideas about the role of women in the public life of the Late Antique society. It was revealed that the idea of the female sex as weak and imperfect correlates with the decrees fixed in the legislative acts that restrict the activities of woman in the public sphere. The author comes to the conclusions that the true purpose of these norms is not the infringement of the female sex, but only the desire to protect women from possible dangers, as well as to protect other people from harm that could be caused by woman because of her feminine properties.

Key words: women, femininity, influence, Late Antiquity.

РОЛЬ КОСМЕТИКИ В ЖИЗНИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ

И.А. Зубкова (Белгород)

В статье исследуются способы применения косметических средств женщинами в период Поздней античности. Автор анализирует проблему отношения к косметике в трудах позднеантичного времени и более ранних, но близких по хронологическим рамкам источниках, и приходит к выводу об использовании женщинами косметики, несмотря на осуждение этого, связанное с христианизацией.

Ключевые слова: Поздняя античность, косметика, растения, повседневность.

Глобализационные процессы в современном мире проникают во все сферы жизни общества. Под влиянием глобализации оказалась и культура повседневности, в частности, «сфера услуг, которая включает в себя огромное количество разных видов коммерческой и некоммерческой деятельности, образующих отдельные отрасли. Одна из таких отраслей – индустрия красоты»¹, набирающая с каждым годом все большую популярность.

Затрагивая вопрос красоты, можно сказать, что еще с древнейших времен люди заботились о своем внешнем виде. «Красота человеческого тела волновала и волнует многих мыслителей – от античности до современности...»². Отражением внутреннего мира человека, его внутреннего «я», по мнению психологов, является внешность. Изменяя ее, люди удовлетворяют свою потребность в самовыражении.

Еще одной причиной популяризации индустрии красоты стало развитие производства косметических средств. Основной задачей косметики является совершенствование личности человека с точки зрения эстетики, поэтому косметические средства имеют выраженную ценность в повседневной жизни.

Косметические средства и их функции претерпевали изменения в разные эпохи в связи с трансформацией эстетических представлений. Такую тенденцию можно наблюдать в период Поздней античности, когда под влиянием христианства и идеалов, устанавливаемых христианской церковью, эстетические ценности изменились. Теперь в женщине поощрялись скромность и стыдливость.

«В отказе от излишних украшений, косметики и т.п. вещей христиане стремились усмотреть и обрести ту «естественную» красоту человека, в которой он был создан Художником-Богом, но утратил её с грехопадением»³. Считалось, что использование косметики, средств для сохранения красоты и молодости приводит к богохульству. Церковь осуждала заботы дам по наведению красоты, которое ассоциировалось с двумя грехами: гордыней и

¹ Грекова И.Е. Индустрия красоты в современном медиакультурном пространстве // Человек в мире культуры. 2017. №4. С. 109.

² Кириллова Н.Б. Трансформация «телесного канона» в условиях виртуализации социокультурного пространства // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2016. № 3. С. 4–5.

³ Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С. 20.

сладострастием. Использование косметики считалось препятствием, которое мешало женскому полу достичь истинной скромности.

Тертуллиан, один из наиболее выдающихся раннехристианских теологов, призывал женщин оставить заботу о своем внешнем виде. Достоинства тела не должны интересовать людей, их целью должно быть стремление к совершению добрых дел и, таким образом, украшение своей души. «А совершенной и целомудренной христианке следует, как вы знаете, не только не стремиться к привлекательности, но прямо ненавидеть ее. Во-первых, желание нравиться с помощью искусственных прикрас может происходить только от развращенного сердца. Во-вторых, не следует открывать путь искушениям, которые и без того нас часто смущают. Мы должны иметь наружность такую скромную, христианскую, чтобы совесть ни в чем не могла нас упрекнуть» (Tert. De cult. I, 4).

Церковный писатель Лактанций восхищался природой и естественной красотой человека: «Полное описание человека выливается у Лактанция в настоящий гимн человеку, целесообразности организации его тела, его красоте. Восторг и удивление Лактанция так велики, как будто он первым (а его устами – христианство впервые) открыл и увидел совершенство и красоту человека, как будто вся античность с культом человеческого тела и его красоты, насквозь пронизанная телесными интуициями, не знала этого»¹. Лактанций писал: «Неужели не удивительно то, что среди такого множества живых существ каждое животное обладает красотой, присущей его роду...» (Lact. De orif. 7:6). Но при этом церковный писатель отмечал, что создателем красоты человека является Бог.

Вместе с тем, источники позволяют говорить о том, что, несмотря на запреты и осуждения церкви, женщины не переставали следить за своим внешним видом. Как отмечают в своей работе Д.М. Букатова и Л.И. Колесниченко, внутренняя красота, несомненно, была важна, но она не должна была исключать красоту внешнюю². «Она (женщина) хотела быть красивой и обворожительной. Поэтому ей нужны были косметические средства – «медикаменты для лица» (medicamina faciei)»³.

В частности, источники позволяют говорить о том, что женщины использовали косметические средства, стремясь изменить цвет волос и добиться их пышности и красоты. В трактате Псевдо-Апулея содержатся соответствующие рецепты. Автор указывает: «трава каллитрика, растертая с маслом и намазанная на голову, окрашивает волосы» (Ps.-Apul. Herbarius XLVII, 2). Также при уходе за волосами автор советует использовать раствор из политрики, листья которой нужно смешать «с перцем в количестве девяти гран и семенами кориандра в количестве девяти гран» (Ps.-Apul. Herbarius LI, 1),

¹ Бычков В.В. Указ. соч. С. 12.

² Букатова Д.М. Культ прекрасной дамы как отражение средневековой концепции несовершенства женской природы // Знание. Понимание. Умение. 2017. №2. С. 101.

³ Гуревич Д. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006. С. 75.

и сок харакиаса, разновидности молочая, который не только укрепляет волосы, но и окрашивает их в рыжий цвет (Ps.-Apul. Herbarius CIX, 4).

В отрывке из «Похищения Прозерпины» Клавдия Клавдиана упоминаются такие косметические средства как «краска лидийская» и «сидонские румяна», которые призваны были убрать недостаток бледной кожи (Claud. Ratto di Proserpina, I. 270). Правда, поэт считает при этом естественный румянец предпочтительнее косметических средств, но не отрицает значения внешней красоты для женщины.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что женщины в позднеантичном обществе уделяли внимание о своей красоте. Существовали представления об идеале, к которому стремились женщины. Христианское понимание о греховности украшения тела не совпадало с желанием дам быть привлекательными внешне. Церковь, призывавшая к умеренности во всем, пыталась сдерживать такие намерения женщин, явно их осуждая. Однако, несмотря на наставления и призывы богословов, как и в иные исторические эпохи, дамы использовали косметические средства с целью стать красивее, что подтверждается данными источников.

THE ROLE OF COSMETICS IN THE LIFE OF A LATE ANTIQUE WOMAN

I.A. Zubkova (Belgorod)

The article explores the ways of using cosmetics by women in the period of Late Antiquity. The author analyzes the problem of attitudes towards cosmetics in the works of the Late Antiquity and earlier, but chronologically close sources, and comes to the conclusions that women use cosmetics, despite the condemnation of this, associated with Christianization.

Key words: Late Antiquity, cosmetics, plants, medicine, everyday life.

БОСПОР И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ГОРОДИЩА СЮЮРТАШ В III-II ВВ. ДО Н.Э.
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ИМПОРТНОЙ АМФОРНОЙ ТАРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2017-2021 ГГ.)**

А.С. Коровина (Белгород),
А.А. Супренков (Симферополь)

В статье рассматриваются торговые связи городища Сююрташ в III-II вв. до н.э. на основе найденной на этом памятнике керамической тары в период с 2017 по 2021 г. Авторами были применены статистические методы анализа керамического материала и сделаны выводы о направлениях торговых взаимоотношений населения городища. В исследовании были также рассмотрены вопросы места и роли данного поселения во внешней торговле Боспора.

Ключевые слова: Боспор, Сююрташ, керамика, амфора, импорт, торговля.

Внешняя торговля на протяжении всего существования Боспорского государства оказывала большое влияние на его становление и развитие. В период правления Перисада I (334/43 – 310/09 гг. до н.э.) торговые операции с внешними партнерами стали определяющим фактором его возвышения и укрепления.

Однако, из-за начавшегося в III в. до н.э. комплексного кризиса в Северном Причерноморье экономика Боспорского государства демонстрировала признаки деградации. Боспор в 1-й половине III в. до н.э. по видимому утратил контроль над обширными территориями, что стало результатом изменения его военно-политического положения. В результате этого резко снизились доходы боспорской элиты и правящей династии Спартокидов.

Кризисные явления оказали влияние и на поселенческую структуру страны. А.А. Масленников, автор одного из последних исследований по данному вопросу, ссылаясь на работу Н.Ф. Федосеева¹ датирует начало кризиса 288 г. до н.э.² Но, нужно отметить, что кризисные явления возникли несколько раньше, уже на рубеже IV–III вв. до н.э.

На Азиатском Боспоре в этот период происходит резкое падение объема амфорного импорта, который частично восстановился только к 3-й четверти III в. до н.э. На уровне градостроения в этот период смену неукрепленным поселениям приходят усадьбы. На Европейском Боспоре, в отличие от Азиатского, основанные в кризисное время поселения были преимущественно укреплены оборонительными сооружениями. На многих из них был

¹ *Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма: Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 170-175.

² *Масленников А.А.* Хора Боспора в III-II вв. до н.э. // Российская археология. 2020. № 1. С. 79.

обнаружен несколько более ранний материал – рубежа IV-III вв. до н.э. Это свидетельствует о том, что поселенческая структура Восточного Крыма очень быстро перестроилась, хронологический отрезок между существованием докризисной системы поселений и формирования новой был минимален. Он составлял, по мнению Н.Ф. Федосеева, не более десятилетия¹. Очень крепкие и мощные оборонительные стены возводятся очень быстро, и это контрастирует с примитивной жилой застройкой данных городищ. Самый яркий пример – городище Золотое Восточное – Сьюрташ².

Античное городище Сьюрташ датируется III–II вв. до н.э. и располагается в 5 км от населенного пункта Золотое на Караларском побережье Крымского Приазовья. Впервые данный памятник начал исследоваться в 50-х гг. XX в. отрядом Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой, хотя о нем было известно еще в XIX в. Затем исследования проводились в промежутки с 1989 по 1992 гг. Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА РАН, под руководством А.А. Масленникова. С 2010 г. по настоящее время городище изучается А.А. Супренковым, научным сотрудником Института археологии Крыма РАН³.

О том, как экономически развивалось данное городище, и какие торговые связи оно имело в рассматриваемый период, известно по находкам фрагментов амфорной тары. Для изучения этого вопроса были взяты материалы исследований последних пяти лет (2017–2021 гг.) (см. табл. ниже).

Таблица. Количественные показатели фрагментов амфорного материала, полученного в результате исследований городища Золотое-Восточное (Сьюрташ) в 2017–2021 гг.

Наименование центра		2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Фрагменты профильных частей амфор	Синопа	96	196	136	-	72	500
	Родос	22	119	39	-	39	219
	Кос	-	15	7	-	5	27
	Колхида	1	8	5	-	5	19
	Гераклея	7	5	1	-	-	13
	Фасос	1	-	-	-	5	6
	Хиос	-	1	-	-	-	1
	Всего	127	344	188	-	126	785
Фрагментов стенок амфор		2738	7649	3899	-	2347	16633

В период III–II вв. до н.э. на городище Сьюрташ тарная керамика поступала из самых разных мест античного мира. Об этом свидетельствуют

¹ Федосеев Н.Ф. Указ. соч. С. 175.

² Масленников А.А. Ницета и мощь фортификации // Північне Причорномор'я за античної доби: На пошану С.Д. Кржижцького. Київ, 2017. С. 210–221.

³ Супренков А.А., Прокопенко С.Н., Требухина Н.Ю. Городище Золотое Восточное в Крымском Приазовье: краткие результаты работ 2010–2018 гг. // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Севастополь, 2019. С. 256.

находки фрагментов амфор на данном памятнике. При анализе данных амфорного материала, представленных в таблице, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, население исследуемого городища имело опосредованные торговые контакты со следующими античными центрами: Синопа, Родос, Кос, Колхида, Гераклея, Фасос, Хиос. При этом, единичные находки амфорного материала последних двух центров заставляют усомниться в устойчивых экономических связях городища с ними.

Во-вторых, количество фрагментов амфорной тары, обнаруженной на городище из Синопы и Родоса, явно свидетельствует о том, что именно эти центры являлись основными торговыми партнерами населения Золотого-Восточного в III–II вв. до н.э. Фрагменты профильных частей амфорного материала из этих двух центров составляют около 92% от общего числа подобного материала, обнаруженного на городище. Это полностью согласуется с данными по другим городам и поселениям Боспора указанного времени.

В отмеченный период III–II вв. до н.э. основными центрами, поставляющими продукцию в амфорной таре на Боспор, были Синопа, Родос и Кос. В эллинистический период остров Родос вел очень активную торговлю с Северным Причерноморьем, откуда родосские купцы вывозили хлеб. Вместе с тем, через посредничество Родоса в Северное Причерноморье и на Боспор в этот период шли самые разные изделия из Александрии в Египте (стеклянные изделия, керамика и др.)¹.

Единственное отличие на данном памятнике состоит лишь в том, что амфорный материал из Синопы явно доминирует в сравнении с материалами с Родоса. Общее количество обнаруженных профильных частей амфор из Синопы более чем в два раза превышает количество материала с Родоса. Это может свидетельствовать о сохранении и торговых контактов Боспора, сложившихся в докризисный период. Масштабный импорт из Синопы сложился еще в IV в. до н.э. и, как показывают результаты исследования, он был актуален на протяжении III–II вв. до н.э.

Таким образом, подводя итог исследования, можно отметить, что торговые связи городища Сюурташ соответствовали обще-боспорским тенденциям развития торговли в рассматриваемый период, и полученные результаты не противоречат предыдущим выводам авторов исследования памятника, полученным за предыдущие годы.

**TRADE RELATIONS OF THE SETTLEMENT OF SYUURTASH IN THE III-II CENT.
BC BASED ON THE ANALYSIS OF IMPORTED AMPHORIC CONTAINERS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE 2017-2021 RESEARCH)**

A.S. Korovina (Belgorod),
A.A. Suprenkov (Simferopol)

¹ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. Л., 1949. С. 87-88.

The article examines the trade relations of the settlement of Syurtash in the III-II centuries BC based on the ceramic containers found on this monument in the period from 2017 to 2021, the author applied statistical methods of analyzing ceramic material and drew conclusions about the direction of trade relations of the population of the settlement. The study examined the issues of the place and role of the settlement in the foreign trade of the Bosphorus.

Key words: Bosphorus, Syurtash, ceramics, amphora, import, trade.

ПОЯВЛЕНИЕ АЛАН В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

С.В. Шова (Тула)

Статья посвящена сложному вопросу в исторической науке, а именно появлению алан в Северном Причерноморье в I в. н.э. Анализируя письменные источники, автор приходит к выводу о том, что в распоряжении исследователей имеется достаточное количество информации, чтобы реконструировать историю алан в I в. н.э., а также отметить пути их основных миграций и военных походов. Однако без учета археологического материала исследование не может быть осуществлено в полной мере.

Ключевые слова: аланы, Северное Причерноморье, историография, антропология, письменные источники.

Аланы – народ, известный по памятникам древности и средневековья с I по XV века¹. Историю этого народа довольно сложно воссоздать по письменным источникам, в первую очередь, из-за удаленности мест расселения алан от основных центров цивилизаций. Однако исследователи не оставляют попыток реконструкции.

К примеру, для того, чтобы точнее определить время появления алан на территории Северного Причерноморья, они используют различные группы источников, в том числе и вещественные. Тем не менее, даже комплексный подход в подобных исследованиях проблематичен вследствие высокой изменчивости материальной культуры кочевых обществ во времени. Так, аланы при движении на запад позаимствовали многие приемы и элементы у джетасарцев².

Что касается письменной традиции, то аланы здесь безмолвны. Во многом ход событий помогают реконструировать сочинения античных авторов. Но подобные тексты зачастую тенденциозны и фрагментарны, и все же только благодаря им этот народ не остался в неведении. Этническое наименование «аланы» появляется у античных авторов в I в. н.э. Впервые же его упомянул философ Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н.э. – 65 г.) в тексте пьесы «Фиест» (Luc. An. Sen., Th., 627-631). Тот факт, что название нового народа всплывает именно в литературном произведении, говорит о его известности современникам автора: «Что это за страна? Аргос и Спарта,

¹ *Перевалов С.М.* Аланы // РИЭ. М., 2015.

² *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бобин Р.М.* Восточный поход Нерона: новое решение старой проблемы // МАИАСП. 2022. № 14. С. 278.

получившие по жребью благочестивых братьев, и Коринф, стоящий у заливов двух морей, или здесь Истр, представляющий пути к бегству диких алан ...».

Из отрывка произведения видно, что аланы в своих набегах не только достигли Истра, естественной границы Римской империи, но и пересекли его, потревожив провинции средиземноморского гегемона на Балканах. Но данных о месте, откуда происходили эти вторжения, нет. Следовательно, невозможно точно определить территорию их обитания. Не может дать ответ на этот вопрос и Марк Анней Лукан в эпической поэме «О гражданской войне», написанной в начале 60-х годов I в. н.э., посвященной войне между Цезарем и Помпеем, разразившейся в 40-х годах I в. до н.э.

В поэме Лукана аланы упоминаются дважды. В первый раз, когда Помпей, обращаясь к Дейотару, говорит: «...если я, в то время как стремился к Каспийским запорам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов, предоставил вам, парфяне, широко разбегаться по ахеменским равнинам и никогда не загонял робких в безопасный Вавилон» (Luc., VIII, 215-225). Второй раз, когда автор описывал злоключения Цезаря в Египте: «Тот, кто был убежден в своем непомерном успехе, Здесь перед рабами дрожит и копьями ныне засыпан В самом дворце; на кого не шли ни аланы, ни скифы, Ни даже мавр, кто шутя мишенью делает гостя...» (Luc., X, 450-455).

Лукан писал не исторический трактат, а художественное произведение с исторической основой. Но, как поэт, он мог позволить себе некую вольность в повествовании, расставить акценты на кажущиеся субъективно важные ему факты или же ввести нечто выдуманное, не имеющее ничего общего с реальной канвой повествования. Ярким примером подобному положению дел служит песнь VII (Luc., VII, 60-85), а точнее описание обращение Цицерона к Помпею перед началом битвы при Фарсале, где первого не могло быть в то время. Поэтому можно сделать вывод о том, что именно творческая свобода автора стала причиной появления алан на страницах поэмы.

Гай Валерий Флакк, римский поэт I в. н.э., также упоминает алан в своей «Аргонавтике» – поэме, написанной в 70-80-х годах. Данное произведение является своеобразной интерпретацией греческого мифа. Флакк пишет: «Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам, и свирепых гениохов. Увы, он не знал, в чертог какого чудовища стремился войти, и какой ужас предстоял ахейским городам, будучи сам приятнее богам и счастливее в холостом дворце» (Val. Flacc., Arg., VI, 40-50). Из приведенного отрывка можно сделать вывод о том, что Анавсий («ненасытный»¹) является предводителем и алан, и гениохов; Флакк считал Анавсия аланом, не только военачальником, но и верховным правителем. К сожалению, доподлинно неизвестно, какие масштабы были у подвластной ему территории. Но если опираться на текст Флакка, то ойкумена алан явно

¹ Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Менцниереба, 1966. С. 80.

располагалась на восточном побережье Черного моря, севернее Колхиды и в непосредственной близости от племени гениохов.

Произведение Валерия Флакка имеет огромную ценность для исследователей, поскольку при описании упомянутых народов автор приводит множество деталей этнографического и бытового характера, которые он использует в собственной свободной манере.

Аналогичным образом оценивая труд Флакка, нельзя не согласиться с мнением М.И. Ростовцева, который считал, что «у него был ряд заметок этнографического содержания частью в памяти, частью в записи, ряд отдельных характеристик и красивых черт без точных указаний на тот или другой народ, и этот ряд заметок Валерий Флакк причудливо вплел в свою хорографию»¹.

Многие историки (П.Д. Рау, К.Ф. Смирнов, Ю.С. Гаглойти) видят в текстах этих авторов если не подтверждение появления алан на исторической арене во времена Помпея, то, по крайней мере, неопровержимое доказательство их присутствия на Кавказе в середине I в. н.э. Однако эти утверждения достаточно смелы, и вышерассмотренные фрагменты свидетельствуют не более чем о широкой известности алан римскому обществу середины I в. н.э.

Сама проблема появления алан в Причерноморье рассматривается исследователями обычно в зависимости от тех концепций, которых они придерживаются в отношении их происхождения. Одни – сторонники автохтонного происхождения алан – считают, что их предки появились в Понтийских степях задолго до того момента, когда они попали в поле зрения античных авторов. Другие же исследователи полагают, что начало упоминания в письменных источниках и реальное появление алан в Причерноморье не столь сильно различаются по времени.

Так, С.В. Ярцев в своих исследованиях подчеркивает, что дата появления алан в Северном Причерноморье довольно расплывчата, но миграционный импульс с востока являлся решающим фактором для формирования аланской культуры². Впервые отмеченные в «Естественной истории» Плиния Старшего аланы, по всей видимости, появились в Северном Причерноморье приблизительно между 49 и 79 гг. Более точное время, по его мнению, определяется рассказом Иосифа Флавия о вторжении в 72 г. алан на территорию Закавказья и Ирана. Исходя из содержания текста, уже какое-то время «жившие вокруг Танаиса и Меотийского озера» аланы договорились с царем гирканов для того, чтобы он открыл им проход в Парфию, укрепленный ещё Александром Македонским (Jos. Flav., de Bell. Jud., VII, 244-251). В результате этого, пройдя сквозь лежащую к югу от Каспийского моря Гирканию, аланы разграбляли вначале Мидию, а потом Армению.

Не исключено, что союзные отношения могли быть установлены еще во времена Нерона, когда аланы только вышли к границам Гиркании. Возможно,

¹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 62.

² Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бобин Р.М. Ук. соч. С. 279.

что уже тогда каким-то группам восточных кочевников удалось проникнуть далеко на запад через территорию Гиркании и других сопредельных областей. В таком положении дел не приходится сомневаться, учитывая заинтересованность римлян в новых союзниках для борьбы с парфянами. Если это так, то именно на них должны были ориентироваться те группы алан, которые позже прокладывали себе путь на запад. Все это дает нам возможность прояснить некоторые загадочные обстоятельства похода 72 г., когда аланы, явно демонстрируя хорошее знание незнакомой по сути местности, довольно уверенно обошли с юга Каспийское море через территорию Гиркании и, успешно преодолев Кавказские горы, вторглись в степи Приазовья и Северного Кавказа¹.

Направление маршрута свидетельствует в пользу того, что аланы двигались из района Азии, куда и «возвратились» обратно. Именно обход с юга Каспийского моря среднеазиатскими аланами объясняет фактор их внезапности. Следовательно, основная масса алан к 72 г. все еще находилась к востоку от Каспия. Это соответствует сведениям Птолемея, в тексте которого, помимо приазовских алан-скифов к востоку от Волги, фигурируют еще и некие аланорсы. Если аланы к указанному времени уже и появились в районах Нижнего Дона и Приазовья, то, судя по полному молчанию источников, они еще не контролировали земли Северного Кавказа, не говоря уже об отдаленных территориях в междуречье Южного Буга и Днестра.

Предположение о том, что аланы могли появиться на Кавказе еще до событий 72 г., косвенно подтверждают и некоторые другие источники. Так, перемещение народов из районов черноморского побережья между современными городами Новороссийском и Сочи по направлению к Абхазии и далее на юго-восток могло состояться и по причине появления в этих регионах новых выходцев с востока. Однако, допуская возможность нашествия аланов, мы должны учитывать отсутствие приемлемого сухопутного пути вдоль северо-восточного черноморского побережья. Данное обстоятельство вместе с наличием непроходимых зарослей в прибрежной зоне не позволяет согласиться с предположением о появлении здесь каких-то враждебно настроенных варваров.

Таким образом, трудно представить алан этого периода ведущей силой Барбарикума Причерноморья. В дальнейшем, когда аланы, будучи союзниками боспорских царей, участвовали в боспорских походах против крымских скифов, чеканка монет варварских царей не производилась. Все это означает, что требование для себя указанной особой привилегии не являлось характерным для аланских вождей.

Возможно, именно аланы должны были выйти в северокавказский регион, покорив народы северо-восточного побережья и обеспечив в дальнейшем защиту северных территорий новой провинции Понт, в состав которой решено было включить и Боспорское царство.

¹ Ярецев С.В., Зубарев В.Г. Римская военно-политическая стратегия в Северном Причерноморье во время правления императора Веспасиана // *Tractus Aevorum*. 2020. №7 (1). С. 39-64.

Другой ученый, С.М. Перевалов, отмечает, что появление алан в Восточной Европе является следствием их усиления внутри северокаспийского объединения кочевых сарматских племён, возглавляющихся аорсами. К концу I века н.э. как аорсы, так и сираки признали главенство алан¹.

С.М. Перевалов специально обратился к вопросу о первом упоминании алан в сочинении Иосифа Флавия «Иудейские древности», отметив односторонний подход большинства отечественных исследователей к наследию этого автора. Как это ни странно, но С.М. Перевалов первым в нашей литературе достаточно подробно рассмотрел проблему, связанную с существованием двух вариантов издания «Иудейских древностей» на греческом и латинском языках, причем латинский вариант является переводом с греческого оригинала.

По его наблюдению, аланы как союзники иберов упомянуты еще в описании иберо-парфянской войны 35 г. Иосифом Флавием (Ant. Jud. XVIII. 97; ср. Tac. Ann. VI. 33-35). Но само использование иберами и их соседями албанами в военных целях сарматских племен имеет более давнюю традицию: об этом как о постоянной практике пишет Страбон (XI. 4.5; ср.: Tac. Ann. VI. 33). Информация Страбона, свободная от обычных стереотипов восприятия варварских племен, пользуется у историков доверием.

Отметим, что ни Страбон, ни Тацит в описании событий 35 г. не уточняют имени сарматов, северных соседей иберов: ни тот, ни другой не говорят, что ими были аорсы, сираки или какие-то другие племена, хорошо им известные (Strabo. XI. 2. 1; V. 7-8; Tac. Ann. XII. 15-19). Надо полагать, что в последние века до н.э. и в I в. н.э. к северу от входа в Дарьяльское ущелье обитала особая, не относящаяся к аорсам или сиракам, группа сарматских племен. То, что этими сарматами были аланы, мы узнаем у Иосифа Флавия, работавшего в иной, нежели Страбон и Тацит, традиции.

Таким образом, письменных источников по теме достаточно, и нужно с помощью археологического материала подтвердить сведения традиции и реконструировать историю этого кочевого народа.

THE APPEARANCE OF THE ALANS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION ACCORDING TO WRITTEN SOURCES

S.V. Shova (Tula)

Abstract: The article is devoted to a complex issue in historical science, namely the appearance of the Alans in the Northern Black Sea region in the I century AD. Analyzing written sources, the author comes to the conclusions that researchers have enough information at their disposal to reconstruct the history of the Alans in the I century AD, as well as to note the ways of their main migrations and military campaigns. However, without taking into account an archaeological material, the research, according to the young scientist, cannot be carried out.

Keywords: Alans, Northern Black Sea region, historiography, anthropology, written sources.

¹ *Перевалов С.М. «Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья проблемные вопросы» // Античная цивилизация и варвары. М.: Наука, 2006. С. 325-328.*

ТАФРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ

В.Э. Большаков (Тула)

В статье на основании античной литературной традиции рассматриваются основные теории этнической идентификации и локализации предполагаемого народа тафриев. Анализируя письменные и материальные источники, автор приходит к выводу о том, что тафрии являлись военными поселенцами, которые составляли военный гарнизон боспорских оборонительных сооружений, простиравшихся от северо-запада до востока полуострова.

Ключевые слова: Тафрии, Крым, Боспор, Асандр.

В контексте этнической истории Крымского полуострова времён Боспорского царства наибольшее количество вопросов существует относительно идентификации населения Восточной Таврии, известного в некоторых источниках как «тафрии». В отличие от других народов, населявших Крым к I в. до н.э., сведения о них у античных авторов крайне скудны и ограничиваются несколькими упоминаниями.

Основанием для выделения историками народа тафриев как такового служит сообщение Страбона: «...за мысом находится значительный залив Каркинитский... жители побережья называются тафриями» (Strabo. VII. 3, 19). Оно же, впрочем, и единственное, где они упоминаются как этноним.

Плиний Старший, хотя и не упоминает их напрямую, сообщает о городе Тафр, название которого могло перенестись на этническое имя исследуемого народа: «На побережье от Каркины расположены города: Тафры – на самом перешейке полуострова...» (Plin. NH. IV, 85). «Длина Боспора Киммерийского – 12500 шагов... а по Меотиде от конца перешейка, или той местности, которая называется Тафрами, до устья Боспора считается в длину 260000 шагов. От Тафр по направлению внутрь материка живут авхеты...» (Plin. NH. IV. 87–88).

Незначительные упоминания тафриев, с привязкой на их возможную ойкумену, но без приблизительного описания быта, обычаев и культуры данного народа, в отличие от прочих племен, упомянутых в указанных источниках, представляется нам не случайным. Возможно, тафрии – это не этническое имя народа, а деноним населения определенной местности (зоны обитания), которую локализовать по одному лишь нарративу без привязки материальной культуры достаточно трудно.

Размещение города Тафр на Перекопе у Плиния вызывает сомнение в достоверности из-за невозможности определения ориентиров, на которые он опирался. По Птолемею, город Тафр расположен «внутри Таврического Херсонеса» (Ptolem. III. 6, 5). Но, из-за его искажённых представлений о географии Крыма, доверять этим сведениям в полной мере не стоит¹.

Тафры как местность также фигурируют у автора небольшого географического трактата I в. н.э. Помпония Мелы: «...Затем море... придает

¹ *Зубарев В.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 31–35.

почти вид острова местности (Крымскому полуострову), занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив – Каркинитский» (Mela. II. 4).

Более поздние письменные источники по данной теме ограничиваются лишь сообщением Стефана Византийского, которое, по нашему мнению, тоже неоднозначно. «Тафры, и в единственном числе Тафра – страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами, или живущие по всю сторону Истра, как рассказывает Каллистрат в третьей книге... эту страну-де заселили саторхеи» (Stephan. Byzant. EQS).

Такая неопределённость объясняется тем, что слово «тафр» с древнегреческого переводится как «ров»¹. Такое положение дел ввиду большого количества искусственных земляных укреплений на северо-западе и востоке Крыма сильно усложняет локализацию ойкумены тафриев. Впрочем, в широком смысле этот термин может распространиться вообще на весь степной Крым. Вот почему у Страбона тафрии – это жители западного побережья Крыма, а у Птолемея город Тафр расположен внутри полуострова.

Тот факт, что тафрии, скорее всего, являлись жителями укреплений при рвах, а также предположительно были современниками Страбона, в первую очередь, заставляет думать о них, как о военных поселенцах. Это, в свою очередь, если учитывать политику боспорского царя Асандра по найму местных варварских народов² к себе на службу, вносит некую ясность в отношении этнической принадлежности тафриев. Скорее всего, они представляли некую полиэтническую, родственную поздним скифам, варварскую группировку в регионе.

Подтверждают такое положение дел и археологические находки на поселениях. Так, жители поселения Полянка, судя по характерной застройке и лепной керамике, оказались родственны позднескифскому населению Центрального Крыма. Не противоречит данному выводу и лепная керамика, найденная в боспорской крепости в Кутлакской бухте³. Поэтому можно утвердить, что гарнизоны боспорских крепостей и башен состоял из тавроскифов⁴.

Данная проблема представляется более сложной, вследствие того, что тафрии (если соотносить с ними материал, происходящий из мест, связанных

¹ Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // Советская Археология. 1981. №3. С. 63.

² Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 92–93.

³ Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 254–264.

⁴ Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские Исследования. 2004. Вып. VI. С. 16.

с термином «тафрос», и мест, где несли службу варварские гарнизоны¹) являлись не просто полиэтничными выходцами из варварской среды, а исключительно воинами тавроскифами, которых не могло быть много.

Таким образом, главным вопросом в определении сущности тафриев является степень их обособленности от остальных варварских племён и подданных боспорских царей. От узкой этносоциальной общности, чья служба и образ жизни оставила глубокий след на их культуре и нравах (наподобие казаков в России), или обобщённого названия слабо связанных между собой поселенцев у земляных укреплений, до совокупности жителей местности определенного ландшафта, вне зависимости от их этнической или социальной принадлежности.

В заключение стоит сказать о том, что ввиду малого количества информации античных авторов относительно тафриев и её поверхностности, о природе данной исторической общности можно только делать предположения. Большую ясность в данную тему могут принести только дальнейшее археологическое изучение их ойкумены или (что маловероятно) обнаружение новых письменных источников.

TAFRIES OF THE CRIMEAN PENINSULA: PROBLEMS OF ETHNIC IDENTIFICATION AND LOCALIZATION

V.E. Bolshakov (Tula)

The paper examines the main theories of ethnic identification and localisation of the presumed Tafrii people on the basis of the ancient literary tradition. Analyzing written and material sources, the author concludes that the Tafrii were military settlers, who constituted the military garrison of the Bosporan defences, extending from the north-west to the east of the peninsula.

Key words: Tafries, Crimea, Bosporus, Asander.

О РИМСКОМ ПРИСУТСТВИИ В ХЕРСОНЕСЕ ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Л.Х. Алиева (Тула)

В статье рассматриваются материальные источники, подтверждающие римское военное присутствие в Херсонесе и на его хоре. Анализируя памятники материальной культуры, автор приходит к выводу, что роль археологических памятников и полевых исследований в изучении подобных вопросов трудно переоценить, так как именно благодаря сохранившимся до наших дней артефактам исследователям удалось констатировать римское военное присутствие на территории Крымского полуострова.

Ключевые слова: археология, артефакты, эпиграфика, римские военнотружущие, Крым, Херсонес.

¹ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г.* Римская экспансия как «спусковой крючок» миграционных процессов на Боспоре при царе Асандре в контексте союзнических отношений с варварами // *Цивилизация и варварство.* 2021. Вып. X. С. 405

Римское государство имело очень большое влияние на экономическую, политическую жизнь народов и государств Крыма приблизительно с середины I века до н.э. Римская власть на Крымском полуострове, как на иной принадлежащей римлянам территории¹, в значительной степени основывалась на роли своеобразного арбитра, который в условиях постоянного соперничества между Херсонесом и Боспором пытался регулировать конфликты.² Говоря о характере римского вмешательства, необходимо отметить, что оно имело в основном торговый и военный характер³. В настоящей статье речь пойдет о военном влиянии Римской империи на Крымском полуострове, а именно – о дислокации римских военнослужащих в Юго-Западном Крыму.

В различные времена римское военное присутствие в Крыму состояло из V Македонского легиона, XI Клавдиева легиона, I Итальянского легиона, а также иных солдат различных вспомогательных воинских соединений. Ученые на протяжении достаточно долгого времени изучали историю, причины, а также временные промежутки размещения конкретных военных легионов Рима на территории Крымского полуострова. Основными объектами изучения служили археологические памятники тех времен, сохранившиеся до наших дней, а также данные эпиграфики, на основании которых можно с определенной точностью констатировать, какие части составляли гарнизон городов Тавриды, в том числе и Херсонесского гарнизона.

К примеру, исследователи почти единогласно сходятся во мнении, что изначально римский гарнизон Херсонеса был представлен военнослужащими V Македонского легиона. В пользу этого суждения свидетельствует надгробие II в., которое было поставлено Валентом (солдатом V Македонского легиона) своему брату.

Помимо этого, археологами была найдена черепица от кровли с аббревиатурой данного воинского подразделения.

Изучив внушительное количество памятников и данных эпиграфики, ученые пришли к выводу, что самое позднее время нахождения римских военных в Крыму датируется 166/167 г., а значит, все памятники, содержащие упоминание об этом легионе, следует относить к середине II в.

Говоря о причинах такого размещения римских военных, исследователи связывают его с активными военными действиями и мероприятиями, проводимыми Римской империей в Северном Причерноморье и на граничащих с данной областью территориях. К примеру,

¹ *Ханаев В.В.* Государственное управление и местное самоуправление в византийском Херсоне во второй половине IX – X в. // Этносоциум и межнациональная культура. Альманах «Крым». 2015. № 3. С. 30.

² *Болгов Н.Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.): збірник. Київ: Інститут історії України, 2004. Вып. 4. С. 39–76.

³ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. 1. С. 313-323.

здесь можно назвать подавление римлянами восстания во Фракии (46 г.) или Дакийские войны Траяна.

После вывода V Македонского легиона с территории Нижней Мёзии в Дакию, в Херсонес прибывают отряды I Итальянского легиона, чей лагерь до самого позднеантичного периода находился в Нове. О присутствии этого легиона в Крыму свидетельствует ряд эпитафических памятников II-III вв., которые были обнаружены в городе и его близлежащих окрестностях. К сожалению, археологи еще не выявили памятники керамической эпитафики с гравировками этого воинского подразделения, однако сотрудники археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» давно знают аббревиатуру VEMI, которая косвенно подтверждает представление о дислокации подразделений I-III в городе.

Вместе с приходом к власти римского императора Септимия Севера в 193-211 гг. меняется и состав военных сил в Херсонесе. В полис перемещаются военнослужащие XI Клавдиева легиона, которые на постоянной основе находились на территории Мёзии после окончания Дакийских войн Траяна.

Сделать вывод о присутствии XI Клавдиева легиона в Херсонесе вплоть до III в. ученым позволило обнаружение лапидарной и керамической эпитафики тех времен. Решение о дислокации этого воинского подразделения в Крыму было связано с проведением Септимием Севером ряда важных мероприятий по укреплению армии и границ империи, в особенности, на Дунае. О таком подходе свидетельствует массовое перемещение целого ряда военнослужащих и подразделений в Крым в течение 197-202 гг., после чего император лично прибыл на инспекторскую проверку в воинские части. Кроме этого, в крымские порты регулярно заходил римский военный флот¹, состоящий преимущественно из кораблей Равеннской эскадры².

Во 2-й половине III в. римское военное влияние и дислокация в Крыму начинает убывать и постепенно сходить на нет³. Римские войска выводятся правительством Империи в целях защиты дунайских границ государства. Некоторые ученые, однако, полагают, что римские солдаты время от времени все же направлялись на Крымский полуостров для выполнения определенных боевых задач. Например, О.В. Вус считает, что «в конце III – первой трети IV вв. здесь оперировали «тысячные вексилляции», составленные из когорт частей береговой обороны⁴.

Полевые исследования на территории Херсонеса и его хоры продолжаются и сегодня. Научные сотрудники раз за разом находят все больше подтверждений римского присутствия в регионе. Недавние раскопки

¹ Соломоник Э.И. О пребывании римского флота в Крыму // Античная древность и Средние века. 1973. Вып. 10. С. 142-144.

² Там же.

³ Сорочан С.Б. Византийские военные силы в Крыму в VI-VII вв. // Stratum Plus. Время великих миграций. 2014. № 6. С. 113-131.

⁴ Вус О.В. Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III – V вв. н.э. // МАИАСП. 2016. Вып. 8. С. 369.

позволили ввести в научный оборот целые комплексы материалов, среди которых имеются не только архитектурные памятники эпохи, но и могилы военнослужащих легионов. Д.А. Костромичевым, В.В. Дорошко и Д.В. Журавлевым активно продолжается публикация ранее изученных, но не представленных широкой общественности памятников. В своих статьях они уделяют много места описанию исследуемых артефактов и их интерпретации¹.

Безусловно накопленные за последнее время фонды требуют нового переосмысления. Возможно, в ближайшем будущем они позволят взглянуть на проблему римского присутствия в Тавриде под другим углом.

Таким образом, именно благодаря сохранившимся до наших дней материальным памятникам и данным эпиграфики удалось зафиксировать римское военное присутствие на территории Крымского полуострова, в частности, в Херсонесе. Поэтому роль археологических памятников и полевых исследований в исследовании подобных вопросов трудно переоценить.

THE ROMAN PRESENCE IN CHERSONESUS ACCORDING TO MATERIAL SOURCES

L.Kh. Alieva (Tula)

The paper considers material sources which confirm Roman military presence in Chersonesus and its chora. Analyzing the monuments of material culture, the author concludes that the role of archaeological monuments and plain air studies in the study of such issues can hardly be overestimated, since it was thanks to the artifacts which have survived to this day, researchers were able to establish the Roman military presence on the territory of the Crimean peninsula.

Key words: archaeology, artifacts, epigraphy, Roman servicemen; Crimea, Chersonesus.

ИЗМЕНЕНИЕ ТАКТИКИ ОБОРОНЫ ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ БОСПОРА В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ

С.В. Ярцев (Тула),
Р.И. Филатов (г. Мирный,
Республика Саха – Якутия)

Статья посвящена сложной теме изменения тактики обороны западных рубежей Боспора в римский период в контексте проведения экспансионистской политики боспорских царей. В основе исследования лежат собственные раскопки авторов в Аджиэльской балке в Восточном Крыму (Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого – нач. проф. В.Г. Зубарев; Аджиэльский археологический отряд ТГПУ им.

¹ Костромичев Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ, Симферополь, 2005. Вып. 11. С. 94-118; Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Две могилы из западного некрополя Херсонеса Таврического (раскопки Р.Х. Лепера) // БИ, Керчь, 2016. Вып. 33. С. 411-412; Дорошко В.В., Журавлев Д.В. Два погребения римских военнослужащих их некрополя Херсонеса Таврического // ВДИ. Т. 78 (2). 2018. С. 349-364.

Л.Н. Толстого – нач. проф. С.В. Ярцев). По мнению авторов, в период экспансии Боспора в западном направлении боспорские цари всегда восстанавливали или возводили новые укрепления исключительно на левом, западном склоне Аджиэлькой балки. Таким образом, расположение новой крепости (Белинского городища), возведенной здесь в начале II века, вероятно, было связано с изменением в римской стратегии и переходе на Боспоре от защиты к экспансии в сторону западных территорий. Следовательно, уже при императоре Адриане было принято решение об экспансии в западном направлении и, соответственно, о завоевании поздних скифов, борьба с которыми растянулась более чем на целый век.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, Белинское городище, Аджиэльская балка, поздние скифы.

Основное назначение крепостей – это защита их жителей, постояльцев, жителей поселений округи от грозящей опасности со стороны различных врагов, в качестве которых могли выступать войска неприятеля и воинствующие варварские племена. За мощными стенами крепости можно было укрыться самим и обезопасить своё имущество от разграбления.

Опасности, которые грозили осаждаемым от нападавших – это смерть, ранения, угон в рабство, потеря имущества. Поэтому к строительству крепостей и выбору места для их расположения относились очень серьёзно. Выбирались естественные природные возвышенности, сооружались глубокие рвы, крепостные стены делали высокими и толстыми, т.к. зачастую осаждаемые применяли различные осадные машины.

«Города и крепости обладают укреплениями или природными, или созданными человеческой рукой, или теми и другими, – что делает их особенно сильными. Можно считать, что город укреплен природой, если он стоит на возвышенном месте, на обрыве, или окружен морем, болотами или реками; искусственные укрепления состоят из рвов и стен. В первом случае при благоприятных природных условиях для безопасности требуется только разумный выбор места, на ровном же месте нужно искусство строителя» (Veg. Epit., IV, 1).

Считается, что римский период истории в Северном Причерноморье, центральным государством которого было Боспорское царство, начинается с середины – 2-й половины I в. до н.э. С этого времени установились первые контакты Римского государства с Херсонесом и Боспором и сформировались концепции римской стратегии¹.

При этом активный переход варваров на царскую службу в статусе военных поселенцев, в задачи которых, в первую очередь, входила служба по охране границ, начался в период правления еще Митридата VI Евпатора, когда Боспор был присоединен к Понту в качестве наследственного владения². Перед появлением же в регионе римлян боспорским царем Асандром была восстановлена Узунларская оборонительная линия, усиленная системой оборонительных башен, которая не только отгородила земледельческий район

¹ Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 57.

² Там же. С. 57–102.

Европейского Боспора, но и взяла под защиту балку Аджиэль, примыкающую к Азовскому морю немного восточнее указанного древнего вала¹.

Другими словами древние оборонительные укрепления, были восстановлены Асандром именно потому, что располагались на левом западном склоне указанной долины. Наличие же огромного массива плодородных почв и обилие воды в реке Аджиэль еще более превращало весь этот район, расположенный на западных рубежах Боспорского царства, в стратегически значимый для обороны и дальнейшего расширения государства².

Не исключено, что это было связано с экспансионистскими устремлениями Боспорского царства в данный период. Действительно, именно во время правления царя Асандра боспорские внешнеполитические интересы распространились фактически на территорию всего Крымского полуострова, включая даже Херсонес³. Возможно, именно поэтому боспорскому царю понадобился крепкий плацдарм на Европейском Боспоре, откуда и должна была последовать экспансия в сторону запада.

Хотя, в это время на северном участке Узунларского вала не было еще крупной крепости, и укрепления различного типа имелись только в глубине Керченского полуострова, именно линия Узунларского вала стала тем самым районом, откуда и стала проводиться экспансия в западном направлении. Это объясняет, почему, после того как римляне через своего ставленника Полемона утвердились на Боспоре, они руками последнего разгромили все укрепления царской хоры, в том числе и Узунларского вала⁴.

Возможно, речь шла не о только об ослаблении указанной царской хоры и ликвидации антиримски настроенных варваров, находящихся на боспорской службе, но и об уничтожении плацдарма для нападения на запад. Видимо совсем не случайно Полемон после всех этих событий получил в Херсонесе эпитет «спаситель херсонесцев» (IOSPE, I², 704).

Любопытно, но после того, как римляне утвердились на Боспоре, они не проявляли интереса к восстановлению Узунларских укреплений. На территории Европейского Боспора продолжали существовать, как и раньше, в эллинистический период, так называемые царские резиденции, где располагались гарнизоны царских войск, хранились припасы хлеба и т.д.⁵ Из них можно отметить укрепления на городище Артезиан, поселения Михайловское, Ново-Отрадное, Чокракский мыс, Генеральское и др. Все они

¹ Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // Боспорские чтения XVI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2015. С. 165–172.

² Там же. С. 166–169.

³ Ярцев С.В. Ук. соч. С. 83–89.

⁴ Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. №6. С. 158–167.

⁵ Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: Триумф принт, 2010. С. 220–231.

были построены по единой системе и схожим образом: укрепленный форт на возвышенности с цитаделью-крепостью в центре городища¹.

Среди подобных крупных боспорских крепостей указанного времени особо выделяется Илурат. Крепость была построена во 2-й половине I в. н.э. по классическим греко-римским стандартам. Считается, что Боспор в данный период получал поддержку от Римской империи не только финансами, но и инженерными кадрами. Место для застройки тоже было великолепным – Илурат располагался на большом скальном плато с крутыми склонами, рядом протекал небольшой ручей, впадающий в Чурубашское солёное озеро².

Учитывая возросшее римское влияние на данной северной периферии античного мира, нельзя здесь не упомянуть и Харакс – римскую крепость, возведенную с учетом аналогичных архитектурных канонов. Данная крепость находилась на высоком холме Ай-Тодорского мыса, одна сторона которой была огорожена морем, а другая крепкой стеной, сложенной из громадных отёсанных глыб³. Здесь уместно будет напомнить, что Арриан, побывавший в одной из похожих крепостей – Фасисе, также сообщал о неприступности последнего, благодаря подобным укреплениям и рельефу: «Самая же крепость, где помещаются четыреста отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки, стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем необходимым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней» (Arr., *Peripl. Ponti Eux.*, 12).

Однако, ситуация в Северном Причерноморье резко изменилась с приходом к власти в начале II в. императора Адриана (117–138 гг.), которым было принято решение завоевать и разделить между Херсонесом и Боспором земли Крымской Скифии. Римская военно-политическая стратегия в данное время, по-видимому, заключалась в укреплении традиционными методами римских позиций в регионе с опорой на античные государства и их зависимое варварское окружение⁴, одновременно, по возможности, продолжая проведение своей агрессивной экспансионистской политики. Поэтому главная задача, как римской армии, так и вооруженных сил вассальных зависимых государств в регионе, заключалась не только в защите уже завоёванных

¹ Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В. Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культуры) // ВДИ. 2014. №3. С. 135; Блуднова Т.В. Графическая реконструкция ранней цитадели античного городища Артезиан (Крым, Керченский полуостров) // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. №1(38). С. 106–109.

² Горончаровский В.А. На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 38, 54.

³ Масленников А.А. Харакс // *Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР в 20 т.)* / Под ред Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1984. С. 57.

⁴ Ярцев С.В. Северное Причерноморье и проблема готской экспансии. Тула: ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. С. 188–189, 248–249.

территорий, но и в обеспечении условий дальнейшего расширения территории римского мира¹.

В этой связи, выглядит логичным, что в рамках принятия данной стратегии, в самом начале II в., вблизи линии северного участка Узунларского вала была построена новая крепость с довольно мощной фортификационной системой, известная сегодня под названием Белинское².

При этом крепость решено было расположить на большом естественном плато, на левом, западном крутом берегу реки Аджиэль, вблизи Узунларского вала³. Крепость была возведена по римским строительным канонам, с максимальным использованием рельефа местности для её защиты.

Северо-восточный и юго-восточный склон плато со стороны Аджиэльской балки представляет собой довольно крутой обрыв, что затрудняло штурм оборонительных стен с этой стороны. С западной и юго-западной стороны скальное плато не имело естественной защиты, и поэтому здесь архитектором было предусмотрено создание искусственного, довольно глубокого рва. Впрочем, по причине того, что ранее в эпоху бронзового века на плато существовало поселение⁴, данный ров мог иметь древнее происхождение, и римский архитектор мог просто использовать заброшенное сооружение для своего проекта.

Размеры крепости, а это около 12 га, говорят о том, что здесь располагалось крупное воинское формирование, готовое быстро выступить для решения различных тактических и стратегических задач. Однако, то обстоятельство, что крепость была размещена вблизи Узунларского вала перед рекой Аджиэль, а не позади, по нашему мнению, может свидетельствовать о возвращении правителей Боспорского царства и стоящих за ними римских императоров к экспансионистской политике в западном направлении.

Напрашивается аналогия со временем царя Асандра, восстановившим древние укрепления на этой же левой западной стороне реки Аджиэль в схожих условиях. То, что река в данном случае не учитывалась как дополнительная защита с фронта, а использовалась только как источник воды, подтверждает, что еще в начале II в. было принято решение об экспансии в западном направлении и, соответственно, о завоевании поздних скифов, борьба с которыми растянулась более чем на целый век⁵.

¹ Там же. С. 142–148.

² *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.; Тула: Гриф и К, 2003. С. 212–213; *Зубарев В.Г., Седых Е.Е.* Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II — первой половине V вв. н.э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. 2013. С. 250–274.

³ Там же. С. 250.

⁴ *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Новое поселение эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму // Таврійські студії. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Археологія і історія Боспора». Сімферополь, 2013. 31(4). С. 60–64.

⁵ *Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 147.

Таким образом, такое расположение новой крепости (Белинского городища), вероятно, было связано с изменением в римской стратегии и переходе на Боспоре от защиты к экспансии в сторону западных территорий. Следовательно, возникновение укреплений на левом, западном склоне Аджиэльской балки неизменно является признаком подъема Боспорского государства и вступления его в очередную экспансионистскую фазу истории.

CHANGES IN DEFENSE TACTICS OF THE WESTERN FRONTIERS OF THE BOSPORUS IN THE CONTEXT OF THE EXPANSIONIST POLICY OF THE BOSPORUS KINGS

S.V. Yartsev (Tula)

R. I. Filatov (Mirny,
The Republic of Sakha (Yakutia))

The article is devoted to the difficult topic of changing the tactics of defending the western borders of the Bosphorus in the Roman period in the context of the expansionist policy of the Bosporan kings. The study is based on the authors' own excavations in the Adzhielskaya ravine in the Eastern Crimea (Belinsky archaeological expedition of the TSPU named after L.N. Tolstoy - head prof. V.G. Zubarev; Prof. S.V. Yartsev). According to the authors, during the period of expansion of the Bosphorus in the western direction, the Bosporan kings always restored or erected new fortifications exclusively on the left, western slope of the Adzhielka beam. Thus, the location of the new fortress (Belinsky settlement), erected here at the beginning of the 2nd century, was probably associated with a change in Roman strategy and the transition in the Bosphorus from protection to expansion towards the western territories. Consequently, already under Emperor Hadrian, a decision was made to expand in a western direction and, accordingly, to conquer the late Scythians, the struggle against which dragged on for more than a century.

Key words: Roman Empire, Bosporan Kingdom, Belinsky settlement, Adzhielskaya beam, late Scythians.

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ СКИФСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Н.А. Кузнецова (Тула)

Статья посвящена сложной теме наличия скифского этнического компонента среди населения Белинского городища (II-V вв. н.э.) на западных рубежах Боспорского царства в Восточном Крыму. Археологический материал свидетельствует о переселении пленного скифского населения из центральных районов Крыма на территорию городища в качестве летов. Скорее всего, эти люди, не имеющие гражданских прав и по социальному положению приближающиеся к колонам, могли быть обязаны властям военной службой. Однако им явно было запрещено покидать выделенные земли. Более того, они должны были заниматься земледелием, разводить скот, снабжая продовольствием воинский гарнизон.

Ключевые слова: Боспорское царство, Белинское городище, варвары, скифы, захоронения младенцев.

Белинское городище¹ расположено на южной окраине села Державино в 1,5 км от совр. села Белинское. По уточнённым данным, время его основания относится к началу II в. н.э.²

Городище занимало узловое место в системе обороны Европейского Боспора, с одной стороны, а, с другой, находилось на скрещивании путей, ведущих как к северу, в сторону степного Крыма, так и к югу, в сторону Феодосии³. Оно значительно выделяется среди подобных поселений, прежде всего, своими размерами.

Поселение находится в большой естественной котловине на крутом берегу реки Аджизль. Такой выбор местоположения не случаен: здесь прослеживается традиционное как для Европейского Боспора, так и для всего Северного Причерноморья в целом, стремление максимально использовать естественные условия в целях обороны поселения.

Южная часть плато была значительно ниже и почти не возвышалась над окружающей местностью. Это обстоятельство привело к необходимости предварительной ландшафтной перепланировки, в первую очередь, под возводимые по периметру оборонительные стены. Археологически этот этап строительства прослеживается достаточно чётко.

Отметим, что место, выбранное строителями для возведения нового населённого пункта, было освоено людьми задолго до времени основания городища. Раскопками 2012 г. на южном склоне плато под слоем насыпи, выравнивающей местность, выявлены остатки значительно более раннего поселения. О времени его функционирования пока говорить рано, но ясно, что его и возведённое к началу II в. н.э. городище разделяет не одно столетие. Исследования показали, что на разных участках площадь плато, на котором расположено городище, осваивалось одновременно и по единому плану.

Ко времени возникновения городища созданная при Асандре оборонительная линия уже не функционировала, однако система валов была частично восстановлена, причём не только для защиты территории, но и для закрепления здесь в качестве надёжной базы для полномасштабного освоения территории к востоку от вала и активной экспансии на запад. Построенное городище в этой новой организации подконтрольной Боспору территории играло если и не ключевую, то, во всяком случае, важнейшую роль.

В зоне непосредственной видимости (сигнальной доступности) от него во II-III вв. находилась целая сеть меньших по площади, но типологически близких ему городищ, которые А.А. Масленников объединяет в две основные группы. К первой относятся «крепости, укрепленные военные лагеря с сопутствующим «посадом», располагавшиеся на пересечении важных дорог

¹ Раскопки городища проводит с 1996 г. Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого – нач. экспедиции д.и.н., проф. В.Г. Зубарев.

² Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н.э. // Боспорские исследования. 2013. №28. С. 250.

³ Там же. С. 250.

или в иных столь же примечательных пунктах», ко второй – «типичные городища», продолжающие местные предшествовавшие традиции.

Городище Белинское в этой иерархии занимает вершину «пирамиды» в соседстве с Илуратом и Савроматием и определяется уже скорее как «городок - крепость»¹.

В истории городища выделяется три строительных периода. Их уточнённые хронологические рамки выглядят следующим образом:

- 1) начало II в. – середина – 3-я четверть III в.;
- 2) последняя четверть I в. – первая четверть IV в.;
- 3) 2-я четверть IV в. – 1-я половина V в.²

Особый интерес вызывает выявленное на городище Белинское ритуальное погребение младенцев. Оно было совершено в углу, образованном внешним северо-западным фасом оборонительной стены и выступающим внешним северо-восточным фасом стены западной башни. В небольшой ямке глубиной 0,2 м, перекрытой несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа 83, были выявлены останки двух сформировавшихся человеческих зародышей, внутриутробный возраст которых составлял 8.8-9.2 и 8.9-9.3 лунных месяцев. Вероятнее всего, в обоих случаях имело место прерывание беременности, а именно – преждевременные роды. Захоронение не привязано к основанию фундамента стен, который заглублен в материк на 0,4 м³.

Такие же погребения в сосудах и без них известны на Неаполе Скифском, Алма-Кермене, Усть-Альминском городище, Козырском городище, Никонии, Ольвии и в других местах. Их связывают со скифским населением.

В Альпах и Англии известны случаи погребения младенцев на территории различных поселений во времена Римской империи. Судя по всему, захоронение младенцев в древних поселениях являлось отражением особого обряда, который рассматривают отдельно от обычных захоронений младенцев на некрополях⁴. Зугрундарриум – это обряд, суть которого заключалась в захоронении в нишах стен детей младше 40 дней. Их закрывали черепицей или карнизными фрагментами.

В первые века н.э. происходил активный поиск посредников между богами и людьми. Контакт с посторонним миром устанавливали при помощи младенцев. По мнению В.В. Крапивиной, именно это обстоятельство явилось идеологической основой для использования мертвых детей в жутких ритуалах

¹ Масленников А.А., Чевелёв О.Д. Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище // КСИА. 1983. 174. С. 91–95.

² Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Ук. соч. С. 251.

³ Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Особенности варварских миграций на территорию Боспора в первые века нашей эры // Цивилизация и варварство: Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / Отв. ред. В.П. Буданова. О.В. Воробьёва. М.: Аквилон, 2016. Вып. V. С. 212–213.

⁴ Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 361–365.

с целью обеспечения божественного одобрения и поддержки, а также в магической защите от нападения врагов и обороны крепостей.

Захоронение младенцев у основания внешних фасов и оборонительных стен являлось неким защитным элементом, обозначающим непосредственно сам город или поселение. Логическая цепочка ассоциативных звеньев при этом могла бы выглядеть следующим образом:

1. Глина – земля – женщина: явления одного порядка.
2. Соответственно, глиняный сосуд представлялся женщиной (то есть, первым домом любых людей, в том числе, и живущих в данной местности).
3. Отсюда, не только глиняный сосуд, но и конкретный дом, город или поселение в целом могли также сознательно персонифицироваться с женщиной-богиней.

Очевидно также, что для возникновения данного обряда на том или ином поселении необходимо было наличие развитых специфических черт культа женского божества. Однако, обряд захоронений детей в амфорах, по-видимому, сохранялся лишь там, где мог наблюдаться рост популярности почитания синкретического божества в римское время.

Так, если в первые века н.э. обряд детских амфорных захоронений для античных некрополей Северного Причерноморья в целом уменьшается, то там, где этнический состав населения оказался в значительной степени варваризированным, позднескифским, он получает дальнейшее развитие. К тому же, в Херсонесе, например, данный обряд фиксируется вплоть до V в.

Исходя из этих особенностей и факта силового захвата Крымской Скифии, с большей степенью вероятности можно предположить, что такое переселение пленного скифского населения из районов центрального Крыма происходило в форме аналогичного расселения пленных германцев на римских землях в качестве летов.

Вряд ли, конечно эти люди, не имеющие гражданских прав и по социальному положению приближающиеся к колонам, могли быть обязаны властям военной службой. Однако им явно было запрещено покидать выделенные земли. Более того, они должны были заниматься земледелием, разводить скот, снабжая продовольствием воинский гарнизон¹. По нашему мнению, действительно, такая форма расселения пленных варваров более всего соответствует археологическому материалу с Белинского городища и является свидетельством присутствия на памятнике скифского населения.

TO THE QUESTION ABOUT THE PRESENCE OF THE SCYTHIAN ETHNIC COMPONENT AMONG THE POPULATION OF THE BELINSKY SETTLEMENT IN THE EASTERN CRIMEA

N.A. Kuznetsova (Tula)

The article is devoted to the complex topic of the presence of the Scythian ethnic component among the population of the Belinsky settlement (II-V centuries AD) on the western

¹ *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ук. соч. С. 216.

borders of the Bosporan kingdom in the Eastern Crimea. Archaeological material testifies to the resettlement of the captive Scythian population from the central regions of Crimea to the territory of the settlement as years. Most likely, these people, who do not have civil rights and approach the colonies in terms of social status, could be obliged to the authorities for military service. However, they were clearly forbidden to leave the allocated lands. Moreover, they had to engage in agriculture, raise cattle, supplying food to the military garrison.

Keywords: Kingdom of the Bosporus, Belinsky settlement, barbarians, Scythians, infant burials.

ОСОБАЯ ЗАДАЧА РИМСКИХ ГАРНИЗОНОВ В КОЛХИДЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Р.М. Бобин (Тула)

Восточная часть причерноморского региона была под постоянным наблюдением имперской администрации во все времена существования Римского государства. Это было связано с тем, что, во-первых, регион был богат ресурсами, активно используемыми римлянами, а фортификационные сооружения можно было выстраивать из качественных местных материалов. Во-вторых, благодаря схожему средиземноморскому климату сельскохозяйственное производство здесь также активно развивалось, что способствовало бесперебойному продовольственному обеспечению римских регулярных сил. С развитием инфраструктуры региона римляне стали активно использовать его в качестве плацдарма для своего дальнейшего продвижения, а также буфера в случае возврата к оборонительной тактике.

Ключевые слова: Колхида, римские гарнизоны, Восточное Причерноморье, пиратство, гениохи.

Первым появлением римских регулярных сил в пределах Причерноморья следует считать период первой Митридатовой кампании. Именно с этого момента в сферу влияния римской администрации попал Кавказ, некогда входивший в одно из крупнейших на тот момент государственных образований на Понтийском побережье. «Митридат, царь двадцати двух племен, на стольких же языках вершил суд, обращаясь на собрании к каждому без переводчика» (Plin., NH, VII, 98).

Страбон писал: «Диоскуриада лежит в таком заливе, занимая самую восточную точку всего моря, она считается «впадиной» Евксинского Понта, а плавание к ней – самым отдаленным. Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы» (Strabo XI, II, 16). Римляне в I в. до н.э. переименовали город в Себастополь в честь римского императора Гая Октавиана Августа носившего вместе с титулом Августа и титул «Себастос» (Σεβαστός) – буквально «уважаемый» («почитаемый»).

Примечательно то, что этот регион в будущем стал играть роль внешнего пояса обороны римских позиций на побережье. Более того, доступность леса сделала его, как можно было ожидать, главным материалом для возведения укреплений в Фасисе. Когда же укрепления, построенные из дерева и земли, стали считаться недостаточными для обороны Фасиса, они были заменены кирпичными сооружениями, так как глина тоже была в изобилии – в отличие от хорошего камня (Arr. Peripl. 9)¹. Колхида была достаточно выгодно расположена, и римляне могли контролировать торговлю как между колхами, так и между Понтийским и Средиземноморским миром.

Примечательно, что длительное нахождение римских гарнизонов в Колхиде способствовало их товарообороту с местными жителями и, как следствие, развитию сельского хозяйства в регионе. Колхи снабжали римские войска припасами, включавшими в себя местные продукты и сельскохозяйственные культуры.

Также еще при Августе патрулирование акватории Понта Эвксинского было делегировано двум «дружественным» государствам: Понтийское царство несло дозор на северо-восточном рубеже Малой Азии, где сдерживало натиск кавказских племен при помощи флота, дислоцирующегося в Трапезунте, а охрану северного берега поручили царям Боспора².

Трапезунт был еще одним важным стратегическим объектом, который в разное время использовался Римом в качестве плацдарма. На него сначала с моря, а потом и с суши через Каппадокию доставлялась провизия для римских регулярных сил, ведущих военные действия на территории междуречья и прилегающих территориях. Однако в период кризисных событий летом 69 г. стало ясно, что такие важные объекты оставлять без должной охраны никак нельзя. Оборона важнейшего транспортного узла была вскрыта каким-то вольноотпущенником Аникетом со своими людьми, которые, перебив всю охрану, сожгли остатки флота. Мятеж был довольно быстро подавлен, но именно с учетом тех событий будущий император Веспасиан после своего триумфального восхождения начал выстраивать пояс обороны восточных провинций. «Понтийский флот продолжил патрулирование береговой линии от Трапезунта. Вместе с Мёзийским флотом, который охранял северо-западное побережье, он поддерживал стабильность на Понте Эвксинском в течение следующих полутора веков»³.

Примечательно, что, фиктивный мир на море, который покоился на всеобщем морском разоружении, продиктованном Римом в начале II века до н.э., был нарушен вначале вторжениями Митридата VI и агрессивными поползновениями пиратов. Вместе с тем, Рим отнюдь не пренебрегал

¹ Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4. С. 34–52.

² О победе боспорского флота: IGR 1. 874, она одержана навархом для царя φλωρομαχος; (друга римлян). Эту охрану поощряла собственная заинтересованность, ибо Боспорское царство активно торговало с Малой Азией.

³ Старр Ч.Г. Флот Римской империи. Роль военно-морских сил в поддержании обороноспособности и сохранении античного государства со времен Октавиана Августа и до Константина Великого. М.: ЗАО Центрполиграф, 2015. С. 130.

вниманием к данному региону до образования *classis*¹ Pontica в 64 г.² Разнообразие средств, которыми империя могла воспользоваться для обеспечения мира на море, привело к еще большему доминированию Рима в регионе³.

Однако, находясь в состоянии постоянной войны, Римская империя не всегда была готова брать на себя полицейские функции в захваченных провинциях. Как правило это бремя ложилось на плечи местных властей, которые по нерадивости, а в большей степени по личной в том заинтересованности, были не готовы противостоять организованным вооруженным формированиям пиратов, как на море, так и на суше. Однако есть сведения о ряде местных правителей, которые иногда формировали свои ополчения и активно противостояли разбойным действиям пиратов, освобождали заложников и возвращали их в семьи. Подобное практиковалось как раз на востоке Понтийского побережья. Страбон отмечает, что «в землях, подчиненных местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко, в свою очередь, нападают на разбойников и, захватив их камары (*camarae*)⁴, приводят назад вместе с экипажем. Области, подчиненные римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (Strabo XI, II, 12).

Вместе с тем, римских ставленников, возглавляющих зависимые государства, совершенно не волновало политическое здоровье своих подданных. Они пополняли запасы рабов из жителей, в том числе Восточных провинций. Мало того, способствовал расширению производства, они еще и укрывали разбойников и предоставляли стоянки для их плавсредств. Так как львиная доля прибыли античных бенефициаров зависела от работоторговли, то оппозиционно настроенные «общественные деятели» руками подконтрольных им незаконных вооруженных формирований пытались саботировать действующую власть.

Однако существовала и другая сторона проблемы: местные жители, находясь в зависимой ситуации, были вынуждены помогать разбойникам, чтобы спасти свое положение. С целью срыва установления римлянами своих волеизъявлений в Причерноморском регионе, высшее руководство Боспорского царства, возможно, специально, оказывало негативное

¹ Впервые употребление этого термина встречается в IGR 3. 1018-49/48 гг. до н. э. Термин получил хождение в годы гражданских войн, когда соперники оснащали собственные флоты. Впоследствии употребление этого термина применялось ко всем существующим морским соединениям, так как они имели государственный статус.

² *Starr* Ч.Г. Ук. соч. С. 130.

³ Там же. С. 131.

⁴ У Тацита (Tac. Hist., III, 47) есть описание пиратских плавсредств, исключительно использовавшихся на Понте: «они называют свои лодки *camarae*; это были суда с узкими бортами и широким кузовом, сколоченным без применения скреп из меди или железа. Когда море бывает бурное, то, в зависимости от того, насколько высоко поднимается волна, увеличивают борта судов досками, пока они не замкнутся, наподобие крыши. Так *camarae* катятся среди волн, имея носы с обоих концов и весла, которые могут менять направление, так как *camarae* могут безопасно причаливать и той, и другой стороной».

воздействие на коренное население Восточного Причерноморья, которое жило в постоянном страхе быть захваченными в рабство. Вместе с тем, античные негоцианты также опасались аналогичного исхода своих предприятий в Причерноморье. Все вместе это составляло одну из главных проблем, мешавших развитию экономических связей и морских коммуникаций в регионе.

Примечательно, что до момента аннексии Фракии в 46 г. и до поры включения Клавдием Черного моря в орбиту Римской империи, по информации Страбона, римские чиновники относились ко всему происходящему довольно посредственно и никаких активных действий в этом направлении не предпринимали.

Изучив большую часть пиратских анклавов, действовавших в Причерноморье, можно сделать вывод о том, что побережье Черного моря было четко разграничено местными группировками.

На западе при входе в акваторию, действовали фракийские пираты, занимавшиеся исключительно прибрежным грабежом попавших на мель торговых судов, контролирующих почти все западное побережье от Фракийского Боспора до Истра.

В центре обосновались тавры, курирующие самый «хлебный» маршрут от Гераклеи до Балаклавы. Одним из их мест дислокации была Гавань Символов, находившаяся на месте современной Балаклавы, она была исключительно удобна для организации настоящего притона таврских пиратов¹. По сообщениям Страбона (Strabo, VII, 4, 2), они чаще всего устраивали свои разбойничьи засады и нападали на корабли, спасавшиеся от непогоды в эту закрытую от бурь и ветров бухту.

Еще были сатархи, жившие на севере Крымского полуострова. «Пиратствующая» характеристика сатархов, известная по надписи II в. до н.э. из Неаполя (IOSPE, I2. 672), также позволяет предполагать, что речь здесь могла идти о варварах с Ахиллова Бега, напавших на остров Левку (совр. Змеиный), борьбу с которыми вели ольвиополиты еще в конце IV – начале III в. до н.э. (IOSPE, I2, 325)².

Восточную часть Причерноморья контролировали кавказские пираты, которые, как и фракийские, занимались в основном сухопутным разбоем. Вместе с тем, как было уже выше изложено, они осуществляли кратковременные прибрежные вылазки, пользуясь своими *самаре*, которые они переносили после набегов на сушу в неприступные крепости (Tac. Hist., III, 47).

У Страбона кавказские пираты описываются как самые дерзкие разбойники. Яркими представителями их считаются известные всем гениохи, как раз локализуемые им в районе Синдской области и Горгиппии (совр. Анапа). Об

¹ *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 66.

² *Ярцев С.В.* Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н.э. – 3-я четверть IV в. н.э.). Дисс. ... докт. ист. наук. Белгород, 2016. С. 39–64.

их происхождении он сообщает, что «лаконцы (жители Спарты) поселились в Гениохии, предводителями последних были Крекас и Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохи получили свое имя от них» (Strabo, XI, II, 12).

В противовес древней легенде о происхождении гениохов существует, на наш взгляд, интересная версия ряда исследователей поселений Восточного Причерноморья, которые считают, что название племени «гениохи» вполне могло означать не «возниц» (как это хотят видеть исследователи в переводе с греческого), а, возможно «людей», местных жителей. «Гениох» созвучно с «ГНХ-агных-агныхуаа», что буквально означает на абхазском «люди, служащие божеству (святилищу) моря», т.е. «Аг-ных-уаа» – ar(ara)-приморье, -ных(аныха) святилище (божество), уаа (ауаа) – люди.

Н.В. Хоштария, Д.А. Хахуйташвили, А.Т. Рамишвили, Ш.Д. Инал-ипа, Г.К. Шамба, И.И. Цвинария приходят к общему мнению о том, что многочисленные глиняные рогатые предметы (в том числе изображения рогатых существ на колхидских бронзовых топорах), встречающиеся в этих памятниках, наряду с их практическим использованием непосредственно, имели культовое предназначение в виде рогатого морского божества – Агных. В честь его с незапамятных времен и по сей день ежегодно проводит молитвенные праздники род Ампар, р-н Мюссера-Калдахура. И все это может иметь местную древнюю абхазскую основу¹.

Примечательно, что в хозяйственной деятельности, по словам Страбона, гениохи занимаются мотыжным земледелием: «...они ...живут, обрабатывая скудную почву», скотоводством и охотой: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаюсь звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком» (Strabo, XI, II, 12)

Современные исследователи без преувеличения констатируют значение северо-западной группировки гениохских племен в античном мире, где, в первую очередь, их основным занятием определяется пиратство. Данные античных источников позволяют судить о двух этапах развития этого промысла у гениохов. Примечательно, что первоначальной целью их морского разбоя был не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Естественно, что подобные «потребительские» действия вызывали отпор со стороны правителей отдельных развитых районов Причерноморья².

Также, по свидетельствам известного советского археолога Ю.Л. Воронова, при раскопках в селе Богушевка под Сочи в местах предполагаемого обитания гениохов преобладают монеты Амиса и Амасии времен Митридата IV. Преобладание боспорских монет свидетельствует о

¹ *Нюшков В.А.* Некоторые соображения по новому расселению древне абхазских племен в I тыс. до н.э. // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов XII международно-практической конференции (г. Краснодар, 27 февраля 2021 г.) / под редакцией Ю.Г. Макаренко. Краснодар, 2021. С. 201–208.

² *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 63.

том, что рассматриваемая территория входила в сферу экономических интересов и влияний – в первую очередь, Боспора¹.

Используя неожиданную для римлян тактику и не встречая серьезного сопротивления, варвары постоянно наращивали масштабы предпринимаемых нападений. Начав с опустошения близлежащих прибрежных районов, они очень быстро расширили сферу своей грабительской деятельности. Нападения на удаленные от морского побережья города и поселения явно показывали, что варвары стали выходить за рамки обычного пиратского грабежа. В последних морских походах приняли участие уже целые племена, которым из-за переселения остро требовались плодородные земли для проживания. Комбинированный характер походов свидетельствует о том, что нападения нередко являлись совместными предприятиями причерноморских и приазовских варваров. При этом именно последним отводилась роль организаторов морской части экспедиции².

По большому счету все маршруты походов выглядят как тщательно разработанная и спланированная система грабежей богатых центров греко-римского мира. Почти каждое нападение осуществлялось на новые, не разграбленные районы. Если бы не противоречия в источниках, то можно было бы предположить, что организация и осуществление всех этих экспедиций предпринимались из единого центра и одними и теми же людьми. Только в этом случае, каждый раз планируя новый маршрут похода с целью захвата богатой добычи и решения проблемы снабжения, можно было избежать разоренных ранее местностей³.

Поскольку пиратство было обычно сопряжено с высадками на сушу, попытки борьбы с ним, предпринимавшиеся в древности, включали в себя не только действия флота, но также размещение войск и строительство укреплений на побережье, что объясняется необходимостью борьбы с пиратами после их высадки. Против высадившихся пиратов особо эффективно, благодаря своей скорости действовала кавалерия. Неудивительно поэтому упоминания Арриана о кавалерии, стоявшей в Себастополе, гавани Исса и, возможно, в других местах этого побережья во времена Ранней империи. Рим не делал ничего нового или неожиданного в борьбе с пиратством, когда возводил укрепления на побережье. Некоторое указание на важность роли Рима в борьбе с пиратством в данном регионе может быть датировано уже 68/69 г., когда вывод римских войск из региона сопровождался там значительной вспышкой пиратства и беспорядков⁴.

Однако, несмотря на сложности, в итоге Колхида, Иберия и Кавказская Албания стали восточной зависимой окраиной Римской империи. Это в будущем позволило выстроить на территории Закавказья спокойную буферную зону между народами Северного Кавказа и Ближним Востоком, а

¹ Там же. С. 68.

² Ярецев С.В. Ук. соч. С. 39-64.

³ Там же. С. 39-64.

⁴ Браунд Д. Ук. соч. С. 34-52.

также оставить за собой право контролировать торговые коммуникации из Индии к Черному морю. Тем более, что во время предыдущих победоносных вояжей римлянам удалось разведать, что из Индии в 7 дней можно прийти в Бактрию, к р. Бактру, впадающему в Окс, а от него проехать по Каспию до Кира, и что товары не более как в 5 дней могут быть доставлены сухим путем в Понт к Фасису (Plin., NH., VI, 52). Также стало очевидным, что кратчайший торговый путь в Индию через Закавказье возможен лишь при условии прокладки маршрута через страны, входившие в состав Парфянского царства. Однако на тот момент логистические мероприятия пришлось временно свернуть. Были еще свежи воспоминания о трагических событиях при Каррах.

Возвращаясь к событиям Третьей Митридатовской войны и самому Митридату, который пустился на отчаянный шаг, уходя от преследования Помпея (последний в общем-то и не собирался его преследовать по разным причинам, в том числе из-за труднопроходимых и затратных обстоятельств), стоит еще раз отметить нежелание зависимых царей наводить порядок с агрессивно настроенными подданными, которые держали в постоянном страхе купцов и мореплавателей. Особо примечательно то, что «Митридат VI Евпатор вывел пиратство на более масштабный уровень и превратил его в эффективное средство ведения войны против Рима»¹. А.П. Воскресенский² как раз описывает отступление Митридата Евпатора через Восточное Причерноморье после поражения от Помпея в ходе Третьей Митридатовской войны. Он отмечает, что Митридат, дабы не нарушать «суверенитет» зигов и не тратить силы, обратился за помощью к пиратам, которые предоставили ему свои камары и помогли благополучно добраться до Боспора. Вероятность боестолкновения с зигами была более чем очевидна, так как зиги никогда не выступали в качестве союзников Митридата, в отличие от других причерноморских племен. В момент своего отступления Митридат потерял достаточное количество своего войска. Вместе с тем, примечательно, что он отступал в спешке³. Однако очевидно и то, что, проделывая утомительное «пешее путешествие» до Боспора и мечтая о реванше, он вряд ли хотел тратить силы на разборки с местными варварами.

Однако для римлян решение вопроса с пиратами на Понте было важнейшим делом. Устроенные Митридатом на Средиземноморье пиратские анклавы, набеги которых почти довели до голодных бунтов и дестабилизации обстановки в центре Рима, были еще свежи в памяти. Римская администрация постоянно сталкивалась с проблемами наведения порядка в регионе: «...морской разбой был, очевидно, столь опасным бичом, что против него предпринимались крупные государственные акции»⁴. Когда авторитета

¹ Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012. С. 32.

² Воскресенский А.П. Об отступлении Митридата Евпатора на Боспор (Strabo XI. 2 13) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 79–90.

³ Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2. С. 89–96.

⁴ Брашинский И.Б. Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 124–133.

местных правителей стало недостаточно, римской администрации пришлось предпринимать «...крупные государственные акции» с применением регулярных сил¹. Именно здесь Гней Помпей Великий становится главным действующим лицом, совершившим победоносное действие на востоке.

«Предисловие же триумфа, который он справил за три дня до октябрьских календ в консульство Марка Пизона и Марка Мессалы, было следующее: «После того как он освободил от разбойников морское побережье и восстановил власть римского народа на море, он торжествовал победу над Азией, Понтом, Арменией, Пафлагонией, Каппадокией, Киликией, Сирией, скифами, иудеями, албанами, Иберией, островом Критом, бастарнами и сверх того над царем Митридатом и Тиграном» (Plin., NH, VII, 98)².

Для полноты картины этого триумфа необходимо привести текст посвящения Помпея в храм Минервы, сохранившегося у Плиния (Plin., NH, VII, 97): «Главкомандующий Гней Помпей Великий по заслугам [воздаёт] Минерве обещанное после завершения 30-летней войны, когда в сражениях было разбито, обращено в бегство, убито и взято в плен 1217800 человек, потоплено и взято в плен 846 кораблей, подчинено 1538 городов и крепостей и покорены земли от Меотиды до Красного моря»³.

Вместе с тем, у Плутарха мы находим отрывок, где он повествует, что якобы Помпей только «снял сливки» с победы Лукулла, которого якобы отстранили от руководства операцией по урегулированию конфликта с Митридатом из-за личного обогащения, и, как следствие, затягивания ведения боевых действий на территориях Закавказского региона и Малой Азии. Однако там же мы находим и то, что указывает на специфическую задачу Помпея, на которую была выделена часть приватизированных ценностей в ходе все-таки состоявшегося триумфа Лукулла⁴.

Из дошедших до наших дней свидетельств становится понятно, что на протяжении примерно ста лет после вторжения войск Помпея в Иберию римляне, по всей видимости, довольствовались тем, что контроль над территориями восточных провинций и, в том числе, Колхиды, оставался в руках их клиентов, таких, как Аристарх, Полемон и Пифодорида (Strabo, XI. 2.18.).

По мнению Франца Кюмона, точная дата начала прочного военного присутствия Рима в этом регионе остается спорной. Однако, по мнению Честера Старра, в результате возрастания прямого доминирования на море и на суше со стороны Рима в лице императора Нерона и его явных устремлений против Парфянского царства, к несчастью для правителей Понтийского царства, их территория занимала важное на тот момент положение на границе

¹ Там же.

² Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.

³ Там же. С. 203.

⁴ Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» отмечает, «что с Лукуллом поступают несправедливо, назначая ему преемника не столько для войны, сколько для триумфа, и заставляя его уступать другому не труды полководца, но награду за эти труды» (Plut., Lucull., I, XXXVII).

с Арменией¹. Очевидно, аннексия царства Птолемея II Нероном в 64 г. и последовавшая при Флавиях реорганизация управления территориями на восточной границе империи предполагали непосредственный контроль Рима над этим регионом. Устранив Птолемея II, Рим брал на себя часть функций последнего: нет сомнений, что основной задачей римских войск, размещенных в Колхиде, во все времена было ограничение пиратства и разбоев. Возможно даже, что Птолемей II был лишен власти именно за то, что не мог должным образом бороться с пиратством². Однако, есть мнение³, что Птолемея отстранили через год после заключения далеко не победного Рандейского мира с Парфией в 63 г. по причине слабой организации по обеспечению Кавказского похода императора.

Возвращаясь к теме особой миссии римских гарнизонов в Колхиде, стоит отметить, что выражалась она прежде всего в развитии не только инфраструктуры, способствующей поставке продуктов питания для военнослужащих, но и, главным образом, развития экономических отношений между зависимыми царями и римской администрацией с целью взаимовыгодного сотрудничества. Нам известно, что Рим в отношении зависимых государств вел довольно жесткую политику, однако в разное время отмечалась тенденция к смене жесткого режима на лояльность и взаимовыгодность. Это были периоды, когда на Понте налогообложение «живой монетой» зависимых царей сменялось на выполнение каких-либо повинностей, в частности, военной службы. Вместе с тем, тенденцию к ослаблению также можно проследить в помощи римских военных местным жителям в постройке различных инженерных сооружений и даже домов для «местной элиты».

Но эти территории были главным форпостом Римской империи, где они реализовывали не только свои имперские амбиции, но и вынашивали тайные стратегические цели по недопущению взятия под контроль региона Закавказья главным соперником Рима – Парфянским царством.

Примечательно, что после унижительного Рандейского мира, где Вологезу все-таки удалось «пристроить» своего брата на трон в Армении, Нерон продолжал вынашивать «Македонские» планы по восстановлению справедливости. По разным данным, накануне своего ухода с политического олимпа он все-таки готовил очередной восточный поход, где хотел не только повысить свой пошатнувшийся за время правления авторитет, но и окончательно ввести в состав Римской империи Боспор и Северо-восточную часть Причерноморья.

Об этом походе существует много различных мнений. Польский историк Ю. Колендо, описывая поход Нерона, отмечал, что идея похода была только уловкой римской пропаганды, стремившейся таким образом поднять авторитет

¹ *Старр Ч.Г.* Флот Римской империи. С. 133.

² *Браунд Д.* Ук. соч. С. 34-52.

³ *Старр Ч.Г.* Ук. соч. С. 133.

императора¹. Однако часть войск все-таки была в начале 68 г. послана на Восток, где имела огромное значение для будущих операций. Все, к чему готовился Нерон, в скором времени произошло, но уже при следующем императоре.

При Веспасиане оборона выстраивалась с учетом угрозы экспансивных проявлений со стороны северных варваров, таких как скифов, сарматов и, главным образом, аланов; масштабность проявления их активности была довольно обширна. Своим появлением кочевники наводили ужас и разрушения, как на западных, так и на восточных границах империи. На дунайских просторах хозяйничало сарматское племя роксолан².

Примечательно, что Северо-Западное Причерноморье в это время контролировалось мощнейшей сарматской группировкой царей Фарзоя и Инисмея, в состав которой вполне могли входить и находившиеся западнее роксоланы. При Нероне они находились в союзе с Римом, защищая империю от набегов степных северных племен, за это им было позволено чеканить собственную монету на монетном дворе Ольвии.

Вместе с тем, при рассмотрении вопроса об особенностях внешней политики Веспасиана на востоке необходимо учитывать возможность появления среднеазиатских кочевников с юго-востока через Каспийские ворота у г. Раг. Данные варвары творили бесчинства на всей территории Закавказья, восточных границах Римской империи, а также северных границах Парфянского царства.

Несомненно, если бы не было угрозы экспансивных проявлений со стороны северных и среднеазиатских кочевников, римляне нашли другие факторы, на основании которых стали бы выстраивать отношения между империей и соседними государственными образованиями. Однако стоит отметить, что на тот момент Веспасиану было необходимо прославиться в своих военных достижениях, чтобы авторитетно разбираться с римской знатью, которая никак ни хотела принимать его провинциальную сущность.

Примечательно, что при Нероне буферные зоны, формировавшиеся римлянами, выглядели как мертвые незаселенные полосы, которые создавались перед римскими границами. Местная администрация при возникновении угрозы со стороны была неспособна грамотно оценить ситуацию и дать достойный отпор противнику. Тем более, в организованных буферных зонах, как правило, стояли вспомогательные отряды, состоящие из ветеранов и местного населения, недавно получивших римское гражданство за вступление в армию.

Учитывая неудачный опыт с Трапезунтом и Аникетом, при Веспасиане стало понятно, что нейтральное буферное государство малоэффективно для использования в римских целях в силу легкой уязвимости. Поэтому римляне

¹ *Kolendo J.* Les traditions d'Alexandre le Grand dans la politique de Néron. À propos du projet de l'expédition caucasienne // Actes du Colloque international sur l'idéologie monarchique dans l'Antiquité. Warsaw-Cracow, 1980. S. 129–133.

² *Симоненко А.В.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 88.

либо расширяли в нем свой воинский контингент, либо поддерживая добрососедские отношения, всячески помогали материально.

Также постройка фортификационных сооружений с целью защиты государств от внешнего воздействия – в частности, крепости Мцхета и Гармозика, была не лишней, учитывая опыт прорыва варваров в 35 г. Вместе с тем, союзные отношения римлян с варварами почти всегда являлись вынужденной мерой и использовались только для решения назревших задач¹ и под конкретное событие², а именно для защиты от алан. Гармозика держала под контролем подходы к расположенному в 30 км севернее Дарьяльскому проходу – самому удобному пути из северокавказских степей в Закавказье³.

Таким образом, очевидно что цари Восточного Причерноморья выполняли для Рима, во-первых, полицейские функции, что выражалось в поддержании порядка на территории, и второе – обеспечивали гарнизоны товарами первой необходимости, а также по мере надобности «выставляли штыки» в интересах империи. Взамен римская администрация предоставляла зависимым царям свою защиту и всякого рода преференции по налоговым выплатам. Однако на поверку все было не совсем так. Разбираться с разбойниками и пиратами цари, как правило, не хотели, так как сами были заинтересованы в их прибыли и зачастую поощряли их. Поэтому римлянам приходилось постоянно самим контролировать ситуацию. Не случайно при Адриане и его возврате к политике стратегической обороны тогдашний наместник Каппадокии Флавий Арриан по прозвищу новый Ксенофонт лично объезжал с инспекцией всех зависимых царей.

После окончательного включения Боспора и Северо-восточной части Понтийского побережья в пределы *Rex Romana* на территории Закавказского региона, не без участия Рима, был посеян постоянный хаос в виде противоречий между Албанией и Иберией и сармато-аланскими группировками, осуществляющими краткосрочные набеги, в том числе и на Армению с её непостоянным статусом, который также был выгоден Риму.

THE SPECIAL OBJECTIVE OF THE ROMAN GARRISONS IN COLCHIS IS THE NEED OR MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION

R.M. Bobin (Tula)

The eastern outskirts of the Black Sea region were under the constant supervision of the Roman administration at all times of the existence of the Roman state. This was due to the fact

¹ *Ярцев С.В., Бутковский А.Ю.* Военно-политическая стратегия на северо-восточных рубежах Римской империи во время правления императора Нерона // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки».* 2018. № 03/2. С. 56–64.

² *Смышляев А.Л.* Латинская надпись из Азербайджана: Проблема и история интерпретации // *ВДИ.* 2018. № 3. С. 581–610.

³ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г.* Римская военно-политическая стратегия в Северном Причерноморье во время правления императора Веспасиана // *Tractus Aevorum.* 2020 (весна/лето). № 7(1). С. 52–53; *Перевалов С.М.* Управление Кавказским краем в ранней Римской империи (I–III вв. н.э.) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Политические институты и верховная власть. Институт всеобщей истории РАН. М., 2007. С. 186.*

that, firstly, the region was rich in resources actively used by the Romans, and most importantly, fortifications could be built from high-quality local materials. Secondly, due to the similar Mediterranean climate, agricultural production was also actively developed here, which contributed to the uninterrupted food supply of the Roman regular forces. With the development of the infrastructure of the region, the Romans began to actively use it as a springboard for their further advance, as well as an active buffer in the event of a return to defensive tactics.

Key words: Colchis, Roman garrisons, Eastern Black Sea region, piracy, geniochs.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА БОСПОРЕ В III В.

Д.А. Шашков (Тула)

В статье рассматриваются события внутривосточной борьбы на Боспоре, ставшие впоследствии своеобразным катализатором целой цепи трагических событий кризиса III в.

Ключевые слова: история, античные государства Северного Причерноморья, кризис, династическая борьба, Боспорское царство.

Социально-экономический и политический кризис Римской империи непосредственно повлиял на наступление периода дестабилизации на Боспоре в III в. На Боспоре негативные процессы сказывались рядом причин внешнего и внутреннего характера. Из последних ярко выражены довольно острые внутривосточные коллизии, которые в наибольшей степени и подорвали стабильность Боспорского государства.

Угрозы с разных сторон и возросшая самостоятельность местной знати потребовали введения нового политического института – соправительства. Об этом новшестве нам рассказывают нумизматические данные. Соправителем Рескупорида II в 227 г. стал его сын – Котис III. После смерти отца ему пришлось разделить царскую власть с Савроматом III (КБН 1230)¹, а с 233 г. – с Рескупоридом III². Они, скорее всего, были представителями боковой ветви царского рода. В то же время, на Боспоре все отчетливее проявляется сарматское влияние. Эллинизация кочевого населения все больше ослабевает³.

Сарматское влияние особенно ярко проявляется в именах последующих правителей. В 234 г. царем стал Тиберий Юлий Инифимей. С.И. Безуглов справедливо замечает, что неожиданное появление сразу трех правителей (Котиса III, Рескупорида III и Инифимея) в течение одного года, предполагает политическую нестабильность в государстве⁴. Сходство имен Инифимея и правителя кочевников I в. Инисмей позволило предположить родство

¹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. К., 1986. № 656-665.

² Фролова Н.В. Монетное дело Боспора. Ч. 2. М., 1997. С. 7.

³ Масленников А.А. Население Боспорского царства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 9-14.

⁴ Безуглов С.И. К династической истории Боспора в III в. н.э. // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 22-25.

боспорского царя с этим родом. Характерно также, что вместо традиционных царских символов на монетах он использует свою родовую тамгу¹.

Специалисты по-разному оценивают его приход к власти. По мнению С.Ю. Сапрыкина, он был ставленником алан². Исследователь объясняет кризис на Боспоре в 221-234 гг. стремлением алан посадить на престол Боспора своего ставленника. С.В. Ярцев связывает приход к власти Ининфимея с усилением влияния нижнедонской сарматской группировки, на что косвенно указывают строительные надписи нового царя в Танаисе (КБН 1249-1252)³.

Ко времени правления Ининфимея произошли кардинальные изменения в этнополитической картине Северного Причерноморья. Миграции племен Северной Европы привели к тому, что обширные пространства между Доном и Дунаем оказались под контролем земледельческих, главным образом, германских и кельтских племен, среди которых к IV в. стали лидировать готы. Часть этих пришельцев проникла даже на Азиатский Боспор. На начальных этапах, судя по спискам этих племен, лидерство принадлежало боранам, которых относят либо к германцам, либо к кельтам⁴.

Появление новых племен обострило кризис, от которого уже страдали античные государства региона. Согласно историку Зосиму (конец V – начало VI в.), бораны воспользовавшись слабостью Боспора, где, по мнению историка, пресеклась прежняя царская династия, и переправились на боспорских кораблях в Азию (Zosim., I, 31).

Упоминание Зосима о том, что правящая на протяжении нескольких веков династия прервалась, хорошо согласуется с тем, что, начиная с этого времени правители Боспора носят варварские имена, совершенно не характерные для прежнего времени. За Ининфимеем следуют Фарсанз (242-254 гг.), Тейран (275-278 гг.), Хедосбий (278-285 гг.), Фофорс (285-309 гг.), Радамсад (309-322 гг.)⁵. Как правило, они разделяли власть с другими царями, носившими традиционные для старой династии имена «Савромат» и «Рескупорид». И Савроматы-Рескупориды, и «варвары» упоминаются в надписях с традиционным римским двойным именем «Тиберий Юлий». Символика, используемая ими на монетах, также была традиционной для прежних царей. Все это позволяет предположить, что власть перешла к представителям боковых ветвей царского рода, часть которых была теснее связана с варварской знатью. При этом, вероятно, среди соправителей далеко не всегда царило согласие.

Царь Рескупорид III (242-276 гг.) был вынужден налаживать отношения и с боранами и готами, и с сармато-аланскими племенами.

¹ Анохин А.В. Ук. соч. С. 162.

² Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2. С. 126.

³ Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций. Дисс. ... д.и.н. Белгород, 2016. С. 227-228.

⁴ Там же. С. 222-224.

⁵ Анохин В.А. Ук. соч. С. 122 и сл.

В 253/254 г. его соправителем стал Фарсанз. Имя, похожее на имя Фарзоя, позволяет предположить, что он также принадлежал к тому же роду, что и Инифимей¹. С.В. Ярцев предполагает, что Рескупорид и Фарсанз были соперниками и возглавляли две враждебные группировки боспорской знати – «римско-фракийскую» и «сармато-иранскую»². Вероятно, обе группировки вынуждены были как-то взаимодействовать с боранами и готами. Не имея поддержки со стороны Рима, боспорянам ничего не оставалось, кроме как предоставить флот пришельцам для набегов римские провинции в Азии. Это спасло от разорения оставшиеся крупные города, но не избавило от разорения сельскую местность. Под натиском германо-кельтских и, может быть, аланских племен на боспорские земли переселяются в большом числе сарматы. Они либо вытесняют местное сармато-меотское население, либо смешиваются с ним. Переселенцы проникают в города, даже такие крупные как Фанагория, культура которой стремительно сарматизируется³.

С.В. Ярцев, опираясь на археологические и нумизматические данные, реконструирует борьбу на Боспоре между Фарсанзом, возглавлявшим сармато-аланскую группировку, и Рескупоридом III. В результате их противостояния была разрушена и разграблена Горгиппия, а потерпевший поражение Фарсанз или его сторонники – сарматы были вынуждены уйти в Буджакскую степь; также произошло исчезновение городской общины танаитов.

Тогда же на Боспоре прекращается практика найма дружин варваров-северян, на которых, в том числе, опирался клан Инифимея-Фарсанза. Поражение Фарсанза привело, в конечном итоге, к цепи событий, которые привели к масштабным военно-морским акциям северопричерноморских варваров.

С.В. Ярцев предположил, что изгнанный Фарсанз, находясь в Нижнем Подунавье нашел поддержку в отрядах местных объединений, именованных сначала *Latrones*, и состоящих, в основном, из жителей берегов Дуная (беглых рабов, разорившихся провинциалов, выходцев из различных варварских племен). Именно эти его союзники стали известны под именем боранов. С.В. Ярцев предполагает кельтскую основу этого объединения. Также, по его мнению, Фарсанз в период своего изгнания наладил отношения с готами. В оплату за помощь в возвращении боспорского престола Фарсанз мог обещать новым союзникам боспорский флот для организации морских вторжений.

Реконструируя события, связанные с возвращением Фарсанза на престол, С.В. Ярцев предполагает, что варварская армия последнего двигалась

¹ Ярцев С.В. Ук. соч. С. 227-228.

² Ярцев С.В. О начальных событиях кризиса на Боспоре III в. н.э. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 72-76.

³ Античное наследие Кубани. Т. 2. С. 127.

через Северное Приазовье, где ею был взят и разрушен Танаис, что датируется приблизительно началом 250-х гг.¹

Сравнение этих данных с рассказом Зосима и нумизматическими данными позволяет уточнить информацию. Согласно Зосиму, «бораны, готы, карпы и уругунды, которые жили на Данубии, не только не оставили ни одной части Италии или Иллирика неразграбленной, но и непрерывно продолжали опустошать их безо всякого сопротивления. Бораны даже попытались переправиться в Азию и легко устроили это с помощью боспорян, которые скорее из страха, чем из расположения, дали им свои корабли и показали путь при переправе» (Zosim., I, 31).

Эти события, происходившие при императорах Требониане Галле и Валериане, можно датировать 253 г. Этим же (253-254 гг.) временем датируются монеты Фарсанза². Эти данные, в свою очередь, подтверждаются сведениями автора XII в. Зонары о том, что варвары, после того, как разорили балканские провинции, по суше добрались до Боспора, где учинили разорение нескольких городов (Zon. An., XII, 21).

И.Т. Кругликова полагала, что захват Фарсанзом власти не сопровождался разрушением городов и поселений³. Так как слои разрушений боспорских крепостей относятся, скорее всего, к более позднему времени, остается предполагать, что как минимум часть гарнизонов перешла на сторону Фарсанза.

Важно отметить, что небольшое количество найденного оружия и полное отсутствие останков погибших людей в завалах зданий Танаиса, свидетельствуют о том, что город погиб не в результате штурма. Это было целенаправленное разрушение города, сопровождавшееся эвакуацией его жителей боспорскими властями⁴. После разрушения Танаиса войско Фарсанза двигалось, вероятно, вдоль побережья Азовского моря, продвигаясь к азиатской части Боспора. В.Ф. Гайдукевич считал, что варвары прорвались на Боспор именно на кораблях, захваченных в Танаисе⁵. Рескупорид был вынужден согласиться на разделение власти, или же Фарсанз отстранил его на какое-то время от власти.

Как полагает С.В. Ярцев⁶, критикуя реконструкцию отношений двух царей, представленную в более ранних работах, представлениям о мирном соправительстве Рескупорида и Фарсанза противоречит краткое правление

¹ Анисимов А.Н. О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н.э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 128-130.

² Голенко К.В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. №2. С. 93, прим. 38; Габелко О.Л., Завойкин А.А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // БФ. 2004. Ч.1. С. 80 сл.

³ Кругликова И.Т. Боспор III-IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 103. 1965. С. 8.

⁴ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 301.

⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 443-445.

⁶ Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья. С. 239.

второго. С исчезновением Фарсанза на монетах Рескупорида в 254 г. появился символ победы – венок.

Возвращение единоличной власти вовсе не избавило царя от необходимости решать вопросы с войском Фарсанза. Очевидно, уже Фарсанз предоставил союзникам флот. Именно об этом, скорее всего, писал Зосим, когда упоминал о «неких недостойных и низких людях», которые «встали во главе государства», когда «царский род пресекался», и «на своих собственных судах» переправили варваров для грабежа северо-восточного побережья (Zosim., I, 31). Поскольку Рескупорид специально подчеркивал в своих надписях происхождение от царственных предков (КБН, 59, 60), слова Зосима логичнее всего связывать именно с Фарсанзом.

Следовательно, первый морской поход боранов мог произойти только в период короткого правления Фарсанза – летом 254 г. Зосим сообщает, что варварское войско, высадившись на восточном побережье Понта, начало опустошать окрестности Питиунта, тогда как боспорский флот вернулся домой (Zosim., I, 31, 32). Бораны «захватили многие суда, какие смогли, и с величайшей опасностью удалились домой» (Zosim., I, 32).

С.В. Ярцев, опираясь на данные Т.И. Макаровой, связывает с вернувшимися на Боспор боранами гибель в огромном пожаре в Пантикапее производственного комплекса, связанного с монетным двором¹. В печи для выплавки бронзы были найдены 78 монет, 50 из которых были монетами Фарсанза 550 г. б.э.² Нападение варваров на Пантикапей могло быть ответом на гибель Фарсанза в результате военных действий, начатых Рескупоридом.

После нападения на Пантикапей варвары, скорее всего, отступили в район верхнего течения Северского Донца³. Здесь наблюдается концентрация монет Фарсанза и северных провинций Малой Азии⁴. Судя по археологическим данным, сюда после ухода боранов с Фарсанзом продолжали двигаться другие варварские племена, включая готов, которые также упоминаются среди участников второго морского похода в Малую Азию (Greg. Thaum. Epist. Can., V [PG. T.10. Col. 1040, 1037])⁵.

В таких условиях у Рескупорида IV не оставалось иного выбора, кроме как оказывать содействие незванным соседям в организации новых морских экспедиций. Рядом с сожженным Танаисом пришельцами была организована база для организации походов против римских городов. Надо полагать, что в

¹ Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 136-140.

² Голенко К.В. Ук. соч. С. 87-99.

³ Бейдин Г.В. Готы на Боспоре: находки монет царя Фарсанза в ареале Черняховской культуры // Древности. 2014-2015. Харьков, 2015. Вып. 13. С. 146.

⁴ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002. С. 209, рис. 60; Бейдин Г.В. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры // Древности. 2012. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 149-153; Бейдин Г.В. Готы на Боспоре. С. 138-149.

⁵ Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья. С. 242-243.

ответ варвары воздерживались от нападений на собственно боспорские территории. Кроме предоставления кораблей, боспоряне вели с новыми соседями торговлю. Это объясняет отсутствие разрушений на многих городах и поселениях Европейского Боспора во 2-й половине III в.¹

В заключение можно отметить, что в основе этих внутривосточных коллизий лежала схватка за боспорский трон Рескупорида и Фарсанза, которая закончилась поражением Фарсанза и его отступлением в Буджакскую степь. В конечном итоге борьба за боспорский трон станет своеобразным катализатором целой цепи трагических событий, поставивших Боспорское государство на грань катастрофы.

DYNASTIC STRUGGLE ON THE BOSPORUS IN THE III CENTURY A.D.

D.A. Shashkov (Tula)

The article examines the events of the internal political struggle on the Bosphorus, which subsequently became a kind of catalyst for a whole chain of tragic events.

Keywords: history, ancient states of the Northern Black Sea region, crisis, dynastic struggle, Bosporan kingdom.

¹ *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 33.

ПОЗДНИЙ РИМ

АСДИНГИ И ЛАКРИНГИ: К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ В СВЕТЕ РИМСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

М.А. Малинин (Тула)

Данная статья посвящена вопросу о противостоянии между вандалскими племенами асдингов и лакрингов во II веке. Анализируя письменные источники, автор приходит к выводу, что конфликт между варварскими племенами возник из-за привычной для римлян политики «разделяй и властвуй». Автор отмечает, что целью Марка Аврелия являлось безопасность границ империи, чтобы снизить давление вандалов на лимесы, для достижения этих целей римлянами были использованы лакринги.

Ключевые слова: вандалы, астинги, лакринги, Римская империя, противостояние, Дион Кассий.

Проблеме противостояния асдингов и лакрингов в рамках римской политики не посвящено отдельных крупных научных работ, так как затрагиваться проблема начала относительно недавно. Внимание ей уделили в своих работах В.П. Буданова¹, Г.И. Диснер², М.Б. Щукин³.

Противостояние асдингов и лакрингов отражено у Диона Кассия (между 155-164 – 235 гг.) в его «Римской истории». В этом сочинении встречается отрывок, повествующий о том, что во время Маркоманнских войн (166–180 гг.) в 171 г. племя асдингов под предводительством вождей Рая и Рапта попросило у Секста Корнелия Клемента, наместника Дакии, разрешения расселиться на территории провинции (Dio Cass. LXXI., 11-12, 3)⁴. Имперский чиновник не планировал расселять вандалов на вверенной ему территории провинции и отказал вождю германского племени. Далее, как следует из источника, асдинги, прежде чем завладеть областью, населенной племенем костобоков, оставили на попечение наместника Дакии своих жён и детей, что, вероятно, может говорить о союзнических отношениях между двумя сторонами. Вероятно, Империя в данном случае брала на себя обязательства по защите территории вандалов, пока те были заняты войной с костобоками.

Через некоторое время, после своей победы, вандалы начали причинять беспокойства самой Дакии. И тут расселявшиеся по соседству лакринги, неожиданно напали на асдингов, побоявшись того что римские власти поселят их на территории, занятые племенем лакрингов. Древний автор уточняет, что

¹ Буданова В.П. Горский А.А. Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С. 28-29.

² Диснер Г-И. Королевство вандалов. СПб., 2002. С. 21-23.

³ Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 26-27.

⁴ Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22; Буданова В.П. Горский А.А. Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 40.

внезапное нападение лакрингов нанесло такой удар асдингам, после которого они не смогли восстановиться и продолжать свои набеги на Дакию¹.

Из описания противостояния астингов и лакрингов у Диона Кассия достаточно заметной становится роль Римской империи в этом конфликте. Империя не только расселяла варваров около своих границ и на своей территории, но и стремилась их использовать в качестве военной силы при столкновении с врагами. Это становится очевидным при рассмотрении данной проблемы с помощью историко-сравнительного метода.

Использование империей политики столкновения варваров между собой для решения своих оборонительных проблем достаточно заметно в конфликте, вспыхнувшем через восемь лет после столкновения асдингов и лакрингов. В 179/180 г. между квадами и маркоманнами произошёл конфликт (Dio Cass. LXXII. 2, 1-4; SHA. Commod. 3, 5; Herodian. I, 6, 4-9). Но провинции Римской империи он не затронул, так как конфликт происходил на территории враждующих племён. Тем не менее, император Коммод (177 – 193 гг.) вмешался и разрешил конфликт.

В результате успешных действий имперских войск с маркоманнами был заключен мирный договор². По его условиям маркоманны были обязаны предоставлять воинов для вспомогательных войск римской армии (Dio Cass LXXII. 2). Впоследствии военнопленные из числа маркоманнов были расселены в качестве колонов на территории империи³. Это достаточно интересное сообщение, если мы будем учитывать, что до Маркоманнских войн (166–180 гг.) империя и квады находились в дружеских, и даже зависимых (со стороны последних) отношениях, а в 170 г. между ними было заключен союз (Dio Cass. LXXI., 11–12, 3). По нашему мнению, в конфликте 179/180 гг. имперское правительство преследовало цели окончательно сломить своего противника (маркоманнов).

Помимо этого у Диона Кассия имеются и другие примеры подобной политики. В 215 г. императором Каракаллой (211–217 гг.) были рассорены находившиеся в союзе вандалы и маркоманны (Dio Cass. LXXVII., 20, 3). Античный автор не упоминает, каким образом август смог это сделать, но в указанном фрагменте прослеживается попытка империи нейтрализовать усиливающегося противника – вандалов, с помощью своего союзника, находящегося в зависимости – маркоманнов (Vell. II. 108, 2).

Таким образом, на основе письменных источников можно сделать вывод о том, что разгром асдингов лакрингами был нарочито спровоцирован Римской империей. В данном случае власти империи стремились решить проблемы с нападениями вандалов с помощью союзного племени лакрингов.

¹ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 264.

² Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 225.

³ Буданова В.П. Горский, А.А. Ермолова И.Е. Ук. соч. С. 29-30.

После указанного конфликта терзавшие ранее Дакию варвары были нейтрализованы и не могли более продолжать свои набеги. Итогом такой политики стало переселение асдингов в Дакию¹.

Вместе с тем, у исследователей имеется и другая точка зрения. К примеру, Диснер считает, что асдингов власти средиземноморского гегемона расселили в верховьях Тисы, откуда их дружина не предпринимала больше походов на территории Империи².

Так или иначе, но Марк Аврелий и его легионеры достигли своей цели в реализации привычной для Рима политики «разделяй и властвуй».

ASDINGS AND LACRINGS: TO THE QUESTION OF CONFRONTATION IN THE LIGHT OF ROMAN FOREIGN POLICY

M.A. Malinin (Tula)

This article is devoted to the issue of confrontation between asdings and lacrings in the II century. Analyzing written sources, the author comes to the conclusions that the conflict between the barbarian tribes arose due to the prevailing policy for the Romans "divide and rule." The author notes that the goal of Marcus Aurelius was the security of the borders of the empire in order to reduce the pressure of vandals on the limes, to achieve these goals, the Romans used lacrings.

Key words: astings, lacrings, Roman Empire, confrontation, Dion Cassius.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМКАХ ДОМИНАТА В РИМСКОЙ ИСТОРИИ

А.Р. Стрижак (Тула)

В статье рассматриваются принципы сложения новой системы управления Римской империи в поздний период ее истории. Отмечаются основания деления данного периода на ранний и поздний доминат. Также сделаны попытки определения хронологических рамок новой формы правления.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, доминат, хронологические рамки, Диоклетиан, Константин I, Феодосий I.

Период III в. характеризуется серьезным кризисом Римской империи. Он проявлялся в увеличении цен, натурализации хозяйства, росте сепаратизма, снижении жалований, одряхлении системы Принципата. Ответом на данные реалии стали реформы императора Диоклетиана. Особенно важно отметить преобразования в области управления.

Римский император понимал, что управлять столь обширной территорией одному человеку практически невозможно, поэтому принял решение разделить империю между соправителями. Такая система власти получила название тетрархии. Суть ее заключалась в том, что во главе

¹ Колосовская Ю.К. Дунайские племена и их войны с Римом // История Европы. Т. I. М., 1988. С. 610.

² Диснер Г-И. Ук. соч. С. 22.

государства стояли два августа, в их руках была сосредоточена высшая власть; после них, по значимости, шли два цезаря, которые были преемниками августов. Несмотря на деление страны между тетрархами, империя все же оставалась единой, на это обращает внимание древнеримский панегирик (Pan. Lat. X, 9.4). Такое деление было вызвано, в первую очередь, заботой о обороне столь масштабной империи, т.к. каждый правитель следил за спокойствием и безопасностью в подвластном ему регионе. Данная реформа способствовала предотвращению кризиса и наступлению стабильности. Например, автор «Истории Августов» с восторгом рассказывает о разделении власти между соправителями, отмечая их заслуги перед Римской империей (SHA, Car. 18.3–4).

Тетрархия стала одним из периодов развития новой системы управления Империей, домината. Для данной формы правления были характерны: централизация, бюрократизация, сакрализация¹. Система домината смогла преодолеть кризис III в., и государство вступило в завершающий этап своего развития, переживая взлеты и падения.

Как мы уже сказали, доминат начинает формироваться в царствование Диоклетиана. В это время происходит трансформация экономической, политической, социальной и духовной сфер жизни общества².

Стоит отметить, что данная система управления носила динамичные черты и терпела изменения³, поэтому принято выделять ранний и поздний доминат. Попробуем разобраться с их хронологическими рамками.

Ранний доминат был детально разработан М.В. Циглером, ученый ограничивает его хронологическими рамками 284-324 гг.⁴ Связано это с тем, что в 306 г. система начинает давать трещины, т.к. армия нарушает порядок престолонаследия и провозглашает новым императором Константина. Несмотря на данные изменения, доминат, заложенный Диоклетианом, еще просуществует до 324 г. В этом году Константин провозглашает себя единоличным правителем⁵, в результате чего ранний доминат достигает своего логического завершения⁶. М.В. Циглер характеризует данный период становлением новой государственно-политической системы, подразумевающей существование сильной централизованной власти. Константин будет играть важную роль в становлении системы домината, т.к., с одной стороны, он во многом продолжит реформы Диоклетиана, а с другой – положит начало новому периоду.

¹ Циглер М.В. Северное Причерноморье в период раннего домината: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Белгород, 2015. С. 83-84.

² Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

³ Millar F. The Emperor in the Roman World 31 BC – AD 337. Ithaca; London: Duckworth, 1977.

⁴ Циглер М.В. Северное Причерноморье в период раннего домината. С. 6.

⁵ Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 249.

⁶ Циглер М.В. Северное Причерноморье в период раннего домината. С. 6.

Существует и другая точка зрения на ранний доминат: так, Д.Е. Богданов в своей работе первый период определил в рамках 284-305 г. Ученый объясняет это тем, что после 305 г. система, заложенная Диоклетианом, стала работать нечетко, и последующий период кардинально отличался от предыдущего¹. Несмотря на то, что периодизация Д.Е. Богданова отличается от М.В. Циглера, все же они имеют общие черты и признают наличие изменений, связанных с 305 г.

Однако хронологические рамки позднего домината менее разработаны исторической наукой и вызывают определенные сложности. Периодизация М.В. Циглера позволяет нам определить начало нового периода в 324 г., однако конечная дата остается спорной.

В историографии принято считать окончанием периода домината 476 г.² Это вполне объяснимо тем обстоятельством, что данная дата считается падением Западной Римской империи. Следовательно, с изменением статуса империи и заканчивается система управления, складывающаяся при Диоклетиане и Константине.

Стоит отметить точку зрения об окончании данного периода 395 г.³; основоположником данной теории является Д.Е. Богданов⁴. Ученый считает, что проведенные Феодосием I реформы, в том числе и разделение некогда единой империи на Западную и Восточную, привели к преобразованию домината в новую форму правления – «военное регентство». Обоснованием этого служит принципиальное отличие двух этих систем: последняя имеет следующие черты – формирование нового государства Западная Римская империя; ослабления Рима, как столицы; фактическая власть военных регентов и несостоятельность имперской власти⁵.

Действительно, приход к власти варваров в качестве фактических правителей Империи и деление ее на две части приносили качественные изменения в управление Римом. Однако, стоит отметить, что некоторые исследователи считают, что 395 г. не стал основанием для существования двух разных государств, и Римская империя продолжает сохранять свою целостность⁶. Исходя из этого, можно предложить, что «военное регентство» не было новой формой правления, а стало еще одним этапом домината.

Таким образом, мы видим что, несмотря на важность периода домината для понимания римской истории, все же нет единого мнения о хронологических рамках данной системы управления.

¹ *Богданов Д.Е.* Конец домината: от тетрархии к военному регентству на западе Римской империи (379-423 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Белгород, 2018. С. 5.

² *Кравчук А.* Галерея римских императоров. Доминат. Екатеринбург, 2011

³ *Southern P.* The Roman Empire from Severus to Constantine. N.Y., 2001.

⁴ *Богданов Д.Е.* Конец домината: от тетрархии к военному регентству на западе Римской империи (379-423 гг.).

⁵ Там же

⁶ *Александрова Т. Л.* Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 9–20.

ON THE QUESTION OF THE CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE DOMINANT IN ROMAN HISTORY

A.R. Strizhak (Tula)

The article discusses the principles of the foundation of a new system of governance of the Roman Empire. The reasons for the division of this period into early and late dominates are noted. Attempts are also made to determine the chronological framework of the new form of government.

Keywords: Roman Empire, dominat, chronological framework, Diocletian, Constantine I, Theodosius I.

СОЧИНЕНИЯ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙНОЙ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХ РАСКОЛОВ

Б.М. Войлоков (Белгород)

В статье рассматриваются различные труды Аврелия Августина, которые посвящены истории церковных расколов. В частности, анализируются сочинения, которые описывают события, приведшие к донатистскому расколу. Автор приходит к мнению о том, что некоторые труды Августина содержат важную информацию, которая способна дополнить историю событий церковных расколов, поскольку епископ Гиппона уделяет значительное внимание борьбе с ересями в своих трудах.

Ключевые слова: Аврелий Августин, церковь, христианство, раскол.

Аврелий Августин является одним из главных христианских мыслителей позднеримской эпохи. Именно ему принадлежит право называться первым, кто не только переосмыслил церковные догматы и привел их в соответствие с требованиями времени, но также и создал сильнейшую теоретическую базу для христианского учения Церкви, к которой обращаются и в наши дни в поисках авторитетного мнения Святого апологета. Однако среди трудов сугубо теологического характера у Августина есть сочинения, которые повествуют о современных ему событиях, о том, что волнует его в окружающем мире. Именно эти труды сообщают нам детали различных событий и, в частности, церковных расколов.

Цель работы заключается в том, чтобы, проанализировав различные труды Августина, выявить среди них те, которые предоставляют ценные сведения о событиях расколов. В будущем это станет хорошим подспорьем при реконструкции истории церковных расколов в конце IV – 1-й пол. V вв.

Стоит заметить, что данный вопрос особо волнует исследователей, начиная с конца 90-х гг. XX в., поскольку, именно в это время происходит переосмысление роли Августина в истории. В силу известных причин в советской историографии религиозные деятели крайне редко становились предметом научных изысканий, однако, большое внимание Августину в контексте анализа церковных расколов уделялось в дореволюционной отечественной историографии.

Так, фундаментальным является труд Н.П. Кутепова «Раскол донатистов: Церковно-историческое исследование Н. Кутепова»¹, в котором исследователь пытается пролить свет на истоки начала движения еретиков и видное место в противостоянии им отдает Аврелию Августину.

Труды В.З. Белоликова «Литературная деятельность Блаженного Августина против раскола донатистов»², В.А. Троицкого «Вопрос о Церкви в полемике блаж. Августина против донатистов»³ также освещают интересующую нас проблематику.

Отдельный пласт в историографии Августина представляют работы князя Е.Н. Трубецкого, такие как «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке»⁴ и «Философия христианской теократии в V веке: учение Блаженного Августина о граде Божиим»⁵, в которых автор не только рассматривает Августина как одного из главных богословов христианской церкви, но также и дает правовую оценку различным процессам, происходящим в христианском мире в V веке, в том числе и борьбе с ересями.

Среди работ, которые изучают творческое наследие Августина, так или иначе, связанное с раскольниками, в настоящее время, можно выделить статью А.Л. Мамонтова «Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов (по материалам переписки)»⁶, в которой исследуется апология государственного преследования еретиков, а также рассматривается развитие взглядов Августина по этому вопросу.

В другой работе автора «Константин и донатистский раскол: первые шаги императора (313-314 гг.)»⁷ рассматривается политика императора по отношению к разногласиям в Африке в 313-314 гг., в центре которых оказался и сам Аврелий Августин. Также особое внимание автор уделяет выяснению мотивов правителя и значения двух собраний епископов, созванных для решения данного вопроса.

¹ Кутепов Н.П. Раскол донатистов: Церковно-историческое исследование Н. Кутепова. Казань, 1831. 286 с.

² Белоликов В.З. Литературная деятельность Блаженного Августина против раскола донатистов. Киев, 1912. 146 с.

³ Троицкий В.А. Вопрос о Церкви в полемике блаж. Августина против донатистов // Богословский вестник. М., 1912. №10. С. 297-327.

⁴ Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке: Ч. 1-2. М., 1892. 272 с.

⁵ Трубецкой Е.Н. Философия христианской теократии в V веке: учение Блаженного Августина о граде Божиим. М., 2011. 145 с.

⁶ Мамонтов А.Л. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов (по материалам переписки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. М., 2016. С. 691-699.

⁷ Мамонтов А.Л. Константин и донатистский раскол: первые шаги императора (313-314 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: История. История Русской Православной Церкви. М., 2019. № 86. С. 9-24.

Можно выделить работу этого же автора под названием «Мученичество в Северной Африке IV-V вв.: самоидентификация и полемика»¹; в данном труде А.Л. Мамонтов рассматривает отношение донатистов, кафоликов и непосредственно Августина к мученичеству. На примере этой работы можно выделить основные разногласия еретиков и официальной церкви в идеологическом плане.

Из современной историографии важной работой, в которой рассматриваются труды Августина против ересей, является также статья В.В. Кирюхина «Теологические разработки блаж. Августина в правоприменительной деятельности Римской империи V века»².

Августин как фигура общеисторического масштаба привлекал и привлекает пристальное внимание исследователей всех мастей: от богословов до историков, однако, его личность настолько многогранна, а наследие – обширно, что по-прежнему остается достаточное количество лакун и дискуссионных вопросов в области «августиноведения».

Среди трудов самого Августина, в которых раскрывается история ересей и церковных расколов, можно привести такие сочинения как «О крещении против донатистов» (*De Baptismo contra Donatistas*)³, «Об истинной религии»⁴, «О природе блага против манихеев»⁵.

Но основной пласт информации содержится непосредственно в многочисленной корреспонденции Августина. Так можно особенно выделить различные послания: «Письмо к римскому пресвитеру Сиксту»⁶, «Письмо к Валентину Адруметскому»⁷, «Письмо к Валентину и вместе с ним монахам адруметским»⁸.

В целом можно сказать, что Августин писал о том, что его волновало в настоящее время: в каких-то письмах он упрекал сановников в отклонении от догматов Церкви, в других наставлял и поучал молодых епископов, а третьих

¹ Мамонтов А.Л. Мученичество в Северной Африке IV-V вв.: самоидентификация и полемика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Богословие. Философия. Религиоведение. М., 2019. № 83. С. 107-123.

² Кирюхин В.В. Теологические разработки блаж. Августина в правоприменительной деятельности Римской империи V века // Труды Белгородской духовной семинарии. Белгород, 2017. №6. С. 67-71.

³ Букин М.А. Блаженный Августин Иппонийский. О Крещении против донатистов. Кн. I: I-IV // Труды и переводы. СПб., 2018. №1. С. 108-119, а также Букин М.А. Блаженный Августин Иппонийский. О Крещении против донатистов. Кн. I: V-IX // Труды и переводы. СПб., 2020. №1. С. 9-17.

⁴ Творения. Блаженный Августин: в 4 т. СПб.; Киев. Т. 1: Об истинной религии. 2000. С. 394-468.

⁵ О природе блага против манихеев. Блаженный Аврелий Августин // Альфа и Омега. 2007. № 3. С. 79-97.

⁶ Аврелий Августин. Письмо 194, к римскому пресвитеру Сиксту // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 96-128.

⁷ Аврелий Августин. Письмо 214, к Валентину Адруметскому // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 135-138.

⁸ Аврелий Августин. Письмо 215, к Валентину и вместе с ним монахам адруметским // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 141-145.

рассказывал о тактике Церкви в борьбе с раскольниками и сопровождал это богатыми описаниями происходивших событий.

Во времена донатистского раскола литературная деятельность Августина вышла на новый уровень. В 400 г. им были написаны работы «О крещении против донатистов», сочинение «Против Пармениана», «О единстве Церкви» и другие. Эти работы, по мнению В.З. Белоликова, считаются цветом литературной полемики Августина против донатизма¹.

Сочинение против Пармениана состоит из 3 частей. Первая книга содержит возражения Августина по поводу обвинения и несправедливых жалоб Пармениана в адрес католических христиан и, вместе с тем, приводит аргументы в защиту государственного насилия против еретиков. Во второй и третьей книгах разбираются и оцениваются свидетельства Писания, которые приводит Пармениан в подтверждение своих слов. И если вторая и третья книги важны, в первую очередь, с богословской точки зрения, то с исторической, первоочередное значение имеет именно первая часть данного сочинения. В первой книге содержится документальное свидетельство действий Пармениана, и сам Аврелий Августин шаг за шагом развенчивает нападки своего соперника и затрагивает вопрос о том, чем объясняется действительность таинств и старается доказать, используя средства логики, что вселенская Церковь не утратила своей чистоты, а значит донатисты неправы в своих обвинениях. Во второй и третьей книге Августин разбирает приводимые Парменианом цитаты из Священного Писания; и здесь он уличает последнего в неверном, поверхностном толковании Писания, чтобы увлечь неопытных от истинной церкви. Причем заметим, что во второй и третьей частях он отвечает на все послания Пармениана, хотя ничего нового относительно той части послания, которую он разбирает в первой книге, нет, и делает Августин это «ради немощных, скудоумных братьев, которые сами не могут критически отнестись ко всему, что им предлагается»².

Следующей немаловажной работой Августина является сочинение «Contra Iitteras Petilianı» и «De Unitate Ecclesiae», которые представляют для историка большую содержательную ценность, поскольку содержат обилие материала по основным вопросам раскольнической доктрины. Также, анализируя данные труды, можно составить характеристику и самого Августина как полемиста и деятеля против раскола. В данных работах автор решает вопросы о крещении, о Церкви, об отношениях Церкви с государством.

Также существует объемный труд «О Крещении против донатистов», в котором он, в первую очередь, обозначает позицию истинной Церкви по отношению к Крещению, которое совершается вне её пределов. Августин приводит исчерпывающие доказательства того, что это таинство является

¹ Белоликов В.З. Литературная деятельность Блаженного Августина против раскола донатистов. Киев, 1912.

² Там же.

действительным, однако оно не приносит пользу, пока человек находится в расколе¹.

Также, рассматривая труды Августина, можно заметить интересную особенность: особый их расцвет выпадает на трудные для Церкви времена, это, например, периоды различных расколов или же падение Рима в 410 г., после которого он пишет свой знаменитый труд «Исповедь».

Особое внимание следует уделить корреспонденции Августина. Его довольно обширная переписка насчитывает порядка 300 писем, которые в своем большинстве направлены лицам в западной части тогда еще единой Римской империи². Не так давно исследователем И. Дивжаком было найдено 26 ранее неизвестных миру писем епископа Гиппона. И хотя данные письма не содержат каких-то новых догматических данных, тем не менее, в них можно обнаружить много ценной информации, касающейся «последней стадии развития донатизма, присциллианства и пелагианства на Западе, случаев апелляции к авторитету Римской кафедры, а также сведения о монашеской жизни в кругах, близких блж. Августину»³.

Интересным для нас является обращение к святому Кириллу. Это письмо против пелагианской ереси, по всей вероятности, было уже не первым, направленным этому служителю Церкви. Это же письмо раскрывает некоторую событийную историю раскола. Так из него мы узнаем, что «Пелагий, сочтенный правоверным (catholicus), был оправдан, скрывшись за хитроумными словесными уловками и обманув, таким образом, наших братьев, которые председательствовали тогда в качестве судей, тогда как с противоположной стороны не было никого, кто мог бы опровергнуть его»⁴.

Из другого письма «Блаженному господину и достопочтенному брату и сослужителю Аттику» мы узнаем о некоем Аттике, который сделал большой вклад в дело искоренения пелагианской ереси, за что Августин его и благодарит: «я с радостью узнал, что Твоя Святость с пастырской заботой поступает так, чтобы не только исправлять извращенность некоторых пелагиан, но и быть бдительным против их уловок»⁵.

Также особого внимания заслуживает письмо пресвитера Гиппона-Регия к Алипию, епископу Тагасты, о дне памяти Леонтия, некогда епископа Гиппонского, которое датируется 395 г. Оно, в первую очередь, замечательно тем, что является живым свидетельством того с каким усердием, преодолевались языческие традиции североафриканских христиан, в том числе и празднование «Летиций», которые были приурочены к дню памяти местного святого мученика Леонтия. Также этот документ говорит о том, что,

¹ Букин М.А. Блаженный Августин Иппонийский. О Крещении против донатистов. Кн. I: I-IV // Труды и переводы. СПб., 2018. №1. С. 112.

² Ткачева Е.В. Блаженный Августин Иппонийский. Два новооткрытых письма на Восток // Богословский вестник. М., 2010. №11-12. С. 46.

³ Там же. С. 46-47.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 61.

еще будучи пресвитером, Августин уже начал свою деятельность в качестве проповедника с разрешения гиппонского епископа Валерия.

В этом письме мы можем прочитать следующее: «У Асны, где пресвитером брат Аргенций, циркумцеллионы ворвались в наши базилики и повредили алтарь. Сейчас дело разбирается в суде, и мы весьма просим вас молиться, чтобы оно прошло мирно и так, как подобает вести дело Церкви для связывания языков неугомонной ереси»¹. Из этого отрывка можно судить о том, что «циркумцеллионами»² называют еретиков, которые громят священные места ортодоксальной Церкви.

Из кодекса Феодосия в статье «О еретиках» узнаем, что данная группировка является раскольническим движением донатистов и, «если со дня издания закона все донатисты, как духовенство, так и клирики и лаики, не перейдут в католичество, от которого кощунственно удалились, пусть тогда сиятельные поименно в виде наказания будут присуждены внести в наш фиск по 50 фунтов золота <...> циркумцеллионы – 10 фунтов серебра» (Cod. Theod. XVI, 5).

В письме к римскому пресвитеру Сиксту Августин пишет о том, что тот слишком мягко относится к раскольникам, а именно: «Да и нужно признаться Твоей Любви, что были мы весьма сильно опечалены, когда распространилась молва о том, будто ты благосклонно относишься к врагам христианской благодати»³. В данном случае речь идет о Папе римском Сиксте III. Далее в своем письме Августин дает наставление наместнику Рима и поучает его, как правильно вести себя с раскольниками: «Итак, первых следует наказывать с большей суровостью, вторых нужно более усердно разыскивать, а с третьими хотя и надо обращаться помягче, однако следует без лености научать их, поскольку, хотя не приходится уже опасаться, что они кого-то погубят, все же не следует ими пренебрегать, чтобы из-за этого сами они не погибли»⁴. Таким образом пред нами в корреспонденции Августина встает еще одно действующее лицо церковных расколов.

В другом письме, к Валентину Адруметскому, описана любопытная ситуация, когда к Святому Отцу пришли двое юношей из обители Валентина Адруметского, которые решили разузнать о раздоре, возникшем на почве святого учения Церкви. Из письма Августина следует, что эти двое монахов принесли ему письмо, которое он направил ранее пресвитеру Рима Сиксту и о котором упоминалось выше: «Потому книгу или письмо мое, которую принесли с собой нам названные выше [братья], понимайте в согласии с этой верой, чтобы вам и

¹ Блаженный Августин, епископ Гиппонский. Письма [28, 29, 246, 210] // Альфа и Омега. М., 2003. № 4. С. 47-62.

² Донатизм сливался с движением циркумцеллионов, перераставшими в крупные социальные восстания. Восставшие называли себя агонистиками – борцами за истинную веру; противники агонистиков, католические епископы, называли их циркумцеллионами, т.е. бродящими вокруг деревенских хижин.

³ Аврелий Августин. Письмо 194, к римскому пресвитеру Сиксту // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 96-128.

⁴ Там же.

не отрицать Божией благодати»¹. Однако Августин ясно дает понять, что его обращение в Рим было направлено не против обители Валентина Адруметского: «Хотелось бы мне, чтобы вы знали, что упомянутое выше письмо к пресвитеру Римской Церкви Сиксту написано было против новых еретиков – пелагиан»². Вместе с тем, Святой отец не стал в подробностях рассказывать о происходящем пелагианском расколе, поскольку двое юношей спешили, чтобы «провести Пасху вместе с Вами [Валерием Адруметским – прим. авт.]»³, что дает нам понимание не только о событиях эпохи расколов в Церкви, но также и позволяет выяснить конкретные даты происходящего.

Из другого письма, к Виталию Карфагенскому, можно узнать, что последний являлся приверженцем раскольнических пелагианских идей; так Августин пишет: «И потому ты полагаешь, что стопы человека для избрания пути Божия направляются от Господа лишь настолько, насколько без учения Божия ему не может стать известной истина, с которой он соглашается по своей собственной воле <...> Это то самое дурное мнение пелагиан, которое широко распространилось и заслуженно было отвергнуто, будучи осуждено даже самим Пелагием, испугавшимся оказаться осужденным на суде восточных епископов»⁴. После всех своих слов убеждения Августин предостерегает Валентина: «если ты отрицаешь, что надлежит молиться о том, чтобы те, кто не желают верить, пожелали уверовать, если ты отрицаешь, что надлежит благодарить Бога за то, что пожелали верить те, кто не желали верить, то по-иному придется обойтись с тобой, чтобы ты не заблуждался так, или же, если будешь упорствовать в заблуждении, чтобы не вводил и заблуждение других»⁵. Таким образом становится понятной расстановка сил в североафриканских епископствах на момент церковного раскола. Августин в данном случае прибегал к теологическому обоснованию своей точки зрения и убеждал своего брата по вере из Карфагена отречься от раскольников.

В целом стоит сказать, что основная масса богословских трудов Августина – это защита официальной позиции Церкви на поприще идеологической борьбы против еретиков всех мастей, среди которых не только донатисты, но и манихеи, пелагиане. Заработанный благодаря этим сочинениям авторитет Августина столь велик, что многие богословы при изучении Писания обращаются к мнению Святого отца.

Также, говоря об общем характере работ Августина, нельзя не учесть тот факт, что главенствующее место в объяснении истин христианской религии он отдает риторике, и через все работы Святого отца незримой нитью проходит

¹ Аврелий Августин. Письмо 214, к Валентину Адруметскому, 1-е // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 135-138.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Аврелий Августин. Письмо 217. К Виталию Карфагенскому // Антипелагианские сочинения позднего периода. М., 2008. С. 273-295.

⁵ Там же.

диалог между платонизмом и христианством¹. Во множестве его трудов раскрывается история расколов и предстают главные действующие лица той эпохи, которые сражались на богословском фронте.

Заметим также, что Августин обладает уникальным свойством, которое присуще интеллектуалам Поздней античности. Так, в своих личных письмах, адресованных другим епископам, представителям власти, его друзьям и прочей римской знати, он применяет высокий стиль письма, руководствуясь при этом своим замечательным риторическим образованием. А в своих проповедях, которые обращены, в первую очередь, к пастве, простому народу, он использует довольно понятный для данной категории населения язык. Именно это добавляло ему ту известную долю авторитета как со стороны христианских сановников, так и со стороны простых прихожан.

В качестве выводов отметим, что, во-первых, сочинения Августина – это настоящая энциклопедия церковной жизни, в том числе и расколов, поскольку в них можно найти практически любое действующее лицо той эпохи, а также отыскать ответы на некоторые сложные вопросы.

Во-вторых, анализируя избранные сочинения и корреспонденцию Августина, можно установить некоторые действующие лица донатистского и пелагианского расколов, а также узнать о некоторых событиях, свидетелем или участником которых он стал, поскольку труды епископа Гиппона наделены важной исторической составляющей, которая повествует о жизни Церкви. В будущем эта информация будет полезна для воссоздания исторической последовательности событий церковных расколов, в которых Аврелий Августин принимал самое активное участие.

WORKS OF AURELIUS AUGUSTINE IN THE CONTEXT OF THE EVENT HISTORY OF THE CHURCH SCHISMS

B.M. Voilokov (Belgorod)

The article discusses various works of Aurelius Augustine, which are devoted to the history of Church schisms. In particular, the works that describe the events that led to the Donatist split are analyzed. The author comes to the conclusions that some of the works of Augustine contain important information that can supplement the history of the events of Church schisms, since Bishop of Hippo pays considerable attention to the fight against heresies in his writings.

Key words: Aurelius Augustine, church, Christianity, schism.

ЮРИСТЫ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

Е.Р. Барсова (Белгород)

В статье рассматриваются некоторые примеры наиболее выдающихся представителей юриспруденции в Поздней и Средней империи Рима. Отмечается вклад

¹ Дьяченко О.Н. Проблема теодицеи: Аврелий Августин // Известия Иркутского гос. университета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2018. Т. 25. С. 38.

выдающихся ученых-юристов в развитие римского права, их деятельность на посту государственных чиновников.

Ключевые слова: Древний Рим, юристы, юриспруденция, римское право.

Римская империя – постреспубликанский период истории Древнего Рима, время, в течение которого право начинает проникаться идеей общечеловеческого разума и справедливости. Это период внедрения естественного права, эпоха деятельности великих юристов II и III веков Гая, Папиниана, Павла, Ульпиана и Модестина, продолжавшаяся до Александра Севера и давшая римскому праву ту силу, глубину и тонкость мысли, которая побудила народы видеть в нём «писанный разум», а великого мыслителя Г.В. Лейбница – сопоставить римское право с математикой¹.

Право этого периода часто называют классическим периодом в развитии римского права. Литературные и практические достижения юристов этого времени придали римскому праву его уникальную форму. Функционал юристов Поздней и Средней империи был многообразен: они занимались предоставлением юридических заключений (чаще всего по просьбе частных лиц), консультировали магистратов, которым было поручено отправление правосудия (в первую очередь, преторов), помогали в создании эдиктов преторов, которые составлялись для формального закрепления вступления претора в должность и преторских формуляров, в соответствии с которыми проводились конкретные разбирательства.

Следует отметить, что римские юристы принимали активное участие в разработке многочисленных видов юридических наказаний. Так, примерно в 130 г. юрист Сальвий Юлиан составил стандартную форму эдикта претора, который с того времени использовался всеми преторами. Этот указ содержал подробное описание всех случаев, в которых претор разрешал судебный иск и в которых предоставлял защиту.

Новые концепции и правовые институты, разработанные доклассическими и классическими юристами, слишком многочисленны, чтобы упоминать их в тексте данной статьи. Так, например, римские юристы четко отделяли законное право пользования вещью (владение) от фактической возможности использовать вещь и манипулировать ею (владение). Они также установили различие между договором и деликтом как источниками юридических обязательств. Стандартные типы контрактов (продажа, контракт на работу, наем, контракт на оказание услуг), регулируемые в большинстве континентальных кодексов, и характеристики каждого из этих контрактов также были разработаны римской юриспруденцией.

В течение Средней и Поздней империи юристы принимают все более активное участие в управлении Империей и провинциями. Так, например, Луций Нераций Приск – древнеримский государственный и политический деятель, известный своей юридической работой, пользовался доверием императора Траяна. С 98/99 по 100/101 год Приск осуществлял руководство провинцией

¹ Кузицин В.И., Маяк И.Л. История Древнего Рима. М.: Высш. шк., 2000. С. 183.

Нижняя Германия в качестве легата-пропретора. Между 102/103 и 106 г. он возглавлял Паннонию. Автор биографии Адриана в «Истории Августов» рассказывает, что Траян однажды сказал Приску: «Если со мной случится что-либо, predetermined судьбой, я поручаю тебе провинции»¹. Несмотря на то, что ряд историков сомневается в правдивости этих сведений, все же следует думать, что степень доверия Траяна Приску была крайне высока.

Приведем еще один пример римского юриста, выполнявшего государственные функции. Самый ранний и крупнейший представитель Позднего периода – Эмилий Папиниан, ученик Квинта Цервудия Сцевола (родился около 150 г.). Относительно его происхождения существуют разные точки зрения, но большая часть исследователей склоняется к тому, что он находился в родственных отношениях с императором Септимием Севером, который был женат на сестре Папиниана. С Севером он, вероятно, обучался у Сцевола, что только укрепило его дружеские отношения с будущим императором. Это подтверждают факты многочисленных назначений Папиниана на различные государственные должности при Севере (пост начальника ведомства петиций (*magister libellorum*), должность начальника преторианцев (*praefectus praetorio*)).

После смерти Септимия Севера (211 г.) его отрешают от власти. Непопулярный среди столичного гарнизона, после государственного переворота Каракаллы и убийства его брата и соправителя он был приговорен к смерти на показательном процессе преторианцев и казнен без вмешательства Каракаллы (Dio Cass. 78, 1,1, и 78, 4; Hist. Aug. 13, 8; 13, 4; Aur. Vict. Caes. 20, 30).

Его богатая на события профессиональная жизнь отразилась и на его юридической деятельности. Из его работ дошло не так много трудов, как в ситуации с учениками Папиниана Ульпианом и Юлием Павлом. Папиниан написал три сборника по гражданской юриспруденции – «Вопросы», «Мнения» и «Дефиниции». В первой работе была сформулирована правовая доктрина Папиниана. Вторая работа носит в большей степени полемический характер, поскольку в ней Папиниан рассматривал мотивы и доводы, которые на суде выдвигают участники процесса. Третья работа была направлена на формулирование рекомендаций по правовым вопросам, возникающим в практической деятельности римских судов.

В Поздний период практически все юристы были родом из провинций (насколько мы вообще можем судить об их происхождении). Так, один из самых значимых и плодотворных писателей-юристов Гай (ок. 120-180 гг.) был родом из провинции². Несмотря на происхождение, Гай осуществлял обширную научную деятельность в области права, которая получила популярность в период Империи, став настоящим реформатором в сфере юриспруденции (Dig. 34, 5, 7 pr.). Небезызвестные Институции Гая,

¹ *Scriptores Historiae Augustae* / Ed. E. Hohl. Lipsiae, 1955. Vol. I-II.

² Точные сведения о происхождении, полном имени и обстоятельствах жизни неизвестны.

комментарии к Законам двенадцати таблиц, 5 книг комментариев к закону Юлия и Папия и иные правовые источники – лишь часть известных сочинений Гая. В частности, Институции Гая являются систематическим изложением всего римского частного права. По мнению историка-исследователя И.А. Покровского, сквозной идеей всех книг Институций служит принцип «Ведь все право, которым мы пользуемся, относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам»¹. Институции на сегодняшний день являются единственным памятником полной древнеримской научной системы права и драгоценным источником сведений о состоянии римского права на ранних ступенях его развития.

Для римских юридических школ учебник Гая «Институции» служил образцовым пособием при изучении права: систематичность, краткость, ясность и точность изложения, сопровождаемого в трудных местах многочисленными пояснениями в виде примеров из судебной практики, чистота латинского языка и обилие исторических сведений – вот отличительные качества этого учебника.

Система Гая, отличающаяся простотой и удобством в распределении материала, вплоть до распространения пандектной системы господствовала в изложении права в континентальной Европе (во Франции её доминирование продолжается до настоящего времени)².

Таким образом, в период Средней и Поздней империи происходит расцвет деятельности юристов, который характеризуется эпохой создания великих нормативно-правовых источников, которые стали основой будущей романо-германской правовой системы, а также обратили внимание представителей научного мира других государств на идею естественных прав человека.

Сегодня в странах, где юридическая практика основана на кодексе, применяются многие правила, вытекающие из римского права: ни один кодекс полностью не порвал с римской традицией. Положения римского права, сформулированные известными римскими юристами, были приведены в более согласованную систему и выражены на национальном языке.

LAWYERS OF THE LATE AND MIDDLE EMPIRE PERIOD

E.R. Barsowa (Belgorod)

The article discusses some examples of the most prominent representatives of jurisprudence in the Late and Middle Empire of the Roman state. The contribution of outstanding legal scholars to the development of Roman law, their activities as government officials is noted.

Keywords: Ancient Rome, lawyers, jurisprudence, Roman law.

¹ Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. С. 122.

² Гурлянд И.Я. Римский юрист Гай и его сочинения. Ярославль, 1893. С. 4.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ЕПИСКОПА В ЭПИСТОЛЯРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ СИНЕЗИЯ КИРЕНСКОГО

Я.В. Попова (Белгород)

В статье кратко рассматривается жизненный путь Синезия Киренского, сопровождающийся его творческой деятельностью. В центре нашего внимания находится эпистолярная коллекция Синезия конца IV – начала V вв. Письма рассматриваются нами с точки зрения трансформации религиозных воззрений епископа Птолемаиды.

Ключевые слова: письма, Синезий Киренский, Поздняя античность, переходный период, эпистолярная коллекция.

Синезий родился предположительно в 370-375 гг.¹ в городе Кирена, который по преданию, изложенному Геродотом в IV книге его «Истории» (Herod. IV, 145-162), был основан переселенцами-дорийцами с острова Феры в VII в. до н.э.² Семья, к которой принадлежал Синезий, считала, что их родословная ведется от рода Гераклидов через царя Спарты Еврисфена, что вызывало особую гордость у Синезия. Воспитывался Синезий в языческих традициях, что заложило фундамент мировоззрения будущего философа³.

До определенного возраста Синезий обучался дома по трудам античных писателей, а в 391 г. он отправился в Александрию, где стал обучаться под руководством Ипатии, дочери знаменитого философа. Это повлияло на становление неоплатонических взглядов Синезия, которых он придерживался до принятия христианства⁴.

После обучения в Александрии Синезий вел активную политическую жизнь в Константинополе⁵, а в последующем боролся с нашествиями варваров на свою родину⁶. Помимо этого, философ занимался творческой литературной деятельностью, в которой отражал свое мировоззрение.

Успешная деятельность Синезия Киренского привела к тому, что жители и церковный клир Птолемаиды в 410 г. избрали его епископом⁷. Этот период отмечается полным переходом Синезия от неоплатонических воззрений к христианским. Подтверждением трансформации взглядов философа является его эпистолярная коллекция.

¹ *Lacombrade Chr.* Synesios de Cyrene. Hellene et chretien. Paris, 1951. P. 13.

² *Roques D.* Synesius de Cyrene et la Cyrenaique du Bas-Empire. Paris, 1987. P. 36.

³ *Остроумов А.* Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ *Liebeschuetz J.H.W.G.* Synesius and the municipal politics of Cyrenaica in the 5th century AD // Byzantion. Vol. 55. 1985. P. 156.

⁶ Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Письма. Т. II / Пер. с др. греч., статья, комм. Т.Г. Сидаша. СПб., 2014. С. 225.

⁷ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Ч. 1. М., 2000. С. 26.

Коллекция Синезия составляет 159 писем, написанных за всю его жизнь¹. В силу большого количества посланий для выявления процесса перехода Синезия Киренского от языческих воззрений к христианским мы будем использовать лишь некоторые, более полно характеризующие смену взглядов философа, а именно отталкиваясь от периода (самые ранние и самые поздние) их написания и от содержания письма.

Самые первые письма, позволяющие проследить переворот в сознании философа, датируются 398 годом. В этот период он чаще всего писал своему соученику по Александрии Геркулиану. В письмах они чаще всего обсуждают разнообразные философские вопросы. Так письмо 127 начинается со слов: «Гомер говорил, что Одиссей вынес из своих скитаний ту пользу, что повидал множество людей и понял их ум... Представь же, в каких прекрасных стихах воспел бы Гомер те места, в которых мы с тобой побывали... Да, мы видели собственными глазами и слушали собственными ушами ту, которая с полным на то правом является водительницей в деле совершения таинств философии»².

Цитирование Гомера, восхваление мест Александрии и философа Ипатии говорит нам о том, что Синезий был приверженцем неоплатонизма и восхищался этой философией. Но, так как мы уже знаем, что к этому периоду христианство все больше распространялось на территории империи, в следующей части письма к товарищу мы можем заметить постепенный синтез античного и христианского: «...после личного с тобой общения я, несмотря на то, что глаза не находят тебя, чувствую тебя рядом – память готовит эйдос, любовь делает его присутствующим, с удивительной нежностью звучит во мне эхо твоих святых слов»³. В этом фрагменте письма мы видим, что категория античной философии – эйдос – «идея», согласно Аристотелю, противопоставляемая материи, мирно соседствует со «святыми словами», но пока занимает главенствующую роль.

Другое письмо (Ер. 31) было написано Аврелиану, константинопольскому другу Синезия в 399 г. В нем мы также можем наблюдать частое обращение к христианской догматике в совокупности с неоплатонизмом. Начало письма гласит так: «Если существуют (а они существуют) души полисов, боги же и даймоны взирают на них»⁴. Синезий Киренский в этой части письма делает отсылку к язычеству, упоминая богов. Далее следует: «А потому эти [облагодетельствованные тобою] полисы, что бы ни случилось, будут на твоей стороне, готовы действовать и воевать вместе

¹ Synesii Cyrenensis. Hymni et opuscula / Ed. N. Terzaghi. Roma, 1944. 456 p. Рус. пер.: Синезий Киренский. Полное собрание творений. Том 2. Письма / Пер. с др.-гр. ст., комм. Т.Г. Сидаша, ред. С.Д. Сапожникова. СПб., 2014. 456 с. См. также: *Мирошниченко Е.И.* Синезий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистолографии. СПб.: Нестор-История, 2021. 312 с.

² См.: Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Письма. Т. II. С. 171.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 195.

с тобой; они просят милостивого Бога, чтобы Он воздал тебе подобающую награду: возможность уподобиться Ему, ибо единственное общее дело у человека с Богом – делать добро»¹. Фразы «милостивый Бог», «уподобиться Ему», «делать добро-общее дело у человека с Богом», создают отсылку к христианской религии.

Период знакомства с Феофилом Александрийским и женитьба Синезия также наложили отпечаток на его сознание. В 404 г. он пишет письмо к философу Ипатии, в котором озвучивает фразу: «В этом году я написал две книги: одну – будучи подвигнут Богом, вторую – человеческой бранью» (Ер. 154)². Слова «Будучи подвигнутым Богом», можно расценивать как влияние христианской религии на философа. В этом же письме Синезий выражает неприязнь к тем, кто считает, что только они вправе рассуждать о Боге, поскольку Синезий Киренский к этому периоду времени был достаточно осведомлен о христианской религии, хотя и отвергал некоторую догматику: «Но среди моих хулителей есть и те, чье невежество подогревает их наглость считать себя более всего подготовленными к рассуждению о Боге»³. Его желание рассуждать о Боге говорит нам о том, что он был в этом заинтересован к этому времени уже не меньше, чем в философии неоплатоников.

Письмо 43, датируемое 407 годом и написанное Иоанну, другу юности Синезия, все больше свидетельствует о согласии философа с христианской догматикой. Синезий пишет: «Бог могущественнее человека, и человеческое – тень божественного устройства Вселенной»⁴. Данное предложение говорит нам о том, что Синезий признает всемогущество Бога и то, что человек является творением Господа, частью его плана по созданию Вселенной.

Все последующие письма вплоть до 410 года написаны в том же духе, выражая синтез неоплатонических идей с христианской догматикой и постепенное превалирование христианства над языческим мировоззрением.

Решающим фактором в ментальном перевороте у Синезия Киренского стало избрание его в епископы Птолемаиды. Несмотря на желание отказаться от данной должности по многочисленным причинам, которые он привел в письме 105 к Евоптию, вот что он написал в заключение: «Если сделается известным то, чего я не хочу скрывать, если тот, кому дана на это власть, присоединит меня к числу епископов, то я уступлю необходимости и буду смотреть на это, как на Божье повеление»⁵.

Этот фрагмент письма говорит о том, что, несмотря на осознание Синезием Киренским своих недостатков для роли епископа, он выражает свою готовность к переменам в своем мировоззрении и воспримет факт окончательного избрания его на эту должность как Божью волю, что означает уже принятие христианской религии на подсознательном уровне.

¹ Там же. С. 195.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 163.

Об окончательной трансформации мировоззрения Синезия Киренского мы можем судить, исходя из тех писем, в которых он отчетливо осознает свою должность и все ее обязанности. Это отражено в письме 411 г. к военному губернатору Анисию. Вот, что пишет Синезий: «Карнас пришел ко мне с мольбами о защите, и Бог сделал их еще более заслуживающими уважения: ибо как священник может равнодушно смотреть на арест человека в дни поста? [Ни один честный священник не потерпит на своих глазах этого!] ... Да, я в долгу пред тобой за некоторое утеснение [твоих властных полномочий], но мы вынуждены быть человеколюбивыми к виновным и виноватыми пред безвинными» (Ер. 14)¹. Это письмо говорит нам о том, что Синезий прилежно выполняет обязанности священника, предоставляя защиту Карнасу, несмотря на то, виновен он или нет, в глазах светских властей. Это действие он описывает как любовь к ближнему согласно Библии. В этом же письме он упоминает и христианскую догматику, говоря о том, что идет священный пост, и он не позволит совершать грехи или издеваться над человеком на его глазах. Синезий осознает свою божественную миссию помогать и оберегать людей.

В последующих своих письмах 412 г. Синезий свободно апеллирует к христианской догматике, что говорит об осознанности происходящего вокруг него в рамках распространения христианства. В отчетном письме архиепископу Александрийскому Феофилу по делу Диоскора и Павла, Синезий Киренский цитирует Библию: «Великодушие же Диоскора обменяло недвижимость [земную] на недвижимость [небесную], меньшую на большую, причем оба епископа обрели общее благо – братолюбие – и соблюли закон Евангелий, провозглашающих любовь [к ближнему] главной заповедью» (Ер. 66)².

Письмо 9 к архиепископу Феофилу также свидетельствует об изменении взглядов Синезия. В нем епископ восхваляет Феофила, говоря, что его работы дополняют учение Христа, а слова доставляют наслаждение и пользу городам: «Ваши праздничные книги (πανηγυρικῶν βιβλίων), возрастающие год от года, становятся огромным дополнением (μεγίστη προσθήκη) к учению Христа. Слово, которое ты послал к нам в этом году, доставило городам наслаждение и пользу»³. Такое выражение чувств по отношению к деятельности высшего сана подразумевает внутреннее развитие и самого Синезия, его рост в христианской направленности.

Таким образом, эпистолярная коллекция предоставляет хорошую возможность проследить тенденцию постепенного перехода от античного мировосприятия к христианскому Синезия Киренского под воздействием влияния новой религии в переходную эпоху Поздней античности. Мы видим, что письма 398-399 гг. имеют неоплатоническую направленность. Мировоззрение Синезия окутано неоплатонизмом, христианские мотивы используются вскользь, и им не придается никакого особого значения. С 404

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 48.

по 410 г. Синезий все более попадает под влияние христианства. В его письмах проявляется желание рассуждать о Боге, писать о нем, познавать догматику христианства. Общение с архиепископом Феофилом Александрийским способствовало все большему погружению Синезия в желание познавать новую религию.

К 410 году, когда Синезия выдвинули на роль епископа Птолемаиды, осознавая свои недостатки, он выразил готовность к переменам в своих воззрениях, что говорило о его подсознательной направленности на принятие христианской религии со всей ее догматикой. Окончательным этапом ментального переворота в сознании Синезия является 411 или 412 год. В этот период он, являясь епископом, четко понимает свои обязанности священства, полностью отдает себя христианской вере и в деятельности, и в сознании. В письмах этого периода он абсолютно точно проецирует христианскую догматику в мир, осознавая свою миссию. Неоплатонизм уходит на второй план и используется лишь для красоты речи. Христианство берет верх над размышлениями Синезия, он мыслит уже в русле новой религии.

THE POISON OF TRANSFORMATION INTO THE BISHOP'S UNIVERSE IN THE EPISTOLARY COLLECTION OF SINEHUD OF CYREN

Ya.V. Popova (Belgorod)

The article briefly discusses the life path of Synesius of Kirensky, accompanied by his creative activity. The focus of our attention is the epistolary collection of Synesius of the late 4th – early 5th centuries. The letters are considered by us from the point of view of the transformation of the religious views of the Bishop of Ptolemais.

Key words: letters, Synesius of Cyrene, late antiquity, transitional period, epistolary collection.

«НЕ РЕШИЛСЯ Я УМОЛЧАТЬ... О РАСПРЯХ ЗЛОДЕЕВ»: ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ О НАРУШЕНИЯХ ЦЕРКОВНЫХ КАНОНОВ ФРАНКСКИМИ ЕПИСКОПАМИ VI В.

К.А. Владимиров (Белгород)

В статье рассматриваются случаи нарушения церковных канонов епископами, описанные в «Истории франков» Григорием Турским. Данные факты анализируются в контексте взаимоотношения епископата с королевской властью. Особое внимание уделено процедуре избрания епископов, а также социальному происхождению фигурантов проблемных эпизодов.

Ключевые слова: Григорий Турский, «История франков», Франкское королевство, епископы.

Период т.н. «Поздней античности» стал временем, когда синтез римского и варварского миров закладывал основы современной европейской культуры. Огромную роль в обозначенном взаимодействии сыграли христианское вероучение и христианская церковь. Практически

хрестоматийным примером, иллюстрирующим этот синтез, является история Франкского государства, описанная Григорием Турским¹.

Среди проблем, с которыми сталкивалась тогда христианская церковь, были не только пережитки языческих верований или еретические учения, но и нарушение церковных канонов служителями клира. И сама «История», и её автор, давали материал для изучения самых различных аспектов интересующей нас проблемы.

Ещё в 1870 г. протоирей И. Ляпидевский опубликовал краткий очерк о епископах меровингской Галлии². Эсхатологическому аспекту посвящена работа К. Чода³, где он исследовал «язык ада» (language of hell), проклятия и обещания кары в загробной жизни, и насколько избирательно этот язык применяет в своём труде Григорий – и среди основных рассматриваемых категорий (кроме язычников, ариан и иудеев) выделяются нарушители церковных правил, в том числе среди духовенства. Р.А. Евстифеева составила перечень нарушений канонов церковными иерархами, где основным объектом анализа стало использование агиографических топосов применительно к персонажам-нарушителям и их место в структуре повествования⁴. Взаимоотношения епископов и франкских королей посвящены статьи Э. Фёрнира⁵ и Т. Штюбера⁶, в которых упомянуты некоторые проблемные ситуации в епископской среде.

Целью нашей работы является выявление подобных фактов, изложенных Григорием Турским, мотивации нарушителей, а также анализ реакции как автора, так и общества на эти злодеяния.

Несмотря на то, что сам Григорий принадлежал к церковной иерархии, в его повествовании есть место не только святым епископам и аскетам-бессребреникам – он также демонстрирует примеры того, как мантия епископа могла использоваться для личной выгоды, злоупотреблений, а, порой, и для откровенных преступлений. «Он являет нам один из первых примеров того церковного реализма, благодаря которому христианское учение стало функционировать в самой земной жизни, того практицизма, который нередко поражает нас в деятельности католической церкви. Ничто человеческое не

¹ Gregorii Turonensis. Opera omnia / Ed. W. Arndt, B. Krush // MGH. SRM. Hannoverae, 1884-1885. T. I. P. I.

² Ляпидевский И. Галльские епископы в период меровингский. Очерки церковной жизни на Западе после падения Западно-Римской империи. М., 1870. 47 с.

³ Choda K.C. Facing a Second Death: Narrating and Silencing Hell in the Works of Gregory of Tours // Graeco-Latina Brunensia. 2017. 22/2. С. 201-216.

⁴ Евстифеева Р.А. К типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского: типы «алкоголики», «убийцы», «подкаблучники» // Дундуковские чтения. Материалы конференции памяти Академии наук. М., 2013. С. 14-23.

⁵ Fournier E. Everyone but the kings: The rhetoric of (non-)persecution in Gregory of Tours' Histories // Heirs of Roman Persecution: Studies on a Christian and para-Christian Discourse in Late Antiquity. New York, 2020. P. 184-212.

⁶ Stüber T. Incriminating Bishops in Post-Roman Gaul. A Look at the Evidence // Program for the 7th Workshop of the graduate Exchange in Late Antique, Byzantine and Medieval History. Mainz, 2017. P. 1-10.

чуждо Григорию, во всякую глубину он заглядывает, всякий тёмный уголок освещает, не боится называть вещи своими именами, сохраняя при этом достоинство и некую святость тона»¹.

За всё время повествования на страницах «Истории франков» сменяет друг друга множество епископов, но далеко не всегда передача епископской кафедры происходила гладко. Имели место подкупы, интриги и сведение личных счётов. Сравнительно мягким примером можно назвать ситуацию, когда после смерти в 515 г. епископа Клермона Евфразия на его место был избран Квинциан – человек, уже известный тем, что до этого, будучи епископом Родеза, он был вынужден бежать из-за угроз со стороны вестготов-ариан (НФ II, 36). Однако после избрания Квинциана навестили Алкима и Плацидина, жена и сестра сына известного писателя Сидония Апполинария. Они заявили ему, что в силу преклонного возраста с Квинциана «будет достаточно» лишь формального посвящения в епископы – а всю службу может взять на себя Аполлинарий-младший. Квинциан не стал возражать: «Что могу сделать я, у которого нет никакой власти? Что же до меня, мне вполне достаточно того, чтобы я совершал молитву, и церковь давала мне всегда хлеб». Заручившись этим согласием, Аполлинарий-младший отправился к франкскому королю Теодориху I – и дополнительно преподнес монарху подарки, официально получил епископский титул. Но, как отмечает Григорий Турский, он «получил его недостойно, и после четырех месяцев своего епископства он ушел из жизни». Квинциан же получил всю полноту епископской власти, при этом не последнюю роль сыграло то, что он был изгнан готами за свою профранкскую позицию: «при этом король сказал: “Квинциан был изгнан из своего города из-за своей любви к нам”» (Nis ob nostri amoris zelo ab urbe sua eiectus est: НФ III, 2).

Позднейшая борьба за епископское кресло в Клермоне удостоилась весьма обстоятельного рассказа. Одного претендента на кафедру по имени Катон Григорий обвиняет в тщеславии и гордыне: как только скончался епископ Галл, Катон тут же, ещё до формального избрания, начал распоряжаться всем церковным имуществом. Когда же прибывшие на похороны другие епископы предложили ему свою поддержку в избрании, он отказался, мотивируя это тем, что он и так заслужил этот сан своей набожностью и многолетней верной службой.

Клир избрал Катона епископом – и у него разгорелся конфликт с архидиаконом Каутином. В конечном итоге, Каутин тайно бежал из Клермона и отправился с жалобами к королю... который своим решением сделал его епископом. Но Катон не признал королевского решения, и клермонское духовенство фактически разделилось (НФ IV, 5-7). Даже когда в Туре освободилась епископская кафедра, Катон не пожелал её возглавить, не оставляя надежд сместить Каутина и используя городских бедняков для прославления себя в качестве их благодетеля. Несмотря на неоднократно

¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 107.

подчёркиваемую гордыню, Григорий удостоил Катона похвалы за то, что в период эпидемии он мужественно исполнял свой долг: «Этот пресвитер был весьма человечен и преисполнен любви к простым людям; и я думаю, что это обстоятельство, если и страдал он гордынею, было ему в оправдание» (HF IV, 31).

Каутин, всё же занявший и сохранивший место епископа Клермона, несмотря на противостояние тщеславному Катону, тоже не выглядит у Григория образцом добродетели. Он активно предавался пьянству, а также практиковал захваты чужих земельных участков. В последнем случае дело дошло до того, что в стремлении завладеть собственностью пресвитера Анастасия Каутин пытался уморить того голодом: «Все были поражены и говорили, что никогда ни Нерон, ни Ирод не совершали подобного преступления, не закапывали заживо человека в могилу». Защищать Анастасия от посягательств клермонского епископа вновь пришлось королю – и хотя пресвитер остался при своём имуществе, Григорий не упоминает о каком-то наказании для Каутина, кроме как о том, что он остался без желанной добычи (HF IV, 12).

После смерти Каутина в 571 г. за клермонскую кафедру вновь развернулась борьба: «очень многие домогались епископства, предлагая много денег, но ещё больше обещая». Особо Григорий выделяет пресвитера по имени Евфразий, который скупил у местных евреев ценности – и послал их через своего родственника королю, «чтобы таким образом добиться того, чего он не мог достичь своими заслугами» (HF IV, 35).

Похожая ситуация сложилась и после смерти родезского епископа Феодосия: «Возникшие в этой церкви раздоры и столкновения из-за епископства возросли до того, что церковь почти лишилась священной утвари и всего более ценного имущества» – судя по всему, претенденты попросту растащили их на дары своим покровителям (HF VI, 38). По мнению Григория, расхищение церковного имущества было действительно серьёзной проблемой¹.

Во время выборов епископа Буржа многие претенденты поднесли королю Гунтрамну подарки в надежде на его благоволение. И хотя король высказал им своё неудовольствие этой практикой и не захотел иметь с ней ничего общего («Не в обычае нашей королевской власти продавать за деньги епископство, и вам не следует приобретать его подарками, чтобы и нас не клеймили бесславием позорной наживы»), факт преподнесения этих даров уже показателен (HF VI, 39).

После смерти парижского епископа Рагнемоды на его место претендовал брат умершего – пресвитер Фарамод, но его обошёл торговец Евсей: подспорьем ему также послужили «множество даров» (HF X, 26).

Кроме завладения церковным имуществом Григорий Турский упоминает ещё один способ увеличения финансового благосостояния –

¹ Choda K.C. Op. cit. P. 211.

насильственный постриг. Например, с целью завладеть имуществом купца Евфрона епископ Бертрамн постриг его (HF VII, 31).

Епископ Приск сменил в 573 г. на лионской кафедре Ницетия – и насколько средоточием христианских добродетелей изображён Ницетий, столь же порочным показан его преемник. Вступив в должность, Приск, как передаёт Григорий, «начал без всякой вины преследовать и убивать многих из верных людей человека Божия, не за преступления и не за кражу, а лишь из-за разгоревшейся в нем злости и зависти, что они остались верны Ницетию». Кроме частого словесного богохульства Приск также был женат, причём несмотря на все запреты и традиции жена с некими другими девушками регулярно бывала в епископской келье. Но, как повествует Григорий, многочисленные грехи епископа Лиона не остались безнаказанными: его самого и его семью поразило безумие, а разделявшие с ним ненависть к Ницетию скоропостижно скончались (HF IV, 36).

В сходных выражениях Григорий Турский описывает Бадегизила, епископа Ле-Мана, «который был весьма жестоким к народу, незаконно отнимал и грабил имущество у людей». Особо отмечена роль его жены, Магнатруды, которая не только подталкивала мужа на все новые злоупотребления, но и калечила прихожан¹, а после его кончины завладела церковным имуществом, которые считала принадлежавшим её покойному мужу (HF VIII, 39).

Но покупка епископских должностей и сожительство кажутся не самыми большими проступками представителей франкского духовенства по сравнению с деятельностью братьев-епископов Салония и Сагиттария (возглавлявших кафедры Амбрена и Гапа соответственно). Во время вторжения лангобардов они сражались под началом военачальника Муммола, и они «вооружены были не небесным крестом, а шлемом и кольчугой, и, что всего хуже, они, как говорят, многих убили собственноручно» (HF IV, 42).

Как далее повествует Григорий, весь период их епископства был наполнен грабежами, убийством и блудом. В ходе своих набегов Салоний и Сагиттарий не пожалели и своего коллегу: когда епископ Сен-Поль-Труа-Шато Виктор праздновал годовщину своего вступления на кафедру, посланный ими вооружённый отряд напал на него, перебил слуг и унес все праздничные приборы.

Весть о бесчинствах епископов-разбойников дошла до короля Гунтрамна – и по его приказу в Лионе был созван собор, который признал Салония и Сагиттария полностью виновными и постановил лишить их епископского звания². Однако, пользуясь королевской милостью (*cum adhuc*

¹ *Nam saepius viris omnia pudenda cum ipsis ventris pellibus incidit, feminis secriora corporis loca lamminis candentibus perussit et multa alia inique gessit, quae tacere melius potavi* (HF VIII, 39).

² Неизвестно, был ли это Лионский собор 567-570 гг. или какой-то другой, проходивший в это же время. Среди канонов упомянутого собора осуждения Салония и Сагиттария не содержится. См.: *Concilia Galliae a. 511 – a. 695 / Corpus Cristianorum. Series Latina*, 148. Turnhout, 1963. P. 200-203.

propitium sibi regem esse nosset), они испросили возможности апелляции к римскому папе – и уже в Риме они смогли представить дело так, будто они были оболганы. Папа Иоанн III повелел восстановить их в должности.

Урок не пошёл Салонию и Сагиттарию впрок: они «ежедневно все более и более запутывались в преступлениях». Вновь они были вызваны к королю и даже побывали в заточении – но не столько из-за своих преступлений, сколько из-за публичных сомнений в праве на престол наследников¹.

Но удача не оставила братьев: внезапная болезнь сына короля навела некоторых его приближённых на мысль о возможной греховности заточения «невинно осуждённых» епископов. К сожалению, текст не содержит подробностей о личности тех, кто высказывал подобные мысли, были ли они как-то связаны с епископами Амбрена и Гапа – но король внял их просьбам, и они были освобождены.

Первое время после «чудесного» избавления, казалось, Салоний и Сагиттарий раскаялись и действительно обратились к Богу – но это продолжалось недолго. «Они так часто проводили ночи, пируя и пьянствуя, что, в то время как пресвитеры служили утреню, они требовали себе чаши и пили вино. Они не помнили больше о Боге и совершенно не вспоминали о своих обязанностях. С наступлением утра они вставали из-за стола, надевали ночную одежду и, погрузившись в сон от вина, спали до трех часов дня. У них были и женщины, с которыми они оскверняли себя. Затем они вставали и мылись в бане, и возлегали за пиршественным столом, и поднимались из-за него вечером, а затем насыщались ужином до самого того времени, о котором мы сказали выше» (HF V, 20).

Точку в карьере епископов поставил собор в Шалоне 579 г., причём сами церковные иерархи считали, что все совершённые братьями деяния можно было бы искупить покаянием – но решающим аргументом стали обвинения в измене (*quod essent rei maiestatis et patriae proditores*). Лишь после этого Салоний и Сагиттарий были лишены епископского звания и заточены в базилике святого Марцелла (откуда, впрочем, вскоре бежали; HF V, 27).

Сагиттарий объявился позднее, в 584-585 гг., среди сподвижников захватившего власть в Аквитании Гундовальда (там же был и Муммол, вместе с которым он до этого сражался против лангобардов) – причём узурпатор обещал воинственному епископу новую кафедру в Тулузе. Сражаясь на стороне Гундовальда, Сагиттарий не изменил себе, лично участвуя в обороне города Комменж, где «с оружием часто обходил стены и много раз собственноручно бросал со стены камни на врага» (HF VII, 37). В конце концов, Муммол и Сагиттарий передали Гундовальда в руки врагов, которые его и убили – но, несмотря на обещания сохранить им жизнь, они ненадолго его пережили: Муммол был заколот копьями, а Сагиттарий обезглавлен (HF VII, 39).

¹ *Sagittarius... declamare plurima de rege coepit ac dicere, quod filii eius regnum capere non possint* (HF V, 20).

Лишь в некоторых случаях мы можем сказать, исходя из текста «Истории», о социальном происхождении фигурантов описанных сюжетов. «Недостойно получивший» епископство Аполлинарий был сыном известного писателя и церковного деятеля Сидония Аполлинария.

Пытавшийся занять клермонскую кафедру с помощью купленных у евреев ценностей Евфразий был сыном сенатора Еводия, а с помощью другого своего родственника по имени Берегизил, Евфразий передавал королю свои дары.

Отличившийся жестокостью епископ Бадегизил и вовсе, судя по излагаемым Григорием фактам, до своего назначения не имел отношения к церкви: до этого он был королевским майордомом, монаршей волей поставленным на должность епископа Ле-Мана – причём за сорок дней, прошедших после смерти предыдущего епископа, он «пробежал» по всем предыдущим ступеням иерархии, на которые у соперника Каутина Катона ушло 50¹ лет (HF VI, 9). Его ещё более жестокая супруга даже после смерти мужа и неудачной попытки завладеть церковным имуществом всё ещё владела виллой со штатом слуг, достаточным, чтобы отбить вооружённое нападение (HF X, 5).

О происхождении двух из наиболее одиозных фигур повествования – Салонии и Сагиттарии – Григорий не даёт каких-либо сведений, однако уточняет, что они были «воспитанниками» лионского епископа Ницетия (Ni enim a sancto Nicetio Lugdunensi episcopo educati: HF V, 20).

Таким образом, как минимум часть из фигурантов наиболее вопиющих случаев нарушения церковных канонов, упомянутых в «Истории франков», имела родственные или служебные связи с представителями гражданской и церковной элиты. Хотя связь епископата с сенатскими родами порой подразумевается как однозначный факт, зачастую такое впечатление создаётся из-за того, что про многих других церковных иерархов мы имеем крайне мало сведений².

Данные случаи представляют собой не только факты из жизни франкского духовенства, но и являются проблемными ситуациями, где проявлялись характерные для данного периода признаки. Епископы VI в. – не полностью закрытая от мирян корпорация, они ищут поддержки как со стороны прихожан (даже беднейших, которых Катон пытался использовать для создания видимости поддержки), так и со стороны королевской власти – и в некоторых примерах для получения этой поддержки они используют подкуп.

Отмечаемая также и другими авторами (Ляпидевский, Штюбер и т.д.) тенденция к усилению роли королевской власти в делах епископата наиболее отчётливо проявляется в примерах политического характера: Теодорих I поддержал назначение епископа Квинциана в качестве своеобразной

¹ «Десять лет я был чтецом, пять лет – помощником диакона, пятнадцать лет – диаконом, двадцать лет... нахожусь в сане пресвитера» (HF IV, 6).

² Патцольд Ш. Епископы, социальное происхождение и организация местной власти около 500 года // Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500. Stuttgart, 2014. S. 523–543.

«благодарности» за сохранение лояльности в ходе гонений со стороны вестготов, а последним доводом за наказание Салония и Сагиттария стали их высказывания по поводу престолонаследия. В свою очередь, Григорий не упоминает о каком-то наказании епископа Каутина, хотя дело о его злоупотреблениях также дошло до короля.

"I DIDN'T DARE TO KEEP SILENT... ON THE FEUDS OF VILLAINS": GREGORY OF TOURS ON VIOLATIONS OF CHURCH CANONS BY FRANKISH BISHOPS OF THE VI CENTURY.

К.А. Vladimirov (Belgorod)

The article deals with cases of violation of church canons by bishops described in the "History of the Franks" by Gregory of Tours. These facts are analyzed in the context of the relationship between the episcopate and the royal power. Special attention is paid to the procedure for electing bishops, as well as to the social origin of the persons involved in problematic episodes.

Keywords: Gregory of Tours, "History of the Franks", Frankish Kingdom, bishops.

**ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА
В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ**

Н.С. Прохоров (Тула)

В данной статье рассматриваются особенности распространения христианской религии в позднеантичной и раннесредневековой Испании. Анализируя письменные источники, автор выделяет ряд особенностей, которые способствовали быстрому распространению религии на Пиренейском полуострове. В частности, ведущими факторами являлись развитость региона, степень романизированности населения и сложившиеся политическая обстановка, связанная с вторжением вестготов. В целом автор приходит к выводу, что распространение христианства в Испании происходило довольно быстро.

Ключевые слова: религия, христианство, церковь, Испания, Восточная Римская империя, вестготы, Римская империя.

Христианство, которое зародилось как секта в религии Ветхого Завета, за долгое время сумело преодолеть множество трудностей и стало одной из главных мировых религий. Этому, в первую очередь, способствовало взаимодействие с римской культурой, развитость римского государства и общества, а также умелые проповеди.

Распространение христианства по империи происходило постепенно и неравномерно. Это обусловлено особенностями разных регионов. Не является исключением и Испания, которая также ощутила на себе распространение христианства.

Сразу же стоит сказать, что кризис III века в Римской империи затронул практически все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную сферу. Происходит возрождение кельтской религии, наблюдаются изменения в римской религии. В среде слабо романизированного населения

распространяется почитание различных мелких божеств и нимф, которые, скорее всего, давали большую надежду на спасение¹. В религиозной жизни испанцев теперь больше преобладают личные переживания. Происходит обращение к восточным культам и божествам, таким как иранский Митра и греческая Немезида.

Что касается христианства, то о конкретном времени его появления в Испании говорить довольно трудно. Апостол Павел заявлял, что он планировал отправиться в Испанию (Рим. XV, 23-24; 29), но сведения о прошедшей миссии довольно риторично упоминаются только в поздних произведениях христианской литературы².

Скорее всего, первые христианские общины появляются во II веке в таких городах, как Акци, Кордуба и Гиспалис³. В III веке христианство распространяется сильнее, о чём может свидетельствовать факт существования раннехристианского кладбища в Тарраконе⁴. Социальный состав христианских общин был весьма разнообразен: от низов общества до муниципальной знати. Во всём этом мы видим то, как в Испании начинает утверждаться христианство, даже несмотря на то, что оно подвергается гонениям.

В IV веке христианская религия начинает выходить за рамки городской среды, так как в христианство начинают обращаться землевладельцы. Среди крестьян по-прежнему лидирует язычество, однако и они постепенно становятся христианами⁵. При императоре Константине I провозглашается религиозная терпимость, что не могло не отразиться на христианстве в положительном ключе. В Испании это проявлялось значимостью их епископов за пределами региона. Например, на Вселенском соборе 325 г. председательствовал Осий из Кордубы⁶. Кроме того, в Испании стали собираться поместные соборы. Вскоре Феодосий I утвердил христианскую религию в качестве государственной, что, в свою очередь, могло стать поводом для появления разногласий в религиозной среде.

В Испании такой ересью стало присциллианство, которое настаивало на отказе церкви от имущества, использовании апокрифов, аскетизме и т.д. В итоге после ожесточённой церковной борьбы с ересью её главный проповедник Присциллиан был казнён, однако его сторонники из Галлеции

¹ *Fernandez Ubino J.* La crisis del siglo III y el fin del mundo antiguo. Madrid, 1982. P. 116.

² *Циркин Ю. Б.* Распространение христианства в Испании до Миланского эдикта // *Iberica*. М., 1983. С. 24-27.

³ *Thouvenot R.* Essai sur la province romaine de Betique. Paris, 1940. P. 327, n. 2.

⁴ *Pascual R.* Las ánforas de la Necropolis de Tarragona // *Boletín arqueológico*. 1964-1965. T. 64'65. P. 25-26.

⁵ *Loring Garcia M.J.* La difusión del cristianismo en los medios rurales de la Península Ibérica // *SHNA*. 1986-1987. Vol. IV-V. P. 202-204.

⁶ *Rodriguez Neila J.F.* Historia de Cordoba. Cordoba, 1988. P. 510-514.

остались верны его учению, пока с ними не разобрались уже позже вестготы¹. Однако положение христианства в IV в. в целом всё же было стабильным.

В V веке положение дел меняется. Вестготы, которые вместе с другими племенами вторглись в Испанию в 409 г. (Hydat. 42), ещё в середине IV в. приняли арианство. Оно было распространено в восточных провинциях, но благодаря миссионеру Вульфиле именно такой вариант христианства был в основной массе принят у германских народов.

В созданном вестготами королевстве ариане правили, но составляли малый процент среди прочего населения, исповедовавшего в основной массе традиционное христианство. Этот факт создавал внутри государства множество конфликтов. В свою очередь, данные споры не позволяли объединить вестготов и иберо-романское население в один народ. Кроме того, Вестготское королевство находилось в окружении католических государств². Поэтому король Реккаред сделал никейский вариант христианства государственной религией. Понятное дело, что это не устраивало ариан, которые бунтовали и организовывали заговоры (Greg. Tur. IX, 1; 15; 16; 20). Тем не менее, постепенно арианство было подавлено, а ортодоксальное христианство прочно утвердилось в Испании вплоть до вторжения арабов в VIII в.

Однако при рассмотрении истории христианства в Испании стоит также учитывать, что в период с 552 по 624 гг. ряд территорий на юге принадлежал Восточной Римской империи. Её император, Юстиниан I, попробовал вернуть себе Иберию, воспользовавшись обращением вестготского аристократа Атанагильда, поднявшего восстание против короля Агилы I (Isid. Hist. 47). Византийцы, несмотря на наличие римских порядков в некоторых местах, судя по всему, не встретили радушного приёма. К тому же, у Юстиниана не было достаточных сил для продвижения вглубь полуострова, так как он вёл и другие войны. По этой причине была занята лишь малая часть территории на юге³.

Однако даже такое скромное присутствие Византии нашло своё маленькое отражение в религиозной сфере. Например, Картагена, административный центр Карфагенской Испании, оказалась в руках византийцев. Её митрополит осуществлял духовную власть над имперскими владениями в Испании. Поэтому после захвата Картагены церковный центр части Карфагенской Испании, оставшейся под подчинением короля вестготов, был перенесён в Толедо.

Тут возникает интересная ситуация. Епископ Толедо становится митрополитом Карфагенской Испании, а также митрополитом всего королевства, так как Толедо считался «королевским городом»⁴. Причём после

¹ *Vilella Masana J.* Priscillianismo galauico y política antipriscilianista durante el siglo V // *Antiquité tardive*. 1997. Т. 5. P. 179-185.

² *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. Madrid, 1980. Т. I. P. 292.

³ *Циркин Ю.Б.* Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор История, 2010. С. 223.

⁴ *Livermore H.V.* The origins of Spain and Portugal. London, 1971. P. 183.

того, как вестготы отвоевали Картагену, её прежний статус так и не был восстановлен.

Таким образом, можно сказать, что распространение христианства в позднеантичной и раннесредневековой Испании происходило со своими особенностями. На это оказывали влияние развитость региона, степень романизированности населения, политическая обстановка и прочие факторы. Появление ересей также указывает на то, что религия достаточно быстро распространялась и породила споры. В общем и целом, распространение христианства шло довольно быстро.

FEATURES OF THE SPREAD OF CHRISTIANITY IN LATE ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL SPAIN

N.S. Prokhorov (Tula)

This article discusses the features of the spread of the Christian religion in ancient and early medieval Spain. Analyzing written sources, the author highlights a number of features that contributed to the rapid spread of religion in the Iberian Peninsula. In particular, the leading factors, according to the young scientist, were the development of the region, the degree of Romanization of the population and the prevailing political situation associated with the invasion of the Visigoths. In general, the author comes to the conclusion that the spread of Christianity in Spain took place rather quickly.

Key words: religion, Christianity, church, Spain, Eastern Roman Empire, Visigoths, Roman Empire.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ В XVIII–XIX ВВ.

А.А. Внуков (Тула)

Статья посвящена истории изучения европейских гуннов в зарубежной и отечественной науке в XVIII–XIX вв. Обзор исследовательских трудов и критических заметок в научных журналах XIX в. позволил реконструировать один из самых интересных этапов в гунноведении. В итоге, автор пришел к выводу, что исследователей с 1756 по 1901 гг. в основном интересовала политическая история европейских гуннов. Ими не предпринимались основательные попытки рассмотреть социальную историю кочевников. Основной вопрос, который интересовал их, был связан с происхождением этого народа.

Ключевые слова: исследователи XVIII–XIX вв., европейские гунны, история, зарубежная историческая литература, отечественная историческая литература, теории, гипотезы.

Историю изучения гуннов следует начинать с 1756 г. Именно тогда была опубликована одна из самых важных работ французского востоковеда Жозефа де Гиня (1721–1800 гг.) «Общая история гуннов, турок, монголов и других западных татар», предопределившая вектор исследований по гуннскому вопросу на целое столетие.

В работе де Гиня впервые была затронута проблема происхождения европейских гуннов, для решения которой французский ориенталист привлек письменные источники китайской и позднеантичной литературной традиции.

Опираясь на сведения древних авторов, исследователь обосновал этническую связь между азиатскими хунну и европейскими гуннами, определив их к татарским народам. Однако он отметил, что европейские гунны не в полной мере были идентичны азиатским предкам, так как при движении в Европу они присоединяли к своей конфедерации многочисленные степные народы. Тем не менее, он признавал, что верховная власть оставалась за татарскими родами. В общих же чертах из работы де Гиня следовало, что хунну и гунну – это не самоназвания отдельных народов, а название политических объединений татар-кочевников на определенном временном историческом отрезке¹.

Работа де Гиня вызвала широкий интерес в научных кругах XVIII – начала XIX вв. К ней обращались при написании своих трудов Эдуард Гиббон (1737-1794 гг.) и Николай Михайлович Карамзин (1766-1826 гг.). Примечательно, что оба историка доверяли исследованию де Гиня и отразили в своих сочинениях основные положения французского коллеги². Однако, надо заметить, что впоследствии Эдуард Гиббон признавал, что неразборчиво применял термин «татары» в отношении гуннов³.

Помимо всего этого в Российской империи в 1824 г. вышло дополнение к работе де Гиня за авторством члена-корреспондента Императорской Академии наук Осипа Ивановича Сенковского (1800-1858 гг.) на французском языке «Supplement a l'histoire generale des Huns, des Turks et des Mogols», содержащее краткое изложение истории узбеков⁴.

Многочисленные цитирования, попытки продолжить работу де Гиня, безусловно, доказывают, что его труд был востребован, и у мирового сообщества проявился интерес к изучению европейских гуннов. Но если в то время находились те ученые, которые хвалили работу де Гиня, то были и те, что ругали и критиковали историка за недостаточное рассмотрение обозначенных им вопросов.

Действительно, еще при жизни де Гиня его мнение о тождестве гуннов и татар подверглось замечаниям со стороны различных групп ученых. Особенно критика была заметна со стороны востоковедов и монголоведов, в числе которых были академик П.С. Паллас (1741-1811 гг.) и Б. Бергман (1772-1856 гг.), состоявшие в то время на русской службе.

В конце 1770-х гг., благодаря исследовательской работе П.С. Палласа, начала складываться теория монгольского происхождения европейских гуннов. П.С. Паллас, надо отметить, не писал отдельного сочинения о вторгшихся в конце IV века в Европу кочевниках. Его научные интересы в

¹ *Guignes J.* Histoire generale des Huns, Turcs, Mogols et autres Tartares occidentaux. Tome Premier, seconde part. Paris: Chez Desaint&Saillant, 1756. P. 292.

² *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 3. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 161; 219-220 (прим. 10); *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Том. 1. СПб.: Типография Н. Греча, 1818. С. 16-25.

³ *Гиббон Э.* Ук. соч. С. 219 (прим. 6).

⁴ *Senkowski J.* Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des. SPb.: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1824.

основном были связаны с изучением монгольских народов, что и было отражено в сборнике исторических сведений, изданном в 1776 г. Однако небольшая заметка о калмыках, содержащаяся в указанной работе, отчасти предопределила дальнейшие исследования в вопросе связи гуннов и монголов. Основываясь на известиях позднеантичной письменной традиции, монгольских легендах и сказаниях, Петр Симон предположил, что часть народа, известного в Европе и Азии под именем калмыков, может отождествляться с гуннами Аммиана IV века¹.

Возможно, это предположение осталось бы незамеченным научным сообществом, если бы на него не обратил внимание Бенджамин (Вениамин Густавович²) Бергман (1772-1856 гг.). Отметив остроумную заметку своего предшественника, Бергман развил его смелую гипотезу³, приведя достаточное количество доказательств в пользу калмыцкого происхождения европейских гуннов⁴.

В.Г. Бергман был знаком с культурой среднеазиатских кочевников не понаслышке. Благодаря финансовой поддержке российского императора Александра I и тайного советника Н.Н. Новосильцева, он долгое время провел в калмыцких степях, изучая язык, культуру и быт калмыков. Обращая внимание на различные стороны жизни номадов, он составил этнографический труд «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах», который был опубликован в Санкт-Петербурге в 1804 г.⁵

Основываясь на знании монгольского языка и личном опыте, Бергман в «Скитаниях» сопоставил свои наблюдения с трудами Аммиана Марцеллина, Прокопия и дипломата Приска, отметив явную схожесть обычаев и быта монголов и гуннов. Продолжая свои изыскания, исследователь обратил внимание на имена гуннских вождей. Согласно его мнению, все они содержали монгольские слова, которые с помощью не хитрых манипуляций поддавались переводу⁶. Таким образом, на основе этнографических и лингвистических данных Бергманом было доказано тождество монголов и европейских гуннов.

¹ *Pallas P.S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. T.1. SPb.: K. Akademie derwissenschaften, 1776. P. 6.

² *Mumryev B.L.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Элиста, 2020. № 4. С. 153.

³ *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803, Erste Teil. Riga, 1804. P. 125.

⁴ *Ibid.* P.126-127.

⁵ *Mumryev B.L.* Ук. соч. С. 165.

⁶ *Bergmann B.* Op. cit. P. 126-127.

Сторонниками монголизма гуннов были Исаак Якоб Шмидт (1779-1847 гг.)¹, Никита Яковлевич Бичурин (1777-1853 гг.)², Амадей Тьерри (1797-1873 гг.). Исследования первых в основном касались азиатских хунну, тогда как работа последнего под названием «Histoire d'Attila et de ses successeurs» вышедшая в 1856 г., была посвящена в основном деятельности Аттилы и его потомков. Свое видение генезиса европейских гуннов А. Тьерри описал в первой главе указанного сочинения. Согласно его выводам, гуннов Аттилы стоит отождествлять с западными черными гуннами (hun noir), основное ядро которых составляли народы финской, тюркской группы, однако при этом господствующее племя было монгольским, так как описание вождя гуннов Аттилы у древних авторов явно находит параллели с внешностью калмыков³.

После издания работа Тьерри подверглась критике. Его сочинения ругали не только противники монголизма гуннов, но и исследователи, которые поддерживали данную гипотезу. Последние, надо сказать, критиковали сочинения Тьерри по частным вопросам, в основном, за то, что исследователь недостаточно критически подходил к письменным источникам⁴.

Явными критиками Тьерри были сторонники славянской теории происхождения гуннов, в особенности географ, историк и археолог А.Ф. Вельтман (1800-1870 гг.), издавший в 1858 г. книгу «Аттила и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий»⁵. В данной книге автором последовательно доказывалась некомпетентность позднеантичных авторов, которые не понимали истинную природу вторгшихся кочевников. Основной же упор Вельтман сделал на скандинавские саги, казавшиеся ему более достоверными источниками. Однако Александр Фомич не был основоположником этой теории, хотя он многое сделал для ее укрепления. Первым же, кто попытался дать обстоятельное обоснование славянства гуннов, был российский и болгарский историк Юрий Иванович Венелин (1802-1839 гг.). Основные положения теории и ее тезисы он высказал на страницах труда «Историко-критические изыскания. Болгаре», но они не были достаточно конструктивны и основывались в большей степени на лингвистическом анализе и догадках автора⁶, за что впоследствии он

¹ Schmidt J. Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. SPb.: Gedruckt bei K. Kray, 1824. P. 39-67.

² Монах Иакинф. Записки о Монголии. Том II, часть III и IV. СПб.: Типография Карла Крайя. 1828. С. 34-60; Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Самара: ИД «Агни». 2003. С. 186-217.

³ Thierry A. Histoire d'Attila et de ses successeurs: jusqu'à l'établissement des Hongrois en Europe. Suive des légendes et traditions, Tome Premier. Paris: Diddier ET Cie, Libraires-éditeurs, 1872. P. 6-9.

⁴ Baer K.E. Ob die verbildeten Köpfe von den Hunnen stammen? // Die Makrocephalen im Boden der Krym und Osterreichs, 1860. Tome II, №6. P. 45.

⁵ Вельтман А.Ф. Аттила и Русь IV и V века. М.: Университетская типография, 1858.

⁶ Венелин Ю.И. Историко-критические изыскания. Т. I. Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам. М.: Университетская типография, 1856. С. 85.

неоднократно критиковался. В числе его критиков были М.П. Погодин¹ и Н.А. Полевой². Последними представителями данной теории были Д.И. Иловайский³ и В.М. Флоринский⁴.

Одновременно со славянской теорией начала обосновываться теория финнизма европейских гуннов.

Ее основоположниками стали французский синолог Жан-Пьер Абель-Ремюза⁵ (1788-1832 гг.) и немецкий востоковед Юлиус Генрих Клапрот (1783-1835 гг.)⁶. С методологической точки зрения они не привнесли ничего нового в исследования гуннов. Их изыскания также были основаны на анализе китайских, позднеантичных, средневековых источников и данных лингвистики. Однако их работы отличались от трудов сторонников противоположных лагерей тщательным теоретическим обоснованием гипотез, в результате чего у них появилось много последователей. Среди них можно выделить Карла Риттера (1779-1859 гг.)⁷, Александр-Анн Жардо (1804-1890 гг.)⁸, Матиаса Александра Кастрена (1813-1852 гг.)⁹, Ирью Сакари Ирью-Коскинена (1830-1903 гг.)¹⁰, Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827-1914 гг.)¹¹ и многих других.

Разбор же всех перечисленных теорий в 1900 г. сделал русский историк-востоковед Константин Александрович Иностранцев (1876-1941 гг.). Первое издание его работы появилось на страницах журнала «Живая Старина» в 1900 году (выпуски III–IV, с дополнительной заметкой-рецензией в том же

¹ *Погодин М.П.* Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописаном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Т. I // Московский Вестник. М., 1829. Ч. 6. С. 129-151.

² *Полевой Н.А.* Современная библиография // Московский телеграф. 1829. № 16. С. 485-486.

³ *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Академический проект, 2015.

⁴ *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск: Типо-Литография П.И. Макушина, 1894. С. 351.

⁵ *Rémusat A.* Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différens points de la grammaire et de la littérature des Mandchos, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains. Paris: Imprimerie Royale, 1820. P. 328.

⁶ *Klaproth J.* Tableaux Historiques de l'Asie. Paris: Schubart, editeur. 1826. P. 242-245.

⁷ *Pumtep K.* Землеведение Азии. СПб.: Тип. ИАН, 1856. С. 622-630.

⁸ *Jardot A.* Révolutions des peuples de l'Asie moyenne, T.I. Paris: Desessart, editeur, 1839. P. 138-139; 175-177.

⁹ *Castrén M.A.* Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker. SPb.: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1857. P. 55-58.

¹⁰ *Yrjö-Koskinen Y.S.* Finnische geschichte von den frühesten zeiten bis auf die gegenwart. Leipzig: Duncker und Humblot, 1874. P. 4.

¹¹ *Семенов П.П.* Дополнения переводчика к § 23 // *Pumtep K.* Землеведение Азии. СПб., 1856. С. 635-637.

журнале за 1901 г.)¹. В 1926 г. последовало второе издание, которое было опубликовано в несколько изменённом виде².

Сам же К.А. Иностранцев придерживался мнения о том, что народ хунну образовался из усилившегося турецкого рода. Из его заключений следовало, что и основная часть подчиненных племен состояла, по всей вероятности, тоже из турок, однако между поданными Модэ и Аттилы было очень мало общего³. Что касается связей хунну и гуннов, Иностранцев отметил, что после распада государства кочевников, которое было вызвано политическими и культурными причинами, северные хунну выселились на запад и во 2-й половине IV века вторглись в Восточную Европу, пройдя через обычный путь кочевников: Дз(ж)унгария – киргизские степи⁴.

Таким образом, с изданием труда К.А. Иностранцева завершился длительный период истории изучения хунну и гуннов, который базировался исключительно на письменных источниках (1756-1901 гг.). Исследователей данного этапа интересовала политическая история рассматриваемых кочевых образований. Ими не предпринимались основательные попытки рассмотреть социальную историю хунну и гуннов. Основным вопросом, который интересовал их, в большей степени был связан с происхождением этих народов.

Первую попытку рассмотреть социальную историю европейских гуннов предпринял Э.А. Томпсон лишь в 1947 г., однако он дистанцировался от исследований вопросов, связанных с хунну, так как считал тождество этих народов не доказанным в полной мере⁵.

Надо отметить, что в отечественной науке на протяжении всего XX века связь азиатских хунну и европейских гуннов не исключалась, а наоборот только усиливалась доказательной базой, которая основывалась преимущественно на материальных (археологических) источниках. Основными трудами по данному вопросу надо считать работы А.Н. Бернштама⁶, М.И. Артамонова⁷, Л.Н. Гумилева⁸, И.П. Засецкой⁹, С.Г. Боталова¹⁰. Но это уже иной период историографии.

¹ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и взаимных отношений этих двух народов). Л.: ЦИК СССР Ленинградский институт живых восточных языков им. А.С. Енукидзе, 1926. С. III (от автора).

² Там же.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ *Thompson E.A.* The Huns. Oxford: Blackwell Publishing, 1996. P. 1.

⁶ *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1951.

⁷ *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.

⁸ *Гумилев Л.Н.* Хунну. Средняя Азия в древние времена. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 241-248; *Гумилев Л.Н.* Хунну. Степная трилогия. СПб.: ИКА «Тайм-аут»: КОМПАСС, 1993. С. 197-205.

⁹ *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. С. 151-161.

¹⁰ *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008.

HISTORY OF THE STUDY OF EUROPEAN HUNS IN THE 18th – 19th CENTURIES**A.A. Vnukov (Tula)**

The paper is devoted to the history of the study of European Huns in foreign and domestic science in XVIII-XIX centuries. The review of research works and critical notes in scientific journals of the 19th century allowed the author to reconstruct one of the most interesting stages in Hunnology. As a result, the author concludes that researchers from 1756 to 1901 years mainly interested in the political history of European Huns. They did not make thorough attempts to examine the social history of nomads. The main question that interested them was rather connected with the genesis of these peoples.

Keywords: 18th-19th century researchers, European Huns, history, foreign historical literature, national historical literature, theories, hypotheses.

ОТ АНТИЧНОСТИ К ВИЗАНТИИ

ПАМФИЛИЙСКИЙ ЯЗЫК – ОДИН ИЗ ДИАЛЕКТОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО?

М.А. Литвяк (Белгород)

В данной статье делается попытка рассмотреть вопрос о том, является ли памфилийский язык самостоятельной языковой единицей или же относится к одному из подвидов диалектов древнегреческого. Приводится одна из существующих в научном пространстве теорий, согласно которой памфилийский сложился при непосредственном влиянии соседних анатолийских языков, и представляет собой не что иное как их симбиоз с древнегреческим языком.

Ключевые слова: Памфилия, древнегреческий, диалекты, памфилийский язык.

В отличие от Ликии, которая вплоть до периода эллинизма (IV в. до н.э.) не подвергалась греческой колонизации, и как следствие, какое-то время сохраняла свою независимость и собственный, индивидуальный язык, в соседней Памфилии с этим аспектом сложилась несколько иная ситуация¹, речь о которой пойдет далее.

Несмотря на то, что довольно распространенное и популярное название Памфилии как «Земли всех племен» является не совсем верным и точным, сложно оспорить тот факт, что среди населения этого района были как коренные жители, так и мигрировавшие греки. Информацию о таких миграциях, переселениях можно найти в трудах некоторых античных авторов.

Например, у Геродота (VII.91) касаясь этого вопроса содержатся следующие сведения: «Памфилы были вооружены по-эллински. Памфилы же эти суть [по происхождению] от тех, кто рассеялись/блуждали из-под [павшей] Трои с Амфилохом и Калхантом».

По мнению А.А. Немировского и А.В. Сафронова, «факт того, что Геродот сообщает об эллинском вооружении малоазиатского народа памфилов, подразумевает, что среди названных «блуждавших» с Амфилохом и Калхантом были в большом количестве эллины, часть которых поселилась в Памфилии, отчего в ней и укоренились греческое вооружение и греческий язык»².

Практически ту же самую информацию, что и Геродот, сообщает Павсаний (VII.3.4).

На уже упомянутые Геродотом сведения опирался и такой знаменитый античный историк и географ как Страбон. Он дает следующее развернутое пояснение (XIV.4.3): «Геродот говорит, что памфилийцы происходят от народов, предводимых Амфилохом и Калхантом, какой-то помеси народов,

¹ Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 86.

² Немировский А. А., Сафронов А. В. Еще раз к вопросу об ахейцах в Киликии в XII в. до н.э. // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. СПб.: Наука, 2018. С. 947.

которая последовала за ними из-под Трои. Большинство их осталось здесь [в Памфилии], а некоторые рассеялись по разным местам земли. Каллин утверждает, что Калхант окончил свою жизнь в Кларе, люди же под предводительством Мопса перешли Тавр и частью остались в Памфилии, частью же расселились по Киликии и Сирии вплоть и до Финикии»¹.

Следует обратить внимание на один важный момент: несмотря на предоставленную в источниках информацию, у некоторых ученых превагирует мнение, что данные о том, что после падения Трои в Памфилии обосновались разные толпы переселенцев – не более чем миф. Дэвид Мэджи связывает этот миф с более поздними попытками объяснить происхождение эллинского элемента. Однако ученый не отрицает вполне вероятную мысль о том, что некоторые группы греков поселились в Памфилии уже в самом начале. Их язык, даже в классический период, как показывают монеты и надписи, был диалектом, по крайней мере, в одном случае, на который оказали влияние местные элементы².

Согласно существующей теории, с лингвистической точки зрения памфилийский язык, по-видимому, представляет собой смесь диалектов целых трех разных диалектных групп с влиянием соседних анатолийских языков. В частности, это влияние обусловлено вмешательством или воздействием носителей языка, которые во взрослом возрасте изучают язык несовершенно. Эти носители «второго языка» обычно изучают и сохраняют лексику целевого языка, но навязывают ему фонологию и синтаксис своей родной речи.

Из-за пестрой географии диалектов Древней Греции контакты между неродственными наречиями были обычным явлением. Однако даже на фоне подобных языковых контактов памфилийский язык необычен, поскольку он демонстрирует такое обширное смешение диалектных вариантов, что его первоначальная подгруппа уже не совсем ясна³.

Исторические и археологические данные показывают, что греческий и анатолийский языки в Памфилии, вероятно, находились в довольно тесном контакте. Греки, скорее всего, начали селиться в Памфилии примерно между началом XII и IX в. до н.э.

В исторические времена, ещё до заселения греков, в Памфилии и ее окрестностях говорили на различных анатолийских языках. Так, надписи на малопонятном анатолийском языке, известном как сидетский, засвидетельствованы в одном из наиболее известных памфилийских городов – Сиде, на востоке региона.

На западе Памфилия граничила с Ликией, где говорили на анатолийском самостоятельном ликийском языке, что уже упоминалось ранее. Эти надписи датируются V-IV вв. до н.э. Сидетский и ликийский языки, по крайней мере, имели близкий контакт с греческим. Так, например, существует ликийско-

¹ Цит. по: там же. С. 948.

² *Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ.* Princeton: Princeton University Press, 1950. С. 261.

³ *Skelton K. Greek-Anatolian Language Contact and the Settlement of Pamphylia // Classical Antiquity. 36 (1). P. 105–106.*

греко-арамейская трехязычная надпись в Ксанфе. Это демонстрирует некоторое влияние греческого языка на определенные анатолийские языки и их связь¹.

Таким образом, дать однозначный, исчерпывающий и единственно верный ответ на то, что же из себя представлял памфилийский язык, в настоящее время кажется затруднительным. В этом вопросе можно рассматривать только некоторые теории и гипотезы.

Так, по одной из наиболее разработанных версий, древнегреческий диалект Памфилии демонстрирует значительное влияние соседних анатолийских языков и представляет собой их симбиоз с собственно греческим языком.

Данные исторических и лингвистических наук свидетельствуют о том, что это влияние связано, в первую очередь, с тем, что носители анатолийского языка, возможно, могли изучать греческий как второй язык во взрослом возрасте в таком большом количестве, что некоторые аспекты их греческого языка закрепились как часть основного памфилийского диалекта. Для того, чтобы это лингвистическое развитие произошло, Памфилия, должно быть, изначально была заселена небольшим количеством греков и оставалась изолированной от более широкого грекоязычного сообщества, в то время как преобладающие культурные взгляды благоприятствовали объединению греко-анатолийской культуры.

PAMPHYLIC LANGUAGE IS ONE OF THE DIALECTS OF ANCIENT GREEK?

M.A. Litvyak (Belgorod)

This article attempts to consider the question of whether the Pamphylic language is an independent linguistic unit or belongs to one of the subspecies of dialects of ancient Greek. One of the theories existing in the scientific space is given, according to which Pamphylic was formed under the direct influence of neighboring Anatolian languages, and represents something other than their symbiosis with the ancient Greek language.

Keywords: Pamphylia, Ancient Greek, dialects, pamphylic language.

РОЗА В АНТИЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Е.В. Черникова (Белгород)

Работа посвящена упоминаниям и характеристикам розы в античных письменных источниках. Уже с архаического времени роза занимает прочное место в текстах, будучи прочно связанной с культом Афродиты. Венками из роз, перевитых миртами, украшали невест. Розами убиралась дверь, ведущая в дом, а лепестками усыпалось брачное ложе. Розами греки усыпали путь возвращавшегося с войны победителя и его колесницу. Ими же убирали тело и гробницы умерших. Розы носили на голове и на груди в знак траура, как символ кратковременности жизни. В религиозных обрядах греки венками из роз украшали лики богов и богинь, клали венки у их ног. Основные упоминания розы делают у греков –

¹ Ibid. С. 111–112.

Гомер, Сапфо, Анакреонт, Феокрит, Геродот, Элиан, у римлян – Цицерон, Вергилий, Овидий, Плиний Старший, Светоний, Апулей, ШНА, у ранних византийцев – Прокопий Кесарийский, Прокопий Газский, Хорикий, Иоанн Газский.

Ключевые слова: роза, античность, культ, письменная традиция, упоминания.

Нашу жизнь нельзя представить без цветов. Их аромат наполняет нас новыми силами и эмоциями. Помимо этого, каждый цветок играл особенную роль в различных сферах деятельности людей, например, в пиршествах, в погребальных обрядах, в войне и т.д. Но также они играли важную роль и в повседневной жизни человека, ведь, например, они являлись лекарственным средством и спасали жизнь в трудные моменты.

Роза – царица цветов. Она появилась с незапамятных времен и по сей день радует не только душу, но и глаз каждого из нас. Она находится на пьедестале почета среди всех других видов и имеет огромное значение в истории греков и римлян. В некоторых античных источниках говорится об отношении к данному цветку и его месте в жизни древних.

Греция – родина классической античной цивилизации. В Греции розу считали даром, который преподнесли боги. Ее считали спутницей радостных и печальных торжеств. Венками из роз, перевитых миртами, украшали невест. Розами убиралась дверь, ведущая в дом, а лепестками усыпалось брачное ложе. Розами греки усыпали путь возвращавшегося с войны победителя и его колесницу. Ими же убирали тело и гробницы умерших¹. Розы носили на голове и на груди в знак траура, как символ кратковременности жизни, которая так же быстро увядает, как и этот цветок. В религиозных обрядах греки венками из роз украшали лики богов и богинь, клали венки у их ног.

Существует много различных сказаний о происхождении этого цветка. Архаический поэт Анакреонт пишет, что белый цветок розы появился из белоснежной пены, которая была на теле Афродиты после ее выхода из моря. Вскоре боги одарили его нектаром, который придал цветку прекрасный запах. Однако из-за зависти некоторых богов, нектар не смог дать розе бессмертие².

В мифологии появление алой розы связано с культом Афродиты и историей гибели Адониса, когда кровь окрасила изначально белый цветок.

Уже у Гомера мы встречаем розу: этими цветами Афродита украсила тело Гектора. Ими же Анхиз убрал могилу друга.

Сапфо первой назвала розу царицей цветов.

Феокрит упоминает о любовном гадании с помощью розовых лепестков.

Геродот в своей «Истории» пишет о 60-лепестковой махровой розе, описывая сады царя Мидаса. Автор указывает на запах данных цветов, отмечая, что он гораздо сильнее запаха других каких-либо роз (Herod., VIII, 138). Помимо этого, во второй книге «Истории» Геродот сравнивает лилию с розой, которые также растут в реке. Их плод не находится в цветочной

¹ *Kokkinia C.* Rosen für die Toten im griechischen Raum und eine neue ροδισμός-Inschrift aus Bithynien // *Museum Helveticum*, 56; 1999. S. 204-221.

² *Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях. М., 1992. С. 26.

чашечке, но вырастает из корня в особой чашечке, которую автор сравнивает с осиными сотами (Herod., II, 92).

Известно, что храмы Афродиты на Родосе и в Кирене были окружены обширными садами роз.

Помимо данных авторов про розу в Греции писал софист римского времени Элиан. Он отмечал, что у первой красавицы Греции, Аспазии, был нарост на щеке. С возрастом он становился все больше и больше. Она его ненавидела, как и себя с ним. Ее мысли даже доходили до самоубийства, чтобы не быть такой безобразной, как считала она. Но однажды ей приснился сон, в котором любимая птица Афродиты, голубь, в виде девушки, рассказывает о том, чтобы она из увядшей на челе человека розы сделала мазь и помазала этот нарост. И действительно, ей это помогло, нарост исчез, а она осталась самой прекрасной девушкой во всей Греции¹.

В Риме роза появилась благодаря переселенцам, которые перенесли ее из Греции. Она считалась символом строгой нравственности и служила наградой за выдающиеся подвиги.

В период позднего Рима этот цветок являлся символом порока и роскоши, на которую тратили огромное количество денег. Элиан пишет о том, что римские воины, идя на войну, снимали шлемы и надевали на себя венки из роз, чтобы вселить в себя мужество. Также данный венок являлся символом героизма².

Цицерон в I в. до н.э. пишет, что проконсул Веррес передвигался в лектике на подушках, набитых лепестками из роз.

Вергилий рассказывает нам о сорте Осенний Дамаск, который цвел два раза в год, и был получен от скрещивания розы Галлика (*Rosa gallica*) с Розой мошатой (*Rosa moschata*), оба родом из Малой Азии, привезенные с Гималаев много веков тому назад (Verg. Georg., 115).

Также воспевал розу в своих стихах Овидий. В своем произведении «Фасты» он пишет о том, что с волос у одной героини упала роза и сравнивает эту розу с теми, которые рассыпают по столам на пиршествах у императоров или сенаторов (Ovid. Fast. IV. 355). Овидий стремился показать величие розы, ведь он не просто так указывает на то, что этот цветок был вплетен в волосы. Из этого можно сделать вывод, что роза является очень красивым и эстетичным цветком, который придает много эмоций и впечатлений.

Плиний Старший в своей «Естественной истории» (*Naturalis Historia*) рассказывает об очень душистых розах, каждая из которых имела сто лепестков, украшавших внешнюю сторону венков. Кроме того, он упоминает, что Клеопатра, принимая у себя Марка Антония, приказала покрыть весь пол зала лепестками роз толщиной в локоть. Облитый ядом венок из роз Клеопатра использовала и как доказательство своей любви к Антонию, показав, как запросто она могла отравить его, если бы захотела.

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 30.

Светоний писал о том, что во время пиршества у императора Нерона в зале были вращающиеся стены и потолок, которые как бы меняли времена года. И вместо града и дождя на людей сыпались лепестки свежих роз. На такие пиры тратилось огромное количество денег¹. Этим автор хотел донести до нас то, что розы очень ценились, ведь их использовали на важных пирах, дабы показать свое величие и богатство перед другими людьми.

Апулей в романе «Золотой осел» делает розу ключевым предметом сюжета, так как именно пожевав венок из роз, главный герой превращается из осла обратно в человека.

В позднем источнике «Писатели истории Августов» (SHA) говорится о том, как проводил казни розами Гелиогабал. На одном из его пиршеств знатные гости были забросаны таким множеством падавших с потолка розовых лепестков, что некоторые из них, к его удовольствию, задохнулись под ними. Он же купался только в вине из роз, которое должна была пить после него столичная чернь².

Византийский историк, секретарь полководца Велизария Прокопий Кесарийский в своем произведении «Война с готами» пишет также об данном цветке. Автор указывает на большое количество распустившихся однажды бутонов, хотя на улице была осень (Proc. Caes. Bell. Goth. IV, 16). Однако погода благоухала и было очень жарко. Это как раз и удивляет Прокопия Кесарийского. Также он пишет о том, что эти розы ничем не отличались от обычных, указывая, что их запах был великолепный, как и вид.

Христианский ритор, глава Газской школы, Прокопий Газский, в своих риторических сочинениях упоминает розу и Афродиту и отводит им несколько декламаций. В них он пишет о происхождении алой розы от капель крови самой Афродиты, уколовшей ноги, и о том, что розами украшали свадебную комнату Ариадны и Диониса. Близкие сюжеты затрагивает и ученик Прокопия – ритор Хорикий в декламациях, а также Иоанн Газский – их современник и поэт, в цикле «Анакреонтики».

Таким образом, в источниках по истории Ранней Византии сохраняется важное значение данного цветка, а многие авторы следуют классической традиции, связывая цветок с мифологией и с символическим образом Афродиты как красоты, без языческих религиозных коннотаций.

В Риме существовал праздник Розалий, во время которого поминали умерших. Этот праздник сохраняется и в Ранней Византии, о нем пишут газские авторы. В весенний сезон, когда цветы выходят из земли, отмечается время возвращения мертвых³.

¹ Там же. С. 32.

² Там же.

³ Nilsson M.P. Das Rosenfest // *Opuscula selecta*, 1. 1951. S. 311-329; Amato E. Procopio di Gaza e il Dies Rosarvm: Eros Platonico, Agape Cristiana e spettacoli pantomimici nella Gaza tardoantica // *Eruditio Antiqua* 2. 2010. P. 17-46; Лопатина М.Ю. «День розы» как пример трансформации языческих праздников в ранневизантийской Газе // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. № 48(1). С. 36-47.

При этом античные традиции праздника как веселья сохранялись. Августин, например, вспоминая Розалии в Карфагене, явно намекает на веселье, которое его празднование вызывало в христианской аудитории. Иоанн Лид свидетельствует, что в римской Остии Розалии также имели местный характер праздника, связанный с более светскими практиками и церемониями.

Прокопий Газский связывает день роз с праздником святых мучеников в Газе. Происходила адаптация дня розы к празднику умерших, который отмечался ранее римскими погребальными коллегиями. Возможно, что розы с их шипами и кровь, вытекающая от них (т.е. мифическая история смерти Адониса и последующего отчаяния Афродиты) символизируют мученичество Иисуса Христа.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что розы имели большое значение как для греков, так и для римлян. Где-то роза являлась оберегом, где-то символом, а где-то даром. В целом, роза играла важную роль в античной культуре, став одним из первых устойчивых символов.

ROSE IN ANTIQUE WRITTEN SOURCES

E.V. Chernikova (Belgorod)

The work is devoted to the mentions and characteristics of roses in ancient written sources. Since archaic times, the rose has taken a strong place in texts, being firmly associated with the cult of Aphrodite. Brides were decorated with wreaths of roses intertwined with myrtle. The door leading to the house was removed with roses, and the marriage bed was strewn with petals. The Greeks strewed roses on the path of the winner returning from the war and his chariot. They also cleaned the body and tombs of the dead. Roses were worn on the head and on the chest as a sign of mourning, as a symbol of the shortness of life. In religious ceremonies, the Greeks decorated the faces of gods and goddesses with wreaths of roses, and placed wreaths at their feet. The main references to roses are made by the Greeks – Homer, Sappho, Anacreon, Theocritus, Herodotus, Elian, among the Romans – Cicero, Virgil, Ovid, Pliny the Elder, Suetonius, Apuleius, SHA, among the early Byzantines – Procopius of Caesarea, Procopius of Gaza, Choricios, John of Gaza.

Key words: rose, antiquity, cult, written tradition, references.

БЛАГОРОДНЫЕ РАЗБОЙНИКИ АНТИЧНОСТИ: ТИАМИД, ВИРИАТ И БУЛЛА ФЕЛИКС

Е.А. Холодов (Белгород)

В статье рассматривается деятельность «благородных» разбойников античного времени. В частности подвергается анализу деятельность литературного персонажа — Тиамида, реальных личностей – Вириата и Буллы Феликса. Рассматривается феномен «благородных» разбойников от классической Греции до времени правления римского императора Септимия Севера.

Ключевые слова: разбойник, Тиамид, Вириат, Булла, несправедливость, Рим-.

Концепт «благородного» разбойника присутствует в культуре различных цивилизаций с древнейших времен. Не обошел он стороной и античную цивилизацию, но прежде, чем изложить существующую информацию о благородных историках античности, стоит показать, что же вообще означает «благородный» разбойник.

Исследователи выделяют 9 факторов, которые определяют черты образа «благородного разбойника». Во-первых, он сам является пострадавшим от несправедливости. Во-вторых, в ходе своей разбойничьей деятельности он восстанавливает несправедливость. В-третьих, он использует грабеж богатых, дабы раздать бедным. В-четвертых, он убивает других людей только ради самозащиты или мести. В-пятых, он в конечном итоге становится значимым и чтимым членом своей общины. В-шестых, члены его общины в большинстве своем его поддерживают в его разбойничьей деятельности. В-седьмых, скорее всего, его смерть наступает в ходе предательства. В-восьмых, если мы говорим об эксплуатации данного образа в литературе, то благородный разбойник находится в тени, его практически невозможно застать врасплох. В-девятых, как правило, он враждует только с местными представителями власти, не посягая на центральный её аппарат, если он имеется¹.

Начать показывать пример «благородного разбойника античности» хочется с Тиамида. Однако стоит сразу оговориться, что это – литературный персонаж. Он является одним из героев греческого романа III века «Эфиопика» Гелиодора. Данный герой стал разбойником не по своей воле, ему пришлось это сделать из-за козней младшего брата, который обманом завладел должностью жреца, доставшейся братьям от отца; в этом мы видим черту Тиамида именно как «благородного разбойника», он пострадал от несправедливости.

Далее о том, что Тиамид является «благородным» разбойником, говорит следующий монолог: «Не получив священства после кончины моего отца, так как оно было насильственно захвачено моим младшим братом, я бежал к вам, чтобы за обиду мстить, а себе честь и славу вернуть. Признанный вами достойным правителем, я до сего времени прожил здесь, не присваивая себе ничего сверх того, что получали все. Когда мы делили добычу, я довольствовался одинаковой с вами долей, когда продавали пленников, я отдавал деньги в общую казну, считая, что желающему быть хорошим вождем надо брать себе трудов как можно больше, а доходов – равную долю. Из захваченных пленников я включал в наше число всех мужчин, которые могли быть нам полезны телесной силой, а тех, что послабее, – продавал. Насилия над женщинами мне были чужды: я – иногда за деньги, иногда из одного сострадания к их участи – отпускал на волю женщин благородного происхождения, а женщин низкого звания, которых рабствовать заставляло не взятие в плен, но скорее обычное течение их жизни, я отдавал каждому из вас в служанки». На основе этих слов мы можем сделать выводы о том, что герой

¹ Хобсбаум Э. Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский фонд содействию образованию и науке, 2020. С. 60.

использует насилие с целью отомстить, он является значимым членом общины, не ставит своей целью борьбу с верховной властью, то есть имеет характерные черты «благородного» разбойника (Heliodor. *Ethiop.* I).

Другим «благородным разбойником» мы можем назвать луизианского военного вождя Вириата. Данный человек происходил из незнатного рода и являлся обычным пастухом, пока в его жизни не произошли трагические события.

В 151 г. до н.э. для подписания мира в земли, контролируемые Римом под командованием полководца Сервия Сульпиция Гальбы, пришла лузитанская знать со свитой. Итогом переговоров стала резня, которую устроили римляне и последующее нападение на поселения лузитан. Из 80 тысяч выжило около 20 тысяч, которых отослали как рабов в Галлию. Среди них был и Вириат. Через несколько лет он смог сбежать и с 10 тысячами таких же беглецов организовал отряд, занимавшийся разбоем и грабежом в римских землях. Здесь мы видим характерные черты «благородного разбойника» – он пострадал от несправедливости, и использует грабеж ради её восстановления.

Примечательно, что Вириат был выборным вождем, который командовал, так как «обладал наибольшими командными качествами среди варваров, наиболее готовым к дерзкой опасности (...) и наиболее справедливым при распределении добычи» (Appian. *Rom. Hist.* VI. 72). Тут показаны такие черты «благородного разбойника» как значимость в общине и одобрение членами общины.

В своей военной деятельности Вириат использовал партизанскую тактику. Он устраивал засады римским армиям на пересеченной и узкой местности, использовал ночь и неизвестные пути для бегства, а также поддерживал свои войска в постоянном движении. Он не стремился ни к прямому нападению, ни к длительному завоеванию территорий, но только к грабежам и захвату добычи.

О том, что Вириат был «благородным разбойником» свидетельствует и его смерть. Согласно Аппиану, римский полководец Сципион пообещал командирам отрядов лузитан Аудаксу, Минуро и Диталько богатства и земли, если они убьют Вириата. Легенда гласит, что, вернувшись в свой лагерь после встречи с Цепионом, они убили его во сне, вонзив кинжал ему в шею, так как Вириат всегда спал в доспехах (Appian. *Rom. Hist.* VI. 7).

Ну и конечно, говоря о «благородном разбойнике», нельзя не упомянуть Буллу Феликса. Он жил в эпоху императора Септимия Севера и промышлял разбоем и грабежом в Италии. Банда разбойника насчитывала около 600 человек. За ними шла непрерывная охота, причем участие в ней принимали полноценные воинские соединения римской армии. Однако он всегда уходил от преследователей, благодаря системе информаторов.

О «благородстве» данного разбойника свидетельствует его обращение с теми, кого он грабил. Он старался не убивать их, а если ему попадались ремесленники, то они получали вознаграждение после выполнения работы для него. Вообще Булла Феликс старался не убивать без лишних причин. Об этом свидетельствует случай, который произошел с центурионом, который должен

был его поймать. Дион Кассий пишет об этом так: «Он также явился к центуриону, которому было поручено уничтожить его шайку, и, притворившись кем-то другим, сам сделал на себя донос, обещал центуриону, если тот последует за ним, выдать разбойника и так, под тем предлогом, что отведет его к Феликсу (это было другое прозвище, которым он пользовался), завел его в низину, поросшую густым кустарником, и без труда взял в плен. Затем, облачившись в платье должностного лица, он взшел на трибунал, вызвал этого центуриона, приказал обрить ему половину головы и сказал: «Передай своим господам, пусть они кормят своих рабов, чтобы те не обращались к разбою»» (Cass. Dio. Rom. Hist. LXXV. 10.5-10.6).

Также о его благородстве говорит то что он является значимым членом своей банды, то есть пользуется уважением в своем сообществе.

Характерной чертой его «благородства» является его смерть. Погиб он из-за предательства. Булла Феликс тайно имел отношения с женой одного из римлян. Как-то трибун императора, которому было поручено разделаться с бандитом, узнал об этой связи. С помощью шантажа, пообещав женщине избавить её от наказания за прелюбодеяние в обмен на сотрудничество, он смог выйти на Буллу Феликса и арестовать его, спящего в пещере. Префект Эмилий Папиниан после ареста спросил, что побудило Буллу стать разбойником, на что тот задал встречный вопрос, что побудило Папиниана стать префектом. Затем разбойник был отдан на растерзание зверям, и его банда после этого распалась (Cass. Dio. Rom. Hist. LXXV. 10.7).

Таким образом мы видим, что еще в античной цивилизации появились представители «благородного» разбойничества. Тиамид, как литературный персонаж, а Вириат и Булла Феликс как реальные исторические личности грабили других людей в соответствии со своими представлениями о справедливости.

NOBLE ROBBERS OF ANTIQUITY: TIAMID, VIRIAT AND BULLA FELIX

E.A. Kholodov (Belgorod)

The article examines the activities of the "noble" robbers of ancient times. In particular, the activity of a literary character – Tiamid, real personalities – Viriat and Bulla Felix is analyzed. The phenomenon of "noble" robbers from classical Greece to the reign of Roman Emperor Septimus Severus is considered.

Keywords: robber, Thiamide, Viriate, Bull, injustice.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ СОФИСТИКИ В ИХ ГОРОДАХ (ПО «ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ СОФИСТОВ» ФИЛОСТРАТА)

Д.Г. Андреева (Белгород)

В статье рассматривается роль представителей Второй софистики для экономического, политического и культурного развития мест их рождения и софистических

центров II–III вв. В «Жизнеописаниях софистов» Флавия Филострата излагаются сведения о благотворительной общественной деятельности мыслителей и ее значимости для жителей родных городов софистов.

Ключевые слова: Флавий Филострат, Вторая софистика, города софистов, благотворительность, общественная деятельность.

Флавий Филострат – наиболее известный представитель литературной семьи Филостратов, оставивший нам солидное собрание софистической прозы, создававшейся во II–III вв. Его труд «Жизнеописания софистов» является одним из самых важных и интересных источников по истории Второй софистики. Впервые писать о софистах взялся софист¹.

В посвящении к своему сочинению Филострат сам называет себя автором, а также сообщает, что закончил свой труд зимой 237/238 г.²

Жизнеописания созданы не в традиционной для биографического жанра форме. В некоторых случаях автор мог описывать жизненный путь софистов, которые на тот момент были еще живы, хотя обычно биография может быть только у тех, кто прожил свою жизнь до конца³. Также Филострат редко рассказывает о происхождении мыслителей, но в биографиях представителей Второй софистики эта тенденция меняется, появляется уже установившаяся для этого жанра схема (происхождение софиста, учитель, у которого он учился, характер его речей, его нрав, место его жительства и т.п.)⁴.

«Колыбелью» Второй софистики были города и области Малой Азии: Кария, Киликия, Каппадокия, Памфилия и т.д. Однако, чтобы стать софистом, нужно было учиться в известных софистических центрах. Афины, Смирна и Эфес – самые процветающие культурные центры того времени. В отличие от софистов классического периода, представители Второй софистики не были «странствующими учителями, путешествующими из города в город»⁵. Завершив обучение, они редко возвращались к себе на родину, а избирали местом преподавания один из этих известных центров. Их ученики приезжали туда сами со всех концов света.

Таким был и Антоний Полемон. Вопреки мнению большинства, он не был уроженцем Смирны. Как писал Филострат: «породила его Лаодикейя, что в Карию» (VS I. 25. 530). Однако жил и преподавал Полемон в Смирне. Софист и его семья были богаты и многое могли сделать для города. По словам Филострата, Полемон не жалел денег на общественно полезные городские постройки. На его средства строились хлебные склады, атлетические школы, храмы. Вероятно, что и храм Зевса в Смирне был выстроен благодаря влиянию

¹ Флавий Филострат. Жизни софистов / Под общим рук-вом Е.Г. Рабинович. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 17.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 23.

⁴ Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1964. С. 168.

⁵ Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1. СПб., 1999. С. 389.

софиста. Также Смирна обязана Полемону получением неокории – почетного и выгодного права быть одним из центров императорского культа¹.

По сведениям Филострата, при Полемоне Смирна стала как никогда многолюдна. Софист привлекал богатых и образованных слушателей с обоих континентов².

Многие софисты, о которых рассказывает Филострат, были близки к императорскому двору, как и сам автор «Жизнеописаний», занимали различные высокие посты. Большинство занимали должности глав риторических школ под патронажем самого императора³. Ожидалось, что софисты, независимо от того, занимали ли они должность или нет, будут щедро жертвовать из своих огромных средств на украшение и комфорт родных городов. Благотворительность софистов оказала на них осязаемое культурное, политическое и экономическое влияние. Полемон также не забывал о своей родине и сохранил связь с Лаодикеей. Филострат пишет, что он часто навещал родной дом и помогал жителям города. Таким образом, и Лаодикея, и Смирна пользовались его покровительством⁴.

Примером благотворительности софистов в своих родных городах может служить и деятельность Дамиана Эфесского. Софист мог тратить крупные средства, поддерживая эфесских бедняков и жертвуя средства на восстановление любого общественного здания, нуждавшегося в ремонте. Более того, чтобы защитить поклонников Артемиды от дождя, он построил тщательно продуманный мраморный портик, чтобы соединить город с храмом Артемиды через Магнесийские врата. Дамиан также построил в святилище огромный обеденный зал из фригийского мрамора. Филострат показывает, что Дамиан посвятил портик своей жене, которая была одной из знатных дам Эфеса. Ее отцом был Публий Ведий Антонин – человек определенного общественного мнения и достатка. К востоку от одеона, в большом (восточном) гимнасии были найдены статуи Дамиана и Ведии, его жены. Предполагается, что супруги подарили этот великолепный зал городу Эфесу⁵.

Как еще один покровитель Смирны известен и Элий Аристид. Он по справедливости пользовался широко распространенной известностью и был высоко чтим Марком Аврелием, которого склонил к восстановлению разрушенной Смирны, за что жители поставили в честь Аристида, как «строителя» города, бронзовую статую⁶.

В 178 г. Смирна была разрушена землетрясением. В таких случаях от потерпевшего бедствие города обычно отправлялось посольство к римскому императору, так как для восстановительных работ требовались значительные

¹ Флавий Филострат. Жизни софистов. М., 2017. С. 174-175.

² Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Clarendon, 1969. P. 17.

³ Белоусов А.В. Филострат в религиозном контексте своего времени. М.: ПСТГУ, 2012. С. 28.

⁴ Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 23.

⁵ Op. cit. P. 28.

⁶ Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. С. 148.

денежные средства. Смирна, следуя установленной традиции, тоже немедленно отправила своих послов в Рим. Элий Аристид откликнулся на это событие речью под названием «Монодия Смирне» в которой одна за другой оплакиваются все исчезнувшие красоты города – источники, театры, переулки, портики, агора, улицы, гавани, гимнасии и тому подобное, а также содержится призыв расценивать случившееся как вселенское горе.

Филострат в «Жизнеописаниях софистов» (VS II. 9. 582) сообщает, будто бы император, прочтя это письмо, прослезился и, исполнившись сострадания, освободил город от уплаты налогов и других видов платежей в государственную казну. К этому моменту из-за плохого здоровья Элий Аристид уже длительное время безвыездно жил в своей родной Мисии, воздерживаясь от активной профессиональной деятельности. Оставив всякую надежду на возобновление ораторской карьеры, он, однако, по-прежнему не прекращал литературных занятий¹.

При Глабрионе жители Смирны предложили Аристида на пост первосвященника Азии. Эта должность отнимала много сил и времени. Из-за болезни софист не мог на нее согласиться. Неприятности Элия Аристида, последовавшие за этим отказом, показывают, что от софистов ожидалось, что они с радостью возьмут на себя финансовые и административные проблемы города и провинции. Решительное несогласие Аристида служить верховным жрецом Азии, сборщиком налогов в Смирне или иренархом было явно неожиданным и ненормальным, так как большинство софистов были готовы нести расходы и неудобства государственной службы, чтобы пользоваться благодарностью граждан и еще более высоким статусом².

Таким образом, представители Второй софистики оказали огромное влияние как на свои родные города, так и на крупные софистические центры империи.

SOCIAL ACTIVITIES OF THE REPRESENTATIVES OF THE SECOND SOPHISTS IN THEIR CITIES (FROM PHILOSTRATUS' "BIOGRAPHIES OF THE SOPHISTS")

D.G. Andreeva (Belgorod)

The article deals with the role of the representatives of the Second Sophists for economic, political and cultural development of the places of their birth and the sophistic centers of the II-III centuries. In the "Lives of the Sophists" by Flavius Philostratus the information about philanthropic social activity of the thinkers and its importance for the inhabitants of the sophist cities is presented.

Key words: Flavius Philostratus, Second Sophistic, Sophist cities, charity, social activity.

¹ Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / Под ред. С.И. Межеричкой и М.Л. Гаспарова. М.: Наука, Ладомир, 2006. С. 185-186.

² *Bowersock G.W.* Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 26.

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ ИМПЕРАТОРСКОГО КУЛЬТА В РИМСКОЙ ЛИКИИ

Ю.И. Погорелова (Белгород)

В статье рассматривается развитие императорского культа, характерного для Римской империи со времён Августа в Малой Азии, а конкретно провинции Ликия, с характерными для неё особенностями.

Ключевые слова: культ, император, Ликия, жрец.

Для понимания специфики культа на конкретно взятой территории представляется уместным нанести ряд штрихов относительно Ликии как региона, её особенностей и специфики.

Первоначальные свидетельства о Ликии относятся к «героической» эпохе греческой колонизации. Основать поселения на этой территории не вышло, в связи с достаточно сильно выраженной национальной самобытностью народа, ревностно охранявшего свою культуру и языковую принадлежность¹. Кроме того, страна представляет собой нагорье, где основать греческих полисы было затруднительно.

В целом, можно судить о том, что Ликия довольно упорно противилась внешней угрозе, и местные князья в ней правили вплоть до Александра Македонского, который отдал в правление эту территорию сатрапу Мавсолу, который во многом способствовал развитию местных республиканских правительств в противовес местной княжеской знати.

Под римской властью Ликия оказалась в 43 г. в результате ее присоединения императором Клавдием. Он объединил её с Памфилией, основав, таким образом, провинцию². Эта провинция включала более 20 городов, из которых наиболее выделяются: Ксанф, Патары, Тлос и др.

Что касается политической жизни, то с включением Ликии в состав Римской империи в качестве провинции она перестала быть реальной и стала иметь довольно фиктивный, иллюзорный характер.

Структура верховной организации, отражённая в надписях, включала: общину (или коммуну), демос, ликиарха, являвшегося «архонтом народа», и состоявшего при нём секретаря объединения.

Переходя к вопросу культа, стоит отметить, что его появление и развитие личностного начала на Востоке началось вовсе не с почитания римских императоров. У Плутарха (Tit. Flam.16) мы встречаем упоминание о некоем почитании римских полководцев, в частности, Тита Фламинина – известного в связи с командованием римской армией во Второй Македонской войне. После освобождения от македонского владычества халкидяне учредили

¹ Jones A.H.M. The cities of the eastern Roman provinces. Oxford: Clarendon press, 1971. P. 95.

² Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 85.

культ своего освободителя, они выбирали жреца этого культа и проводили ритуалы в его честь (Посвящения «Титу и Гераклу», «Титу и Аполлону»)

В дальнейшем культ переместился уже и на фигуру императора, окончательно оформившись в правление Августа. Это, например, можно подтвердить тем, что в дошедших до нас нескольких надписях после победы при Акции Август выступает как повелитель земли и моря, спаситель космоса (Миры Ликийские – IGRR, IV, 490).

Также о многом говорит то, что должность архиерея, верховного жреца Августа, существовала отдельно от наделённой религиозными полномочиями должности ликиарха.

Более того, в одной из надписей из Ойноанды (IGRR III, 1506) – ликийского города в верхней долине реки Ксанф – верховный жрец культа императора назван «вождём народа», что свидетельствует об очень высоком положении отправителя культа¹.

Во главе койнона (союза городских общин) обычно находился главный жрец, который руководил провинциальными императорскими храмами и их церемониями. В своих официальных званиях они могли называться предводителями (и дальше указывалось индивидуальное название койнона, то есть, например, Асиарх, Лисиарх, Памфилиарх, Понтарх и т.д.).

Отмечается, что в некоторых случаях отправителем культа могла быть женщина. В таких случаях она часто была женой или родственницей главного жреца или руководителя койнона².

Эта должность была очень дорогостоящей и могла включать в себя огромные расходы не только на придание особой пышности праздникам койнонов (на которые города также делали взносы), но и на такие вещи, как гладиаторские игры и пиры, специальные строительные проекты или выплату налогов в провинции³.

За эти расходы, и особенно, когда он или она председательствовал на состязаниях, главному жрецу или главной жрице часто предоставлялось право одеваться в пурпур, носить корону, украшенную бюстами Августов, и идти во главе ритуальной процессии койнона (Dio Chrysost. Orat. 38.38).

В целом римский императорский культ в Ликии соответствовал общеимперским стандартам, хотя и имел некоторые особенности.

ON THE QUESTION OF THE MANIFESTATIONS OF THE IMPERIAL CULT IN ROMAN LYCIA

J.I. Pogorelova (Belgorod)

The article examines the development of the imperial cult characteristic of the Roman Empire since the time of Augustus in Asia Minor, and specifically the province of Lycia.

Keywords: cult, emperor, Lycia, priest.

¹ Там же. С. 87.

² Burrell B. Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors. Leiden; Boston, 2004. P. 254.

³ Ibid. P. 255.

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО КУЛЬТА В РИМСКОЙ ПАМФИЛИИ

Э.Ю. Черняева (Белгород)

В статье рассматриваются особенности развития римского императорского культа в Памфилии – области на юге Малой Азии.

Ключевые слова: императорский культ, Памфилия, Римская империя.

Еще с глубокой древности Памфилия была населена греками. Согласно археологическим данным, первые греческие колонисты появились в этом регионе еще в Железном веке¹. Геродотом же была описана история этого региона еще с «героической» эпохи. Впоследствии из-за ассимиляции колонистов с местными жителями, этот регион развивается самобытно по сравнению с другими греческими областями.

За несколько веков Памфилия успела побывать под властью многих восточных деспотов, пока во времена завоеваний Александра Македонского не пришли к эллинистической культуре.

Свою римскую историю этот регион ведет с 190 г. до н.э., после победы римских войск над Антиохом III, однако полноценно Памфилия была присоединена к Риму лишь после смерти царя Аминты Галатского в 25 г. до н.э.

Как провинция Памфилия начинает формироваться с момента ее соединения с Ликией в 43 г. при императоре Клавдии.

Памфилия насчитывает свыше десятка городов, крупнейшими из которых являются: Перге, Сиде, Атталия, Аспенд и Силлий.

Стоит отметить, что в современном понимании границ эта провинция была сформирована лишь в 74 г. Веспасианом (Suet., Vesp. 8).

Памфилия сформировала особую провинциальную организацию, известную по нескольким надписям как «города Памфилии», и управляемую памфилиархами. Сотрудничество, похоже, не было естественным для памфилийских городов, и ни в одном из найденных документов они не называют свою организацию койноном².

Очевидно, что при реорганизации Веспасианом была предпринята попытка придать Памфилии некоторые черты соседних провинций. Важнейшей частью этого могло быть создание храма императорского культа, и титул «неокория», сопровождающий его.

Хотя Перге стал неокорией «от Веспасиана», сам император не был указан как объект культа. Более отдаленно возможно, что памфилийский провинциальный храм был посвящен Августу и Риму.

На вероятное положение Перге как главного города своей провинциальной организации указывают серебряные кистофоры,

¹ Grainger, John D. The cities of Pamphylia. Oxford: Oxbow Books. 2009. P. 27.

² Burrell B. Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors. Leiden; Boston. 2004. P. 175-176

отчеканенные при Нерве, Траяне и Адриане, на которых изображено знаменитое святилище Дианы/Артемиды в Перге¹.

Поскольку записей о социальной жизни Памфилии осталось не так много, по сравнению с, например, соседней Ликией, некоторые моменты культовой жизни могут быть упущены.

Как уже говорилось ранее, главой койнона был памфилиарх, который в том числе был главой императорского культа в провинции. В его обязанности входило проведения фестиваля (празднества) *Artemeiseia* Веспасиана в Перге (посвящённом вечности благополучия после тирана Нерона и укреплению династии Флавиев).

Сохранились надписи, подтверждающие проведение подобных культовых мероприятий, а также восхваляющие сам город как культовый центр провинции. Надпись в том числе может означать, что у пергийцев было преимущество единственной неокории от Веспасиана, поскольку нет никаких свидетельств, указывающих на создание двух неокорий в одной провинции для одного и того же императора до времени Адриана². Хотя уже в этот период можно проследить попытки Сиде выступить и оспорить первенство Перге в культовой жизни Памфилии.

Соперничество двух городов за первенство в религиозно-культовой жизни становится наиболее явным благодаря паре дополняющих друг друга типов реверсов на монетах с аверсами Галлиена с изображением йоты.

Перге выпустил монету, изображающую свою собственную Артемиду (в эллинском стиле в виде охотницы), коронованную Афиной из Сиде; многие другие современные монеты также включают титул или символ, означающий «первый».

В то же время, Сиде выпустил свою монету, на которой изображена обратная ситуация – царственная Афина, коронованная Артемидой.

Таким образом, каждый город выпустил монеты, которые показывали свою собственную богиню как победительницу, а богиню другого города – в подчиненном положении, признающую эту победу³.

Немногие города Востока выпускали свои собственные монеты или даже воздвигли почетные надписи после правления Галлиена.

На самом деле, Памфилия, возможно, процветала в последние годы III века, хотя, возможно, только в отличие от своих менее удачливых соседей.

Пока невозможно сказать, как и когда началась гонка за титулами между Перге и Сиде, как и когда она закончилась. Перге определенно был впереди вплоть до времени Аврелиана, а возможно, и позже. Даже неизвестно, кто из них двоих должен был стать метрополией новой провинции Памфилии.

Ситуация соперничества за титул метрополии и неокорию характерна для многих провинций позднеантичного времени.

¹ Ibid. P. 180.

² *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 90.

³ *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римский империи. М.; Магнитогорск: ИА РАН, 1995. С. 383.

PECULIARITIES OF THE IMPERIAL CULT IN ROMAN PAMPHYLIA**E.Y. Chernyaeva** (Belgorod)

The article examines the peculiarities of the development of the imperial cult in Pamphylia on the south of Asia Minor.

Key words: imperial cult, Pamphylia, the Roman Empire.

**НАДПИСЬ О САДЕ АДОНИСА ИЗ ЛАОДИКЕИ ПРИМОРСКОЙ
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ****В.М. Кириллов** (Белгород)

В статье рассматривается надпись IGLS 1260 из Лаодикеи Приморской, сообщающая о наличии в городе некоего «сада Адониса». В историографии эта надпись рассматривается как свидетельство существования в городе храма или отдельной священной рощи в честь божества. На основании филологического анализа источников I–III вв. автором предлагается собственная гипотеза относительно назначения надписи как инструмента организации городского общественного пространства на периоды праздников в честь Адониса.

Ключевые слова: Лаодикея Приморская, Сирия, сад Адониса, язычество, праздник.

Организация общественных пространств являлась важным аспектом городской жизни в античном обществе и неотъемлемым направлением деятельности городской общины. Особо ярко данная тенденция проявляется в период Поздней античности, когда полисное самосознание искало новую сферу для применения энергии, которая смогла бы заменить отобранную римской провинциальной администрацией политическую активность.

Города Сирии не стали исключением из правила, однако изучение организации общественных пространств на этой территории непременно сталкивается с общей для региона спецификой, при которой массив источников крайне широко разбросан во временных и пространственных границах, что заставляет скрупулезно анализировать каждый дошедший до нас фрагмент информации.

Среди корпуса греко-латинских надписей из Лаодикеи Приморской обнаруживается сообщение, которое, несомненно, имеет отношение к организации объекта городского общественного пространства, но его контекст и назначение могут иметь различную трактовку.

Надпись IGLS IV. 1260 была обнаружена в 1923 г. в юго-восточной части города. Она выполнена на небольшой, формы полукруглой арки, известняковой стеле высотой 0.65 м, которая на момент публикации находилась в музее Дамаска. Издатели каталога датируют её II веком, однако отсутствие указания на дату в тексте не позволяет безоговорочно согласиться с их мнением.

Надпись имеет следующее содержание:

ῥοι) ὠ(ρισμένοι) ταβ(ερνῶν) κ(αι) κήπ(ου) Ἄδῶ- νεως πήχ(εις) π'	Обозначенные границы харчевен и сада Адониса ниса локтей 80
---	---

Главная проблема интерпретации данной надписи заключается в ответе на вопрос: следует ли из текста, что в Лаодикее находилось святилище бога, которому принадлежало насаждение, или же термин «сад Адониса» связан с каким-то другим явлением.

По данным письменных источников, в других городах почитатели Адониса собирались и отправляли культ в местах, изначально приспособленных для другого. По свидетельству Лукиана, в Библие ежегодные оргии в честь Адониса праздновались в святилище Афродиты (ἐν τῷ καὶ τὰ ὄργια ἐς Ἄδωνιν ἐπιτελέουσιν) он же отмечает, что, по преданию, бог был смертельно ранен вопреим именно в этой стране (Lucian. De dea Syria. VI), что могло бы навести на мысль о важности культа для Восточного Средиземноморья. Однако, брать ситуацию в Библие за основу для аналогии было бы не совсем корректно, поскольку мы знаем об исключительной роли Адониса для этого города, которому он был посвящён (Strabo. XVI. 2. 18).

Существуют свидетельства о почитании божества и в других местах. Так Блаженный Иероним сетует, что в Вифлееме до времени правления Константина Великого почитатели бога собирались в некоем считавшемся священным «лесу Таммуза» (восточный аналог Адониса) (Hieronim. Ep. LVIII), и там, где раньше «плакал младенец-Христос, теперь раздавались вопли по любовнику Венеры» (Veneris amasius plangebatur).

О распространении и прочности культа в христианское время также свидетельствует сообщение Аммиана Марцеллина, который описывает первый приезд императора Юлиана в Антиохию, упоминая, что на этом ежегодном празднестве повсеместно слышались завывания и скорбный плач (Amm. Marc. XXII. 9. 14).

Таким образом, культ Адониса был широко развит в Восточном Средиземноморье, но наличие специальных святилищ в городах не прослеживается.

Единственное археологическое подтверждение существования храма Адониса имеется для античности лишь в Дура-Европос¹.

Издатели IGLS допускают мысль о сопоставлении в Лаодикее святилища божества с упоминаемым путеводителями храмом Вакха, но последний представляет собой не что иное, как монументальную арку, бывшую завершением одной из городских улиц².

¹ Mouterde R. The Excavations at Dura-Europos, Preliminary report of the seventh and eight seasons of work, 1933-1934 a. 1934-1935 / ed. M.J. Rostovtzeff, F.E. Brown, C.B. Welles // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 1939. Tome 22. P. 148.

² Sauvaget T., Mouterde R.P.R., Mouterde R.P.B. Le plan de Laodicée-sur-Mer // Bulletin d'études orientales. 1934. Tome 4. P. 91.

А.Г. Грушевой рассматривает данную надпись в контексте информации о храмовом землевладении в регионе. Он придерживается мнения, что, если в городе и не было храма в честь божества, при котором расположен сад, то участок мог быть просто территорией, посвящённой Адонису, но не находящийся рядом с его святилищем¹.

Филологический анализ надписи позволяет прийти к другой гипотезе относительно её значения. В I-II вв. в источниках неоднократно встречается формулировка ὁ Ἀδώνιδος κῆπος, которая соответствует формулировке надписи и имеет вполне конкретное значение.

Под садом Адониса в этом значении понимается явление, которое характерно для празднества в честь божества – наполненные землёй горшочки или осколки керамики, в которые высаживались быстро увядающие растения. Такую фразу мы встречаем, например, у Плутарха, который использует образ глиняных черепков с растениями, которые не могут пустить корни, как символ недолговечного и хрупкого (Plut. De sera. XVII).

Диогениан Гераклеийский помещает это выражение в свой «Сборник пословиц», где объясняет его происхождение как дань почитания мифу, в память которого выращиваются садики в горшках (εἰς ἀγγεῖα...φυτεύοντες) (Diogenian. Περὶ παροιμιῶν. 13). Очевидно, что в римское время выражение ὁ Ἀδώνιδος κῆπος рассматривается уже, скорее, как пословица и аллегория на что-то мимолётное, хотя оба автора дают представление и о его практическом значении.

Аналогичные формулировки употребляет и Филострат Старший в сочинении об Аполлонии Тианском. Когда Аполлоний был удостоен беседы с Домицианом, император приносил жертвы в «Адонисовом дворе» (αὐλῆ Ἀδώνιδος), где зрели цветочные сады (κῆποι), которые ассирийцы выращивают у себя в домах для праздников в честь божества (Philostrat. Vita Apollon. Tyan. VII. 32). Название «Адонисов двор» показывает пример специально отведённого под такой цветник места, здесь же указано его дальнейшее назначение.

Следовательно, анализ источников позволяет прийти к мысли, что в лаодикейской надписи речь может идти не о какой-то роще в честь Адониса, находящейся рядом с его святилищем в городе или существовавшей как отдельный объект, а об организации городского пространства на время праздника. Кроме формулировки из источников, предлагающих вполне конкретное значение термину «сад Адониса» в пользу данной гипотезы выступает ежегодная периодичность праздника, что создаёт условия для выделения под него определённой территории.

Об этом же свидетельствует размер отведённого пространства в 80 локтей. Взяв усреднённое значение локтя за 45 см, получаем значение в 36 м, что представляется достаточным для размещения горшков с растениями. Важно упоминание в надписи наряду с садом и харчевен, которые непременно

¹ Грушевой А.Г. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н.э. – VI в. н.э.). СПб., 2013. С. 129.

размещаются в зоне проведения многих общественных мероприятий, что не теряет актуальности даже сегодня, и также могли располагаться рядом с Адонисовым цветником.

THE INSCRIPTION ABOUT THE GARDEN OF ADONIS FROM LAODICEA AD MARE AND THE WAYS OF IT'S INTERPRETATION

V.M. Kirillov (Belgorod)

The paper considers the inscription IGLS 1260 from Laodicea ad Mare reporting about a garden of Adonis in the city. In researches this inscription generally is considered as an evidence of location of a temple or a separate sacred grove in honor of the deity inside the city. Based on the philological analysis of different sources of the I-III A.D., the author of the article proposes a new hypothesis regarding the meaning of the inscription as a tool for organizing urban public space during the fests of Adonis.

Key words: Laodicea ad Mare, Syria, Adonis, paganism, fest.

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АРТАШАТА ПО ДАННЫМ РАБОТ АРМЯНО-ГЕРМАНСКОГО ПРОЕКТА «АРТАКСАТА» (АГАП)

З.Г. Оганян (Белгород)

В данной статье рассматривается процесс археологического изучения территории столицы Армянского царства Артаксаты. Также в статье составлен обзор деятельности и результатов работ армяно-германского проекта «АГАП».

Ключевые слова: Артаксата, Арташат, АГАП, Армения, археологические раскопки.

Артаксата, находящаяся в 10 км к югу от современного города Арташат, в центральной части Араратской долины, была основана в 180 г. до н.э. Арташесом I (189-160 гг. до н.э.) как столица Армянского царства Арташесидов (Strab. XI.14.6).

Городище расположено на 15 холмах, образующих единую систему и прилегающих к равнине вплоть до реки Аракс.

Согласно предыдущим исследованиям, эллинистический город занимал территорию ок. 700 га (включая площадь деревень Лусарат и Покр Веди), а с пригородами и некрополями – до 3000 га¹.

До начала раскопок во второй половине XX в. многие ученые, в том числе крупный армяновед и этнолог Гевонд Алишан, пытались идентифицировать местоположение бывшей древней столицы, но перепутали развалины города Двина с Арташатом (скорее всего, из-за того, что рядом с развалинами Двина находилось селение Арташат – ныне Верин Арташат).

¹ *Lichtenberger A., Zardaryan M.H., Schreiber T. The Armenian-German Artaxata Preliminary Report on the Excavations in Artashat 2019 // AJNES XIV/1–2 2020. P. 184.*

В 1899 г. здесь, в цитадели города, производил разведочные раскопки Н.Я. Марр, однако весьма ограниченный объем раскопок не позволил ему установить, находились ли здесь развалины Арташата или Двина¹.

И только в 1970 г. начались первые систематические археологические раскопки древней Артаксаты, организованные Институтом археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР, которые продолжаются и по сей день.

Поводом к началу работ стало обнаружение в 1967 г. латинских надписей на территории села Покр Веди, а также некоторых других находок².

В ходе работ в 1970-х гг. были обнаружено достаточно большое количество разнообразного археологического материала: водопроводная сеть, стоки для дождевых вод, общественные бани с мозаичным полом, остатки крепостных стен, десятки жилых помещений, мастерских и т.д. Помимо этого, был обнаружен архив глиняных оттисков печатей³, клад серебряных монет соседних с Арменией эллинистических государств, клад монет Тиграна II Великого, ряд произведений прикладного искусства, в том числе художественные изделия из серебра, камня и глины (расписная керамика), работы серебряных и золотых дел мастеров. Многие предметы искусства иллюстрируют то, насколько высокого уровня достигла эллинистическая культура на территории Древней Армении.

В 2018 г. на территории древней столицы свою деятельность начала армяно-германская археологическая группа «Артаксата». Основным объектом для исследования стал XIII холм и прилегающая к нему равнина. Данный проект осуществлялся совместными усилиями Института археологии и этнографии НАН РА и Института Классической археологии Мюнстерского университета. Руководителями проекта являются Ахим Лихтенбергер (Мюнстер) и Мкртич Х. Зардарян (Ереван).

Свою работу «АГАП» начал осенью 2018 г. с проведения детальной геофизической разведки XIII холма, равнине к югу от него, к юго-западу у подножия холма II и на некоторых его участках.

В ходе разведки были выявлены различные аномалии, указывающие на наличие строительных структур под землей, многие из которых были изучены в последующие годы⁴. Особо интересной аномалией является обнаружение ряда одиночных пятен с высокой отрицательной амплитудой и почти регулярными интервалами в 3 и 4 м. Позже будет установлено, что состоящее из массивных блоков *opus caementicium* сооружение – должно быть остатки колонн арочного римского акведука (или моста через акведук).

¹ Аракелян Б.Н. Основные результаты раскопок 1970-1977 гг. Ереван, 1982. С. 17.

² Там же. С. 20.

³ См. также: Хачатрян Ж.Д. Архивы столицы Древней Армении – Арташата. Ереван, 2008. 270 с.; Schreiber T. The archives of Artaxata: Archival practice in the capital of ancient Armenia // ELECTRUM. Vol. 28. 2021. P. 277–310.

⁴ Lichtenberger A., Zardaryan M.H. Preliminary Report of the 2018 campaign of the Armenian-German Artaxata Project // Boreas – Münstersche Beiträge zur Archäologie. 41/42, 2018/2019. P. 41.

Поскольку были найдены только фундаменты *opus caementicium* и не было видно никаких остатков разрушенной надстройки, очевидно, что этот акведук так и не был закончен, а строительство остановилось на стадии фундамента. Примечательным в случае акведука Артаксаты является соотношение между размерами опор и интервалов – интервалы меньше, чем длина опор.

Обычно при строительстве акведуков используется максимальный пролет арок, но в случаях, когда такие аркады возводятся в сейсмических районах (например, в Араратской долине), для обеспечения устойчивости и прочности арок применялись конструкции "русноstyle". Такие столбы "пикностиля" использовались, например, для акведука в Тире в I веке н.э. и стали более распространенными в Поздней античности¹.

Недостроенный акведук Артаксаты является показателем неудачной попытки превращения Армянского царства в римскую провинцию. Монументальные арки и обилие проточной воды превратили бы Артаксату в римский город. Это был бы самый восточный римский арочный акведук в древнем мире, но это не произошло, и после того, как римский легион был изгнан из Армении в 117 г., Артаксата продолжала процветать как столица царской династии Арташесидов.

В 2019 г. были организованы раскопки недостроенного римского акведука, а также в рамках проекта были определены две области исследования для первой кампании раскопок. Во время археологических работ было найдено большое количество керамики, чаще всего местного производства, небольшой золотой листок диаметром около 0,6 см², а также было зафиксировано большое количество костей животных. Стоит отметить, что керамика, найденная на XIII холме, имеет потенциал для обеспечения хорошо датированного контекста, который может помочь уточнить типологию керамики Артаксаты³.

В 2020-2021 гг. было продолжено ведение геофизических съемок, а также проведены некоторые раскопки, в ходе которых были детально изучен комплекс зданий, ранее раскрытых лишь частично. Результаты работ за этот период будут опубликованы позже.

В результате раскопок 2018-2021 гг. были обнаружены важные свидетельства материальной культуры эллинистической столицы. Как отмечают авторы, обнаруженные в процессе геофизической съемки объекты показывают, что в районе города, площадь которого достигает 700 гектаров,

¹ *Lichtenberger A., Zardaryan M.H., Schreiber T.* Failed Roman Imperialism: An Unfinished Roman Aqueduct at Artaxata in Armenia // *Archäologischer Anzeiger*. 1. Halbband 2021. P. 374-375.

² *Lichtenberger A., Zardaryan M.H., Schreiber T.* The Armenian-German Artaxata Preliminary Report on the Excavations in Artashat 2019 // *AJNES XIV/1–2* 2020. P. 193.

³ *Gyulamiryan H.A., Muradyan S.R., Zardaryan M.H., Lichtenberger A., Schreiber T.* The Armenian-German Archaeological Project: Results from the Excavations in Artaxata 2018–2021 // *Scientific Works*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 8.

содержится достаточно археологического материала для десятилетних исследований.

**THE STUDY OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF ARTASHAT
ACCORDING TO THE WORKS OF THE ARMENIAN-GERMAN PROJECT
"ARTAXATA" (AGAP)**

Z.G. Oganyan (Belgorod)

This article examines the process of archaeological research on the territory of Artaxata, the capital of the Armenian kingdom. The article also provides an overview of the activities and results of the Armenian-German AGAP project.

Key words: Artaxata, Artashat, AGAP, Armenia, archaeological excavations.

**ГИЕРАПОЛЬ ФРИГИЙСКИЙ:
РИМСКО-РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД И ЕГО ПАМЯТНИКИ**

Р.А. Ермолович (Белгород)

В статье рассматривается развитие фригийского города Гиераполя в римско-ранневизантийский период на примере некоторых памятников: городских сооружений и погребальных комплексов, которые в совокупности и составили наследие Гиераполя.

Ключевые слова: Фригия, Гиераполь, римско-ранневизантийский период, Плутонион, агора, церковное строительство, некрополи.

Гиераполь Фригийский прошёл долгий исторический путь, начавшийся в эллинистическую эпоху, когда он был основан. Прежде, чем перейти к рассмотрению того наследия, которое оставил город – его памятников, нельзя не упомянуть о географическом положении. Гиераполь расположен на полуострове Малая Азия, и входит в такую историко-географическую область как Фригия. На севере к области примыкает Вифиния, на северо-востоке – Галатия, на юго-востоке – Писидия, юго-западе – Ликия и Кария, на западе – Лидия. Гиераполь располагается в юго-западной части Фригии в долине реки Лик – притоке Меандра¹. Его бурная история и расцвет связаны с тем периодом, когда упомянутая область вошла в провинцию Азия, которая стала частью Рима в 133 году до н.э.²

На римский период стоит обратить пристальное внимание по той причине, что большая часть важных памятников относится именно к нему. Особенно выделяется строительство во время династии Флавиев. К этому времени, прежде всего, относится застройка улицы Фронтинна, которая же является одной из важных магистралей, пересекающих город.

¹ *Indgjerd H.* The grave goods of roman Hierapolis. An analysis of the finds from four multiple burial tombs. Oslo, 2014. P. 7-8.

² *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М.-Л., 1949. С. 34.

К крупным памятникам можно отнести театр, построенный во время правления династии Северов, центральные бани, части различных культовых сооружений, в том числе, нимфей и святилище Аполлона¹.

Другой важный памятник – так называемый Плутонион. Это храм, посвящённый римскому богу – Плутону. Постройка находилась в центральном районе города. Выбор места строительства этого сооружения обусловлен сейсмическим разломом: образовалась пещера, наполненная термальными водами и углекислым газом. Она же стала почитаться как священная, и уже во время правления императора Нерона был построен храм, на что указывает дарственная надпись. Перед входом в пещеру было установлено арочное отверстие и мраморный толос. Важной частью фасада сооружения являлся театрон, над которым возвышался портик, состоящий из колонн, которые соответствуют ионическому ордеру. Святилище имело наос, где изначально располагались статуи, воплощающие Плутона и Кору. Надписи, посвящённые этим богам, также были расположены на фасаде здания². История этого храма заканчивается в ранневизантийский период, когда большая часть сооружения была разобрана для строительства оборонительной стены.

В римский период также существовали уже построенные во II в. до н.э. стены, но сильной потребности в них не было ввиду того, что границы империи значительно раздвинулись. Поэтому эти стены и, в большей степени, ворота стали показателем того, насколько богат город и высок его статус. На данный момент части северных ворот Гиераполя сохранились. Стоит сказать о том, что ворота пересекали стены под прямым углом и имели достаточно высокие и широкие проёмы.

Поскольку сооружение расположено возле пересечения главных улиц города, около него было сосредоточено много построек, имеющих важное экономическое значение. К тому же ворота являлись отличным местом для сбора налогов и пошлин. Со временем ворота приобрели также религиозную функцию.

Жители города считали, что сооружение является своеобразной гранью и формой перехода между реальностью и воображаемым миром – заселенными и незаселенными районами. Это выражалось и в постройке ряда святилищ поблизости³. Поэтому можно сказать, что ворота стали важным символом Гиераполя.

Долгий путь прошла агора, которая вплоть до 2-й половины IV века носила коммерческий характер – были найдены фрагменты амфор,

¹ *Arthur P.* Hierapolis of Phrygia: The Drawn-Out Demise of an Anatolian City // *Vrbes Extinctae. Archaeologies of Abandoned Classical Towns* / N. Christie, A. Augenti (eds.). Ashgate, 2012. P. 278-279.

² *Bozza S.* The ionic portico of the Ploutonion in Hierapolis of Phrygia // *Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation* / T. Ismaelli, G. Scardozzi (eds.). Bari, 2016. P. 373-374.

³ *Jacobs I.* Gates in Late Antiquity. The Eastern Mediterranean. Babesch, 2009. P. 197-213.

предназначенных для экспорта продуктов. После же она сменила свой профиль, став в большей степени промышленным районом. Об этом свидетельствуют и образовавшийся в это время карьер по добыче камня, необходимого для строительства, и сооружения по производству керамики, плитки, различные обжигательные печи¹.

Другой вопрос заключается в том, почему это произошло. Примечательно, что город за долгое время своего существования часто подвергался серьезной сейсмической активности. К указанному периоду относится и крупное землетрясение, которое могло послужить причиной разрушений.

Стоит отметить и то, что благодаря церковному строительству город довольно быстро становится христианским. Один из первых соборов был построен между V и VI веками. Длина собора составляла около 50 м с притвором без атриума, который увеличивал её ещё на 20 м². И примечательно, что он являлся частью оборонительной стены города, возведенной в конце IV в.

Другим памятником, который говорит о немалом влиянии христианства на город, можно назвать комплекс сооружений, посвященный апостолу Филиппу. Он был построен в непосредственной близости от города на склоне. В этот комплекс входит храм, здание которого имело квадратную форму и включало восьмиугольный купольный зал. К храму вел мост и путь, по которому проходила процессия. Одной из причин того, почему христианство быстро стало преобладать в Гиераполе, и почему храм посвящён именно этому апостолу, можно назвать миссионерскую деятельность Филиппа в этом городе, где он, согласно библейскому преданию, в итоге был казнён³.

Другая немаловажная деталь, достойная упоминания – огромные погребальные комплексы Гиераполя – его некрополи. Все они находятся на окраинах города. Можно выделить три наиболее крупных: Северный, он расположен вдоль дороги, ведущей от ворот улицы Фронтинуса к Триполи и дальше к Эфесу; Южный некрополь расположен вдоль дороги, ведущей в Лаодикею; Восточный некрополь – на склоне в северо-восточной части города. Людей хоронили в саркофагах и гробницах, которые созданы по единому образцу: это квадратные сооружения, построенные из крупных строительных блоков, которые, в свою очередь, сделаны из травертина, а отдельные детали саркофагов – из мрамора⁴.

Изучение этих погребений важно и по той причине, что это помогает узнать больше о социальном устройстве, присущем Гиераполю. Вопрос о том, почему некрополи располагались преимущественно возле дорог, объясняется тенденцией, распространённой в Малой Азии, демонстрировать надгробными памятниками богатство и объём власти тем, кто мог увидеть эти памятники.

¹ Arthur P. Op. cit. P. 278.

² Ibid.

³ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви: в 4 томах / под ред. проф. А.И. Бриллиантова. Т.1. СПб.: тип. М. Меркушева, 1907. С. 286.

⁴ Indgjerd H. Op. cit. P. 14-15.

Большое количество деталей, сделанных из мрамора, показывало высокий статус человека, что он мог себе позволить столь богато украшенный памятник, обилие элементов из извести говорило о человеке более низкого социального положения. В целях экономии средств и пространства часто устраивали коллективные захоронения. В отличие от других малоазийских городов, рабов не хоронили отдельно – известны лишь захоронения рабов вместе с их владельцами¹.

Гиераполь остаётся важным римско-ранневизантийским городом, изучение памятников которого позволяет лучше узнать об экономической, религиозной сторонах жизни: это и храмы, церкви, и места скопления торговых точек, например, агора, что позволяет лучше понять социальный уклад жизни города, о чём говорят многочисленные захоронения, и пр.

HIERAPOLIS OF PHRYGIA: ROMAN-EARLY BYZANTINE CITY AND ITS MONUMENTS

R.A. Ermolovich (Belgorod)

The article examines the development of the Phrygian city of Hierapolis in the Roman-Early Byzantine period by the example of some monuments: urban structures and burial complexes, which together made up the heritage of Hierapolis.

Keywords: Phrygia, Hierapolis, Roman-Early Byzantine period, Plutonium, agora, church construction, necropolis.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНТИНУИТЕТ ГОРОДА САРДЫ В ЛИДИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Р.М. Нукушов (Белгород)

В статье рассматривается преемственность городской культуры Сард в Лидии. Сначала дается теоритическая справка о составных частях территориального континуитета города, а далее уже проводится анализ изменений, происходивших в Сардах в период Поздней античности, с последующим выводом о преемственности традиций прошлого.

Ключевые слова: Сарды, Лидия, континуитет, городская культура.

Рассматривая период IV – середины VII вв., можно сказать, что обычная жизнь человека в Византии преобразилась, если сравнить с более ранним временем классической античности. Так рассуждать можно и говоря обо всей культуре в Средиземноморье в то время².

¹ *Ahrens S.* Social status and tomb monuments in Hierapolis and Roman Asia Minor // *Life and death in Asia Minor in Hellenistic, Roman, and Byzantine times* / R. Brandt, E. Hagelberg, G. Bjornstad (eds.) / *Studies in Funerary Archaeology*. Vol. 10. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2017. P. 144.

² *Чекалова А.А.* Быт и нравы византийского общества // *Культура Византии: в 3-х т.* М., 1984. Т. I. С. 632.

Проблема континуитета городской культуры Ранней Византии связана не только с признанием непрерывного существования городов как центров товарного хозяйства, но и с вопросом о непрерывности производственных процессов в городах. Наличие континуитета позднеимперской городской культуры – это основное, что отличает развитие Византии от развития Запада, где континуитет выразался менее явно¹.

Для позднеантичного времени относительно континуитета города в целом обычно отмечают:

- сохранение архитектурных традиций частного и общественного здания;
- сохранение городов на прежних местах, отсутствие территориальных перемещений.
- сохранение прежней планировки с небольшими изменениями (измельчание кварталов);
- увеличение количества гражданских и военных построек, формирующих государственно-административный центр;
- сохранение агоры как рыночной площади и регулярной торговли; |
- постепенный переход от сплошной линии фортификации вокруг всего города к обороне узловых частей города (кастрон);
- частичный континуитет сакральной топографии;
- происхождение христианского храма (базилики) из типа античного общественного здания;
- начало совершения захоронений внутри города;
- некрополи – новые общественные центры²

Начать можно с того, что городской характер цивилизации перешел от античной к ранневизантийской. Заметно это, исходя из урбанизации населения, которое стало в большом количестве проживать в городах, чье число серьезно возросло. Античная планировка в это время остается все такой же актуальной и распространенной. Элементы, которые составляли ее сущность и позволяли характеризовать, были представлены следующим образом: вопрос о жилых кварталах решался через формирование сетки улиц, которая подразумевала перпендикулярно-осевое расположение; магистрали в своем направлении по городу соединяли одновременно пару площадей-форумов, стиль которых уходил еще в римские времена. Последние в некоторой степени были подкреплены яркими портиками и скульптурами. Этот облик в целом был присущ для городов Востока в то время и находил свое отражение во вновь отстраивающихся городах.

Однако нужно отметить появление со временем элементов, не свойственных городам прошлого. Например, имеющийся в городе мощный

¹ Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 119.

² Болгов Н.Н. Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье: Конец III – VI вв.: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03: Н. Новгород, 2003. С. 90-91.

акрополь мог быть окружен таким сложением города, в котором сочетались крестообразный и центрические варианты¹.

Ключевая роль в античном городе отводилась агоре – основной площади, окруженной разными зданиями первой важности, к примеру, городская курия. Общие изменения в городах привели к тому, что ценность и значение агоры приходит в упадок, что особо было свойственно городам небольшого значения². Происходят изменения, которые повлекли собой замену государственными учреждениями муниципальных. Та же агора становится центром для администрации³.

Ход упадка агоры привел к тому, что теперь торговля стала происходить прямо на улицах, хотя ранее такое не было распространено в античных городах. То есть, можно говорить о передаче функции торговли агорой улицам города. Сама же агора уже с IV в. начинает терять в таких условия значение торгового центра⁴.

Если говорить о конкретных примерах, то в Лидии в городе Сарды в различных переулках, в частности, и на улицах в целом были распространены различные лавки с продажей товаров от красилен до лавок с инструментами. Мастерские были построены из кусков бывшего уже в употреблении мрамора или кирпича. Они хорошо освещались благодаря большим застекленным окнам⁵. Нередко, по-видимому, мастерские делались из досок и других недолговечных материалов⁶.

Важную роль в смене образа жизни города отводится религии в лице христианства. Натиск верующих дошел до того, что рядом с руинами храма Артемиды, была сооружена церковь, а в теперь уже языческом храме были высечены религиозные символы христиан, которые, по предположению последних, должны были бороться с силами неверных⁷.

Христианские храмы, церкви и монастыри вскоре охватывают всю округу города. Раньше было частым такое явление, когда состоятельные люди из города по разным причинам финансировали строительство разных сооружений общественного характера (эвергетизм). Но после тенденция говорит о снижении количества подобных случаев, что, возможно, было оправдано формированием в общественности негативного взгляда на подобные действия⁸. Одновременно с этим растет влияние религии на сознание и представление о вещах людей, что отразилось в смене желаний

¹ *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. Munchen, 1969. P. 56.

² *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII веках: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 61-62.

³ Там же. С. 84.

⁴ *Claude D.* Op. cit. P. 62-63.

⁵ *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge, Mass.; London, 1976. P. 42-43.

⁶ *Patlagean S.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e-7e siècles. Paris, 1977. P. 59.

⁷ *Foss C.* Op. cit. P. 48-49.

⁸ *Liebeschuetz D.* Antioch. City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 135-136.

богачей давать деньги на общественные нужды на щедрые подношения церкви, позволяющие возводить все новые и новые религиозные сооружения¹. Финансирование общественных зданий берут на себя вскоре государственные чиновники².

Процесс постепенной потери сооружениями прошлого своего значения вел к закономерной смене облика городов Византии. Наглядным образом это все демонстрирует судьба гимнасиев, которые либо заканчивают свою деятельность, либо полностью меняют направления своей работы, как, например, в Сардах они становятся местом для досуга горожан³. И там, где в давно ушедшие времена предки, занимаясь в палестре, стремились укрепить свое тело, потомки в праздные часы досуга вычерчивают бездумные граффити, где скаковые лошади перемежаются с изображениями епископа, херувимов, крестов с надписями, призывающими бога защитить писавшего⁴.

Нужно сказать, что сокращение не только внегородской, но и внутригородской муниципальной общественной собственности решающим образом повлияло на отношения в городе, его дальнейшее развитие. Городская община утратила реальный контроль над городскими собственниками, как только они стали собственниками большей части земли в городе. В этих условиях становился все менее эффективным общегородской контроль над строительством, что фактически вело к произволу в застройке, нарушениям прежней строгой планировки. Достаточно сказать, что именно тогда появляются комплексы частных построек, перекрывающие прежние улицы⁵.

Дома же аристократов (сановной знати и верхушки куриалов) становились все больше, комнаты в них увеличивались в размерах. Окруженные прилегающими к ним огромными садами, заполненными кустами роз и виноградными лозами, заползавшими в комнаты, городские дома аристократов превращались в роскошные виллы⁶. Остатки террасных вилл, некогда живописно тянувшихся вдоль реки Пактол, обнаружены в Сардах⁷.

В Сардах в портиках улиц на первом этаже размещались мастерские, на втором – склады или помещения для жилья⁸. Во время археологических раскопок в Сардах было обнаружено, что ремесленные мастерские христиан, язычников и иудеев находились в дружественном соседстве, перемежаясь между собой⁹.

¹ Чекалова А.А. Указ. соч. С. 633.

² Там же.

³ Claude D. Op. cit. P. 76.

⁴ Foss C. Op. cit. P. 41.

⁵ Курбатов Г.Л. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города V–VI вв. // Византийский временник. М., 1973. С. 31.

⁶ Чекалова А.А. Указ. соч. С. 636.

⁷ Foss C. Op. cit. P. 47-48.

⁸ Ibid. P. 42-43.

⁹ Ibid.

Таким образом, анализируя положение городской культуры в Лидии, в городе Сарды, мы пришли к выводу о том, что однозначно о преемственности говорить нельзя. Несмотря на континуитет планировки города, мы параллельно с этим замечаем все большее ее нарушение вместе с произволом в застройке, что оставляет вопрос преемственности данного элемента делом времени. Помимо этого мы отчетливо замечаем дисконтинуитет рыночной площади и утраты в ней регулярной торговли. Религиозные сооружения вместе с гимнасиями также меняют свой образ, что неминуемо ведет к некоторой смене всего общего облика города.

В заключение необходимо отметить важность продолжения более глубокого изучения данного вопроса с подробным рассмотрением всех составных частей континуитета городской культуры, которые приводились ранее, и гораздо более широкого привлечение материалов археологических раскопок, проходивших на территории города.

TERRITORIAL CONTINUITY OF THE CITY OF SARDIS IN THE LYDIA PERIOD OF LATE ANTIQUITY

R.M. Nukushov (Belgorod)

The article examines the continuity of Sardis' urban culture in Lydia. First, a theoretical reference is given about the constituent parts of the territorial continuity of the city, and then an analysis of the changes that took place in Sardis in the period of late antiquity is carried out, followed by a conclusion about the continuity of the traditions of the past.

Key words: Sardis, Lydia, continuity, urban culture.

ГОРОД АМАФУНТ НА КИПРЕ И ЕГО И ПАМЯТНИКИ

**Н.Н. Болгов,
А.Ю. Елисеева** (Белгород)

Город Амафунт (Аматус) в настоящее время является одним из наиболее важных археологических памятников Республики Кипр. Его история в римский и ранневизантийский периоды, а также топография города и роль основных памятников являются предметом настоящей статьи, которая продолжает тематику исторической регионалистики Восточного Средиземноморья в римское и ранневизантийское время. До недавних лет город не подвергался масштабным археологическим исследованиям и был мало известен даже специалистам. Лишь с 1975 г. международный проект под руководством П. Опера начал открывать страницы истории и материальной культуры города. Среди прочих были открыты памятники римского и ранневизантийского времени, позволяющие составить представление о состоянии города в это время.

Ключевые слова: Кипр, Амафунт, римский период, ранневизантийское время, археология, город.

Амафунт (Аматус), будучи одним из важных древних городов Кипра¹, исторически не принадлежит к ведущим археологическим памятникам острова. Его руины, открытые археологическими раскопками лишь последних десятилетий, уступают Куриону и Пафосу. Однако, на территории Республики Кипр Амафунт чем дальше, тем больше уверенно выходит на третье место как античный археологический объект, расположенный в непосредственной близости к Лимасолу. Это делает его интересным для знакомства, так как в отечественной историографии он ни разу не был предметом внимания (даже в книге А.К. Коровиной и Н.А. Сидоровой о городах Кипра он практически не упоминается)².

Римско-ранневизантийский период в значительной мере представлен на городище. Он и станет объектом внимания в данной работе, продолжая наши предыдущие публикации по данной теме³.

Первые исследования в Амафунте начали британские археологи в 1890-х гг. и открыли 312 погребений. В 1930 г. шведская экспедиция добавила к ним еще 26. Лишь в 1975 г. Пьер Опер начал систематические раскопки под эгидой Французской школы в Афинах и департамента древностей Кипра. Все основные находки были сделаны в этот период исследований⁴.

История. Об основании города говорит патриарх Фотий, цитируя историка IV в. до н.э. Феопомпа; он писал, что Кипр был колонизирован греками Агамемнона, что вынудило легендарного первого царя острова – Кинира и его подданных покинуть Пафос, чтобы основать Амафунт. Стефан Византийский в VI в. отмечает, что мать Кинира звали Амафуса, подразумевая, что полис был назван в ее честь⁵. Местная мифологическая традиция связывает Амафунт с Афинами и Критом. По местной версии мифа, сохраненной Плутархом, Тесей бросает Ариадну в Амафунте, а не на Наксосе, и она умирает там при родах.

История города в доримский период в целом сходна с историей всего Кипра. В IV в. до н.э. город был одним из царств острова. Наиболее известен царь Ройк, который в 351 г. до н.э. был пленен афинянами⁶. В 311 г. до н.э. царская власть в городе пресеклась. Далее им правили Деметрий Полиоркет и Птолемеи.

¹ См.: Hill G. A History of Cyprus. Vol. I. Cambridge, 2010. 405 p.; Aupert P. History of the city and the kingdom // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 17-38.

² Коровина А.К., Сидорова Н.А. Города Кипра. М.: Искусство, 1973. 215 p.

³ Болгов Н.Н., Болгова А.М. Город Пафос на Кипре в римское время // Via in tempore. История. Политология. Т. 46 (3). 2019. С. 412-419; Болгов Н.Н., Шелудченко Ю.В. Саламин Кипрский: история и топография в римское и ранневизантийское время // Via in tempore. История. Политология, 49(3). 2022. С. 535-555.

⁴ Aupert P. History of the excavations // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 15-16.

⁵ Ersin, Hussein. Revaluing Roman Cyprus. Local Identity on an Island in Antiquity. Oxford: UP, 2021. P. 101-102.

⁶ Aupert P. History of the city and the kingdom // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 27.

После аннексии острова римлянами в 58 г. до н.э. Амафунт перешел под власть Рима. Город процветал при Антонинах и Северах и отстраивался¹. В нем было несколько храмов языческих божеств, прежде всего, Афродиты².

Первая фаза строительства храма Афродиты на акрополе может быть датирована самым концом эллинистического периода в I в. до н.э. Святилище было значительно перестроено в течение I в., настолько, что весь его внешний вид изменился, и храм Афродиты Киприи является единственным известным в городе священным зданием, в котором проводились богослужения Императору³.

Святилище главного божества города, Афродиты Киприи, доминирует над акрополем с расположенным внизу полисом. Желаящих посетить святилище по-прежнему ждет неумолимый подъем по пыльной, раскаленной тропе⁴. На его вершине видна тень его гавани, которая теперь находится под водой, и город обращен лицом к Египту.

В римский период Амафунт является сценой для двух эпизодов в «Метаморфозах» Овидия. В одном из них происходит включение образа быка в местные религиозные практики. Овидий рассказывает об акте мести Афродиты Пропозетидам – группе местных женщин, которые отказываются поклоняться ей, и в качестве наказания богиня заставляет их заниматься проституцией, а затем превращает в каменные фигуры.

Этот эпизод связан со второй метаморфозой в этом контексте – с участием керастов, рогатых людей, превращенных в быков, которые приносили в жертву незнакомцев на въезде в город. Х. Эрсин полагает, что скрытый смысл этого повествования вряд ли связан с реальными человеческими жертвоприношениями, а мог просто подчеркивать странность Амафунта по сравнению с остальной римской культурой и обществом⁵.

Относительно недавняя находка кувшина с посвящением Гелиосу-Адонису, датированного 18 г. н.э., указывает на связь Афродиты Киприи с мужским божеством, ипостасью Осириса, что порождает прямые связи с Египтом.

В IV в. начинается христианизация города⁶. Первый известный по имени епископ – Мнемоний. Его преемником был св. Тихон, о котором известно из

¹ *Mitford T.B.* Roman Cyprus // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* 7 (2). 1980. S. 1332–1337.

² *Mitford T.B.* The Cults of Roman Cyprus // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* 18 (3). 1990. 2177–2209.

³ *Ersin H.* Revaluing Roman Cyprus. Local Identity on an Island in Antiquity. Oxford, 2021. P. 118.

⁴ *Ibid.* P. 117.

⁵ *Ibid.* P. 119.

⁶ *Rapp C.* Christianity in Cyprus in the Fourth to Seventh Centuries: Chronological and Geographical Frameworks // *Cyprus and the Balance of Empires: Art and Archaeology from Justinian I to the Coeur de Lion.* Boston, 2014. P. 29–38.

некоторых более поздних письменных источников. Он построил один из первых храмов в городе (базилику)¹ и умер между 402 и 408 гг.

В V-VI вв. известны по именам еще несколько епископов – Гелиодор, Леонтий, Феодор (погребение последнего сохранилось).

Строительная программа Юстиниана охватила и Амафунт. В северной части акрополя бывший храм Афродиты², обращенный в церковь еще в V в., был перестроен в базилику на акрополе³.

Иоанн Милостивый, сын губернатора Кипра и уроженец Амафунта, стал патриархом Александрии Египетской. В 619 г. он вернулся на Кипр (в Амафунт) из-за персидского нашествия. Он умер в Амафунте и был похоронен в базилике св. Тихона.

С 649 г. начинаются арабские набеги на Амафунт, как и на весь остров, положившие предел его позднеантичной истории. И хотя во 2-й пол. VII в. часть стены, ворота и большая Юго-восточная базилика⁴ были частично восстановлены, прежний город радикально сменил свой образ жизни.

Топография. Город расположен на южном побережье острова, в его центральной части. Он защищен холмами (на северо-западе Верка, на востоке Виклес) и долинами, тянущимися от нагорья Троодос⁵.

Планировка Амафунта сильно отличается от Куриона, Пафоса и Саламина. Это типичный полис с акрополем и Нижним городом. Сетка улиц пока еще не установлена в масштабе, который позволил бы сделать какие-либо определенные заключения. Однако, можно усомниться в том, что римляне подвергли улицы перестройке по схеме кардо—декуманус.

С эллинистического времени в городе существовал хорошо оборудованный порт. Удобная бухта и близость к ресурсам внутренней части страны – редкость для юга Кипра.

Территория города была подвержена активным природным воздействиям – изменению уровня моря, землетрясениям.

Акрополь расположен в западной (северо-западной) части городища. На нем открыт дворец⁶, стены⁷ и постройки архаического времени.

Крупнейшей постройкой на акрополе в ранневизантийское время становится базилика площадью 25x24 м на месте храма Афродиты⁸. Она имеет

¹ *Procopiou H.* The church of Ayios Tykhonas // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 87-91.

² *Hermay A., Schmid M.* The sanctuary of Aphrodite // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 57-71.

³ *Pralong A.* La basilique de l'acropole d'Amathonte (Chypre) // Rivista di Archeologia Cristiana. 70. 1994. P. 411-455.

⁴ *Procopiou H.* The great southeast basilica // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 92.

⁵ *Bosquet B., Pechoux P.-Y.* Geographie du site // Amathonte I. Testimonia 1: Auturs Ancients – Monnayage — Voyageurs Fouilles – Origines — Geographie. Paris, 1984. P. 119-146.

⁶ *Petit T.* The palace // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 52-56.

⁷ *Aupert P., Leriche P.* The central wall of the acropolis // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 50-52.

⁸ *Pralong A., Saulnier L.-M.* The Christian basilica on the acropolis summit // Guide to Amathus. Nicosia, 2015. P. 57-82; *Pralong A.* Amathonte: la basilique de l'Acropole, dans

внушительный двор размером 60x46 м с портиками. Во дворе находились два внушительных камня-монолита. Важной местной особенностью являются помещения, окружающие храм.

Вокруг акрополя при Юстиниане была возведена Центральная стена¹, четко маркирующая кастрон, пришедший на смену прежней единой системе обороны.

У южной подошвы акрополя, почти на берегу (западнее порта) была построена небольшая базилика² с коринфскими колоннами и элементами декора. С этой базиликой связаны богослов Нил Анкирский (нач. V в.) и его корреспондент византийский префект Олимпиодор.

В топографии Нижнего города важнейшее место занимает агора, открытая раскопками 1980-х гг.³ В едином комплексе находились нимфейон, эллинистические и римские бани, три портика, отдельные участки улиц. Комплекс был фактически разрушен в бурное время VII в.

Между агорой и акрополем располагался комплекс построек «к западу от агоры».

На юго-западе городища сохранился участок Западной стены и Западные ворота⁴, служившие до землетрясения 365 г., которое нарушило единую систему обороны города.

К западу от города расположен комплекс скальных гробниц.

Северная стена⁵ между акрополем и акведуком восходит к архаическому периоду, но использовалась и в римский. В комплекс входят также Северные ворота и башни.

Акведук был типичной постройкой римского времени, доставлял воду с северных холмов и оканчивался в нимфейоне на агоре⁶.

В восточной части Нижнего города была построена церковь св. Тихона⁷, упиравшаяся в холм Виклес и неоднократно перестраивавшаяся в средние века.

К востоку от городской стены, за Восточными воротами, в ранневизантийское время существовал пригород, возникший по обе стороны от дороги.

Chypre, l'île aux cent basiliques // *Le Monde de la Bible*, 112, juillet-août 1998. P. 48-49; *Pralong A. Depose de l'opus sectile et des placages muraux* // BCH. 1991. P. 759-766; *Pralong A. Une plaque sculptée en champlevé découverte sur l'acropole d'Amathonte* // *Report of Department of Archaeology of Cyprus*. 1994. P. 211-214.

¹ *Aupert P., Leriche P. The central wall of the acropolis* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 50.

² *Papageorghiou A. The basilica at the foot of the acropolis* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 45-47.

³ *Aupert P. Agora and baths* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 39-43.

⁴ *Aupert P., Leriche P. The southwest wall and the west gate* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 47-50.

⁵ *Aupert P., Leriche P. The north wall* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. 83-85.

⁶ *Aupert P. The aqueduct* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 85-87.

⁷ *Procopiou H. The church of Ayios Tykhonas* // *Guide to Amathus*. Nicosia, 2015. P. 87-91.

Расположенный к востоку от города некрополь со временем получил на своей территории базилику св. Варвары¹.

Всего в ранневизантийском Амафунте известно 5 церквей. Крупнейшими из них были базилика на акрополе и Юго-восточная базилика 2-й пол. V в.

Берег имел две бухты – внешнюю, построенную Деметрием Полиоркетом, и внутреннюю, что открывало возможность как военных, так и торговых коммуникаций.

Сельская территория вокруг города лишь недавно стала предметом изучения. Она составляла вместе с городом единый хозяйственный комплекс еще в римское время.

Посещая Кипр для знакомства с его древними и средневековыми памятниками, обычно обращают внимание на Курион и Пафос. Амафунт, однако, также достоин внимания вдумчивого путешественника. Не имея броских памятников, как в вышеназванных городах, он показывает реальную жизнь многовекового древнего города в ее различных проявлениях и способен сполна вознаградить за дальнейшее путешествие.

AMATHOUS – A TOWN OF CYPRUS AND IT'S MONUMENTS

N.N. Bolgov, A.Yu. Eliseeva (Belgorod)

The town of Amathous (Amathus) is currently one of the most important archaeological sites in the Republic of Cyprus. Its history in the Roman and early Byzantine periods, as well as the topography of the town and the role of the main monuments are the subject of this article, which continues the theme of the historical regional studies of the Eastern Mediterranean. Until recently, the city was not subjected to large-scale archaeological research and was little known even to specialists. Only since 1975, an international project led by P. Aupert began to open the pages of the history and material culture of the city. Among others, monuments of the Roman and early Byzantine times have been discovered, allowing you to get an idea of the state of the city at that time. In Russian historiography it has never been the subject of attention.

Key words: Cyprus, Amathous, Roman period, early Byzantine period, archeology, town.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ КИЛИКИИ

Д.В. Лобынцев (Белгород)

Предмет статьи заключается в оценке эволюции положения ключевых нехристианских религий в Киликии IV–VII вв. – иудаизма и язычества. Рассматривая конфессиональную ситуацию в регионе, автор привлекает к анализу данные нарративных и эпистолярных источников, эпиграфики и церковной археологии. Особое внимание уделяется вопросам о причинах упадка язычества в ранневизантийской Киликии,

¹ *Aupert P.* The east cemetery and the basilica of Ayia Varvara // *Guide to Amathus.* Nicosia, 2015. P. 96.

взаимопроникновении язычества и иудаизма, а также трансформации языческой храмовой архитектуры в христианскую в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Киликия, ранняя Византия, христианизация, язычество, иудаизм, неоплатонизм.

История Византии в течение первых пяти веков её существования представляет собой напряжённую борьбу за религиозную унификацию империи. Как справедливо отмечается исследователями, в условиях несостоятельности язычества на смену ему в IV–V вв. приходит христианство, и число последователей нехристианских конфессий стремительно падает¹.

В данном отношении особенно интересно то, как обстояло их положение в ранневизантийской Киликии. Христианизирующийся регион, в котором находились языческие и иудейские центры, а также близкий к византийско-персидскому фронтиру, в ранневизантийский период был одним из тех мест, где довольно активно процветали христианские ереси. В силу религиозной нестабильности крайне интересным представляется исследование эволюции статуса нехристианских культов в Киликии в IV–VII вв.

Нам известно достаточно большое число источников, повествующих о язычестве в ранневизантийской Киликии. Наиболее ранний сюжет принадлежит Евсевию (Eus., V. Const., III, 56), который повествует о разрушении Константином Великим храма Асклепия и низвержении «киликийского идола» ему в Эгах (Αἴγαί) – киликийском порту и святилище.

Существование этого храма также подтверждается сведениями «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата (Philostr., V. Apoll., I, 7). Невозможность точной датировки этого сюжета принуждает нас говорить о разрушении описываемого святилища не позднее 30-х гг. IV в.

Подобное известие приводит и Сократ Схоластик, говоря об «изгнании» из Киликии «пифонского демона» и разрушения «дома, в котором этот демон имел пребывание» (Socrat., Hist. Eccl., I, 18). Доподлинно расположение данного храма неизвестно, однако исследователи считают, что это мог быть пещерный храм в Корике², речь о котором пойдёт ниже. Отсутствие каких-либо известий об античном культе Пифона наводит нас на мысль о том, что капище было посвящено Аполлону, его легендарному победителю.

Культы Митры и Аполлона формировались и распространялись в Киликии и Коммагене ещё при Селевкидах, будучи комплементарными³.

В правление Юлиана Отступника святилище Асклепия, судя по всему, было восстановлено (Zon. Ioan., Ep., XIII, 12) и активно функционировало. В пользу этого может свидетельствовать тот факт, что в письмах Либания наибольшее число упоминаний об Асклепии, а также о некоем городе, с ним

¹ Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). СПб., 2021. С. 7–8.

² Bayliss R. Provincial Cilicia and the Archaeology of Temple Conversion. Vol. 1. Oxford, 2004. P. 96.

³ Елешин А.В. Формирование митраизма в Киликии и Коммагене // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №2. С. 31–35.

связанном (Lib., Ep., W639)¹, относится к периоду его пребывания в Антиохии в конце 50-х – начале 60-х гг. IV в.² (Lib., Ep., W607, W639, W1052)³. Также, согласно предположению Р. Бейлиса, посещение святилища Асклепия около 371 г. зафиксировано в одной из речей Либания⁴. Памятуя о географической близости Антиохий и Эг, можно довольно уверенно говорить о том, что Либаний ведёт речь именно об этом храме.

Однако не следует думать, что со смертью Юлиана языческая традиция в регионе попала под пресс и быстро угасла. Так, Дамаский сообщает нам о некоем Олимпии, который прибыл с тем, «чтобы поклониться Серапису», в Александрию⁵. Описанные там якобы сбывшиеся пророчества Олимпия о том, что «Серапис мог покинуть храм», а также слова о сносимом «бурным потоком» александрийском обществе⁶ позволяют нам считать верным мнение П. Афанассиади о том, что речь идёт об Олимпии, упомянутом у Созомена (Soz., VII, 15) организаторе обороны Серапеума⁷.

Интересны и сведения о некоей женщине Анфусе из киликийских Эг, якобы придумавшей практику гадания по облакам и распространявшую её в правление Льва Великого⁸. Из-за сложного символизма текстов Дамаския трудно оценить достоверность данного сюжета, но упоминание Эг, как и появление такого персонажа, как Олимпий, заставляет нас обратить особое внимание на сохранение язычества в Киликии и, в частности, в данном городе. Как указывает М.А. Ведешкин, Эги долгое время сохраняли статус не только святилища, но и крупного экономического центра, и связь местных элит со святилищем отразилась в довольно длительной консервации язычества в данном регионе⁹.

Говоря о языческих мыслителях из Киликии ранневизантийского периода, стоит вспомнить Исокасия – ритора и чиновника (в должности *quaestor sacri palatii*), открытого язычника из уже упомянутых Эг, дожившего по меньшей мере до начала последней трети V в. и крестившегося в правление Льва Макеллы (Malal., Chr., XIV, 38).

Также отметим и Симпликия (Agath. Myr., Hist., II, 30), одного из известнейших неоплатоников Афинской школы, жившего на рубеже V–VI вв. Вероятнее всего, Симпликий происходил из языческой киликийской семьи¹⁰, иначе трудно объяснить его философские интересы.

¹ Libanii Opera. Vol. X / Ed. R. Foerester. Lips., 1921. P. 652–653.

² Selected letters of Libanius: from the age of Constantius and Julian / S. Bradbury. Liverpool, 2004. P. 182–186.

³ Libanii Opera. Vol. X / Ed. R. Foerester. Lips., 1921. P. 633, 652–653; Libanii Opera. Vol. XI / Ed. R. Foerester. Lips., 1921. P. 394–395.

⁴ Bayliss R. Provincial Cilicia... P. 47.

⁵ Damascius: The Philosophical History / P. Athanassiadi. Athens, 1999. P. 124.

⁶ Ibid. P. 126.

⁷ Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies. 1993. Vol. 113. P. 14.

⁸ Damascius: The Philosophical History... P. 148.

⁹ Ведешкин М.А. Ритор Исокасий: портрет позднеантичного учителя и политика // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 294.

¹⁰ Ведешкин М.А. Ритор Исокасий... С. 294–295.

Ещё одно известие, особо примечательное, мы можем обнаружить в «Хронике» Михаила Сирийца. В состав нескольких восточных памятников вошёл сюжет про появление в Киликии женщины-гиганта, жившей подаянием от эргастириев (у Феофана Исповедника, Иоанна Малалы, Бар-Эбрея и у самого Михаила), хронологически относящийся к правлению Юстина I. Он передаётся практически одинаково во всех источниках, однако его описание дополняется в армянском изводе «Хроники» Михаила фразой: «А некоторые говорили, что она была родом нимфа»¹ (sic!).

Тем не менее, примечательно и необычно, что данный сюжет, существовавший в письменной традиции по меньшей мере с VI в. (примерное время написания «Хроники» Малалы), не появляется нигде, кроме как у Михаила Сирийца. Сложно сказать, является ли он более поздней вставкой, однако мнение, согласно которому такой сюжет мог выйти из-под пера христианского писателя в XII в., контринтуитивно. В противном случае – на наш взгляд, более вероятном – стоит счесть его реликтом из списков, не дошедших до нас. Есть все основания полагать, что такие реликты античного сознания сохранялись в сознании киликийцев по меньшей мере до конца V – начала VI вв.

Ухудшение статуса язычества в Киликии можно проследить и через анализ памятников церковной археологии. Так, случаи использования строительных материалов из разрушенных языческих храмов для возведения христианских, нередкие для всей Восточной империи, отмечаются в храмах в честь Асклепия в Эгах, Артемиды в Кастабалах-Иераполе, комплекса Корикской пещеры² и т.д.

Наряду с данными явлениями, относимыми к IV – нач. V вв., можно наблюдать и факты инкорпорации фрагментов языческих строений в христианские храмы. Так, храм Зевса в Диокесарии Киликийской был слит с внешней стеной христианской базилики около 2-й пол. V в.³, а близ Корикской пещеры храм был выстроен на месте теменоса (т.е. священного места, привязанного к ландшафту не архитектурно, а скорее географически) предыдущего языческого капища, хотя и путём полной деконструкции последнего⁴.

В целом процесс преобразования языческих храмов в христианские заканчивается в VI в., и уже в после начала VII вв. нет ни одного известного нам примера прямой или непрямой реконструкции языческого храма⁵. Этот факт, а также изученные нами сведения из письменных памятников могут вполне явно говорить об исчезновении сколь-нибудь существенных остатков языческой традиции в Киликии и её носителей.

¹ Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens jacobites / traduite pour la première fois sur la version Arménienne du prêtre Isohok par V. Langlois. Venise, 1868. P. 180.

² См.: Talloen P. The fate of temples in Late Antique Anatolia // Late Antique Archaeology. Vol. 7(1). P. 354-355; Bayliss R. Provincial Cilicia... P. 95-96.

³ Talloen P. The fate of temples... P. 369-372.

⁴ Feld O. Tempel und Kirche über der Korykischen Grotte (Cennet Cehennem) in Kilikien // Istanbuler Mitteilungen. Vol. 17. 1967. P. 257-258.

⁵ Bayliss R. Provincial Cilicia... P. 119.

С теменосами позднеантичных капищ связан дискуссионный феномен их христианизации. Рассуждая о храме св. Феклы в Мерьемлик, Р. Бейлис предположил, что гипотеза о возможности сосуществования на определённом этапе языческих теменосов в рамках общественных построек и христианских храмов, поддерживаемая некоторыми историками¹, несостоятельна из-за возможности предварительного упадка теменосов как социальных центров². В силу этого становится актуальным вопрос о том, что способствовало упадку язычества, в частности, в Киликии? Было ли это лишь давление христианства, или же свою роль сыграло существенное сокращение числа носителей нехристианских религий? Как могли повлиять на это кризисы и экономические пертурбации в Малой Азии, связанные с системным кризисом Римской империи в IV–V вв.?

Попытаться ответить на этот вопрос хотелось бы, приведя в пример уже не раз упомянутые Эги. В течение долгого времени этот полис не только имел статус культового языческого центра в Восточном Средиземноморье, но и оставался крупным центром морской торговли. Подобную роль в данный период играли и Корик, и Диокесария Киликийская, и некоторые иные прибрежные города данного региона, и именно в них языческие центры сохранялись наиболее долго.

В то же время, на фоне значительного кризиса экономических отношений, концентрировавшихся в средне- и позднеантичном городе³, городские языческие центры, находившиеся вдалеке от важных торговых маршрутов, как правило, приходили в упадок. Это хронологически совпадает и с отмечаемым исследователями ростом сельского натурального хозяйства в Киликии и Исаврии⁴ – закономерным результатом кризиса города. Обеднение торгово-ремесленных и землевладельческих элит могло оказать влияние на упадок отправления языческих культов и на укрепление в регионе христианства. Будучи осторожными в излишнем внимании к экономическим факторам кризиса язычества, мы, тем не менее, хотим отметить положительную корреляцию между одновременным сохранением экономической значимости самого полиса и приверженцев язычества в нём.

Гораздо меньшее число упоминаний о себе оставили киликийские иудеи, хотя несомненно наличие их диаспор в городах юго-востока Малой Азии ещё в нач. I тыс. до н.э.⁵ Так, в «Панарионе» Елифания Саламинского

¹ См.: *Castren P.* Paganism and Christianity in Athens and Vicinity During the Fourth to Sixth Centuries A.D. // *The Idea and Ideal of the Town Between Late Antiquity and the Early Middle Ages.* Leiden, 1999. P. 218–223; *Macmullen R.* Christianizing the Roman Empire: A.D. 100–400. London, 1984. P. 96–97.

² *Bayliss R.* Provincial Cilicia... P. 100.

³ *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 51–67.

⁴ *Teproy K.* Studying Asia Minor in the sixth century. Methodological considerations for an economic analysis // *Asia Minor in the Long Sixth Century: Current Research and Future Directions* / Ed. I. Jacobs, E. Hugh. Havertown, 2019. P. 68–69.

⁵ *Trebilco P.R.* Jewish Communities in Asia Minor. Cambridge, 1991. P. 25–26.

содержатся сведения об избиении сборщика налогов иудейской общиной в некоем киликийском городе. По всей видимости, стоит говорить о диаспоре, наследовавшей иудеям, переселившимся из Палестины после разрушения Второго Храма (Oros., *Hist. Adv. Pagan*, VII, 9).

Если считать достоверным сюжет, изложенный в «Книге заглавий» Агапия Манбиджского, в правление Юлиана Отступника в Тарсе иудейская община преподнесла довольно богатые дары императору. Эти известия, безусловно, говорят о существовании иудейской общины в данном регионе, однако практически никаких иных письменных свидетельств тому нет.

В данном случае крайне ценны археологические памятники Киликии. В различных городах Киликии – Корике, Селевкии-на-Каликадне, Диокесарии – были найдены надгробия IV–V вв. и алтари с изображением меноры, надписью ΕΥΧΗΝ («клятва») или ΕΙΕΡΕΩΝ¹. На данный момент по меньшей мере 12 эпитафий Корикского некрополя, оценочно относимые к IV–VI вв., идентифицируются как еврейские из-за наличия изображений меноры, надписей ΕΙΕΡΕΩΝ (ΕΙΕΡΕΥΝ), ΑΒΑ (др.-евр. «отец») и других признаков².

Оценивая общую структуру погребальной и любой иной эпиграфики как в равнинной, так и в горной Киликии, М. Хенгель и А.М. Швеммер оценивают еврейское население сколь-нибудь крупных городов Киликии как «значительное»³.

Вместе с тем, исследователи отмечают многообразные свидетельства переплетения в иудейской культуре Киликии языческих и собственно иудейских мотивов, отразившихся в эпиграфической символике (например, как символическое изображение уха на гробнице рядом с менорой или растения для дня Суккот, символизирующие молнии Зевса⁴). Хотя точная датировка этих изображений затруднена, они однозначно говорят о явной инкорпорации иудейских общин в повседневную жизнь позднеантичной Малой Азии, в т.ч. и в её религиозную составляющую.

Если положение язычества в христианской Малой Азии на протяжении IV–VII вв. можно характеризовать как «химеру», то иудейская община, по всей видимости, была обособлена лишь в религиозной жизни и не оказывала значительного влияния на своё окружение, сохранившись в городах Киликии и после VII в.⁵ Единственная в данном вопросе проблема – оценка степени влияния иудейской диаспоры на формирование ересей «иудействующих» в Восточном Средиземноморье (Athan., *Ep. de synodis Arimini*, V) – в данный момент остаётся нерешённой, однако очевиден тот факт, что христианские

¹ Fairchild M. The Jewish Communities in Eastern Rough Cilicia // *Journal of Ancient Judaism*. Vol. 5. 2014. P. 206–208.

² См.: Keil J. *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vol. III. Manchester, 1931. Nos. 205, 237, 295, 440, 448, 607, 679; Williams M.H. The Jewish Community of Corycus – Two More Inscriptions // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1992. Vol. 92. P. 248–252.

³ Hengel M. *Paul between Damascus and Antioch: the unknown years*. Louisville, 1997. P. 161.

⁴ Fairchild M. *The Jewish Communities...* P. 207–211.

⁵ *Ibid.* P. 209, 213.

иерархи стремились не допустить сближения христианского учения с иудейским – не только в Киликии, но и во всей Империи.

Подытоживая исследование, отметим, что рассматривать положение двух важнейших религиозных течений в Киликии, иудаизма и позднеантичного язычества, стоит отдельно. Иудаизм, хотя и оппозиционный к христианству, в целом довольно нейтрально сосуществовал с ним в данном регионе, и представители иудеев были включены в культурную и экономическую жизнь региона. В то же время, «языческая оппозиция», как назвал её М.А. Ведешкин, в течение IV–VII вв. претерпевала упадок в Киликии, а к 1-й пол. VII в., по-видимому, исчезла.

Тем не менее, хотя Церковь сыграла ключевую роль в устранении язычества как видимой для себя угрозы, сводить этот процесс к одной или даже к двум причинам едва ли допустимо. И, безусловно, своеобразное сочетание конфессионального фактора с иными – географическим, экономическим и др. – оказало важнейшее влияние на высокую степень активности религиозной жизни в Киликии в IV–VII вв.

THE STATE OF NON-CHRISTIAN CONFESSIONS IN EARLY BYZANTINE CILICIA

D.V. Lobyntsev (Belgorod)

The subject of the article is related to the assessment of the evolution of the position of the most important non-Christian religions in Cilicia in the 4th-7th centuries, such as Judaism and Paganism. Considering the confessional situation in the region, the author draws on the analysis of data from narrative and epistolary sources, data from epigraphy and church archaeology. Particular attention is paid to questions about the reasons for the decline of paganism in early Byzantine Cilicia, the interpenetration of Paganism and Judaism, as well as the transformation of Pagan temple architecture into Christian in the period under review.

Key words: Cilicia, Early Byzantium, Christianization, Paganism, Judaism, Neoplatonism.

ГРОБНИЦЫ АНТИЧНОЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: КОМ ЭЛЬ-ШОКАФА

М.А. Руднева (Белгород)

В статье рассматривается проблема исследования гробниц античной и ранневизантийской Александрии зарубежными авторами на примере процесса изучения гробниц Ком эль-Шокафа. Систематизирована информация по данному вопросу на разных хронологических этапах исследования.

Ключевые слова: Поздняя античность, Ранняя Византия, Александрия.

Александрия Египетская античного и ранневизантийского времени была одним из крупнейших городов Средиземноморья. Влияние разных культурных традиций отражалось во многих сферах развития мегаполиса. Одну из важных составляющих исследования истории и культуры Александрии составляет изучение гробниц. К настоящему моменту в

зарубежной историографии накоплен обширный опыт исследования данной области, что обусловило необходимость его систематизации.

Крупнейшим греко-римским некрополем в Египте является Ком эль-Шокафа («Курган черепков») – исторический археологический комплекс, расположенный в Александрии недалеко от «Колонны Помпея». Катакомбы находятся на месте, где располагались деревня и рыбацкий порт Ракотис (Ракотида), существовавшие до строительства города Александра Македонского. Они были расположены на территории современного района Кармуз в западной Александрии, который в настоящее время является одним из самых густонаселенных районов города.

Во времена правления Мехмеда Али (17 мая 1805 – 2 марта 1848 гг.) катакомбы использовались как каменоломни, а иногда и как склады для боеприпасов. Было известно, что в этом районе находились античные гробницы, поскольку на холме активно добывались строительные материалы для быстрорастущей современной Александрии.

Многое уже было разрушено, хотя некоторым археологам конца XIX в. удалось зафиксировать гробницы, которые впоследствии исчезли. В этих отчетах присутствуют описания и рисунки, из которых видно, что комплекс Ком эль-Шокафа, который можно посетить в настоящее время, был частью обширного некрополя, следы которого должны существовать под фундаментами соседних построек¹. Основной техникой строительства этих подземных памятников была резьба по камню. Подземные гробницы были выстроены вручную и с помощью простых инструментов.

Раскопки этого места начались в 1892 г., но тогда катакомбы не были обнаружены. Место их расположения было открыто заново случайно 28 сентября 1900 г. Согласно одной из версий, это открытие произошло, когда осел упал в шахту, обнажившуюся в результате сейсмической активности². По другой версии, открытие было сделано в тот день александрийцем Эс-Сайедом Али Гибарахом, который сразу же разыскал археолога Джузеппе Ботти³ в музее, объяснив, что во время добычи камня он вскрыл свод подземной гробницы.

Первый погребальный зал катакомб, так называемый «Зал Каракаллы», был обнаружен Дж. Ботти в 1901 г. Название катакомб Ком эль-Шокафа на арабском языке связано с тысячами керамических фрагментов, найденных в этом районе, вероятно, относящихся к погребальным предметам в катакомбах.

Некрополь состоит из ряда александрийских гробниц, статуй и археологических объектов погребального культа фараонов с эллинистическим и раннеимперским римским влиянием. Из-за обширного временного периода

¹ *Hemeda S.* Seismic Response Analysis and Protection of Underground Monumental Structures. The Catacombs of Kom El-Shoqafa, Alexandria, Egypt // *Advances in Geotechnical Earthquake Engineering – Soil Liquefaction and Seismic Safety of Dams and Monuments*. Rijeka, 2012. P. 297-332.

² *Ibid.*

³ Джузеппе Ботти (1892–1903 гг.) – итальянский археолог, один из основателей Греко-римского музея Александрии и его первый директор.

многие особенности катакомб Ком эль-Шокафа объединяют римские, греческие и египетские культурные особенности. Так, например, египетский Анубис изображен в виде змеи в римской бронзе¹.

Некрополь относится к катакомбному типу. Согласно выводам исследователей, катакомбы использовались местным населением вплоть до начала IV в.²

Некрополь расположен в скале и достигает глубины более 30 м, делится на три уровня. Катакомбы состоят из наземного сооружения, глубокой винтовой лестницы и трех подземных уровней для погребального ритуала и погребения. Первый уровень состоит из вестибюля с двойной экседрой, ротонды и триклиния. Второй уровень в его первоначальном состоянии был главной гробницей с различными прилегающими коридорами. Туда из ротонды вела монументальная лестница. Третий уровень погружен в грунтовые воды, что привело к его насыщению песком.

Катакомбы являются одним из самых интересных памятников александрийской погребальной архитектуры, следуя концептуальному проекту, заложенному в период Птолемеев, он структурирован по вертикальной, а не горизонтальной оси.

После падения уровня воды в 1995 г. затопленным остался только нижний уровень с триклинием (*triclinium funebre*) – помещением со скамьями, вырубленными в скале, где совершались возлияния в честь погребённых усопших. Доступ к памятнику для широкой публики стал возможен в том же 1995 г. после дополнительной откачки воды. Вход в катакомбы возможен по лестнице, спускающейся по спирали вокруг центрального колодца, в который опускали мумифицированные тела умерших. Наиболее роскошные гробницы имели ниши с саркофагами, украшенными барельефами и росписью в синкретическом стиле.

Особую роль в изучении «множественности художественных влияний в александрийском погребальном искусстве Римского Египта» имеют так называемые «Гробницы Персефоны», расположенные в катакомбах Ком эль-Шокафа³. Оба эти памятника были детально исследованы Анн-Мари Гимье-Сорбетс и Мерватом Сейф эль-Дином⁴, в том числе, изображения гробниц изучены ими с применением ультрафиолетового освещения. А.-М. Гимье-Сорбе и М. Сейф эль-Дин датировали исследуемые изображения кон. I – сер. II вв.

¹ Качан С. Римский император в образе Анубиса в Египте // Казанский вестник молодых учёных. Т.2. № 3(6). 2018. С. 24-30.

² Hemeda S. Seismic Response Analysis and Protection of Underground Monumental Structures. P. 297-332.

³ Куватова В.З. Росписи «гробниц Персефоны»: множественность художественных влияний в александрийском погребальном искусстве римского периода // Вестник Института востоковедения РАН. № 1. 2018. С. 102-110.

⁴ Seif el-Din M., Guimier-Sorbets A.-M. Les deux tombes de Perséphone dans la nécropole de Kom el Chougafa à Alexandrie // Bulletin de correspondance hellénique. 121.1. 1997. P. 355-410.

Данные изображения находятся в двух регистрах на задней и боковой стенках ниш гробниц, и представляют собой две сцены: первая (в верхнем регистре) представляет сюжет из египетского мифа об Осирисе, выполнена в стиле, приближенном к египетскому; вторая (в нижнем регистре) – из греческого мифа о Персефоне в классическом стиле. Совместное присутствие этих двух сюжетов в гробнице обуславливает оригинальность гробниц¹.

Изображения были известны уже в начале XX в., однако их научное исследование в полной мере началось лишь в 1990-х гг., когда они были сфотографированы на инфракрасную пленку командой ученых под руководством Жан-Ива Амперера – директора Центра исследований Александрии (Le Centre d'études alexandrines (CEAlex))². В 1996 г. Андре Пелле решил сфотографировать данные изображения на камеру в ультрафиолетовом флуоресцентном свете, и их образы проявились более полно (Рис. 1).

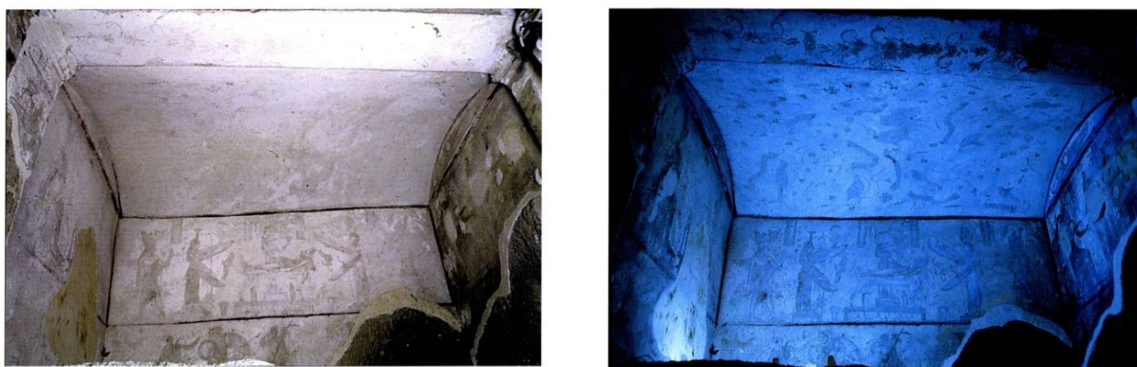

Рис. 1. Фотографии изображений в гробницах Ком эль-Шокафа, выполненные при обычном свете (слева), и в ультрафиолетовом флуоресцентном свете (справа)³.

Значительное внимание гробницам Ком эль-Шокафа уделено в работе Кристины Риггс «The beautiful burial in Roman Egypt: art, identity, and funerary religion⁴» («Роскошное погребение в римском Египте: искусство, идентичность и погребальная религия»). Автор является куратором отдела египтологии в музее Манчестерского университета. Книга включает 5 глав, в которых представлены результаты анализа египетских, греческих и римских образов в мастерских по мумификации. Хотя вопрос изучения гробниц Александрии античного и ранневизантийского времени в данном издании не является ключевым, автор широко обращается к «александрийскому материалу» и анализирует специфику данных погребений.

¹ Bricault L. *Renaître avec Osiris et Perséphone: Alexandrie, les tombes peintes de Kôm el-Chougafa* by A.-M. Guimier-Sorbets, A. Pelle, M. Seif el-Din (Antiquités Alexandrines 1). Alexandrie: Centre d'Études Alexandrines, 2015. P. 177 // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 103(1). 2017. P. 125–126.

² *Empereur J-Y. A Short Guide to the Catacombs of Kom el-Shoqafa Alexandria*. Alexandria, 1995. 22 p.

³ *Seif el-Din M., Guimier-Sorbets A.-M. Op. cit. P. 362-363.*

⁴ *Riggs Ch. The beautiful burial in Roman Egypt: art, identity, and funerary religion*. Oxford studies in ancient culture and representation. Oxford, 2005. 334 p.

Проблемам исследования сейсмической устойчивости и защиты монументальных сооружений катакомб Ком эль-Шокафа посвящены научные исследования¹ Сайеда Хемеда – профессора факультета археологии Каирского университета. В индивидуальных и коллективных статьях ученый широко применяет методы геологии, информационные технологии моделирования и количественные методы для изучения актуального состояния катакомб, разработки и реализации методов поддержания сохранности археологического памятника.

Условия сохранности исторических памятников представляют большой интерес, особенно в таких регионах, как Средиземноморский бассейн и, в частности, в Александрии, где наблюдается сеймотектоническая активность и выветривание, имеется сложная геологическая структура.

Такие явления, как оседание и движение склонов, а также землетрясения и тектоническая активность способствуют повреждению исторических зданий. Активность грунтовых вод также является важным фактором, особенно в случае подземных памятников; необходимо также учитывать фактор окружающей среды при принятии решения о применении различных мер защиты памятников².

Катакомбы Ком эль-Шокафа страдают от выветривания, а также от многочисленных геотехнических и сейсмических проблем. Выявленные проблемы ввиду больших нагрузок на памятник предлагается решить при помощи комплекса мер по его сохранности, в том числе, в трудах исследователя обосновано применение метода полимерной сейсмоизоляции³.

Таким образом, катакомбы Ком эль-Шокафа являются одним из наиболее интересных археологических памятников подобного типа. На примере изучения катакомб можно сделать вывод о важности дальнейшего развития междисциплинарного исследовательского поля, требующего взаимодействия между учеными-историками, археологами, искусствоведами, а также широкого применения методов разных наук в изучении и сохранении историко-культурного наследия.

¹ *Hemeda S., Pitilakis K., Bandis S., Papayianni I., Gamal M.* The Underground (Catacombs) in Alexandria, Egypt // Proc. 4th International Conference on Earthquake Geotechnical. Thessaloniki, 2007. P. 715-738; *Hemeda S., Pitilakis K.; Bakasis E.* Three-Dimensional Stability Analysis of the Central Rotunda of the Catacombs of Kom El-Shoqafa, Alexandria, Egypt // International Conferences on Recent Advances in Geotechnical Earthquake Engineering and Soil Dynamics. 13. 2010 — [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/49570217/Three_Dimensional_Stability_Analysis_of_the_Central_Rotunda_of_the_Catacombs_of_Kom_El-Shoqafa_Alexandria_Egypt; *Hemeda S.* Seismic Response Analysis and Protection of Underground Monumental Structures. P. 297-332, и др.

² *Hemeda S* Seismic Response Analysis and Protection of Underground Monumental Structures. P. 297-332.

³ *Ibid.*

BYZANTINE TOMBS OF ANCIENT AND EARLY BYZANTINE ALEXANDRIA IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY: KOM EL SHOQAFА

M.A. Rudneva (Belgorod)

The article deals with the problem of studying the tombs of ancient and early Byzantine Alexandria by foreign authors on the example of the process of studying the tomb of Kom El Shoqafa. Systematized information on this issue at different chronological stages of the study.

Key words: Late Antiquity, Early Byzantium, Alexandria.

СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ V–VI ВВ.

Е.Л. Бабенкова (Белгород)

В статье рассматривается особенность позднеантичной Северной Африки как региона, в котором стремительно распространялось христианство, и при этом оставалась значимой греческая традиция. Христианские писатели Фульгенций и Драконций в своих трудах чтит античную традицию, большая часть их произведений обращена к мифологическим сюжетам, однако это лишь проявление синкретизма.

Ключевые слова: христианство, мифология, Фульгенций, Драконций, латинская традиция.

Начало распространения христианства в Северной Африке не представляется возможным точно датировать, однако уже во II веке можно говорить о том, что в этом регионе были сформированы раннехристианские общины и прошла свое становление североафриканская церковь¹. Изначально новая религия была принята негативно, что можно увидеть в «Метаморфозах» африканца Апулея: «...исполняя вместо этого пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман...» (Apuleius, *Metamorphoses* IX, 14).

Однако в Северной Африке церковь имела возможность мирного развития, и уже к середине III века здесь насчитывалось более 150 епископов². Это свидетельствует об одном из самых быстрых темпов христианизации, а также о том, что Северная Африка – один из самых христианизированных регионов Римской империи. При этом здесь шёл процесс религиозного синкретизма³, в котором сплелись языческие верования карфагенской культуры, привнесенные римские культы, собственно североафриканские региональные и развивающееся христианство.

¹ Казаков М.М. Особенности христианизации Северной Африки // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 47.

² Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. М., 1961. С. 260.

³ Казаков М.М. Указ. соч. С. 57.

Пережив бурное развитие и подъем, в начале IV в. североафриканское христианство начинает испытывать определенный кризис¹. В следующем столетии случилось вандалское завоевание Северной Африки, и господство в христианской общине в этот период переходит к арианству. Все это приводит к реорганизации церковной общины. Мыслители и деятели культуры в своих произведениях отражали сложившееся к V веку слияние языческих культов и христианства.

С точки зрения христианства, языческие боги могли существовать, но имели совершенно другой статус. Они относились к группе падших ангелов, не имели ничего общего с сотворением мира. Если же им приписывались такие качества, то «это есть искажение истинного положения дел, инспирированное самими же демоническими силами»².

Несмотря на это, оказаться от античного культурного наследия для позднеримского мира было практически невозможно. Древнегреческая и древнеримская мифология на тысячелетия, и по сей день оказывает огромное влияние как на образование, так и на развитие культуры в целом. Поэтому такие североафриканские авторы как Фульгенций Мифограф, Драконций с успехом строили свои произведения, опираясь на мифологию и используя ее в своих целях.

Блоссий Эмилий Драконций, родом из Карфагена, жил и творил уже во время вандалской власти в Северной Африке. Он был, безусловно, христианским поэтом³. Тем не менее, его творчеству свойственно постоянное обращение к мифологическим сюжетам. Две тенденции его творчества вполне четко прослеживаются в названиях поэм. Два наиболее крупных его произведения отражают различные увлечения. Так, Драконций написал поэму «Хвала господе» (*Die laudibus Dei*) в трех книгах и также целый ряд произведений, в которых за основу сюжета взяты языческие мифы, объединённые общим названием *Romulea*. Предполагается, что этим названием он «хотел сказать, что в вошедших в сборник поэмах он следует римской поэтической и риторической традиции»⁴.

Написание произведений на мифологические сюжеты не было редкостью в ту переходную эпоху, особенно для интеллектуальной элиты. Это было следствием полученного образования, которое обязывало знать античную поэтическую⁵ и мифологическую традицию. Поэтому, даже исповедуя христианство, авторы не отказывались от близкого им наследия.

¹ *Каргальцев А.В.* Распространение христианства и развитие церковной организации в Северной Африке во II–IV вв.: автореферат дисс. ... к.ист.н. Казань, 2016. С. 3.

² *Бухараев Я.В.* Христианский взгляд на язычество: духовная конкуренция или органическая несовместимость? // *Colloquium Neptaplomeres*. 2017. № 4. С. 20–21.

³ *Blossius Æmilius Dracontius* [Электронный ресурс] // *The Catholic Encyclopedia*. URL: <https://www.newadvent.org/cathen/> (дата обращения 19.10.2022).

⁴ *Ярхо В.Н.* Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // *Вестник древней истории*. 2000. №3. С. 211.

⁵ Там же. С. 212.

Однако мифологические сюжеты использовались не просто потому, что составляли часть античного наследия и вызывали уважение. Безусловно, в руках интеллектуалов они становились инструментом выражения своих мыслей через аллегорию. Так, Драконций использовал мифы, чтобы иносказательно выразить свои политические взгляды¹. Оказавшись в заключении при вандалском короле Гунтамунде и освободившись при Тразамунде, Драконций выбрал наиболее безопасный путь выражения своего мнения при сохранении личной свободы.

Исследователь И.М. Никольский утверждает, что Драконций не просто отражает в своей поэме конфликт с вандалами. В его поэмах проводятся проекции троянцев с римлянами, вандалов с греками. При этом не только римско-вандалский конфликт играет здесь важную роль, внимание следует обратить и на «внутренние конфликты между греческими персонажами»².

Несмотря на то, что использование мифологии – это дань риторической традиции, Драконций не стремится сохранить ее первозданной, напротив, он во многом искажает, переиначивает значимые части мифов, не придерживается оригинальной хронологии³, стремится изложить миф так, как не излагали еще до него, при этом логическое построение уже не настолько важно для него.

Еще одним североафриканским автором, который в своем творчестве часто обращался к мифологии, является Фабий Планциад Фульгенций. С ним связано само понятие «мифографии» как «изложения мифов, уже получивших воплощение в художественных произведениях, иногда оспаривая их или объясняя, но никогда не претендуя на собственное творческое их осмысление»⁴. Эта практика была достаточно распространена, но особенно популярной стала с распространением христианства. Последователями Фульгенция можно считать Ватиканских Мифографов.

Творческая цель Фульгенция – не просто объяснить и изложить мифы, а «аллегорически истолковать, чтобы примирить их языческое греческое содержание с христианским мировоззрением»⁵. При этом Фульгенцию свойственно некоторое пренебрежение по отношению к античному наследию, что он сам показывает в начале своих «Трех книг мифологий» (*Mythologiarum libri III*): «я же хочу показать суетность всех этих превращений, не затемняя того, что ясно, новыми превращениями» (I, Intr.).

Фульгенций пытается выдержать монотонность своего повествования, соблюдая басенную структуру изложения мифов, которая включает: сжатый

¹ *Никольский И.М.* Мифологические поэмы Драконция и конфликт политических элит в вандалской Африке // Шаги / Steps. 2020. Т. 6. № 2. С. 106.

² Там же. С. 111.

³ *Ярхо В.Н.* Античный миф на пороге Средневековья: поэмы Драконция // Эмилий Блоссий Драконций. Мифологические поэмы. М., 2001. С. 14.

⁴ *Ярхо В.Н.* Первый Ватиканский мифограф. СПб., 2000. С. 6.

⁵ Там же. С. 11.

пересказ самого мифа, этимологию имен и атрибутов, подкрепление цитатами и общей морализацией¹.

Как в случае с Драконцием, так и в случае с Фульгенцием, языческая мифология истолковывается аллегорически. Однако, если для Драконция миф – это средство выражения собственных взглядов, то для Фульгенция – это орудие, которое используется для «испытания христианина»² в поиске подлинного смысла.

Таким образом, мы можем увидеть, что североафриканские авторы V–VI вв., уже будучи христианами, отстаивая свои религиозные убеждения, не отказывались от античного наследия, а использовали его в своих целях, лишь подтверждая праведность собственных убеждений.

Активно развивавшееся в Северной Африке христианство, значимость римской риторической школы обусловили формирование здесь специфического отношения к мифологии. Оно не было характерно исключительно для Фульгенция и Драконция, но появление этих двух авторов в практически одно время в этом регионе является знаковым. Слияние мифологии и христианских мотивов в их произведениях – это не просто рецепция античного, это использование мифа как внешней оболочки, чтобы донести истинный смысл, часто именно христианский.

SYNCRETISM OF PAGANISM AND CHRISTIANITY IN THE WRITTEN CULTURE OF NORTH AFRICA V–VI CENTURIES A.D.

E.L. Babenkova (Belgorod)

The article examines the peculiarity of North Africa as a region in which Christianity was rapidly spreading, and at the same time the Greek tradition remained significant. Christian writers Fulgentius and Dracontius honored the ancient tradition in their writings, most of their works are addressed to mythological subjects, but this is only a manifestation of syncretism.

Keywords: Christianity, mythology, Fulgentius, Dracontius, Latin tradition.

¹ Гусейнов Г. Ч. *Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика V–VI вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 326.*

² Там же. С. 325.

РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

У ИСТОКОВ МОНАШЕСТВА: ЖЕНЩИНЫ В РАННЕХРИСТИАНСКОМ АСКЕТИЗМЕ

Д.Н. Добрынина (Белгород)

Ранние христиане часто связывали свои представления о физическом целомудрии с определёнными отрывками из Нового Завета. Однако аскетизм возник не с христианством, был широко распространён ещё в греко-римской культуре. Разрабатывались практики «самозабвения», основное внимание в которых сосредотачивалось на человеческом теле. Интересно, что тело традиционно ассоциировалось со страстной чувственностью и пороком, но в данный период телесность была переосмыслена как неотъемлемая часть личности. Начиная с IV в., в пустынях Египта, Сирии и Палестины появляются первые уединённые и общинные формы праведной аскетической жизни. Хотя большинство отшельников пустыни, память о которых сохранилась в источниках, были мужчинами, несколько женщин также отважились практиковать эту экстремальную форму физической и духовной дисциплины.

Ключевые слова: женщина, христианство, монашество, аскетизм.

На первый взгляд может показаться, что христианские аскетические практики (пост и обет безбрачия) влекут за собой негативное отношение к телу. На самом же деле аскетизм имел очень оптимистический взгляд, поскольку постулировал веру в то, что люди могут вырасти духовно. Сюзанна Эльм справедливо заметила, что «аскетизм возник как способ преодолеть ограничения греховной плоти и возможность приблизиться к Богу»¹.

Хрестоматийным можно считать высказывание Иисуса, дошедшее до нас в Евангелии от Матфея: «Есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного» [Мф. 19:12].

Заслуживает внимания и изречение апостола Павла о предпочтении безбрачной жизни супружескому союзу [1 Кор. 7: 1-7].

Практики, направленные на то, чтобы усмирить греховную склонность к избытку, начинались с рекомендаций умеренности в отношении пищи и сексуальной активности, а заканчивались экстремальными формами религиозного аскетизма среди монахов.

Интересный источник оставил для нас монах и историк монашества Палладий Галатийский (365–425 гг.) Праведник посещал одиноких подвижников и монастыри египетской пустыни и записывал краткие сведения об удивительных людях, которых он встречал.

В одном из монастырей верховьев Египта жила девушка, одержимая демоном (Pallad., Laus., 34). Она была чужой сестринству обители, с ней не садились за стол, что не ожесточало её по отношению к окружающим. Она

¹ Elm, Susanna. *Virgins of God: the Making of Asceticism in Late Antiquity*. Oxford: The Clarendon Press, 1994. P. 384.

безропотно выполняла самую чёрную работу, потому что верила, что исполняет заветы Священного Писания: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» [1 Кор 3:18]. Голова её всегда была покрыта, прочие же девушки коротко стригли волосы. Так они смиряли себя и привыкали ко служению.

Весть о смиренной юродивой ангел принёс и святому Питириму, прославленному отшельнику, жившему в Порфирите: «Вы хотите увидеть кого-то более благочестивого, чем вы сами, женщину? Отправляйтесь в женский монастырь в Тавенниси, и там вы найдёте одну из них».

Питирим никогда не покидал стен монастыря, но ради девушки, которую сам посланник Божий поставил в образец благочестия, он попросил позволения префектов ступить в женскую обитель. Его приняли, ведь праведник был уже в почтенном возрасте и имел непогрешимую репутацию¹.

Когда дева вошла, монах, упав к её ногам, попросил благословения. Послушницы монастыря были поражены: та, кого презирали долгие годы, не должна была снискать искреннего благоговения почтенного Отца. «Вы – те, кто истинно духовно юродив. А эта девушка впустила Господа в своё сердце!»

Услышав это, пали девушки к ногам Питирима, каясь в своих прегрешениях. Помолившись за них, монах ушёл. А через несколько дней покинула монастырь и благочестивая дева. Она не смогла вынести почестей от сестёр, их извинения её тяготили. Куда она удалилась и как закончила свою земную жизнь, никто не знает.

«Изречения египетских отцов»² (Aprophthegmata Patrum) – агиографический сборник апофегм пустынников раннего христианства, датируемый предположительно V веком. Сочинение содержит высказывания, афоризмы, назидательные поучения, касающиеся духовной жизни, аскетических и монашеских принципов, приписываемых первым христианским монахам, подвизавшимся в Египетской пустыне. Тексты сохранились на латинском и греческом языках. Кроме того, известны различные вариации сборника на языках народов восточно-христианского мира (коптском, сирийском, армянском, эфиопском (гёз)).

Сочинение оказало существенное влияние на развитие монашества и стало весьма популярным в странах христианской традиции. Встречаются в источнике и интересные для нас изречения амм («ammas»).

Ammas – матери-пустынницы, понятие из феминистской теологии, введённое по аналогии с отцами-пустынниками для раннехристианских аскеток, живших в пустынях Египта, Палестины и Сирии в IV-V вв.

Одной из самых известных матерей пустыни была Феодора Александрийская (ум. 490 г.). Она была женой префекта Египта. Совершив

¹ Miller P.C. *Woman in Early Christianity: translations from Greek text*. Washington: The Catholic University of America Press, 2005. P. 237.

² Еланская А.И. *Изречения египетских отцов / Памятники литературы на коптском языке*. СПб.: Алетейя, 2001. 377 с.

прелюбодеяние, девушка облачилась в мужские одежды и, притворившись евнухом, удалилась в мужской монастырь Фиваиды, в котором в течение 8 лет несла тяжёлые послушания. Её истинная личность как женщины была раскрыта лишь после смерти.

«Изречения египетских отцов» сохранили для нас изречение праведницы: «Хорошо жить в мире, ибо мудрый человек практикует постоянную молитву. Это по-настоящему великое дело для девственницы или монаха – жить в мире, особенно для молодых».

Феодоре Александрийской принадлежат и суждения об учителе: «[учитель] должен быть чужд стремлению к господству; его нельзя ни одурачить лестью, ни ослепить подарками; но он должен быть терпеливым, нежный и смиренный, насколько это возможно; он должен быть испытан и беспристрастен, полон заботы и любящей души»¹.

Она также сказала, что ни аскетизм, ни бдения, ни какие-либо страдания не способны спасти, это может сделать только истинное смирение.

Амма Сара (ум. V в.) боролась с порочной тягой ко блуду в течение тринадцати лет. Великую честь ей делало то, что она никогда не молила Бога о том, чтобы страсть отступила, но просила даровать ей мужество и терпение для духовной борьбы². Известно о блаженной деве Саре и то, что она в течение шестидесяти лет, живя у реки, ни разу не выглянула туда, чтобы взглянуть на водную гладь.

Два старика, великие отшельники, пришли в район Пелузия, чтобы увидеть Сару. Когда они прибыли, один осмелился предложить: «Давай пристыдим её». Поэтому они сказали ей: «Берегись тщеславия, думая о себе: «Посмотри, как отшельники приходят посмотреть на меня, простую женщину»». На что амма Сара им ответила: «По природе я женщина, но не по моим мыслям».

Синклитикия Александрийская (ок. 270 – ок. 350 гг.) происходила родом из богатой знатной семьи. Славясь красотой и имея выгодные предложения к замужеству, девушка избрала путь монашеского подвижания в юном возрасте. После смерти родителей она раздала всё унаследованное имущество нуждающимся и, приняв постриг, поселилась в одной из гробниц, принадлежавших её семье.

Слава о подвижнических подвигах Синклитикии быстро распространилась по окрестностям, и множество благочестивых жён и дев приходили к ней для того, чтобы услышать мудрые наставления.

Амма Синклитикия учила так: «Не позволяй себе соблазняться мирскими прелестями, как будто они содержат что-то полезное, кроме тщетного удовольствия. Миряне ценят кулинарное искусство, но вы, соблюдая

¹ *Miller P.C. Woman in Early Christianity: translations from Greek text. Washington: The Catholic University of America Press, 2005. P. 248.*

² *Отчникъ: рассказы о жизни святых подвижников / сост. Святителем Игнатием (Брянчаниновым). Изд. 5-е. М.: Даръ, 2009. 767 с.*

пост, выходите за рамки пищи телесной. Написано: «Сытая душа попирает и сот, а голодной душе всё горькое сладко [Притч 27:7]».

Она также сказала: «Пост и сон на земле поставлены перед нами из-за наших страстей. Когда болезнь нас ослабляет, нужно упрочить бдение. Ибо это и есть великий аскетизм: контролировать себя в болезни, не роптать, а петь благодарственные гимны Богу».

Важна для понимания основ христианского вероучения восточной традиции и следующая мысль, высказанная Синклитикией: «Подобно тому, как выставленное напоказ сокровище теряет свою ценность, так и известная добродетель исчезает; подобно тому, как воск тает, когда он находится рядом с огнём, так и душа разрушается похвалой и теряет все результаты своего труда».

AT THE ORIGINS OF MONASTICISM: THE ROLE OF WOMEN IN EARLY CHRISTIAN ASCETICISM

D.N. Dobrynina (Belgorod)

Early Christians often associated their ideas of physical chastity with certain passages from the New Testament. However, asceticism originated in the Greco-Roman culture. Practices of "self-forgetfulness" were developed, the main focus of which was on the human body. Interestingly, the body was traditionally associated with passion and vice, but during this period, physicality was reinterpreted as an integral part of the personality. Starting from the IV century, the first monasteries appeared in the deserts of Egypt, Syria and Palestine. Most of the hermits of the desert were men, a few women also ventured to practice this extreme form of physical and spiritual discipline.

Keywords: woman, Christianity, monasticism, asceticism.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СВТ. ЕПИФАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОРТОДОКСАЛЬНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Я.В. Манохин (Борисоглебск)

В статье рассматривается антропологическое учение свт. Епифания Саламинского, как часть кипрской теологической мысли в составе ортодоксальной восточно-христианской богословской традиции.

Ключевые слова: христианское богословие, христианская догматика, Епифаний Кипрский, антропология, человеческая природа, Кипр, Палестина.

Вторая половина IV века в истории Кипрской церкви тесно связана с деятельностью ее предстоятеля свт. Епифания Саламинского (ок. 315 – 403). Сохранившиеся исторические источники не сообщают нам сведений о ком-либо еще, кто бы мог сравниться с ним в ранневизантийский период своими плодотворными трудами в деле развития Кипрской церкви ранневизантийского периода. Активное строительство христианских монастырей и базилик (в частности, в новой столице провинции Констанции

(Саламине)), развитие паломничества, весомый вклад в формирование христианской догматики, развитие теологической мысли на полуострове – все это тесно связано с именем свт. Епифания¹.

Достаточно объемное, сохранившееся до нашего времени, письменное наследие Кипрского архиепископа позволяет определить образ его теологической мысли. В особенности его взгляды в сфере христианской догматики представляют особый интерес для исследования, поскольку отражают в себе египетскую и сирийскую традиции с уникальными авторскими элементами, в основе которых лежит приближенная к египетской традиция палестинская. Скорее всего, это связано с тем фактом, что сам архиепископ был по происхождению палестинцем и очень много времени проводил на своей родине, даже будучи в должности предстоятеля церкви на Кипре.

Образование свт. Епифаний получил в Египте, поскольку Палестина в религиозно-культурологическом контексте была ближе к Александрии, нежели к Антиохии.

В своих сочинениях свт. Епифаний очень подробно излагает христианское учение в таких догматических сферах, как триадология, христология, сотериология, мариология и экклесиология². Данные направления в современной теологической науке исследованы достаточно подробно, однако взгляды свт. Епифания в сфере христианской антропологии не выделяются из его произведений и не анализируются в исторической и религиоведческой литературе³.

Основными источниками при изучении богословской интеллектуальной мысли кипрского христианского писателя являются его авторские сочинения, преимущественно посвященные борьбе с различными ересями внутри христианской конфессии и иными религиозными движениями: это догматико-полемические произведения «Панарион» и «Анкорат». Но кроме них, изложение христианского антропологического учения встречается и в других сочинениях кипрского архиерея, в его экзегетических произведениях и письмах, но данные фрагменты дублируются в его догматико-полемических произведениях. Экзегетические сочинения «О мерах и весах» и «О 12-ти камнях» не содержат в себе изложение антропологических взглядов святителя, кроме фрагментов схолий – толкований Ветхого и Нового Заветов в катенах (CPG, N 3761).

¹ См.: *Crouzel H.* Encore sur divorce et remariage selon Épiphanes // *Vigiliae christianae*. Leiden: Brill, 1984. Vol. 38. P. 271-280; *Νικολαΐδης Ν.* Η τριαδολογία τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου Κύπρου. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Π. Σ. Πουρναρά, 1999.

² *Dechow J. F.* Dogma and Mysticism in Early Christianity: Epiphanius of Cyprus and the Legacy of Origen Macon: Mercer University Press. 1988.

³ См.: *Асмус В., прот.* Святитель Епифаний Кипрский (к 1600-летию преставления) // Журнал Московской Патриархии. М.: Издательство Московской Патриархии, 2003. № 5. С. 68-76; *Дунаев А.Г., Макаров Е.Е., Фокин А.Р.* Епифаний Кипрский // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 557-581.

Антропологические концепции кипрский архиерей кратко излагает в одном из своих писем, сохранившихся до нашего времени, а именно в «Послании к Иоанну Иерусалимскому» (CPG, N 3754; PG. 43. Col. 379-392). Однако, упоминание антропологических концепций свт. Епифания в схолиях и в «Послании» по факту кратко дублируют изложенные более подробно идеи из произведения «Панарион», и отчасти – «Анкорат».

Онтологическое христианское понимание человеческого естества у свт. Епифания основывается исключительно на определениях Священного Писания, как Ветхого, так и Нового Заветов. Основная аксиома – «человек – образ Божий» (Быт. 1, 27). Данный тезис является центром софистического суждения свт. Епифания о природе человека, его месте и значении среди товарных миров – материального и духовного.

«*Образ Божий*». В своей антропологической концепции излагает христианское ортодоксальное, а фактически прямое и буквальное значение «Образа Божьего» в человеке. Свт. Епифаний утверждает, что «Образ Божий» присутствует во всем человеке, а не в некоей его части, поскольку считает недопустимым «определять или усиливаться открыть, в какой части заключается образ Божий, но надобно признать, что образ Божий находится вообще в человеке, дабы не лишиться нам благодати Божией и не оказаться неверующими Богу» (Epiaph. Adv. haer. 50/70: 2). Но при этом кипрский архиепископ считает, что «Образ Божий» в человеке существует не по природе, так как человеческая ограниченная природа не может сравниться с природой Божественной, а по благодати. При этом святитель приводит пример с ключевым Таинством христианской церкви – Евхаристией. Хлеб и вино в Таинстве становятся Телом и Кровью Христа именно по благодати, но не по природе, поскольку последняя сохраняется неизменной (Epiaph. Ancor. 55-57). Достаточно интересной является мысль свт. Епифания, высказанная по поводу сотворения человека Богом непосредственно, в отличие от других живых существ, которые воспроизводятся по Его повелению: «Бог Сам произвел человека, а прочие роды животных повелел произвести воздуху, земле и воде» (Epiaph. Adv. haer. 44/64: 25(18)). Здесь возникает вопрос о причине и вине творения, что воздух, земля и вода становятся причинной и виной появления живых существ (кроме человека). Однако тут проблема лежит в расстановке акцентов. В данном месте святитель подчеркивает непосредственное творение человека Самим Богом по Его Образу и Подобию, что выделяет и возвышает человека над другими живыми существами, но и при этом Он остается Творцом для других живых существ, поскольку «творить» и «воспроизводить» – это различные термины.

Свт. Епифаний подобный вопрос, но уже с другим акцентом, рассматривает здесь же, но немного ранее, в полемике с саторнилианами, утверждающими, что ангелы творили мир, в том числе и человека, и логически были причиной и виной создания человека. Возражая им, святитель говорит, что ангелам Бог не давал возможности творить человека, и если бы даже ангелы могли творить, то всё равно причиной бытия их творения был бы Сам Бог, который сотворил самих ангелов: «Ибо если и ангелы творили, но вину бытия имели сами ангелы опять в силе свыше; то следует, что виновники сотворения

человека – не они, но сила свыше, сотворившая ангелов, от которых произошло и сотворение человека. Ибо не орудие причина тому, что им сделано, но совершающий произведение орудием, которым производится дело, как и написано: не прославится пила без влекущего ю (Ис.10:15)» (Eriph. Adv. haer. 3/23: 3). Таким образом, Причиной всего творения и Творцом является Сам Бог, но творение человека – непосредственное и прямое действие Самого Бога.

Взгляды свт. Епифания на состав человеческой природы основываются на словах ап. Павла: «как говорит Апостол: «всесовершен ваш дух и душа, и тело в день Господа нашего Иисуса Христа да сохранится» (1Сол. 5:23)» (Eriph. Ancor. 77), а также: «Об уме же говорится: «воспою духом, воспою же и умом» (1Кор. 14, 15), и: «ум мой без плода есть» или с плодом (1Кор. 14, 14)» (Eriph. Ancor. 76). Рассуждая о составе природы человека свт. Епифаний делает следующее заключение: «но находим четыре ипостаси: ум – одна ипостась, душа – другая ипостась, дух – третья ипостась, тело – четвертая ипостась» (Eriph. Ancor. 77), где под ипостасью он понимает не лица, а составные части человеческой природы. Таким образом, состав природы человека, по мнению свт. Епифания, состоит из четырех составляющих – тела, души, ума и духа.

Тело. Рассуждение о человеческом теле в сочинениях свт. Епифания происходит в контексте рассуждений о вопросе Боговоплощения и о воскресении человека в контексте полемики с различными религиозными еретическими учениями в христианстве, а также некоторыми философскими системами пифагорейцев и неоплатоников, но в русле христианской ортодоксальной теологической концепции. Поскольку предмет рассмотрения является материальным и видимым, то принципиальных личных суждений святитель не высказывает. Интерес вызывают только два его изречения.

Первое по поводу творения человека из «земли» целиком, а не по частям: «я скажу, что «созда Бог человека, персть возьмет от земли» (Быт. 2, 7). Изречением: «созда» объемлется все в совокупности, и в изречении: «Слово плоть бысть» все содержится. В том же смысле и мы сами возразим им, говоря: вот Писание говорит: «созда Бог человека», и не сказано: создал ему печень или легкие, или сердце, или жилы, или нервы, или другое, что есть в теле. Посему будем ли мыслить человека, как нечто единое, цельно сплоченное, из-за того именно, что Писание не изложило в подробностях состав всякого животного? Конечно нет» (Eriph. Ancor. 35, Eriph. Cat. CPG, N 3761).

Второе – о целостности тела, независимо от отделений фрагментов от него в контексте вопроса о воскресении тела (всего или фрагментарно). Кипрский архиепископ рассуждает о том, что тело воскреснет в основных своих частях, возведенных до совершенства Создателем. Потеря «волос и других веществ вместе со слюнями, мокротами и другими извержениями» восстанавливаться не будет, подобно как «кусочек материи готов, как скоро вышло тканье из станка, и его отрезают от станка, не прибавляя к нему, ни убавляя. Его отдают к белильщику не с тем, чтобы получил от белильщика в худшем виде, но белильщик представляет его в совершеннейшем виде, так что для всех становится очевидно совершенство ткани. Так и тело не становится худшим от извержения дурных веществ и нечистоты, и конечно художник за

то, что тело извергло нечистоту, не потребует от нас тела вместе с нечистотою, но потребует эту одежду в целом, здоровом и чистейшем виде» (Eriph. Adv. haer. 44/64: 67), затем приводит пример «медицинского» кровопускания и выделения телесных паразитов (вшей), после чего делает следующий вывод: «Равным образом и то, что вышло из нас, хотя это и так по твоему мнению, не взыщется от нас (это было бы безрассудно), и Бог не возвратит этого в состав наш, но как пятно, находящееся на одежде и смытое с нее для благоукрашения, оставит без внимания, а самую одежду Зиждитель, по превосходству своего искусства, возведет к совершенству, так что она не будет иметь ни недостатка, ни излишества; ибо для Него все возможно» (Eriph. Adv. haer. 44/64: 67). Данные сравнения являются уникальными в своем роде в петрологической христианской традиции.

Душа. В сочинениях свт. Епифания душа, как ипостась человеческой природы упоминается непосредственно с плотью (телом). Нет четкого определения, что именно понимает под душой кипрский архиерей. Однако, исходя из контекста, например, такого как: «но пришедшее Слово имело все устроение: и плоть, и душу, и все что есть в человеке; а между тем уделом души и плоти были: алчба и утомление, жажда и скорбь, и прочее» (Eriph. Ancor. 33) следует, что качества, не свойственные телу, в понимании святителя, отнесены к душе (скорбь). Кроме эмоциональной оставляющей, в контексте рассуждений свт. Епифания о человеческой природе основным свойством души является бессмертность, сознательность (Eriph. Adv. haer. 44/64: 68, 70, 71). Однако в тексте Анкората мы встречаем такое выражение: «Затем еще сказано: «душа, яже согрешит, та умрет» (Иез. 18, 4); не думаю, что здесь сказано о душе отделенной от тела. «Бе, – сказано, – в корабли душ около седмидесяти» (Деян. 27, 37); конечно души не были без тела, но тела были с душами» (Eriph. Ancor. 78), но далее свт. Епифаний объясняет, что пророк имел в виду всего человека, а не составную его часть: «И опять люди имеют обыкновение называть человека одним каким-либо именем, как например: господин осмидесяти тел, конечно не бездушных. Так и «Слово плоть бысть» (Иоан. 1, 14), не без души, не без всякой ея деятельности. Ибо, и когда говорится о душе, тем не показывается, что она без тела; и когда говорим о телах, не разумеем их существующими без души» (Eriph. Ancor. 78). Непосредственно о сознательности и привязанности к телу интересным является рассуждение о Суде над душой без тела, если бы тело не воскресло и не предстало бы перед Создателем: «ибо если душа окажется совершенно одна, то, будучи судима, она может возразить, что не во мне вина греха, но от того тленного и земного тела происходили блуд, прелюбодеяние, разврат; ибо с тех пор, как тело отделилось от меня, я ничего такого не сделала; и будет она права в защите и не признает суда Божия» (Eriph. Adv. haer. 44/64: 72; Eriph. Ep. ad Ioan. CPG, N 3754). На основании высказываний святителя о душе можно сделать вывод, что под этим термином он понимал эмоционально-сознательную нематериальную составляющую человеческой природы, непосредственно связанную с материальной ипостасью – телом.

Ум. Отличительной особенностью антропологической системы свт. Епифания является выделение ума в отдельную ипостась, когда в христианской догматике ум является одним из свойств души, что отражено и в патрологической христианской традиции. Но свт. Епифаний таким образом рассуждает об уме: «Он [Христос], будучи Бог и ум Сам в себе, принял и ум человеческий вместе с плотью и душою... в этих местах ум, который Писание обыкновенно называет сердцем, полагается вождем, так сказать, и браздодержцем всего сосуда человеческого, разсудителем добраго и злаго, испытателем хорошаго, в нас совершающагося. Ибо ум «словеса разсуждает, гортань же брашна вкушает» (Иов. 12, 11). Ум есть рассудительная способность в человеке, а не есть способность соглашаться на все, если только сам не изменит себя» (Eph. Ancor. 76).

Дух. «Писание говорит о многих духах: «творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный» (Псал. 103, 4) ... говорится и о духе человека: «кто бо весть от человек яже в человеце, точию дух человека» (1Кор. 2, 11)» (Eph. Ancor. 72) «Павла, услышавшего с небес: «Савле, Савле, что Мя гониши» (Деян. 9, 4), – удостоившегося услышать, – «неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати» (2Кор. 12, 4); – говорящего: «никтоже весть, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем» (1Кор. 2, 11). Этим примером он хотел изъяснить высшее не для того, чтобы пример человека приравнять к Богу, но чтобы примером хотя отчасти открыть высшее» (Eph. Ancor. 11), поэтому дух человека святителем понимается в русле христианской догматики, как часть человека, предназначенная для общения с Творцом.

Несмотря на то, что в своих сочинениях Кипрский архиепископ Епифаний Саламинский не выделяет тему человека как отдельную для рассмотрения и рассуждения, но в контексте прочих христианских догматических областей он выстраивает достаточно четкую антропологическую систему, которая в большинстве своем соответствует христианской ортодоксальной антропологической концепции.

Исследование письменных исторических источников показывает уникальность риторических литературных оборотов при объяснении тех или иных аспектов христианской антропологии святителя Епифания. Кроме того, отличительной концептуальной особенностью антропологии Кипрского архиепископа является выделение «ума» в отдельную ипостась человеческой природы.

THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF SVT. EPIPHANY IN THE CONTEXT OF ORTHODOX CHRISTIAN THEOLOGICAL TRADITION

Ya. V. Manokhin (Borisoglebsk)

Abstract: the article examines the anthropological teaching of svt. Epiphany of Salamis, as part of the Cypriot theological thought as part of the Orthodox Eastern Christian theological tradition.

Keywords: Christian theology, Christian dogmatics, Epiphanius of Cyprus, anthropology, human nature, Cyprus, Palestine.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИЕРУСАЛИМ: ПУТИ, НАПРАВЛЕНИЯ, СМЫСЛЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Е.О. Родина (Белгород)

В работе предпринята попытка рассмотрения путей и направлений ранневизантийского паломничества в Иерусалим через Палестину. Изложена также историография вопроса.

Ключевые слова: паломничество, Иерусалим, пути, источники.

В Святой Земле, Terra Sancta, которая в общеупотребительном смысле относится к ландшафтам Палестины и Синайского полуострова (и прилегающим районам Сирии и Египта), сохранилось большое количество источников, принадлежащих к разным категориям.

Археологически доступны участки древних дорог разной протяженности, а также мосты и верстовые столбы. Вместе с географическими условиями они информируют людей о воспринимаемом пространстве. Многочисленные маршруты, в свою очередь, дают материал для рассмотрения пространства. Некоторыми примерами этого являются Маршрут паломника Антонина III века, Итинерарий Бордо 333 г., Маршрут Эгерии 384/385 гг. и Карта Певтингера, последняя древняя версия которой была составлена около 435 г. Кроме того, можно использовать свидетельства более поздних авторов, послов, агиографов, историков, паломников и др.

Однако интерпретация этого материала, нашего ключа к живому социальному пространству, реальности прежних обществ, страдает неполнотой информации: археологические памятники, участки дорог, мосты или здания – лежат в руинах. Многие вехи сохранились только фрагментарно и без географического контекста; в литературных источниках обычно упоминаются топонимы, но дальнейшие подробности, касающиеся маршрутов движения или структурных условий дорог, пространства и ландшафтов в целом, необычны и редки¹.

Источники в основном относятся к отдельным, точно определяемым точкам ландшафта, имеющего очаговый характер. Однако направление дорог в промежуточных зонах остается неопределенным, большая часть исторической системы коммуникаций отсутствует. В определенной степени это определяется анализом географической и политической ситуации в прежние времена. Историческая реальность может отличаться от модели; поэтому мы должны рассмотреть конкретную политико-географическую ситуацию в этом районе – была ли самая легкая дорога, были ли родники и колодцы, было ли присутствие бандитов и врагов?

¹ *Külzer A. Pilgrims on their Way in the Holy Land: Roads and Routes According to Byzantine and Post-Byzantine Travel Accounts // Pilgrimage to Jerusalem. Journeys, Destinations, Experiences across Times and Cultures / Falko Daim, Johannes Pahlitzsch, Joseph Patrich, Claudia Rapp, Jon Seligman (eds). Proceedings of the Conference held in Jerusalem, 5th to 7th December 2017. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2020. P. 11-22.*

Об этом свидетельствуют позднеантичные и средневековые паломнические маршруты на гору Синай: идущие как из Египта, так и из Иудеи, сложная структура местности и расположение существующих водоемов вынуждали путешественников заметно отклоняться от пространственной линии дорог¹.

В историографии многочисленные академические исследования посвящены исторической сети дорог в Terra Sancta. Пособия и справочники, наряду с огромным количеством статей и очерков, относятся к единичным, иногда очень небольшим участкам дорог. Среди этих исследований, в первую очередь, следует упомянуть два тома о римских дорогах в Иудее; первый том был опубликован Бенджамином Исааком и Израэлем Роллом в 1982 г.², второй – ими обоими и Моше Фишером более десяти лет спустя.

Израэль Ролл опубликовал статью «Система римских дорог в Иудее» еще в 1983 г.³, а три года спустя – еще одну статью «Римские дороги в Западной Самарии» вместе с Эйтаном Аялоном.

Майкл Ави-Йона провел исследование милевых камней и надписей 1930-х годов. Он опубликовал множество статей, книг и карт, в том числе свою «Карту римской Палестины» в масштабе 1: 250 000 в 1940 г.⁴

Альбрехт Альт написал эссе под названием «Stationen der römischen Hauptstraße von Ägypten nach Syrien» в 1954 г.⁵

Подробная статья «Die römischen Meilensteine der Provinzen Syria, Arabia und Palästina», опубликованная Питером Томсенем еще в 1917 г., сама по себе является научной вехой⁶.

Этого списка, который ни в коем случае не является исчерпывающим, должно быть достаточно, чтобы составить впечатление об обширных исследованиях по этой теме.

Система коммуникаций на древнем Ближнем Востоке имеет давние традиции; так называемый Путь филистимлян или Виа Марис, соединяющий Сирию с Египтом, восходит к раннему бронзовому веку. Некоторые маршруты в древних царствах Иудеи, Моава или Эдома относятся ко II или I тысячелетиям до н.э., а участки различных дорог железного века задокументированы в Иудее и Самарии.

¹ *Külzer A.* Byzantine and early post-Byzantine pilgrimage to the Holy Land and to Mount Sinai // R. Macrides (ed.). *Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies*, Birmingham, April 2000. Aldershot, 2002. P. 149-161; *Di Segni, Leah.* Epigraphical Evidence for Pilgrimage to the Holy Places // *Pilgrimage to Jerusalem. Journeys, Destinations, Experiences across Times and Cultures.* Mainz, 2020. P. 23-30.

² *Isaac B., Roll I.* Roman Roads in Judaea. I: The Legio – Scythopolis-Road. Oxford, 1982.

³ *Roll I.* The Roman Road System in Judaea // *The Jerusalem Cathedra*, 3, 1983. P. 136-161.

⁴ *Avi-Yonah M.* The Development of the Roman Road System in Palestine // *Israel Exploration Journal* 1, 1950/1951. P. 54-60.

⁵ *Alt A.* Stationen der römischen Hauptstraße von Ägypten nach Syrien // *ZDPV*, 70, 1954. P. 154-166.

⁶ *Thomsen P.* Die römischen Meilensteine der Provinzen Syria, Arabia und Palästina // *ZDPV*, 40, 1917. P. 1-103.

Однако научные утверждения часто сложны и неоднозначны из-за неполноты источников.

При римском правлении произошло существенное расширение дорожной сети, главным образом, по административным и военным причинам. В зависимости от местности различается состояние дорог; единых построек одинаковых пропорций по всему Леванту не существовало. Плиты покрывают многие, но не все дороги; иногда на поверхность наносился только гравий (щебень). Милевые вехи были важным элементом римских дорог; они служили не только ориентирами и указателями расстояния, но и видимыми знаками римской власти и господства.

Согласно одной вехе, участок левантийской прибрежной дороги между Антиохией и Птолемаидой/Акрой был реконструирован во времена императора Нерона (54–68); это, кажется, самая древняя деятельность римлян в этой области. Его связь с Первой еврейской войной 66-73 годов очевидна; древнее дорожное строительство часто было связано с господством, с подчинением чужого пространства. Прибрежная дорога тянулась на юг и, наконец, достигала дельты Нила. Во времена императора Каракаллы (211–217) к этой дороге была подключена даже Александрия. Кажется возможным, что вехи относятся только к мерам по обновлению и ремонту, как несколько десятилетий назад упоминал Майкл Ави-Йона; вся дорога была построена, вероятно, в I веке; она связывала важные римские военные базы в Египте и Сирии.

Дорога из Мегиддо в Скифополь, бывшая когда-то участком Виа Марис, была перестроена в 69 г.; последующий участок дороги между Скифополем, Пеллой и Герасой был отремонтирован во времена Траяна (98–117 гг.) и, следовательно, должен был существовать до этого периода.

Согласно историческим свидетельствам, во времена императора Адриана (117–138 гг.) сеть коммуникаций в Палестине была значительно расширена. В основном это было вызвано мерами против восстания Бар-Кохбы (132-135).

Дальнейшие важные этапы дорожного строительства относятся ко времени императора Марка Аврелия (161-180) и династии Северов (193-235).

Главный интерес римлян заключался в постоянном соединении административных центров и торговых городов, включая важные гавани. Одна дорога, например, начиналась в Яффо/Иоппе на берегу Средиземного моря и вела в Лидду/Диосполь. Здесь она разделялась на две основные ветви, которые вели в Иерусалим: северную через Кафар-Руту и Бейт-Хорон и южную через Эммаус/Никополь. В средневековье эта дорога была одной из самых важных во всей Иудее, главной осью паломничества.

Вообще известно о восьми маршрутах, ведущих из Яффо в Иерусалим; их расстояние составляет от 60 до 90 км каждый.

Ученые спорят о том, был ли Иерусалим, в первые века все еще известный как Элия Капитолина, центром римской транспортной сети с самого начала или нет: в более поздние времена город определенно выполнял

эту функцию; во времена Адриана это был один из штабов легиона (помимо Мегиддо, переименованного в Легион).

В III веке сеть крупных дорог простиралась более чем на 1500 км только в Иудее. В последующие века пристройки производились в меньших масштабах. Однако работы по консервации и техническому обслуживанию продолжались; есть аналогичные свидетельства и для ранневизантийского периода.

Согласно литературным источникам, дороги широко использовались в Поздней античности и в средние века; паломники были среди путешественников. Благодаря локализациям, разработанным Евсевием Кесарийским в его Ономастиконе до 324 г., их ждали многочисленные места, известные из Ветхого или Нового Завета. Монастыри у реки Иордан и Мертвого моря стали дальнейшими направлениями; большинство этих мест было связано с системой дорог, в том числе по вопросам снабжения. Однако в некоторых случаях подъездные пути были плохими и маленькими или вообще находились в плохом состоянии.

В первое время арабского владычества римская сеть дорог еще продолжала существовать. Собственно, о восстановлении участков дорог мы знаем благодаря вехам, написанным на арабском языке. Только в середине VIII в. упадок стал очевиден; новая правящая династия Аббасидов уже не интересовалась этой территорией.

После многовекового упадка в эпоху высокого средневековья начался новый период сохранения и восстановления различных путей сообщения. Некоторые дороги сохранялись вплоть до османского периода.

PILGRIMAGE TO JERUSALEM: WAYS, DIRECTIONS, MEANINGS IN THE EARLY BYZANTINE TIME

E.O. Rodina (Belgorod)

The paper attempts to consider the ways and directions of the early Byzantine pilgrimage to Jerusalem through Palestine. The historiography of the issue is presented.

Key words: pilgrimage, Jerusalem, ways, sources.

К ВОПРОСУ О ПОПЫТКАХ ИМПЕРАТОРА ФЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

М.Г. Сапожникова (Белгород)

В статье рассматривается одно из важнейших внешнеполитических направлений Феодосия II (408-450) – проект объединения Восточной и Западной Римской империи. Анализируется Кодекс Феодосия как законодательный сборник, объединяющий две правовые системы. Отмечаются явления, свидетельствующие о стремлении к унификации политических режимов Востока и Запада.

Ключевые слова: Феодосий II, Codex Theodosianus, Ранняя Византия, Gesta senatus, Восточная Римская империя.

Римская империя столкнулась с серьёзными внутренними и внешними вызовами в III-IV вв., но именно в V в. некоторые элементы её политической и военной структуры рухнули окончательно¹. В соответствии с пожеланиями императора Феодосия I империя была разделена после его смерти в 395 г. на две части. Восточная половина, включавшая Грецию, Македонию, Дакию, Ливию, Египет, Палестину, Сирию и Анатолию, была отдана под управление Аркадию. Западная часть империи, включавшая европейские провинции, простиравшиеся от северо-западной Иллирии до Испании, а также Северную Африку, была передана под власть Гонория (Soz. VIII. 1).

После смерти Аркадия в 408 г. управление восточными и западными провинциями не было объединено в руках Гонория (Marcell. Com. 408.3). Фактическое разделение империи было увековечено: семилетний сын Аркадия, Феодосий II, стал номинальным правителем, но префект претория Востока Анфемий правил до 414 г. После этой даты опекуном малолетнего императора стала сестра Феодосия II, Пульхерия.

Это разделение империи ознаменовалось созданием Феодосием Младшим своего законодательного сборника законов. Однако ввиду того, что первые книги Кодекса частично были утеряны, то неизвестен его первоначальный вид, было ли пояснительное предисловие от имени императоров.

Сохранившаяся вторая конституция Феодосия, изданная 20 декабря 435 г., утверждает, что сборник является единым законодательным источником для обеих частей империи. Эта конституция и есть фундамент для двух документов периода: Новеллы Феодосия, изданной 15 февраля 438 г., и *Gesta senatus*, опубликованных 25 мая того же года². Последний документ отмечает процедуру передачи Кодекса префектами претория Италии, Африки и Иллирика и консулом Аницием Ацилием Глабрионом Фаустом римским сенаторам.

По своему содержанию вышеупомянутые документы дополняют друг друга³. В довольно запутанной манере в новелле оговаривается цель создания Кодекса, выражаются благодарности его составителям, и, наконец, его постановления провозглашаются как единственные авторитетные версии конституций императоров до Константина, которые могут цитироваться в суде с 1 января (NTh I.3).

Однако в этих источниках нет упоминаний о конкретном алгоритме распространения и доступности Кодекса. Присутствует замечание, что сборник содержит юридические предписания, «которым следует следовать во всем мире» (GS 2), что подтверждает его авторитетный статус. Правда, *Gesta senatus* включает в себя обширную информацию о реализации Кодекса в

¹ Jones A.H.M. The later Roman empire, 284–602: a social, economic, and administrative survey. Oxford, 1964. P. 168-169.

² Nasti F. *Gesta senatus de Theodosiano publicando* // Quaderni camerti di studi romanistici. 2011. Vol. 39. P. 586.

³ Контев А.В. Кодификация Феодосия и её предпосылки // Древнее право. 1996. № 1. С. 257.

восточной столице (GS 2-3) и описывает процесс создания и передачи копий провинциям (GS 5).

Однозначно, различные политические группировки при дворе Феодосия Младшего были единогласны в инициативе придать импульс законодательному проекту¹. Тем не менее это предложение действительно выполняло реальную юридическую цель. Это был принцип, часто повторяемый позднеримскими законодателями, согласно которому специальные субсидии и имперские ответы на конкретные дела (рескрипты) не могли отменить общий закон или создать общий прецедент (CTh I.2.2).

Стремление Константинополя установить политическое, административное и, самое главное, правовое единство Римской империи наблюдалось и в юридических актах. Например, назначение ежегодных магистратов Римского государства, консулов, оставалось общим и после 395 г., даже если степень координации со временем снижалась².

Существовало три основных вида случаев, когда императоры принимали консульства. Во-первых, следуя традиции, которая восходит к Веспасиану, новые августы и цезари обычно вступали в консульство первого января. Например: Гонорий, Феодосий II, Валентиниан III, Маркиан.

Императоры также регулярно посещали консульства, когда это делали их соправители, будь то для того, чтобы представить сыновей или новых коллег в своих первых консульствах, или для того, чтобы сопровождать братьев или коллег с давним стажем. Например, занимали несколько консульств в различных сочетаниях: Аркадий делил три консульства с Гонорием, Гонорий – шесть с Феодосием II и последний – четыре с Валентинианом III.

Сохранилось несколько консульских солидов V в., которые посвящены деценналиям, виценналиям и триценналиям и не менее важной пятилетней воте. Что касается синхронизации имперских консульств в честь воты одного императора, рассмотрим очевидный пример 422 г., когда Гонорий праздновал свою трехлетие на консульском посту, оба они с Феодосием II чеканили солиды³. Однако ни один из них не отчеканил ни одной монеты от имени другого и даже не включил имя соправителя на реверсе. Поэтому можно сделать вывод, что в этой сфере не придавалось большого значения синхронизации.

Формальное сохранение идеи коллегиальности присутствовало и в постановлениях префектов претория Востока и Запада, которые указывались соавторами⁴. Та же практика применялась и на более высоком уровне, поскольку заголовок каждой императорской конституции продолжал отмечать

¹ *Sirks A.J.B.* The Theodosian code: a study. Norderstedt: Books on Demand, 2007. P. 37-38.

² *Worp K.A., Bagnall R.S., Cameron A.D.E., Schwartz, S.R.* Consuls of the Later Roman Empire // Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta: Scholars Press, 1987. P. 24-25.

³ *Boyce A.A.* Festal and Dated Coins of the Roman Empire: Four Papers. New York, 1965. P. 46.

⁴ *Feissel D.* Praefatio chartarum publicarum. L'intitulé des actes de la préfecture du prétoire du IVe au VIe siècle // Travaux et mémoires du Centre des études Byzantines. 1991. № 11. P. 438.

«коллегиальный характер имперской канцелярии, где бы ни находилась целевая аудитория»¹. Так, например, обе конституции (CTh I.1.5-I.1.6), изданные Феодосием II в Константинополе и предназначенные для выполнения только в Восточной империи, называли его западного соавтора: «Impp. Theodosius et Valentinianus AA.».

Указы, изданные по инициативе Восточной империи, были действительными и в Западной части, и наоборот. Правда для этого требовалось одобрение или подтверждение императорскими канцеляриями, что свидетельствует о фактическом политическом разграничении обеих частей друг от друга.

Одной из целей создания Codex Theodosianus была корректировка и замена отдельных законов предшествующих императоров, чтобы сформировать единую правовую базу, с помощью которой можно было бы избежать будущих юридических конфликтов между Востоком и Западом².

Голландский историк права А.Дж.Б. Сиркс утверждал, что правовое единство являлось одним из основных направлений внешней политики Феодосия II³. Намерения Феодосия заключались во введении законодательного сборника как отправной точки раздела империи на два параллельных правовых режима, при которых законодательство одного государства могло применяться в другом только после явного принятия и повторного распространения. Что ещё более важно, современный политический эффект заключался в том, чтобы отделить вопрос о признании легитимности соправителя от вопроса о признании действительности законодательства.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, привлечение внимания к несколько одностороннему характеру содержания Кодекса выявило одно следствие введения в действие его исключительной силы для западного правительства: подразумеваемое признание недействительным пятилетнего общего законодательства. Даже если на практике это привело лишь к незначительным неудобствам для юристов и администраторов, это повлекло за собой жертву автономии и явное уважение к власти Константинополя.

Во-вторых, детальный пересмотр сохранившихся свидетельств о распространении Кодекса Феодосия даёт представление о роли префектов Востока и Италии, Африки и Иллирии.

Наконец, в-третьих, как отмечается в рескрипте Валентиниана от 443 г., одним из аспектов процесса копирования, в котором сенат пошёл дальше инструкций Феодосия, является назначение конституционариев уполномоченными переписчиками и издателями для Западной Римской империи.

¹ Honoré T. Law in the crisis of empire, 379–455 ad: the Theodosian dynasty and its quaestors. Oxford, 1998. P. 113.

² Ibid. P. 117.

³ Sirks A.J.B. Op. cit. P. 228.

ON THE QUESTION OF THE ATTEMPTS OF EMPEROR THEODOSIUS THE YOUNGER TO UNITE THE EASTERN AND WESTERN ROMAN EMPIRES

M.G. Sapozhnikova (Belgorod)

The article discusses one of the most important foreign policy directions of Theodosius II (408-450) – the project of unification of the Eastern and Western Roman Empire. The Code of Theodosius is analyzed as a legislative collection combining two legal systems. The phenomena indicating the desire for unification of the political regimes of the East and the West are noted.

Keywords: Theodosius II, Codex Theodosianus, Early Byzantium, Acta senatus, Eastern Roman Empire.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕНАТА И СИСТЕМЫ СЕНАТОРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В ПЕРИОД ХРИСТИАНИЗАЦИИ В АФИНАХ

Б.С. Арисланов (Белгород)

В статье проводится анализ изменений в системе senatorской аристократии и административного управления в Афинах в период процесса христианизации на примере персоналий аристократов из числа уроженцев Афин и учеников неоплатонической философской школы.

Ключевые слова: Афины, сенат, аристократия, «municipium», «nobilitas», философская школа.

В IV–V веках положение в обществе напрямую зависело от политического положения, а не только от происхождения: социальный ранг определялся успехами в публичной карьере. Таким образом, мы видим, что империя в это время – это государство с бюрократической системой управления, во главе которой стояла аристократия – «nobilitas».

С IV века устоявшаяся общеимперская система нобилитета¹ начинает трансформироваться, а в V веке наступает переломный момент для традиционной аристократии, разделяющей консервативные взгляды на устройство империи.

«Homines novi» или новые люди из числа всадников, вольноотпущенников, вошли в нобилитет, минуя senatorский ранг, который был гарантированным пропуском во власть.

С прогрессом процесса христианизации в империи среди низших слоев населения, укоренившаяся во власти «nobilitas» не собиралась уступить свое место.

К началу IV века лица, занимавшие официальные должности высшего ранга магистратур: консулы, проконсулы или префекты² – были членами senatorского сословия, при этом не всегда являясь выходцами из сословия senatorов, что говорит о «homines novi» в политической жизни империи.

¹ Чекалова А.А. Сенат и senatorская аристократия Константинополя IV – первая половина VII века. М.: Наука, 2010. С. 66.

² Там же. С. 78.

«Vir clarissimi» (Athen. Noct. Att., I, 2) (славный муж) – низший из senatorских титулов (первая ступень знати) предполагал назначение на административную должность; «clarissimi» и senator являлись тождественными понятиями: «Si Rufinus vir clarissimus tribunus» (CJ, VI, 21.4). Это звание «dignitatem clarissimam» присваивалось с титулом senatorского ранга и распространялось на семью (жену и детей): «Feminae nuptae clarissimis personis clarissimarum personarum appellatione continentur» (женщины, находящиеся замужем за сиятельнейшими персонами, имеют титул сиятельнейших персон) (Dig., XXIII, 2.42). Титул передавался вплоть до четвертого поколения (Dig., XXIII, 44).

Богатое senatorское сословие с титулом «clarissimi»¹ представляло собой аристократию в чистом виде и давало право на дорогу в сенат. Они имели некоторые привилегии: в армии для них создавали специальные отряды «capitulum» (CTh., XI, 23.3), с 364 г. они избавлены от денежного дара для императора от провинции «augum coronarium». Но были у них и обязанности: обязательное прохождение такой магистратуры как претура (CTh., XI, 104) (включавшее управление провинцией и судопроизводство в ней).

Более низкое положение имели чиновники с титулами других рангов: «perfectissimi» и «egregii»², оба они стояли в иерархии титулов, относившихся к знати, но не означали принадлежности к senatorскому сословию.

«Egregius» или эгрегий – титул римских всадников – был, по сути, «питомником» для сената и представлял собой «equestris nobilitas» – резерв настоящей знати, из числа которой пополнялись senatorские ряды. «Egregius» хоть и являлся личным титулом, но все же передавался супруге (CJ, IX, 41.11) всадника. Со временем «perfectissimi» заменяет сословие всадников, вылившись в новое сословие, но вобрав в себя достоинство «egregii».

«Perfectissimi» или префектиссим – высший титул всаднического ранга, который составлял часть знати, в которую входило большое количество магистратов, принадлежавших ранее к «egregius» (CTh., II, 17. 1): прокураторы, префекты флота, префекты анноны или начальники поставок пшеницы и продовольствия, представители торговых корпораций, куриалы прошедшие через все ступени магистратуры (CTh., XII, 1.5).

С изменениями в составе сената происходит расширение ранга «perfectissimi», который вобрал в себя «egregii». Все «perfectissimi» через некоторое время обретают титул «clarissimi»³.

Нестыковка властных полномочий по занимаемым магистратурам и титулам спровоцировала дальнейшую трансформацию в системе иерархии

¹ Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи // Византийский временник. 1969. №29. С. 91.

² Bury J.V. History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. London, 1889. P. 39.

³ Гийан Р. Исследования по административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.) // Византийский временник. 1964. №24. С. 40.

империи. Ведь нельзя присвоить прокуратору Понта титул «clarissimi»¹ (до этого будучи в разряде «perfectissimi»), тем самым уравнив его с префектом претория Востока².

После обретения «perfectissimi»³ титулов «clarissimi» начинается генезис двух новых разрядов, а именно «illustres» или «прославленные» и «respectabiles»⁴.

«Clarissimi» были отодвинуты на второй план: титул лишился права на сенаторскую должность. Императоры Гонорий и Феодосий II в эдикте от 413 г. даровали титул «clarissimi» всем магистратам из низших рангов аристократии (CJ, XII, 19.5).

Во время правления императора Юстиниана в состав сената имели право входить только патриции, консулы и «illustres»: «Senatores accipiendum est eos qui a patriciis et consulibus usque ad omnes illustres viros descendunt, quia et hi soli in senatu sententiam dicere possunt» (Dig., I, 9.12) – и только они могли говорить о своем мнении.

Условный «средний класс» – это знатные люди, которым могли присвоить титул «perfectissimi» или «clarissimi»⁵, что открывало дорогу в аристократическое сословие или даже в сенат; на повышение могли претендовать, например, декурионы или богатые магнаты и торговцы – представители крупных провинциальных корпораций, молодые юристы, начинающие карьеру в политике.

Яркий примером такого «среднего класса» является Севериан – сын Авксентия и внук Каллиника из знатного дамасского рода (Dam. Fr. 218). Он изучал риторику, поэзию и римское право в Александрии (Dam. Fr. 278), Авксентий хотел, чтобы он стал адвокатом, но сам Севериан хотел изучать философию в главном центре неоплатонизма – философской школе в Афинах под руководством Прокла (Dam. Fr. 278). Отец был против, поэтому Севериан отправился в Афины только после его смерти.

Но философии Севериан предпочел карьеру чиновника – он занялся общественной жизнью и получил должность правителя диоцеза Восток, следовательно он относился к числу аристократии, не ниже, чем к сословию «clarissimi». В дальнейшем он был назначен императором Зеноном на должность «praefectus praetorio»⁶, в широкий круг полномочий которого

¹ Cascio Lo, Elio. The age of the Severans // The Cambridge ancient history. Vol. XII. The crisis of empire, A.D. 193–337. London: Cambridge University Press, 2005. P. 135.

² Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV – первая половина VII века. С. 75.

³ Гийан Р. Исследования по административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.). С. 36.

⁴ Vury J.B. History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. London, 1889. P. 39.

⁵ Чекалова А.А. Указ. соч. С. 102.

⁶ Гийан Р. Исследования по административной истории ранневизантийской империи. С. 45.

входили дела, касающиеся всех сфер от административной до законодательной.

Перед «*praefectus praetorio*» (Zos., II, 33) за действия в диоцезах отчитывался «*vicarius*» (викарий), префект назначал викариев в диоцезы и снимал их с должностей, он также занимался ротацией кадров на уровне губернаторов провинций и по его ходатайству происходило назначение императором магистратов на эти должности.

Он был убежденным язычником (Dam. Fr. 303) и поэтому отказался от всех должностей (Dam. Fr. 305) – это говорит об изменениях как в сенаторском сословии, так и в принципе во всей имперской системе управления, столкнувшейся с процессом христианизации и переустройства.

Также можно сказать и о Феагене, который был таким же главой римской провинции или губернатором. Есть версия, что Феаген занимал обе должности, так как относился к сенаторскому сословию «*clarissimi*» (Dam. Fr. 261), но однозначно известен факт того, что этот высокопоставленный человек оказывал серьезную финансовую и политическую поддержку Платоновской школе и языческой оппозиционной знати, которая выстроилась вокруг этого оплота (Dam. Fr. 258).

Афинский «*nobilitas*» до последнего старался оттянуть момент превращения государства в христианскую модель «*Pax Christiana*» – об этом нам говорят и действия знатного афинянина Феагена, и Севериана, который также будучи учеником школы и убежденным язычником, пытался провести ряд мероприятий по возвращению бывшего статуса языческой традиционной модели государства. Об этом нам говорит Дамаский, упоминая заговор против императора Зенона со стороны Севериана (Dam. Fr. 303), на высоком административном уровне.

Таким образом, мы видим, что в исследуемом нами «Афинском феномене» население выступало за сохранение традиций языческого вероисповедания, как и аристократическая часть города, поэтому императоры наносили точечные удары по слабым местам, поначалу разбавляя «*nobilitas*» и перекрывая доступ к главному достоянию родины демократии – образованию¹.

TRANSFORMATION OF THE SENATE AND THE SYSTEM OF SENATORIAL POSTS DURING THE PERIOD OF CHRISTIANIZATION IN ATHENS

B.S. Arislanov (Belgorod)

The article analyzes the changes in the system of senatorial aristocracy and administrative management in Athens during the process of Christianization by the example of the personalities of aristocrats from among the natives of Athens and students of the Neoplatonic philosophical school.

Keywords: Athens, Senate, aristocracy, "municipium", "nobilitas", philosophical school.

¹ *Millar F.P.* Rome, the Greek World, and the East: Vol. 2: Government, Society, and Culture in the Roman Empire. The North Carolina: The University of North Carolina Press, 2002. С. 420.

СВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЮСТИНИАНА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

А.Н. Черномурова (Белгород)

В статье рассматривается строительство светских построек при Юстиниане I. Показаны особенности построек, степень возвышения императора и самой столицы через строительство в Константинополе. Показана эстетическая составляющая светских построек города.

Ключевые слова: Юстиниан, строительство, Константинополь, светские постройки, дворец, баня.

Великий город Константинополь хранит в себе глубокую историю становления и развития. Будучи крупнейшим и самым богатым городом Европы в IV-XIII веках и центром культуры и образования Средиземноморского бассейна, Константинополь постоянно привлекал внимание историков. Одним из наиболее важных периодов развития «Второго Рима» можно считать время правления Юстиниана I, который внёс огромный вклад как в христианское, так и в светское строительство, о последнем из которых пойдёт речь в данной статье.

О строительстве во время правления Юстиниана подробно написано в труде Прокопия Кесарийского «О постройках». Прокопий упоминает многие части города, которые погибли в пожаре, но были заново выстроены и приобрели более красивый вид при Юстиниане (Procop. Caes. De aedif. X, 2).

Так, во второй главе своей первой книги, автор описывает площадь Августеон, находящуюся у здания Сената. На площади располагается настил, на котором «поднимается колонна невероятной величины; она не является монолитной, но по окружности составлена из громадных камней... чудесная бронза, вылитая в виде картин и венков, везде окружает эти камни» (Procop. Caes. De aedif. II, 3). На колонне располагается огромный бронзовый конь с фигурой императора, которая «одета в «одеяние Ахилла» (Procop. Caes. De aedif. II, 7). На голове надет шлем, который блестит как молния, а в руке шар, показывающий власть над всем миром. Данная статуя, несомненно, возведена с целью прославления Юстиниана, подчёркивания его могущество.

На восточной стороне площади находилось здание сената, о котором автор отзывался как о творении «императора Юстиниана, по своей роскоши и всякого рода украшениям превосходящее всякий дар рассказа» (Procop. Caes. De aedif. X, 6). На данной площади, по упоминаниям автора, сходится сенат и празднует новый год.

Касаясь галерей, стоит отметить также здание сената, перед которым стоит шесть колонн, образующих галерею. Опять прослеживается богатое убранство: «все верхние части этой галереи украшены блестящим мрамором в виде колонн; стоящие наверху в большом количестве статуи и изображения придают чудесную расцветку этой галерее» (Procop. Caes. De aedif. X, 9).

Ещё одна важная для внимания светская постройка, о которой упоминает Прокопий Кесарийский – императорский дворец, который в

прежнее время назывался дворцом Гормизды (Procop. Caes. De aedif. IV, 1). «Этот свой личный дом он сделал благодаря великолепию постройки таким, что он казался и действительно был достоин считаться царскими палатами», а будучи императором, Юстиниан соединяет дворец с другими дворцовыми постройками (Procop. Caes. De aedif. IV, 2).

Говоря о дворцовом строительстве в городе, стоит отметить то, что большой дворец состоял из множества различных ансамблей. Основой комплекса был дворец Дафна, который, хотя и был построен при Константине Великом, но укрепился именно при Юстиниане¹.

Большой дворец состоял из нескольких частей, одной из которых была Халка². Величие дворца, как отмечает Прокопий, подчёркивает именно вход, т.е. Халка (Procop. Caes. De aedif. X, 11). Она состояла из множества комнат и начиналась с притвора, покрытого бронзовой черепицей. Напротив находилось здание формы квадрата с куполом, которое полностью было украшено мозаичными композициями, имевшими, в частности, тематику военных походов императора Юстиниана. Также было представлено изображение императора и его супруги Феодоры³. Как упоминает Прокопий, «в выражении лица их обоих видна радость, они справляют праздник победы над царем вандалов и царем готов, которые приведены к ним и стоят перед ними как военнопленные» (Procop. Caes. De aedif. X, 17).

В Священный дворец входил непосредственно дворец императора. Над тронном выселись 15 колонн. В центре располагался бассейн с серебряными краями. Снаружи дворец был выстроен кирпичом в сочетании со светлым мрамором⁴.

Большая роль отводилась баням в Константинополе, которые располагались во всех 14 районах города. Прокопий пишет, что «если плыть из Пропонтиды к восточной части города, то по левую руку будут общественные бани» (Procop. Caes. De aedif. XI, 1). Особая роль уделяется баням Аркадия, которые служили для украшения города. Император выстроил крытую залу, служившую пристанью для переплывающих⁵. Пол залы был украшен колоннами и чудесным мрамором. Цвет мрамора был исключительно белый и при восходе солнца освещался лучами на фоне моря (Procop. Caes. De aedif. XI, 2-6).

Но все попытки Юстиниана построить и восстановить бани и статуи не были увенчаны большим успехом, так как произошедшее еще в 532 г. восстание «Ника!» привело к серьезным разрушениям города и построек.

Важным является не только строительство при Юстиниане, но и то, как он справлялся с проблемой нехватки воды. Столица страдала без воды в летнюю пору, поэтому император приказал углубить один из залов, чтобы тот

¹ Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М., 2005. С. 156.

² Ионина Н. Стамбул. История. Легенды. Предания. М., 2007. С. 225.

³ Лихачева В.Д. Искусство Византии IV-XV веков. Л., 1981. С. 45.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. М., 2009.

мог принимать воду. Появлялся запас, который необходим был византийцам (Procop. Caes. De aedif. XI, 10-17).

Касаясь вопроса распределения воды в городе, стоит отметить Цистерну Базилика, которая сохранилась в Константинополе по настоящее время. Цистерна располагалась напротив Собора Святой Софии. Потолок цистерны поддерживали 336 колонн, большинство из которых было взято из античных храмов¹.

В конце своей первой книги Прокопий восхваляет императора, упоминая, что Юстиниан и императрица Феодора избавили многих бедняков и прибывших в столицу от безысходного положения. Было выстроено множество домов, ставших удобным пристанищем (Procop. Caes. De aedif. XI, 27).

Делая вывод, стоит отметить, что роль Юстиниана в светском строительстве к Константинополе огромна. Именно Юстиниан смог не только через пышность и обилие роскоши доказать своё величие, но и путём восстановления города, устранения бедноты и отсутствия крова показать свою причастность к укреплению могущественной столицы.

SECULAR BUILDINGS OF JUSTINIAN IN CONSTANTINOPLE

A.N. Chernomurova (Belgorod)

The article discusses the construction of secular buildings under Justinian I. The features of the buildings, the degree of elevation of the emperor and the capital itself through construction in Constantinople are shown.

Keywords: Justinian, construction, Constantinople, secular buildings, palace, bath.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРТОДОКСАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ И ГОТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.И. Колесников (Белгород)

Данная статья посвящена вопросу о характере отношений между католической (ортодоксальной) церковью Восточной Римской империи и готов-язычников и готов-ариан, проживавших на её территории с начала заселения готами Фракии до неудачного мятежа Гайны.

Ключевые слова: Византия, готы, арианство.

Несмотря на формальное осуждение арианства в 325 г., в восточной части Римской империи оно было распространено ещё долгое время. Именно наличие там множества последователей арианства и священников-ариан стало одной из причин того, что племена готов будут христианизированы, в большинстве своем, именно через арианство.

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи, VI-IX вв. М.: Мысль, 1996. С. 827.

В будущем, с 380 г., началось ужесточение религиозной политики Феодосием I, нацеленное на христианизацию империи в форме, принятой на Никейском соборе. Однако невмешательство Феодосия во внутренние дела варваров (особенно в религиозные дела) создало благоприятные условия для прозелитической работы среди них как епископа Ульфила, так и других, верных арианству священников, таких как Демофил и бывший епископ Александрии Лукия (Philostog. Hist. eccl. I. IX, 19; Socrat. V, 7; Sozom. VII, 5).

Антиарианская деятельность правительства спровоцировала выступления ариан, в том числе и готов. Отмечаются многочисленные беспорядки и мятежи (Socrat. Hist. eccl. V, 10; Sozom. Hist. eccl. VII, 12). По этому случаю Феодосий принял решение провести собор, результат которого, вместо ожидаемых уступок арианам, окончился ничем.

Тем не менее, ариане не теряли надежд укрепить позиции в Константинополе. Ободрившись принятым в Риме эдиктом от 386 г. о свободе вероисповедания, готы-ариане решили добиться того же и на Востоке.

Собравшись в Константинополе, они решили в 388 г. просить проведения нового собора. Однако обещание правителя провести собор было отменено. Подозрения о причине этого решения были обращены на кафолических священников. Слухи о разгроме императора Феодосия подтолкнули часть готов-ариан на более радикальные действия, в надежде вернуть утраченные права. Так, был сожжен дом архиепископа Нектария (Socrat. Hist. eccl. I. V, 13; Sozom. Hist. eccl. I. VII, 14). В ответ на это, император издал закон (Cod. Theod. lib. XVI, tit. V, de Haeret. I. 15 Trifolie pl. p. Dat. XVIII. Kalend. Jul. Stobis, Theodos A u et Gynegio coss.), который ещё более поражал в правах ариан. Теперь даже обсуждение арианства было под запретом, не говоря о проведении богослужений.

Примерно в это же время, по-видимому по причине крайнего расстройства от провала переговоров с императором, заболевает и умирает Ульфила. На его похороны собирается огромное количество готов, в том числе и специально прибывшие из Фракии.

Спустя время после этого, среди готов произошел догматический раскол, который привел к тому, что часть священников-ариан «примирилась» с ортодоксами, приняв официальное вероисповедание. Не примкнувших же стали называть «псафириане», или «готфьяне» (Socrat., I. V, 23). Ещё часть готов (ариан) позже покинула Восточную Римскую империю, во главе с Аларихом.

Но гораздо большее влияние в деле воздействия на готов с целью принятия ими кафолической формы христианства оказал архиепископ (398-404) Иоанн Златоуст. Известно, что он дал разрешение в одном из храмов Константинополя проводить служение на готском языке, готскими же священниками. Сам он также часто появлялся там (Theodoret., Hist. Eccl. V, 30), и произносил речи. Кроме того, он отправлял в Готию своих епископов.

Кроме того, известно о проведении литургий готами и в храме Ап. Павла, который тогда был одним из лучших в столице. На проповедь готских священников приходили даже греки: «...видите, что те, которые считались

варварами по преимуществу, стоят вместе с овцами церкви; таким образом одно пастбище, один двор, одна трапеза предлагается всем...»¹. Тем самым, арианские и даже многие язычники-готы приняли католическое христианство (Theodoret., HE V, 30).

Гипотетическая наиболее значимая попытка готов-ариан вернуть былые права, привилегии и влияние обнаруживается во время мятежа гота Гайны. Тем не менее, можно говорить, что мягкая политика Иоанна Златоуста привела если не к присоединению всех готов-ариан к католическому христианству, то к значительному уменьшению радикализации борьбы. Так, после требований Гайны к императору Аркадию о выдаче ему ряда лиц, в переговоры вмешался Иоанн. Если верить источникам (Theodoret., HE. V, 33), лидер восставших готов очень почтительно приветствовал архиепископа, и после просьб последнего не казнил выданных императором лиц.

Однако после этого, если верить сведениям Созомена, «подстрекаемый арианскими епископами» (Sozomen., HE VIII, 4), Гайна решил сделать арианство главным вероисповеданием на территории Восточной империи, в том числе, среди местного населения. Впрочем, доказательств таких намерений не имеется. Выдвинем предположение, что Гайна желал восстановить в правах свободное исповедание арианства, не запрещая при этом католическое христианство (о чем свидетельствует почтительное отношение к Иоанну Златоусту).

По требованию Гайны, Аркадий должен был выделить одну из церквей в Константинополе для проведения богослужений арианского образца. Этому крайне сильно противодействовал Иоанн Златоуст: «не допущу... чтобы исповедающие и прославляющие Бога – Слова были выведены из божественного храма и сдали его хулителям Христа. Да и ты, Государь, не бойся этого варвара, но призови нас обоих, и я постараюсь сломить заносчивость противника и заставить его не делать домогательства относительно того, что во всяком случае отдавать невозможно» (Theodoret., HE V, 32).

Тем не менее, несмотря на приведенную в источниках историю о том, что Иоанн заставил Гайну «замолчать» (Sozomen., HE VIII, 4; Theodoret., HE V, 32), один из храмов всё-таки был передан арианам. После восстания горожан в Константинополе, множество готов (указывается цифра в 7000, что крайне неправдоподобно) укрылись в той самой церкви, считая, что там их не тронут. Однако, храм был подожжен, а все скрывавшиеся там готы были перебиты (Zosim., V, 19).

Бежавший во Фракию (то есть, к готам) Гайна на месте не смог заручиться поддержкой «малых готов», что может говорить либо о том, что фракийские готы либо к тому моменту уже приняли католическое христианство, либо не желали выступать против власти императора (при котором арианство все еще было под запретом). После поражения мятежа

¹ Chrysostomi opera. Tom. XII, homil. VIII. P. 371–381.

Гайны готы-ариане не имели столь значимого влияния на политику Восточной Римской империи.

Фракийских готов ожидала постепенная ассимиляция, в том числе через католическую церковь. Не пожелавшие такой участи ариане и язычники устремились за Истр, и, либо во главе с Атаульфом, присоединялись к Алариху на Западе, либо, позднее, к Теодериху, либо уходили на север.

В VI веке «малые готы», как сообщает Иордан, жили ещё возле Никополя и были многочисленным народом, который, тем не менее, очень немного оставил от прежних традиций. Окончательное же их исчезновение принято связывать с начавшимися нападениями на империю славян, аварских и болгарских племен.

В заключение отметим, что неизвестно, какое количество готов на самом деле восприняли христианство. Большинство из них, до того, как были ассимилированы другими народами, скорее всего совмещали в своем мировоззрении и свои собственные религиозные традиции, и христианство. Оставшиеся в Византии готы были вскоре ассимилированы, т.е. в том числе и обращены в католическое христианство, а другие, ушедшие на Запад, ещё некоторое время оставались арианами и язычниками.

INTERACTION BETWEEN THE ORTHODOX CHURCH AND THE GOTHS IN THE BYZANTINE EMPIRE

A.I. Kolesnikov (Belgorod)

This article deals with the nature of the relationship between the catholic (orthodox) Church of the Eastern Roman Empire and the Gothic and Goth-Arian pagans who lived on its territory. From the beginning of the settlement of Thrace by the Goths to the unsuccessful Gainas rebellion.

Key words: Byzantium, Goths, Arianism.

МЕДИЕВАЛИЗАЦИЯ МОНОФИЗИТСКОЙ ЦЕРКВИ АЛЕКСАНДРИИ

В.А. Лихошерстов (Белгород)

В статье рассматривается медиэвализация монофизитской общины в Ранней Византии. Суть ее заключается в переходе патриархов и епископов с городской основы их церковной организации на основу монастырскую.

Ключевые слова: Александрия, монофизиты, поздняя античность, Ранняя Византия.

Стоит сказать, что христианская церковь в Римской империи имела некую социальную опору, которую можно проследить как на уровне государственного, так и местного устройства.

Собственно говоря, своё отражение это нашло в участии епископов и патриархов в муниципальной жизни городов. Для большинства провинций государства устоялась функция коенов и представительства там епископов, которые избирались как полисные архиереи, т.е. главы городской

общины, консенсусом курии и клира¹. Это отражало сущность полисного управления.

Каждый регион ранневизантийского мира имел свою особую социальную структуру, обособленную географическими, климатическими и другими факторами. В Египте же сформировалась несколько другая специфика. Там отсутствовали койноны как таковые, а выборы происходили по другой системе. Соответственно, по меркам регионального центра, т.е. Александрии, представителем церкви в муниципальном управлении являлся патриарх.

Патриархи в Александрии избирались на процессии членами городского клира, представителями императорской власти (крупными городскими чиновниками, которых возглавлял префект) и, возможно, некоторыми членами городской общины, к примеру, людьми, входившими в булэ², или же куриалами, существование которых в Александрии допускают возможным³ и остальным демосом⁴. Данный вопрос является спорным, т.к. источники конкретно ничего об этой процедуре не сообщают, но у нас есть сведения, когда «выборщики» поддерживали разных кандидатов. К примеру, такие события имели место в начале патриаршества Кирилла⁵ (Soc., Н.Е. VII.7) и Протерия (Evag., Н.Е. II. 8).

Про выборы рядовых епископов можно лишь сказать, что кандидаты выбирались непосредственно из клира, а затем рукополагались лично патриархом⁶ – это ещё один уникальный прецедент, характерный лишь для данного региона. А сами епископы играли основополагающую роль в жизни позднеантичного общества⁷.

Тем не менее, мы констатируем чёткую городскую привязку функционирования церковного устройства, которое, в свою очередь, отталкивается от устройства провинциального.

Данная ситуация начинает меняться в VI в. после прихода к власти императора Юстиниана, который начинает выстраивать политику в отношении монофизитов по новому принципу.

Патриарх Феодосий в 536 г. был отправлен в ссылку⁸, а затем доставлен в Константинополь, где проживал под покровительством Феодоры и дистанционно управлял подчинёнными ему территориями (Hist. Patriarch. 2.13). Одним из методов влияния на религиозную сферу жизни государства

¹ *Haensch R.* Die Rolle der Bischöfe im 4. Jahrhundert: Neue Anforderungen und neue Antworten // *Chiron*. № 37, 2007. P. 153-182.

² *Серова М.Ю.* К вопросу о полисном устройстве Александрии Египетской // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. №2. 2005. С. 44-49.

³ *Фихман И.Ф.* Оксиринхские куриалы // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*, 1972. С. 130-133.

⁴ *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. 3. СПб., 1913. С. 186.

⁵ *Лященко Т.* Св. Кирилл, архиепископ Александрийский Его жизнь и деятельность. Киев, 1913. С. 114.

⁶ *Болотов В.В.* Ук. соч. С. 237.

⁷ *Vagnal R.* Egypt in the Byzantine world, 300-700. Cambridge, 2007. P. 334.

⁸ *Геростергиос А.* Юстиниан Великий – император и святой. М., 2010. С. 159.

Юстиниан использовал выстраивание системы личной верности ему ведущих деятелей монофизитства.

В отношении поиска компромисса между враждующими сторонами политика Юстиниана была прорывной, если сравнивать с его предшественниками, однако его преемники не смогли закончить её окончательно. Следствием этого стал провал Собора 565 г. Этому соответствуют дальнейшие гонения против монофизитов¹.

Тем временем халкидониты сильно укрепились в Александрии, именно тогда патриархи начинают избираться лояльными императору халкидонитами и отправляться в Египет (Ps. Zachar. Chron. 10.1). Это позволило в течение 10 лет после 567 г., т.е. смерти Феодосия, не позволять монофизитам произвести назначение его преемника.

Именно общий кризис государственного управления в постюстиниановскую эпоху² и чёткий водораздел между мелькитами и монофизитами и позволил осуществить социальную трансформацию. Она заключалась в появлении фактически новой обособленной или же альтернативной церковной структуры, которая включала в себя неортодоксальное население и была построена по другому принципу.

Такие инциденты происходили в различное время в Ранней Византии. Можно, к примеру, вспомнить донатистов, новациан, мелитиан. В перечисленных случаях всё сводилось к возникновению новой иерархии. Сейчас же произошло институциональное переосмысление существования монофизитов в Египте. Этот принцип заключался в отказе от городской привязки и перестройке всей церковной организации с опорой на монастыри.

Преемником патриарха Феодосия назначают Петра IV в 576 г. Он был рукоположен в одном из монастырей Энатоне (Hist. Patriarch. 2.14), который являлся одним из центров монашества как такового³. Также он переносит туда патриаршую резиденцию. Именно там был похоронен Севир Антиохийский⁴, поэтому данное место можно считать весьма значимым для монофизитов-севирианцев.

Именно там новый патриарх проводит назначение 70 новых епископов (Ioan. Ephes., Н.Е. IV.12) для фактической замены халкидонцев по всем епархиям в Египте. Однако из-за отсутствия каких-либо упоминаний в источниках остаётся непонятным, как происходило совместное существование альтернативных иерархий. Мы можем предположить, что по разным причинам, особенно из-за трудностей, созданных государственными властями, некоторые из них были вынуждены оставаться в монастырях. Теперь именно монастыри играют главную роль в поддержке этих новых епископов.

¹ *Грацианский М.В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., 2016. С. 240-243.

² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. С. 128.

³ *Wipszycka E.* Le monachisme Égyptien et les villes. Paris, 1994. P. 16.

⁴ *Gabra G., Tekla H.N.* Christianity and Monasticism in Northern Egypt: Beni Suef, Giza, Cairo, and Nile delta. Cairo, 2017. P. 41.

Данная трансформация являлась закономерной, ведь монастыри с начала IV в. являлись самостоятельными организациями¹ и важными социально-экономическими центрами². Многие клирики, в том числе и кандидаты на высшие руководящие должности, являлись выходцами из монастырей. Также именно в монастырях формировались различные заговоры с целью свержения неугодных патриархов, и монахи являлись своеобразной «грубой» силой в различных спорах.

Монашество не являлось частью официальной церковной иерархии в Египте³, а было интегрировано в епархиальную систему⁴. Это, собственно, и обусловило лёгкость подобных изменений по основам церковного руководства.

Однако, необходимо отметить, что были и другие причины отказа от городской привязки. Важно отметить, что монашество являлось неоднородным феноменом. Среди монахов больше было распространено именно монофизитство⁵, притягательная сила которого выражалась не в богословском образовании, а в аскезе – это мы можем заключить из анализа некоторых агиографических сочинений⁶. Сама монашеская традиция зарождается в пустынях Египта и связана с именами Пахомия Великого и Антония Великого⁷. Также здесь аскетические практики достигли наивысшего расцвета в Поздней античности⁸.

Изменения в социальной трансформации чётко заметны уже в начале VII в. В специальной статье по анализу данных епископских папирусов, найденных в Египте, исследователи выделяют несколько исторических сюжетов, хоть и делают упор на лингвистический анализ. Эти деятели апеллируют к церковным персоналиям IV в. – Афанасию, Антонию, прославляют местных святых и отрицают факт существования Халкидонского Собора⁹.

Можно предположить, что изменились и выдвигаемые требования к кандидатам на эти церковные должности. Теперь это исключительно выходцы из монастырей.

Таким образом, отступление от полисной, муниципальной структуры и организация фактически новой церковной иерархии, и её социальная трансформация, т.е. её переориентирование на монастыри, стало итогом

¹ *Войтенко А.А.* Этнический и социальный состав египетского монашества по данным «Лавсаика» // *Византийский временник.* №64(90). 2006. С. 23-33.

² *Wipszycka E.* Resources and economic activities of Egyptian monastic communities. Warszawa, 2011. P. 163.

³ *Bagnal R.S.* Op. cit. P. 341.

⁴ *Чутти Д.* Град пустыня. СПб., 2007. С. 191.

⁵ *Wipszycka E.* Le monachisme... P. 23.

⁶ *Винкельман В.В.* Некоторые замечания к оценке роли монофизитства в послеекуменическую эпоху // *Византийский временник.* №39(64). 2006. С. 86-92.

⁷ *Толмачёва Е.Г.* Копты: Египет без фараонов. М., 2003. С. 67.

⁸ *Brown P.* Society and the holy in Late antiquity. Los Angeles, 1982. P. 109.

⁹ *Booth P.* A circle of Egyptian bishops at the end of Roman rule // *Le Muséon.* №131, 1-2. Louvain, 2018. P. 21-72.

разногласий, которые были вызваны решениями Халкидонского Собора. Также это является прекрасным примером медиевализации позднеантичного общества.

THE INITIAL STAGE OF THE DEVELOPMENT OF THE ANTI-CHALCEDONISM MOVEMENT IN ALEXANDRIA

V.A. Likhosherstov (Belgorod)

The article examines the transformation of the Monophysite community in Early Byzantium. The essence of which is the transition of patriarchs and bishops from the urban basis of their church organization to the monastic basis.

Key words: Alexandria, Monophysites, Late Antiquity, Early Byzantium.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ МОДЕЛИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ V В.

О.С. Зайковская (Белгород)

В статье рассматриваются особенности организации византийской армии применительно к V в. Уделяется внимание позднеантичной модели, вопросам римского наследия в военной организации. Сделана попытка охарактеризовать византийскую военную организацию в V в.

Ключевые слова: военное дело, Ранняя Византия, позднеантичная модель, римское влияние.

Восточная Римская империя прошла долгий путь становления в качестве самостоятельного государственного образования. Бесспорно, что изначально Византия была прямым продолжением Римской империи, поскольку в ней были заложены необходимые основы: схожее государственное устройство, военное искусство, культура.

Однако со временем Византийская империя вырастает из рамок Поздней античности, римского наследия, лежащего в ее основе, и становится самостоятельным самобытным государством.

Процессы трансформации применимы и для военного искусства. В данной статье нам представляется важным проследить общие процессы в военном деле Византийской империи применительно к V в., а также характерные черты, присущие восточно-римской армии в рамках позднеантичной модели. Каково было римское наследие? Какие позднеантичные черты выделяют исследователи? Если ли особенности, которые еще не отмечены? Ответы на эти вопросы нам представляется необходимым проследить в данной работе.

Так, уже с начала V века мы можем говорить о Византии как о молодом и достаточно перспективном государстве: «после Адрианополя начинается

автономное развитие западноримской и восточноримской военных систем»¹. Подчеркнем, что и первая, и вторая функционировали на базе позднеантичной модели, основа которой была выработана в результате реформ Диоклетиана и Константина I. Собственно, данная модель и была проверена на прочность Византийской империей.

Еще один важный вопрос касается причин быстрого преодоления восточной частью Римской империи адрианопольского кризиса. Исследователи не дают однозначного ответа, однако здесь мы можем согласиться с мнением А.В. Банникова и утверждать, что «выгодный историко-стратегический контекст и политико-дипломатический выбор»², а также более устойчивая ситуация с экономикой безусловно стали необходимыми условиями для выживания и жизнеспособности Восточной Римской империи. В принципе, мы можем отметить, что данные условия стали ключевыми не только после битвы при Адрианополе, но и в последующие столетия, помогая Византийской империи оставаться жизнеспособным государственным образованием.

Прежде, чем приступить к характеристике позднеантичной модели византийской армии, нам представляется важным пояснить вопрос касательно этапов трансформации военной организации Византийской империи. Процесс трансформации византийской модели по своей протяженности занял несколько столетий, фактически с конца IV – V вв. вплоть до конца VI – начала VII вв.

Первый этап – конец IV – V вв. – представляет собой византийскую армию, которая функционирует на основе позднеантичной модели, которая, в свою очередь, опирается на реформы Диоклетиана и Константина I.

Второй этап изменений структуры армии пришелся на VI в., в особенности на время правления императора Юстиниана I Великого (527-565).

Третий и, по нашему мнению, завершающий этап трансформации византийской армии приходится на 2-ю половину VI – начало VII в.

Итак, к началу V в. Восточная Римская империя хронологически стояла на начальном этапе трансформации своей военной организации, оставляя основой позднеантичную модель.

Эта модель военной организации имела несколько характерных черт:

1) **Многоуровневая система комплектования**³

В работе по византийской армии А.В. Банникова и М.А. Морозова упоминается о системе снабжения армии, введенной императором Диоклетианом⁴. Сущность системы состояла в обеспечении армии оружием и обмундированием через государственные мастерские, расположенные преимущественно в провинциях с дислокацией большого количества войск. Вместе с тем, ежегодные поставки лошадей на нужды армии были возложены

¹ Банников А.В. Римская армия от Адрианополя до «Стратегикона». СПб.: Евразия, 2019. С. 7.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

⁴ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013. С. 31.

на налогоплательщиков (СTh, XI, 17, 3). Данный элемент позднеантичной системы организации армии сохраняется и в V в. А.В. Банников также в одной из своих работ по римской армии называет централизованную систему снабжения армии одной из характерных черт позднеримской военной организации.

2) Разделение военной и гражданской властей

Данная черта являлась, пожалуй, одной из главных характеристик позднеримской военной системы. Начало этого процесса можно усмотреть в политике императора Диоклетиана, завершение – при Константине Великом (306-337 гг.). Наместники утрачивают военные полномочия, дуксы применительно к реформам Диоклетиана являются главными военными начальниками в провинциях. Таким образом, к V веку и на протяжении всего столетия этот элемент сохраняется.

3) Образование лимесов¹

Данный элемент сформировался задолго до III столетия, и изначально означал часть логистической цепи, дорогу во вражеской стране, снабженную укреплениями (Тас. Ann., I, 50). Их появление связано с усилением набегов варваров. Однако именно в III в. лимесы приобретают значение, закрепившее их как характерную черту позднеантичной военной системы, которая стала присуща восточно-римской модели военной организации. С III в. назначение лимесов заключалось в усилении областей, находящихся в опасной близости от набегов. Лимесы стали «военной инфраструктурой пограничной провинции»². Этот элемент функционирует на протяжении первого этапа трансформации восточно-римской армии, причем его практическое значение оставалось высоким, поскольку набеги варваров в V в. продолжались.

4) Система комплектования армии личным составом

Данная черта позднеантичной модели также имеет тесную связь с преобразованиями Диоклетиана, а именно с введением военной повинности конскрипции³, возложенной в основном на земледельцев среднего класса⁴. Выполняющие эту повинность назывались капитуляриями (capitularii), а количество новобранцев определялось размером земельного надела (СTh., VII, 13, 7, I). Касательно условий набора следует отметить несколько лакун. Во-первых, неизвестно, почему он проводился именно на определенных территориях. Некоторые исследователи предполагают, что это было связано с размещением в данных провинциях воинских частей или с качеством набираемой молодежи⁵. Во-вторых, неизвестна регулярность набора, возможно, раз в 4-5 лет⁶. Также здесь следует упомянуть одну из реформ Константина, а именно введение принципа наследственной воинской службы,

¹ Там же.

² Cosme P. L'arme' e romaine VIII s. av. J.-C. — V s. a P. J.-C. Paris, 2007. P. 240-241.

³ Джонс А. Х. Гибель античного мира. Ростов н/Д., 1997. С. 307.

⁴ Банников А.В., Морозов М.А. Указ. соч. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Cosme P. Op. cit. P. 229.

по которой сыновья ветеранов подлежали призыву к службе (CTh., VII, 1, 11) зачастую в те соединения, где служили их отцы (CTh., VII, 1, 11).

5) Иммиграция варваров

Данную черту позднеимперской военной системы выделяют в своей работе А.В. Банников и М.А. Морозов¹. Под иммиграцией варваров понимается, в данном случае, практика добровольного и принудительного привлечения варварского контингента для обеспечения армии нужным количеством рекрутов. Дело в том, что еще с середины IV в. возникает нехватка необходимых пополнений. Эта проблема решается вполне закономерным образом – государство делает ставку на привлечение варварских контингентов (Socr., Hist. Eccl. IV 34; Soz., Hist. Eccl. VI 37). Изначально они привлекались во вспомогательные подразделения и конницу, позднее возрастает тенденция привлечения в число легионеров и гвардейцев. По данным Ф. И. Успенского, в годы правления Валента II (364-378 гг.) «число варваров, принятых на римскую службу, должно быть не менее миллиона, если верить Евнапию, что вооруженных было до 200 000»². По мнению Е.В. Гущина, кардинальные изменения восточно-римской армии, а именно тот факт, что «варварские племена стали неотъемлемой частью воинских подразделений»³, тесным образом связаны с фигурой императора Феодосия I (378-395 гг.). Такая же точка зрения была высказана и Г.А. Острогорским, заметившим, что «германизация армии» достигла своего пика именно при Феодосии, причем имело место увеличение государственных расходов⁴. Вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на многоуровневую систему набора рекрутов, нехватка необходимых пополнений именно с сер. IV в. ощущается весьма остро⁵. То есть меры, касающиеся привлечения варварского контингента, были недостаточными. Правительство, как указывают источники, продолжало делать ставку именно на привлечение варваров (Socr., Hist. Eccl. IV, 34; Soz., Hist. Eccl. VI, 37; ср. Amm. Marc. R. Gest., XXXI, 4, 4).

По нашему мнению, процесс иммиграции варваров, а также привлечение их к службе в армии стали мощным процессом, оказавшим непосредственное влияние не только на западно-римскую армию, но и на восточно-римскую военную организацию. Поэтому, думается, одним из ключевых признаков среди перечисленных выше мы считаем именно привлечение варварского контингента. Именно с этим признаком тесным образом связан процесс варваризации восточно-римской армии.

После окончательного разделения в 395 г. Римской империи на Западную и Восточную численность войск последней не была значительной⁶.

¹ Банников А.В., Морозов М.А. Указ. соч. С. 32.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. I. М., 2005. С. 154.

³ Гущин Е.В. Византийская армия VI в. в контексте политики реставрации Империи: дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. С. 39.

⁴ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 94.

⁵ Банников А.В. Указ. соч. С. 16.

⁶ Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи М., 2010. С. 11.

Таким образом, византийская армия была подвержена процессу постепенной варваризации, что было закономерно в сложившихся условиях. Кроме того, начиная с V в. становится характерной тенденция снижения численности войск.

Итак, обобщенные нами черты позднеантичной военной организации в своей совокупности отражают несколько важных моментов. Во-первых, можно сказать, что облик восточно-римской армии был сформирован реформами Диоклетиана и Константина. Конечно, после 337 г. имели место преобразования армии, однако основы были заложены именно этими императорами. Второй важный момент касается того, что, по-нашему мнению, к проанализированным выше чертам можно добавить еще несколько дополнительных элементов, связанных со структурой армии:

1) Формирование *seniores* и *iuniores*

Среди исследователей есть несколько версий того, почему произошло появление данных эпитетов в названии воинской части; отдельно следует отметить мнение Д. Хоффмана¹, который связывал *seniores* и *iuniores* напрямую с разделом Империи в 364 г. Эта точка зрения была признана несостоятельной, и в настоящее время наиболее обоснованной является не пространственная версия (связанная с разделом Западной и Восточной империй), а хронологическая.

Вместе с тем, если обратиться к надписи из Аравии Петрейской² 350 г., то можно сказать, что традиция наследственной военной службы имела место и в середине IV в., причем, по мнению Е.А. Мехмадиева, «наследственная военная служба была одним из основных методов пополнения армии»³. Также К. Цукерман отмечал, что выделение новых корпусов позволяло новобранцам «сохранить статус, приобретенный их отцами»⁴.

Вместе с тем, мы полагаем, что данный момент является одной из ключевых характеристик позднеантичной военной организации.

2) Реорганизация конницы (включение в состав армии клибанариев и другие аспекты)

Важно понимать, что конец V в. был временем, когда конница играла второстепенную роль, являясь лишь поддержкой пехоты. Численность конницы также была невысока, однако, по нашему мнению, вопросы связанные с ее дифференциацией, разделением на легкую и тяжелую, в особенности, включение в состав клибанариев по персидскому образцу,

¹ Банников А.В., Морозов М.А. Указ. соч. С. 52.

² Надпись издана в каталоге: *Brünnow R.E., Domszowski A. von. Die Provincia Arabia. Bd. III. Strassburg, 1909. S. 337.*

³ Мехмадиев Е.А. Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния: дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2020. С. 350.

⁴ *Drew-Bear Th., Zuckerman C. Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12-14 septembre 2002) / Ed. Y. Le Bohec, W. Catherine. Lyon, 2004. P. 422.*

заслуживают пристального внимания. Г.А. Острогорский указывал, что значение конницы в римско-византийском войске не в последнюю очередь было обусловлено приспособлением Византии к тактике Сасанидской империи¹.

С одной стороны, это – характеристика позднеантичной военной организации, с другой – признак разложения позднеантичной военной системы, поскольку с созданием клибанариев и другими процессами, конница приобретает большее значение. Этот момент заметен более ясно в VI в., в особенности в кампаниях полководца Флавия Велизария, которого некоторые исследователи называют «отцом» византийской кавалерии².

Следует отметить, что формирование панцирной или сверхтяжелой кавалерии стало ответом на внешнюю угрозу со стороны парфян, сармат, а также персов. Самое раннее упоминание подразделений панцирных всадников, созданных по персидскому образцу, относится к 321 г., а именно к панегирику Назария (Pan. Lat., X (4), 22, 4)³.

Говоря о V в., важно отметить, что Византийская империя с военно-стратегической точки зрения находилась в несколько невыгодном положении⁴. Существовала угроза на восточных границах империи – агрессивная империя Сасанидов. Так называемый «восточный вопрос» оставался открытым на протяжении V-VI вв. При Феодосии II (408-450 гг.) было довольно успешно отбито несколько наступлений Сасанидов. Кроме того, еще одна угроза была со стороны Дуная, близлежащие территории требовали укреплений и защиты. С Аттилой было заключено перемирие, однако, в период правления Феодосия Младшего гуннами было осуществлено несколько набегов на дунайские провинции.

В принципе, здесь важно подчеркнуть, что, начиная с этого периода, можно говорить о начале процесса ориентализации византийской армии, военного искусства в целом. Византия, таким образом, испытывала влияние в двух сторон: со стороны варваров и со стороны Востока. При Феодосии, что важно, привлечение контингента варваров в византийскую армию носит уже активный характер, причем не только на военную службу, но и на гражданские должности⁵. Причем если говорить о рекрутских наборах, то в период правления Феодосия I число варваров в некоторых соединениях армии стало превышать уроженцев Империи (Zos. IV,30,1; 45,3). Поэтому римляне начинают создавать новые соединения для варваров, которые носят уже регулярный характер⁶.

Несомненным плюсом этого процесса является довольно быстрая адаптация римлянами особенностей стратегии, тактики, технических

¹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 83.

² Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. М., 2005. С. 161.

³ «...Clibanariis in exercitu nomen est».

⁴ Люттвак Э.Н. Указ соч. С. 12.

⁵ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 157.

⁶ Банников А.В. Указ. соч. С. 67.

достижений, которых добились гунны, аланы и готы (в меньшей степени)¹. Несомненный прогресс был виден и самими современниками: «...Эта часть войска, и по практике упражнений, и по роду оружия, и по высокому качеству лошадей много превосходит прежнюю...» (Veg. Epit., III, 26).

Вместе с тем, наблюдался и негативный момент – упадок дисциплины и ускорение разложения армии, что отмечалось еще в IV в. (ср. Veg. Epit. II 7). Так, в 399 г. Синезий в трактате «О царстве» высказывает негативную оценку политике Феодосия в готском вопросе (Syn. De Regno, 14).

Византийская армия постепенно теряет облик позднеантичной модели, приобретая особенности, зависящие в определенной степени от противника, с которым приходилось сражаться. Так, очевиден тот факт, что византийская армия являлась живым организмом, реагирующим на внешние угрозы.

Еще один важный процесс, характеризующий V в. – процесс начала разложения позднеантичной военной организации. Однако ее функционирование и структурная цельность в рамках Восточно-Римской армии имеют место вплоть до начала VI в.

Отметим также распространение института букелляриев, фактически личной гвардии полководца или императора. Важно, что комплектовался он преимущественно за счет готов, гуннов и существовал на время военного похода, а затем распускался². Данный процесс существовал также и в VI в., в особенности в эпоху правления Юстиниана I (527-565 гг.). Например, по одной из версий, Флавий Велизарий в начале своей карьеры был букеллярием (Proc. VP I, 12.21).

Для времени правления Маркиана (450-457 гг.), Льва I Макеллы (457-473 гг.) также характерны данные процессы. Поэтому следующей важнейшей вехой в становлении военного искусства византийской армии становится период правления Анастасия I (491-518 гг.). Продолжалась борьба с Сасанидской Персией, причем императором была заложена важнейшая тенденция, определившая облик последующих кампаний против персов – начало фортификационного строительства. Укрепление восточной границы империи становится одной из прерогатив.

Еще одна важная веха – изменение способа комплектования армии, ведь, фактически, Анастасий отходит от изжившей и уже не функционировавшей многоуровневой системы комплектования и приходит к формированию армии на наемной добровольной основе³. Это должно было решить проблему дисциплины и снизившегося уровня подготовки.

Таким образом, на пороге V века Восточно-Римская армия получила возможность развиваться самостоятельно и воспользовалась этим. Важно отметить предпосылки, которые сложились для ее трансформации. Одна из важнейших – отражение внешней угрозы, поскольку молодое византийское государство было окружено противниками. Так, варваризация стала решением

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006. С. 95.

проблемы, однако ее влияние впоследствии было и губительным в контексте дисциплины и деградации системы обучения войск. Причем показательным стало правление императора Феодосия I, при котором были заложены важнейшие тенденции: во-первых, решение «готского вопроса», усиление варваризации армии, во-вторых, строительство фортификационных сооружений (СTh. XI, 17, 4; XV, 1, 49).

Важно также понимать, что в начале пути это восточно-римская армия, в самом названии содержится преемственность с Римской империей, связь в различных аспектах. Между тем, конец VI – начало VII в., а в особенности VII век и император Ираклий – это время, к которому применим термин медиевализация, армия носит уже иной характер.

FEATURES OF THE LATE ANTIQUE MODEL OF THE BYZANTINE ARMY IN THE 5TH CENTURY A.D.

O.S. Zaykovskaya (Belgorod)

The article discusses the features of the military organization of the Byzantine army in relation to the V century. Attention is paid to the late Antique model, the issues of Roman heritage in the military organization. An attempt is made to characterize the Byzantine military organization in the V century.

Keywords: military affairs, Early Byzantium, late antique model, Roman influence.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ ВОССТАНИЯ ВИТАЛИАНА

С.Н. Мишнев (Белгород)

В статье рассматриваются события в религиозной жизни Византийской империи, предшествовавшие и сопутствовавшие восстанию Виталиана против византийского императора Анастасия I. Отмечаются дестабилизирующие для государства последствия, вызванные Халкидонским Великим собором, вводом Энотикона Зеноном, Акакианской схизмой и усилением роли патриарха Константинополя. Уделяется внимание и действиям императора Анастасия I, направленным на разрешение накопившихся проблем в религиозной ситуации Византии, борьбой против которой было идеологически обосновано восстание Виталиана.

Ключевые слова: Анастасий, Виталиан, монофизиты, Энотикон, Православие.

Период правления императора Анастасия характеризовался достаточно высокой пертурбацией в религиозной жизни Византийской империи. Великий Собор в Халкидоне 451 г., осудивший монофизитов (преобладавших в восточных провинциях империи) введение Энотикона императором Зеноном в 482 г. в попытке примирить монофизитов и диафизитов, а также разразившаяся из-за него Акакианская схизма в 484 г. создавали очень напряжённую религиозную ситуацию в государстве, с которой и столкнулся Анастасий, ставший в 491 г. императором.

Дестабилизация усугублялась также постепенным усилением влияния и авторитета константинопольского патриарха. Анастасий пришёл ко власти во

время патриаршества Евфимия, который сыграл ключевую роль в избрании Анастасия византийским императором. Евагрий Схоластик говорит следующее по этому поводу: «В то время, когда Ариадна хотела облечь его в порфиру, управлявший архиерейскою кафедрою Евфимий не прежде на это согласился, как Анастасий представил ему собственноручно написанное, страшными клятвами утвержденное удостоверение в том, что он, получив скипетр, сохранит веру в целости и не произведет никакого нововведения в святой Божией Церкви» (Evagr. Schol., HE IV. 32). В приведённом отрывке отчётливо отражено уже имеющееся высокое влияние константинопольского патриарха (от которого напрямую зависит сама возможность брака между Ариадной и Анастасием), а также использование этого влияния на религиозную направленность имперской политики.

Дальнейшее правление императора Анастасия характеризуется попыткой ослабить это влияние константинопольского патриарха, что выражается в поддержке Анастасием монофизитов. Так, например, об этом пишет Иоанн Малала: «В его царствование был низложен патриарх Константинополя Евфимий, и [император] сослал его в Евхаит в Понте как несторианина; вместо него стал патриархом Константинополя Македоний, который [впоследствии] был также низложен как несторианин» (Malal. XVI. 11). Он же пишет и о поддержке Анастасием Севира Антиохийского, одного из главных интеллектуальных деятелей от монофизитов: «Подобным образом и патриарх Антиохии Флавиан был как несторианин сослан в город, называемый Петра, который находится в Третьей Палестине. Вместо него патриархом в Антиохии Великой стал Север» (Malal. XVI. 11).

Помимо перечисленного, Анастасий также прославился и попыткой ввести трисагион в церковное богослужение, что вызвало мощную волну недовольств в Константинополе: «Когда Царь к трисвятой песни хотел прибавить: распныйся за ны, в Византии произошло величайшее возмущение, как будто бы этим прибавлением совсем отвергалась вера христианская. Вождем и главою этого возмущения был Македоний с подвластным ему клиром: так пишет Север в письме к Сотерику» (Evagr. Schol., HE IV. 44). Как уже упоминалось, Македоний по итогу был обвинен в несторианской ереси и перестал быть константинопольским патриархом.

Не менее сложной ситуация была и в северобалканских провинциях империи. Будучи территориями, которые ещё во времена мощной Римской империи подверглись колонизации латиноговорящим населением, они испытывали заметное влияние папы римского. Акакианская схизма вызывала недовольство среди жителей Иллирика и Мёзии, а заигрывания Анастасия с монофизитами лишь усугубляли это самое недовольство.

Именно в такой обстановке проходило восстание Виталиана (сына сестры сосланного константинопольского патриарха Македония) в 514 г. (по данным Феодора Чтеца – в 510 г.) (Theod. Anagn., 143. 6–10). Началось оно с прекращением выплат Виталиану и его федератам (которые представляли из себя, преимущественно, варварские народы Фракии, Мёзии и Скифии), но в дальнейшем приобрело мощные религиозные очертания. Виталиан заявлял о

себе как о человеке, отстаивающем итоги Халкидонского собора и противостоящем явно монофизитским действиям Анастасия.

Благодаря такой идеологической подоплёке и некоторому военному таланту, Виталиан собрал под своими знамёнами около 50 тыс. воинов, и с этим войском он отправился к Константинополю. Анастасий был вынужден заключить с ним перемирие, по которому «Он дал клятву вместе с сенатом, что возвратит епископов, заточенных в Ираклию Фракийскую. Но Виталиан требовал еще сверх того, чтобы в том же поклялись и все начальники военных школ, а Македоний и Флавиан, несправедливо изгнанные, получили бы обратно престолы свои, равно и все прочие епископы; наконец, чтобы созван был собор в присутствии папы Римского и всех епископов, на котором были бы разобраны общим судом все обиды, нанесенные православным. Царь, сенат, прочие начальники и весь народ присягнули и подтвердили быть по сему, после чего мир заключен, и Виталиан возвратился домой» (Theoph. Chron. 6006)¹. Очень показательно здесь требование созвать собор в присутствии папы римского, что весьма однозначно указывает на идеологический вектор, которым решил прикрыться Виталиан.

Последующие события различаются в разных источниках, но из них можно заключить, что требования по созыву собора с римским папой Гормиздом во главе Анастасий не выполнил, а самому Виталиану вновь перестал выплачивать деньги (либо же вовсе сместил его с должности *magister militum* Фракии). Это привело ко второму восстанию Виталиана в 516 г., которое на этот раз было достаточно успешно подавлено (Иоанн Малала говорит о первом применении греческого огня византийским флотом в ходе этого подавления) (Malal. XVI. 16).

Поражение Виталиана было очень хорошо воспринято монофизитами. Север Антиохийский даже написал целый гимн «О тиране Виталиане и о победе христоролюбивого императора Анастасия»: «Нет у нечестивых ни радости, ни мира, говорит Господь; воскликнем с Исайей великим среди пророков; потому что есть надежда для верующего человека. Вот! Бог – Слово воплотившееся, возлюбил и воскресил и помог уделу своему, и заблудших человекопоклонников посрамил, даровав нам ласковые дожди и влаги, и низложил и истребил непокорных тиранов, по богатству Своей великой милости; Которого и мы восхваляем, говоря в благодарении: «Господь, сокрушающий войны и прекращающий их, – Господь имя Ему»².

Таким образом, восстание Виталиана имело свой определенный контекст – значимые пертурбации в религиозной жизни Византийской империи, вызванные как деяниями церкви и императорами, предшествовавшими Анастасию I, так и его собственными. Сама эта ситуация весьма наглядно демонстрирует тот децентрализирующий процесс, который переживала Восточная Римская империя, а также действия отдельных императоров (в нашем случае Анастасия I) по их преодолению.

¹ 506 г.

² *Patrologia Orientalis*. 7:710.

В частности, сам Виталиан откровенно играл на этих трудностях, прикрывая свои деяния борьбой за возвращение ортодоксии доминирующего положения и преодоления Акакианской схизмы, желаемого большей частью латиноговорящего населения северобалканских провинций Византии. Несмотря на его поражение, уже преемник Анастасия Юстин отменит Этикон и займёт прохалкидонскую позицию, обесценив религиозную политику Анастасия на религиозном поприще восточных провинций империи.

RELIGIOUS CONTEXT OF VITALIAN'S REBELLION

S.N. Mishnev (Belgorod)

The article deals with the events in the religious life of the Byzantine Empire that preceded and accompanied the rebellion of Vitalian against the Byzantine emperor Anastasius I. The destabilizing consequences for the state caused by the Great Council of Chalcedon, the introduction of the Henotikon by Zeno, the Acacian schism and the strengthening of the role of the patriarch of Constantinople are noted. Attention is also paid to the actions of Emperor Anastasius I, aimed at resolving the accumulated problems in the religious situation of Byzantine Empire, as well as the struggle against which the rebellion of Vitalian was ideologically justified.

Key words: Anastasius, Vitalian, Monophysites, Henotikon, Orthodoxy.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

М.М. Саница (Белгород)

Тема данной работы посвящена проблеме религиозных взглядов ранневизантийского историка Прокопия Кесарийского. Содержательный анализ его произведений, несмотря на классицизирующий дискурс, указывает на то, что Прокопий Кесарийский исповедовал ортодоксальное христианское вероучение.

Ключевые слова: Прокопий Кесарийский, ранневизантийский историк, религия Прокопия Кесарийского, христианский историк, Ранняя Византия.

Вопрос о ранневизантийском историке Прокопии Кесарийском¹ и его религиозных взглядах вызывает дискуссии среди исследователей. Многие исследователи, особенно западные, склоняются считать Прокопия Кесарийского язычником. В частности, так определяет его религиозное мировоззрение американский исследователь Э. Калделлис, считающий Прокопия платоником и криптоязычником, который боролся за античные республиканские идеалы против Юстиниана².

Этот подход характерен для зарубежной историографии, где часто оппозиция христианским византийским императорам воспринималась именно как языческая оппозиция, где наряду с античными политическими традициями

¹ Procopius 2 // PLRE III. P. 1060-1066.

² Kaldellis A. The Date and Structure of Prokopios' Secret History and His Projected Work on Church History // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2009. №49. P. 585–616.

диссиденты отстаивали и идеологические¹. Это не было необычным, так как языческая оппозиция была хорошо известна в Римской империи. Но если все язычники в Поздней античности были в оппозиции к власти, то можно ли на основе этого делать вывод, что все оппозиционеры были язычниками? Особенно осторожно к этому вопросу надо подходить применительно к VI веку, когда христианизация империи в целом завершилась, а язычество было практически разгромлено, и уже добивались его остатки².

Впрочем, аргументом в пользу язычества Прокопия могло считаться то, что он писал в антикизирующем стиле. В пользу язычества Прокопия может свидетельствовать и его классическое образование, включающее платоническую философию, риторические штудии, а также другие языки (латынь, сирийский, готский, персидский, армянский)³.

Прокопий происходил из Кесарии Палестинской, обучался риторике в Газе, а также окончил юридическую школу в Берите⁴. Его карьера была связана с военной службой. Он служил кем-то вроде секретаря полководца Велизария, своего главного покровителя, которого он прославлял в своих работах⁵.

Однако данный подход односторонний и несколько тенденциозен. Другой подход дает Эверил Кэмерон, которая рассматривает творчество Прокопия Кесарийского как часть классицизирующего дискурса⁶. Он подражал античной историографии, ссылаясь на античных авторов, абстрагировался от религиозных вопросов, потому что это было в соответствии с жанровыми канонами написания светской «Истории», которая является идейной наследницей античных историй.

Что касается религиозных взглядов Прокопия, то следует рассмотреть его мировоззрение комплексно, в контексте его жизни и творчества. Многие здесь указывают на христианское мировоззрение Прокопия.

Прокопий родился около 500 г. в богатой семье, как считают, провинциальной аристократии. Его отцом мог быть правитель Палестины Прима Прокопий Эдесский, который умер до рождения сына, из-за чего Прокопию и дали такое имя, в посмертную честь своего отца. Такую идею отстаивает У. Тредголд⁷.

Само имя Прокопия является христианским. Оно могло быть дано в честь св. Прокопия Кесарийского, убитого в начале IV в. при гонениях

¹ *Chuvin P.* A Chronicle of the Last Pagans. Cambridge (Ma), 1990. 188 p.; *Blockley R.* The Development of Greek Historiography: Priscus, Malchus, Candidus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity / Ed. G. Marasco. Leiden; Boston, 2003. P. 289-317.

² *Constantelos D.J.* Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review. Oct., 1964. Vol. 50. №3. P. 372-380.

³ *Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков IV-VII вв.). М., 1974. С. 147.

⁴ *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. London; New York, 2007. P. 177-178.

⁵ *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 189-192.

⁶ *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. London; New York, 2005. P. 35.

⁷ *Treadgold W.* Op. cit. P. 176-177.

Диоклетиана¹, который являлся небесным покровителем Кесарии Палестинской. К VI в. в Кесарии был храм в честь святого Прокопия, сожженный во время восстания самаритян в 530-е годы². К началу VI в. в городе очевидно был сформирован полноценный культ, а, соответственно, такое имя могло быть популярно для мальчиков.

Также Кесария известна как один из главных центров христианства в Палестине, там же функционировала знаменитая христианская библиотека, начатая Оригеном, а продолженная епископом и христианским историком Евсевием Кесарийским³. Образование Прокопия в детстве и юности не могло пройти мимо такого крупного интеллектуального учреждения города, и это могло оказать на него влияние в плане усвоения христианских взглядов и доктрин. У. Тредголд приходит к выводу о том, что Прокопий воспитывался как ортодоксальный христианин⁴. Христианское влияние в его идеях усматривает и З.В. Удальцова⁵.

Карьера Прокопия Кесарийского развивалась поступательно, сначала он был адвокатом, потом советником и секретарем Велизария, во 2-й половине жизни он мог удостоиться должности префекта Константинополя за своё литературное творчество⁶. Но в VI в. делать карьеру на государственной службе могли только ортодоксальные христиане, в то время как еретики и язычники отрешались от государственных должностей, подвергались репрессиям, теряли имущество⁷. Соответственно, официально Прокопий был христианином, и иначе быть не могло.

Следующий момент, который может привлечь внимание, это отражение христианской идеологии в работах Прокопия. К его работам относятся 8 книг «Войн» императора Юстиниана (1-2 «Войны с персами», 3-4 «Войны с вандалами», 5-8 «Войны с готами»), они охватывают войны под руководством его покровителя Велизария в Сирии, Палестине и Месопотамии против персов, военные действия в Ливии против вандалов (и частично мавров), военную кампанию в Италии против готов (и частично франков); кроме того, им написана критическая «Тайная история», опорочивающая правление Юстиниана, и панегирический трактат «О постройках»⁸, за который он предположительно, мог получить титул префекта Константинополя.

¹ Страдание святого великомученика Прокопия // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. В 12 кн. Т. XI: Июль, День 8. Киев, 2004. С. 162-184.

² Levine L.I. Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 137.

³ Ibid. P. 124-125.

⁴ Treadgold W. Op. cit. P. 177.

⁵ Удальцова З.В. Указ. соч. С. 182.

⁶ Procopius 2 // PLRE III. P. 1060-1066.

⁷ Геростергиос А. Юстиниан Великий – император и святой. М., 2010. С. 111-112.

⁸ По: Procopius Caesariensis. [Opera omnia]. In 3 vols. Vol. I [De Bello Persico; De Bello Vandalico] / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 40. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1833. 534 p.; Vol. II [De Bello Gothico] / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 41. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1833. 643 p.; Vol. III [Historia Arcana; De Aedificiis] / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 42. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1838. 344 p.; Прокопий

На религиозные взгляды Прокопия указывают несколько сюжетов в этих произведениях.

В «Войнах с персами» описывается сюжет об эдесском царе Авгаре, который получил письменное исцеление от Иисуса Христа, Который также дал благословение в том, что город Эдесса не будет взят никогда неприятелем. Прокопий вполне допускает истинность этого предсказания, сделанного на основе христианских источников и местных хроник, выражает также лояльность христианству, апеллируя к христианскому Богу (Proc. В.Р. II.XII.8-30). Также Прокопий демонстрирует высокое уважение к христианским епископам и священникам, которые занимались сбором средств на выкуп пленных и городов (напр., Proc. В.Р. II.XI.20-24). Данное произведение предназначалось для публикации, но сам факт обращения к христианским источникам и данной легенде показателен.

В не предназначенном для широкой публики произведении «Тайная история» Прокопий также выражает христианские взгляды, в частности, по отношению к демонам, к которым относится именно в христианском духе как злым и вредоносным сущностям, приносящим беды и катастрофы человечеству. Именно с владыкой демонов Прокопий сопоставляет Юстиниана, описывая его рождение, как зачатого от некоего демона, а не родного отца, приводя предсказание его жене Феодоре, что она возляжет на ложе с владыкой демонов, саму же Феодору Прокопий упрекает в колдовстве. Прокопий также рассказывает слухи о том, что Юстиниан не спал по ночам и мало и скудно ел, а его телохранителям мерещилось, что у императора лицо превращалось в кусок мяса или исчезала голова. Писатель также приводит историю о некоем благочестивом христианском монахе, пришедшем из пустыни просить о нуждах общины (возможно, подразумевается св. Савва Освященный или его ученики¹), который воспринял императора как владыку демонов и бежал из дворца. Само отношение к императору резко критичное, но выражено с характерных христианских позиций (Proc. Hist. Arc. XII.12-32).

Также интересна негативная коннотация по отношению к язычеству при характеристике одного из антагонистов произведений Прокопия – сановника Иоанна Каппадокийского. Прокопий упрекает его в том, что он, посещая христианские храмы, бормотал языческие заклинания (Proc. В.Р. I.XXV.10).

Одним из любимых сюжетов историков у Прокопия является тема антиязыческих, антиеретических и антииноконфессиональных гонений Юстиниана (Proc. Hist. Arc. XI.14-33). У Прокопия есть пассаж, где он упрекает императора в том, что тот затевал гонения против неортодоксальных конфессий с целью завладеть богатствами репрессированных. Относительно язычников (Proc. Hist. Arc. XI.13) Прокопий сообщает, что их преследовали по

Кесарийский. Война с готами. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Арктос; Вики-Пресс, 1996. 568 с.; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст. и комм. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 637 с.

¹ Шелудченко Ю.В. Савва Освященный и монастыри Иудейской пустыни в изображении Кирилла Скифопольского // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. №1. С. 54-66.

обвинениям в мужеложстве и, даже если они принимали христианство, их все равно подозревали в отправлении языческих культов и могли подвергнуть вторичному преследованию. Также он описывает гонения на астрологов и предсказателей (Proc. Hist. Arc. XI.37). На основе этого историки и делают вывод о симпатиях Прокопия к язычникам и его язычестве¹.

Но это не совсем точная позиция: в частности, Прокопий, хотя и проявляет сочувствие к репрессированным, в плане догм он, кажется, придерживается именно ортодоксального христианского учения. В частности, он называет ереси – «отверженными учениями христиан» (Proc. Hist. Arc. XI.14), а Юстиниана определяет как «твердого в христианской вере», однако который допускал незаконный захват земель клириками (Proc. Hist. Arc. XIII.4). Акцент в критике смещен именно на преступления клириков, нарушавших христианские каноны, то есть, поступавших неблагочестиво. Это указывает, что идеалом Прокопия было христианское благочестие.

Еще одно свидетельство в пользу христианства Прокопия – это содержание трактата «О постройках». Хотя многие его упрекают в тенденциозности, трактат выражает интересы Прокопия. В первой книге, посвященной постройкам Константинополя, Прокопий основное внимание уделяет храмо- и монастырестроительству императорской четы, прославляя их за благотельность (Proc. De aed. I.I-XI). В центре повествования – описание строительства храма св. Софии, которому Прокопий посвящает прозаический панегирик. Он с восхищением описывает внешнее и внутреннее устройство храма, прославляя Юстиниана как строителя, рассматривая выигранные решения по этому храму как наитие по «Божией милости» (Proc. De aed. I.I.20-72). Также у Прокопия – позитивное и очень уважительное отношение не только к Господу Иисусу Христу, но и ко всем другим святым и небожителям, в честь которых император и его супруга перестраивали и возводили здания.

Прокопий выражает высокое доверие видениям, ангелам, святым, являвшимся во сне: строителю Хрису по плану ирригационных сооружений Амиды; восточному епископу, убедившему Юстиниана начать вандальскую войну (Proc. De aed. II.III.2-8; V.V. I.X.18-21).

Одним из наиболее ярких свидетельств о религиозных взглядах Прокопия выступает его намерение написать книгу о гонениях на христиан, высказанное в «Тайной истории», где Прокопий планирует описать все современные события, в том числе, связанные с гонениями Юстиниана на иные конфессии (Proc. Hist. Arc. XI.33). Также он обещает осветить разные религиозные вопросы своего времени, в том числе христианские споры в будущем произведении в «Войнах с готами» (Proc. V.G. IV.25).

Э. Калделлис полагает, что это нетрадиционная «Церковная история», которая должна была быть посвящена гонениям самой Церкви на еретиков,

¹ Kaldellis A. Identifying Dissident Circles in Sixth-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Florilegium. 2004. №1. P. 1-17.

язычников и иные конфессии¹, однако нет никаких оснований рассматривать Прокопия как новатора для этого жанра. Также не известно ни одного церковного историка, которого исследователи бы определяли как нехристианина. Интересен пример церковного историка Евагрия Схоластика, которого считают христианином², но на самом деле его прозвище указывает, что он был адвокатом, как и его современник Агафий Схоластик, писавший в антикизирующем жанре и продолживший светские «Истории» Прокопия³.

Евагрий среди своих источников в качестве одного из основных для внешнеполитических событий VI в. называет Прокопия Кесарийского, много на него ссылаясь (Evagr. HE. IV.12-27)⁴. В этом отношении Евагрий продолжает Прокопия с точки зрения церковно-исторических штудий, в то время как Агафий – светских (Agath. Hist. Praef.)⁵.

Сами работы Прокопия пользовались популярностью в византийский период, его активно переписывали – это самый популярный позднеантичный историк по сохранившимся манускриптам. На него ссылается известный автор хроники IX века Феофан Исповедник⁶, даже упоминая его деятельность в своей работе (Theoph. Chron. а. 6026/526). Это косвенно указывает на христианство Прокопия Кесарийского, так как языческого историка бы так активно не переписывали, а скорее наоборот, уничтожали бы его произведения.

Византийский словарь X века «Суда»⁷ дает положительную характеристику Прокопия, нигде не указывая, что он язычник (Suid. Π 2479). В то же время, его современник Гесихий Милетский определяется «Судой» как язычник, которому лучше «молчать», как указывает словарь (Suid. Η 611).

Также интеллектуал и патриарх IX века Фотий в своем компендиуме аннотаций «Мириобиблион»⁸ дает положительную характеристику «Войнам»

¹ Kaldellis A. The Date and Structure... P. 585-616.

² Treadgold W. Op. cit. P. 299.

³ Удальцова З.В. Указ. соч. С. 237.

⁴ По: Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London: Methuen & Co, 1898. 285 p.; Евагрий Схоластик. Церковная история [в 6 кн.]: кн. 1-6 / отв. ред. Е.С. Кривушина; пер. с греч., вступ. ст., коммент и прилож. И.В. Кривушина. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 669 с.

⁵ По: Agathiae Myrinaei Historiarum libri cinque / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 1. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1828. 419 p.; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 221 с.

⁶ По: Theophanis chronographia. In 2 vols. Vol. 1 / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 43. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1839. 786 p.; Vol. 2 / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 44. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1841. 748 p.; Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царя Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского, Ф.И. Терновского; предисл. О.М. Бодянского. М.: Университетская типография, 1884. 370 с.

⁷ По: Suidae Lexicon / ex recognitione I. Bekkeri. Berolini: typis et impensis G. Reimeri, 1854. 1158 p.

⁸ По: Photii Bibliotheca / ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini: typis et impensis G. Reimeri, 1824. 581 p.

Прокопия и подробно их пересказывает (Phot. Bibl. 63). При этом он не говорит ничего негативного о писателе. В то время, если автор подозревается в язычестве, то Фотий это констатирует и дает свой комментарий, как в случае с позднеантичными историками Зосимом и Иоанном Лидом, современниками Прокопия (Phot. Bibl. 98; 180).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что Прокопий Кесарийский был христианским писателем по своим религиозным взглядам, несмотря на классицизирующий дискурс своих произведений, чем и обусловлены антично-языческие издержки. На это указывают воспитание и образование Прокопия, окружающая среда, развитие его карьеры. Также христианские коннотации содержатся в его работах, как предназначенных для публикации, так и написанных «в стол». Кроме того, позитивное отношение к христианству и его культу святых, Господу и небожителям, и негативное – к демонам, языческим обрядам, в русле христианских трактовок. Также намерение написать трактат наподобие «Церковной истории» со стороны Прокопия может служить указателем его христианства. На христианство писателя указывает рецепция его произведений в византийский период, когда он стал одним из наиболее популярных писателей. На него часто ссылаются византийские авторы, его работы переписывались и были хорошо известны, никто не подозревает его в язычестве, что встречалось для позднеантичных авторов-язычников.

TO THE QUESTION OF THE RELIGIOUS VIEWS OF PROCOPY OF CAESARIA

M.M. Sinitsa (Belgorod)

The theme of this work is devoted to the problem of religious views of the early Byzantine historian Procopius of Caesarea. A meaningful analysis of his works, despite the classicizing discourse, indicates that Procopius of Caesarea professed an orthodox Christian faith.

Key words: Procopius of Caesarea, early Byzantine historian, religion of Procopius of Caesarea, Christian historian, Early Byzantium.

ФЕНОМЕН ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИЗАНТИИ С БЛЕММИЯМИ

Н.О. Фартушной (Белгород)

Статья рассматривает протекание процессов, характерных для восточной периферии, через отношения между племенем блеммиев и Византией. На конкретных примерах анализируются те факторы, которые делают это взаимодействие значимым для каждой из сторон и влияют на политическую обстановку в регионе. Дается сравнительная характеристика двух примеров сосуществования на восточной периферии: арабского и верхнеегипетского.

Ключевые слова: блеммии, Поздняя античность, Византия, восточная периферия, Северо-Восточная Африка.

При рассмотрении любого государственного и этнического образования необходимо рассматривать его через призму существования в системе так называемого римского мира или античной цивилизации. Будучи первоначально культурой, распространенной по берегу Средиземного моря, античная цивилизация занималась расширением границ как в буквальном, территориальном смысле, так и в смысле культурно-экономическом. Постепенно развивая хозяйство, всё больше и больше отдельных территорий, даже не входящих в границы античной цивилизации, включались в глобальную экономическую систему Средиземноморья. Такая система была взаимовыгодной, так как для молодых культур существует значительная потребность в живом примере той власти, которой обладает античное общество. Такой союз породил систему «ойкумена-варвары» или «центр-периферия-дальняя периферия»¹.

Самосознание римлян не воспринимало различные племена, проживающие за границей государства, равными себе. В их представлении император считался правителем мира, а сама граница не воспринималась в качестве четкой неизменной линии, ведь за ней находятся лишь варвары – не равноправный член международных отношений, а предмет завоевания².

Очень отчетливо данная система прослеживается на восточных границах позднеантичной цивилизации, и, в частности, на территориях южнее Египта, где в разные периоды существовали как буферные, так и клиентские государственные образования. Если на восточной границе с Ираном такие государства находились в роли буфера между Византией и Сасанидской империей³, в связи с чем отношения между империей и буферными государствами были достаточно однотипными, то на юге спектр этих отношений был весьма широким и разнообразным в связи с геополитическими особенностями данного региона.

Отличие двух указанных выше регионов прежде всего заключается в характере вражды со своими соседями. Если противоборство между Римом и Персией представляло из себя многовековую историю войн, столкновений и пограничных конфликтов, то защита южных границ каждый раз представляла из себя новый вызов, с которым античная цивилизация еще не была знакома.

Одним из таких вызовов стало племя блеммиев – кочевников, проживавших на восточном берегу Нила южнее Египта. В силу географического положения и кочевого образа жизни, блеммии зачастую вступали в конфликты на границах Верхнего Египта, и, несмотря на то, что в глазах римского государственного аппарата они выглядели как очередное

¹ Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 35.

² Иванов С.А. Византийская культура и агиография. 2-е изд. М., 2020. С. 16.

³ Болгов Н.Н. Основные проблемы восточно-римской и ранневизантийской политики на Северном Понте (сер. III – VI вв.) // Via in tempore. История. Политология. 2008. № 1. С. 128.

варварское племя налетчиков, в определенный период Поздней античности они заставили считаться с собой весь регион.

Выделяется несколько типов контактов между цивилизацией и периферийными обществами: контакты, связанные с геополитической деятельностью (мирные или напряженные отношения), хозяйственные (торговые и др.) и социальные (контакты между людьми)¹. Кочевничество блеммиев, особенности географического устройства Верхнего Египта и некоторые другие факторы обеспечили такие особенности взаимодействия, в которых пересекались сразу все типы контактов. Для полноты картины рассмотрим каждый из типов по отдельности.

Говоря о геополитической деятельности, следует сразу отметить враждебность взаимоотношений практически весь период соседства блеммиев с римлянами. Большую роль здесь играет географический фактор. Традиционно, античные источники помещают блеммиев к северу от Нубии на левом и правом берегу Нила, причем какие-то конкретные границы упоминаются крайне редко². Более конкретные точки с упоминаниями конкретных городов даны лишь у Олимпиодора³. Он упоминает о городах Талмис, Прима, Финикон, Хирис и Фапис, однако, только часть из них удалось локализовать. Нахождение некоторых городов в Аравийской и Нубийской пустынях (как, например, Финикон) делало, по сути, невозможным выживание без использования дополнительных ресурсов извне. Во многом это и было главной причиной совершения регулярных налетов на более богатые и приспособленные для жизни территории Египта.

Блеммии – кочевые племена Нубийской пустыни, проживавшие в период с III века до н.э. по VI век н.э. на территории между Нилом и Красным морем. Географическое положение делало эти племена непосредственным соседом Египта – части Римской империи, и, как и многие другие племена, они совершали довольно частые набеги на римские земли. Первые набеги были совершены еще во время правления преемника Августа Клавдия, а затем продолжились при Нероне⁴.

Для предупреждения нашествий совершались ответные карательные экспедиции, одну из таких совершил император Адриан в 137 г.⁵ Примерно до III века набеги успешно сдерживались, однако в 249 г. натиск усилился: племя стало совершать набеги один за другим, они стали куда более опустошительными и простирались до более дальних территорий. Ко времени правления императора Проба кочевники даже смогли завоевать два египетских города – Копт и Птолемаиду, о чем нам сообщают SHA

¹ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 477-485.

² Поплинский Ю.К. Античные источники по истории и этнографии Африки: монографическое исследование грекоязычных источников. СПб., 2009. С. 272.

³ «История» Олимпиодора (В записях и выборках Фотия) // Византийский временник. Т. 8 (33). 1956. С. 230.

⁴ Кобищанов Ю.М. Аксум. М.: Наука, 1966. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

(«Жизнеописание Августов») (SHA. Prob. XVII. 2, 3). Этот же источник сообщает и о покорении блеммиев.

Несмотря на, казалось бы, покорение варваров, набеги не прекратились, и к концу III века император Диоклетиан попытался заключить с ними соглашение, согласно которому они прекратят набеги взамен на определенную плату, что было выгодно, так как содержание гарнизонов на границе Египта было куда более затратным. Однако, даже получая положенное золото, блеммии продолжали совершать набеги. Прокопий Кесарийский, описывая данную ситуацию, говорит о том, что «нет никакого страха для варваров сохранить договор с ромеями [римлянами], кроме страха, поддерживаемого войсками» (Proc. Bell. Pers. I.19, 33). Он же сообщает и о том, что такие набеги продолжаются и при жизни Прокопия, что датируется уже VI веком.

Эта ситуация позволяет нам увидеть проявление феномена восточной периферии и на самых южных границах Рима. Здесь использовалась та же тактика, что и на Аравийском полуострове, где от бедуинов-кочевников римские территории защищали частично осевшие племена¹. В качестве полусевшего племени здесь использовалось племя нобатов или красных ноба. Собственно, осели они именно благодаря попытке дипломатического решения проблемы набегов Диоклетианом. Он отодвинул границы Египта севернее, до Элефантины, а на юге разместил нобатов, которые должны были выступить в качестве своеобразного «живого щита» и даже получали за это золото².

О торговле продовольственными товарами с блеммиевцами нам не известно, однако, добыча ископаемых делала торговые отношения возможными. Нам известно о комплексе изумрудных месторождений Вади Сикаит в Аравийской пустыне недалеко от Красного моря. По сведениям Олимпиодора³, «в этих местах находятся смарагдовые копи», подразумевая место проживания блеммиев. Также стоит отметить, что лично посетить Олимпиодору месторождение не удалось, так как для этого необходимо специальное «императорское разрешение», что говорит нам о регулировании добычи изумрудов вождями блеммиев.

Тесное соседство с жителями Верхнего Египта не могло не привести к разного рода социальным контактам. Большая их часть сводилась к контактам религиозным, и здесь можно проследить отголоски древнеегипетских верований. Согласно Прокопию Кесарийскому, религиозное сближение было во многом начато искусственно и являлось продолжением политики Диоклетиана по умиротворению южных соседей. Он сообщает следующее⁴: «Этот же император [Диоклетиан], обнаружив остров некий на реке Нил недалеко от города Элефантина [...] воздвиг на нем какие-то общие для ромеев и варваров храмы и алтари и поселил в этой крепости жрецов из (числа) тех и

¹ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М.-Л., 1964. С. 216.

² История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990. С. 241-242.

³ «История» Олимпиодора (В записях и выборках Фотия). С. 230.

⁴ История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990. С. 242.

других, полагая, что дружба между ними будет надежнее при наличии у них общих святынь». Здесь же Прокопий упоминает о том, что в пантеоне блеммиев, помимо эллинских богов, находятся Исида, Осирис и Приап. Это, как и переселения, устроенные Диоклетианом, не привнесли полной безопасности в долгосрочной перспективе. Тем не менее, культовое значение храма на острове вынуждало идти блеммиев на определенные уступки.

Например, в 453 году, по сообщениям дипломата Приска Панийского¹, полководец Максимин смог одержать победу в очередном военном столкновении с блеммиев и нобатами. После победы был подписан мирный договор, по которому племена обещали не поднимать оружия сроком на сто лет, взамен получая возможность беспрепятственно проезжать в храм в Филах. Следует предположить, что такой длительный срок перемирия стал возможен во многом благодаря имеющемуся рычагу влияния в виде доступа к храму, так как первоначальным предложением от нападающей страны был мир до тех пор, «пока Максимин будет оставаться в стране Фивской»

Такое религиозное сосуществование продолжалось по меньшей мере до VI века, когда император Юстиниан решил закрыть храм. По его приказу жрецы храма были взяты под стражу, а статуи богов отправлены в Константинополь². В 537 году храм был окончательно разрушен.

Таким образом, взаимодействие Византии и блеммиев представляет собой достаточно яркий пример отношений между цивилизацией и периферийным обществом, которые затрагивали все аспекты жизнедеятельности. Ближе к концу VI века система, в которой восточная периферия являлась буферной зоной, сменяется так называемым «византийским сообществом наций»³. Государствам и племенам на территории Верхнего Египта и Нубии в этом сообществе побывать оказалось не суждено ввиду арабских завоеваний, которые ознаменовали новый этап в попытке ужиться с могущественным северным соседом. История же блеммиев на этом не закончилась, но превратилась в историю беджа, поскольку арабские источники называли их именно так.

THE PHENOMENON OF THE EASTERN PERIPHERY IN THE ERA OF LATE ANTIQUITY ON THE EXAMPLE OF THE INTERACTION OF BYZANTIUM WITH THE BLEMMIES

N.O. Fartushnoy (Belgorod)

The article examines the processes characteristic of the eastern periphery through the relations between the Blemmyaes and Byzantium. The factors that make this interaction significant for each of the parties and influence the political situation in the region are analyzed using specific

¹ Приск Панийский. Сказания / Пер. Г.С. Дестуниса // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, Александрия, 2005. С. 515.

² История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990. С. 242.

³ Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор. С. 45.

examples. A comparative characteristic of two examples of coexistence on the eastern periphery is given: the Arab and the Upper Egyptian.

Keywords: Blemmyes, Late Antiquity, Byzantium, Eastern periphery, Northeast Africa.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ И ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОЛДАТАМИ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА И ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ VI-VII ВВ.

В.А. Тарасов (Белгород)

Автор рассматривает континуитет, и межличностные отношения в римской армии эпохи принципата и в византийской армии. Дается анализ источников, работ по данной тематике как византийских, так и римских раннеимперских. Проводится сравнение и эволюция традиций воинских формирований ромеев и Рима. Автор приходит к выводу об эволюции или искоренении этих традиций и изменении взаимоотношений между солдатами.

Ключевые слова: Византийская армия, римские военные традиции, армия Римской империи, солдатские отношения в армии.

Римская армия – армия-победительница многих народов и государств, способная сокрушить любого противника, превосходящего её в чем-либо. Особую роль в этом играли воинские традиции и отношения между солдатами, развивавшиеся на протяжении столетий и эволюционировавшие вместе с армией. После распада Римской империи, а затем и падения её западной части, византийская армия, старая римская структура, но с новыми принципами сохранила континуитет от своей прародительницы. Именно это позволило сохранить в кризисный момент боеспособную армию и не только устоять против внешних угроз, но и осуществить возвращение территорий в лоно государства.

Прежде, чем обозначать этот континуитет и проследить его сквозь источники, нужно установить, что такое воинские (военные) традиции. Военные традиции – исторически сложившиеся в вооружённых силах государства правила, обычаи, обряды и нормы поведения военнослужащих, как в мирное, так и в военное время, которые передаются из поколения в поколение, накапливаются и становятся добровольно соблюдаемыми принципами, обеспечивая преемственность прошлого, настоящего и будущего¹.

Военные традиции в истории Рима известны еще со времени его основания. Одной из главных таких традиций на протяжении долгого времени было право на триумф – гражданско-религиозную церемонию, представлявшую из себя военный парад во главе с победившим полководцем/императором, который получал право на один день империя (*imperium extraordinarium*) в Риме. Со времен первого триумфа еще в царский

¹ Традиции боевые // Военный энциклопедический словарь / Под ред. А.Э. Сердюкова. М., 2007. С. 917.

период (триумфатор Ромул в 751 г. до н.э., за победу над ценинцами) (*Fasti Triumphales*), данная традиция продолжила своё существование в республиканский период и осталась важной традицией в эпоху принципата – в 19 году до н.э. был дан триумф Луция Корнелия Бальба Младшего (*Fasti Triumphales*).

Однако стоит сказать, что данная традиция несколько изменилась с появлением культа императора. Так как триумф был поглощен императорской культовой системой Августа, в которой только императору была оказана такая высшая честь, поскольку он был верховным императором, но приближенному и успешному полководцу сенат во главе с принцепсом мог присудить триумфальные украшения (*Suet. Caes, 5, 17*) Последним известным официальным триумфом в Риме был триумф императора Гонория в честь победы над Аларихом (*Claud. Pan. Vi Cos. Honor. Aug.*).

С распадом, а затем и падением Западной империи, традиция, тем не менее, продолжила существовать и в Византии, правда, под влиянием христианства она претерпела существенные изменения. В 534 г. Юстиниан I наградил полководца Велизария триумфом, который включал некоторые «радикально новые» христианские и византийские элементы.

Велизарий успешно провел кампанию против своего противника, вождя вандалов Гелимера, чтобы вернуть бывшую римскую провинцию Африка под контроль Византии в Вандальской войне 533-534 годов: «Велизарий вступил в столицу с триумфом на старый лад, ведя с собой пленных и везя добычу. От своего дома до ипподрома он шел пешком вместе с Гелимером, облеченным в порфиру и в золотом венце. Император восседал на золотом троне на кафизме среди чинов двора и свиты. Представ перед императором, Велизарий пал к его ногам. То же должен был сделать и безучастный ко всему Гелимер, повторявший про себя слова Иисуса, сына Сирахова: «Суета сует». С него сорвали порфиру и венец. Велизарий просил пощады пленному царю, как награды себе за победу. Дочери Гильдериха и его родственники были приняты с надлежащим почетом во дворце, как члены императорского дома Феодосия. Император и императрица щедро одарили их, и они вошли в ряды придворной знати. Юстиниан хотел оказать милость Гелимеру предоставлением ему сана патрикия: но так как тот был тверд в своем арианском исповедании, то назначение не состоялось. Он получил поместья в Вифинии и там дожил свои дни. Привезенные Велизарием вандалы составили пять полков, которые были включены в имперскую армию и размещены в пограничных укреплениях Сирии. На ипподроме были выставлены на осмотр народу все сокровища, привезенные Велизарием из Карфагена. Иудеи узнали золотые сосуды из иерусалимского храма, увезенные некогда Титом в Рим и попавшие в 455 году в Карфаген. Они объяснили императору, что эти сосуды могут принести несчастье, если будут находиться не там, куда их определил царь Соломон. Юстиниан внял этому совету и отослал эту часть добычи в храмы Иерусалима»¹.

¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 2003. Т. 2. С. 43.

Триумф состоялся в восточной римской столице Константинополе. После разгрома Остготского королевства в Италии Велизарий также подал прошение о триумфе, однако ему было отказано (Procop. Caes. BG, VII, 317). Тем самым мы видим, что традиция триумфа сохранилась в византийской армии и государстве и в VI веке.

Также одной из почетных воинских традиций в Риме является посвящение *spolia opima* («тучный доспех» – доспех, снятый в бою полководцем с вражеского предводителя, побежденного лично) в одном из самых главных языческих храмов Рима – Юпитера Феретрийского, что также давало и право на триумф, о чем было сказано выше. Такой род военных трофеев покрывал бесконечной славой победителя, но соблюсти условия для него было чрезвычайно тяжело, о чем говорит история посвящения таких доспехов – известно всего три случая такого посвящения (Plut. Vit. Marcell. 8). Тем не менее, до тех пор, пока Рим оставался языческим, такая возможность была для каждого полководца, если, конечно, её одобряли сенат и принцепс. Последний возможный случай такового, который не состоялся, приходится на германскую кампанию Клавдия Друза, который, однако, несмотря на то, что смог соблюсти условия, умер во время кампании, не успев оказаться в Риме (Suet. Caes. 5, 4).

Однако преемственности данная традиция как таковая в Риме не получила ввиду своей языческой религиозной стороны. Христианство не считало доспехи вражеских полководцев трофеями, достойными посвящения богу, поэтому после Миланского эдикта и далее *spolia opima* окончательно теряет свой смысл и свою значимость. Но, тем не менее, как нерелигиозная традиция армии, она эволюционирует. Забрать доспехи вражеского командующего, убитого в бою, становится почетно, трофей приобретает не сакральный смысл, но показатель доблести и славы. В таком роде мы и находим её в византийской армии VII века, во время персидских войн¹.

Римская армия была в своем социальном отношении отдельной корпоративной единицей, во времена принципата обособившись от гражданского общества, став между плебсом и политиками – это уже не обычные граждане, но и не политики, хотя часто участвовали в ней после пресечения династии Юлиев-Клавдиев и далее.

Солдаты чувствовали себя единым воинским братством не потому, что того требовал воинский устав и система комплектования легиона, а потому что такое взаимоотношение складывалось на протяжении всей воинской службы. Солдаты жили вместе со своими товарищами по наименьшей тактической единице – контубернии, для них были введены общие наказания и поощрения, все они были примерно одной возрастной категории. Все это укрепляло дух товарищества в армии, отношения между солдатами были куда более доверительными, и такие коллективы часто не распадались после окончания службы в армии, о чем свидетельствуют данные эпиграфики (Corpus Inscriptionum Latinarum, VIII), где товарищи по службе иногда именуют

¹ Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 1996. Т. 3. С. 49.

умерших сослуживцев не термином друг (*amicus*), а *conturbenalis*, что означает «товарищ по палатке»¹. Этот термин, пусть и является военным, выходит за пределы армейских реалий. Такая же атмосфера воинского товарищества наблюдается и на более высоких тактических единицах – центуриях, которые набирались из жителей одного региона, обладающих одной местной культурой и вызвали куда более доверительное отношение среди своих сослуживцев по центурии.

Таким образом, римский легион эпохи принципата представлял собой корпоративное товарищеское общество, зачастую являющееся единственными связями в жизни каждого легионера, ввиду отсутствия семейных и других типов отношений. Отношения между солдатами были товарищескими и зачастую по окончании службы оставались дружественными.

Отношения в византийской армии с самого начала её существования оставались схожими с эпохой принципата, но более походили на позднеримскую армию, которой, по своей сути до реформ Юстиниана, она и оставалась. Поэтому на начало VI века можно говорить о сохранении комплектации по старым порядкам, но с новыми элементами, не отколовшимися или развившимися из старой системы, а чужеродными – энспондами (федератами), для которой были мало характерны римские военные традиции, в основном, только римская система управления, которая как раз и устраивалась ромеями сверху. Но тем не менее, несмотря на наличие энспондов, армия продолжала комплектоваться из профессиональных солдат, получающих плату за службу. Поэтому можно предположить, что и социальные отношения оставались примерно на том же уровне, разве что христианское влияние сделало их более специфичными.

Однако совершенно другая картина наблюдается в VII веке, ввиду коренных реформ армии и системы комплектования. Фемы (греч. *θέματα*), пришедшие на смену диоцезам, были административными подразделениями империи, в которых полководец (греч. *στρατηγός*, стратег) осуществлял как гражданскую, так и военную юрисдикцию, а судья обладал судебной властью.

Крах регулярной армии существенно поменял и социальные отношения в ней, появившееся при призыве сельских общинников в ряды своеобразного ополчения. Профессиональная армия же теперь была лишь в гвардии императора². Для простых солдат служба в армии становилась не профессией, а временным эпизодом в жизни, ввиду чего отношения превратились в лестницу «командир-подчиненный», и случаи каких-то больших взаимоотношений между солдатами становятся редки, ведь оставался вопрос мирной жизни, о которой солдаты думали чаще, чем о своей военной службе. Именно эпизодичность армии в жизни общинника практически полностью

¹ *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 190.

² *Кучма В.В.* К вопросу о социальной базе византийской военной организации на рубеже VI—VII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 14.

искоренила выстраивание более глубоких и доверительных отношений со сослуживцами.

Таким образом, можно проследить, что рассмотренные воинские традиции армии Рима эпохи принципата были восприняты и в византийской армии, перешедши туда полностью, либо частично, измененными. Однако огромный пласт был искоренен, о чем нам повествует сравнительный анализ текстов. Тем не менее, армия оставалась важным и своеобразным социальным институтом как в Византии, так и в Римской империи, рассмотрение которого без личностного отношения и выстраивания параллелей невозможно.

**CONTINUITY OF MILITARY TRADITIONS OF THE PRINCIPATE ERA
AND RELATIONS BETWEEN SOLDIERS IN THE BYZANTINE ARMY
OF THE 6-7 CENTURIES**

V.A. Tarasov (Belgorod)

The author examines the continuity and interpersonal relations in the Roman army of the Principate era and the Byzantine army. The analysis of sources and works on this subject, both Byzantine and Roman early Imperial, is noted. The comparison and evolution of the traditions of the military formations of the Romans and Rome is carried out. The author comes to the conclusions about the evolution or eradication of these traditions and a change in the relationship between soldiers.

Keywords: Byzantine army, Roman military traditions, army of the Roman Empire, soldier relations in the army.

СЛАВЯНЕ И РУСЬ**СЛАВЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В ВИЗАНТИИ VI-VIII ВВ.
В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА****А.С. Дедов (Белгород)**

Данная статья посвящена взгляду русского дореволюционного византиноведения на влияние славянского элемента в отношении византийской крестьянской общины. В ней описываются противоположные воззрения двух групп исследователей. Дается описание их позиций. Проведен анализ их конфликта.

Ключевые слова: славяне, крестьянская община, Византия.

Вопрос влияния славянских вторжений на внутреннее устройство Византийской империи являлся одним из самых главных в отечественном дореволюционном византиноведении. При этом в данном вопросе наиболее ожесточённые споры вызвала проблема свободной крестьянской общины. Если обратить внимание на содержательную сторону трудов исследователей, то по ней принято выделять две их группы. Одна группа отстаивала точку зрения, согласно которой славянское влияние было значительным, и даже определяющим. Другая же группа наоборот склонялась порой к полному отрицанию данного влияния.

Если обратиться к первой группе, то в неё, в частности, обычно определяют основателя Санкт-Петербургского византиноведения В.Г. Васильевского (1838-1899 годы) и его ученика, несменного директора Русского археологического института в Константинополе, Ф.И. Успенского (1845-1928 годы). Данные представители отечественного византиноведения были склонны сопереживать славянам в своих рассуждениях.

Первый из них посвятил свои работы выше обозначенной проблеме ещё во второй половине XIX в. В частности, нас интересуют «Законодательство иконоборцев» от 1878 г. и «Материалы для внутренней истории византийского государства» от 1879 г. В них автор не только непосредственно поднял проблему славянского влияния на порядки среди сельского населения империи, но и обозначил достоверность и аутентичность рассматриваемого по ней источника.

В своём первом труде В.Г. Васильевский делал акцент на «Земледельческом законе», выступавшем в качестве дополнительного приложения к наиболее древним рукописям Эклоги Льва и Константина и приписываемом в более поздних руководствах и книгах императору Юстиниану I. Согласно содержанию памятника, исследователь определял его как земское полицейское уложение времён VIII века¹. Вывод о времени составления документа и его статусе основывался В.Г. Васильевским на

¹ Труды В.Г. Васильевского. Л., 1930. Т. 4. С. 199-200.

основании двух положений. Во-первых, в полнейших заглавиях Эклоги указывалось на происхождение Крестьянского устава путём извлечения из Юстиниановых книг¹. Однако не все статьи памятника относились к ранее приведённому источнику. Большая их часть, по мнению исследователя, образовывала совсем иное, то есть, новое право. Во-вторых, в тексте памятника господствующее положение занимал повелевающий законодательный способ выражения, вместе с тем, наблюдалось внутреннее и внешнее родство с Эклогой в виде отображения и значения предписываемых в обоих документах наказаний².

Собственно, если обратиться к выше обозначенному первому положению, то В.Г. Васильевский указывал на отсутствие в документе таких римских институтов как колонат, патронат, и наоборот наличие права свободного перехода у тех крестьян (мортитов), кто обрабатывал земли крупных землевладельцев³. Кроме того, в отношении этих крестьян действовали и иные послабления. Однако наиболее бросалось в глаза исследователя то, что вся земля, кроме той, что была под усадьбами и садами, обозначалась в качестве принадлежащей именно общине⁴. Сама же эта земля могла быть подвержена дележу, в результате которого каждый получал в своё полное хозяйственное распоряжение определённую её долю. Вместе с тем, Васильевский полагал, что пастбищные земли при этом оставались всё-таки именно общинными⁵. В самих нормах прослеживались в отношении данной категории крестьян, как и предыдущей, некоторые послабления. В отношении общественных податей, как указывал В.Г. Васильевский, даже при разделе земли между членами общины, за них отвечал весь крестьянский коллектив⁶.

Собственно ответ на появление данных нововведений В.Г. Васильевский находил как раз в славянских вторжениях, отвергая теорию фискального происхождения общинного землевладения⁷. В частности, данные вторжения вызывали неустойчивость населения, нуждавшегося в обретении новых крова и земли, на что и мог отреагировать законодатель. Однако исследователь всё же склонялся к тому, что документ выступал лишь в качестве констатации и признания того порядка вещей, что сложился после вызванного славянами этнографического и, следовательно, социального переворотов⁸. Ещё с первой половины VII века целые массы славян стали занимать опустошённые их предшественниками области, вызвав бегство туземного населения. Сами же эти славяне даже в X веке, как указывал исследователь, вроде сагудатов и дреговичей около Солуни, хранили верность общинным традициям организации собственного быта. Таким образом,

¹ Там же. С. 198.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Там же. С. 207-208.

⁸ Там же. С. 208.

«Земледельческий закон» был создан именно для этого нового этнографического элемента, осевшего на землях империи и более привычного к более архаичным воззрениям, быту и привычкам.

В своём втором труде В.Г. Васильевский продолжил начатую тему. Сам автор при этом сравнил движение славян и вызванные им изменения в смысле сильного численного подкрепления класса мелких свободных землевладельцев в империи с тем, что происходило на Западе по итогу прихода варварских народов вроде готов и бургундов¹. Здесь же Васильевский в целом оценил значение влияния славян на внутреннее устройство Византии. По его мнению, империя была обязана своей жизненной энергией в описываемый период её истории именно благодаря приливу этих новых сил, улучшению экономических основ государственного быта².

Будучи учеником В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенский в целом унаследовал те положения, что разделял его наставник по рассматриваемой нами проблеме. В частности, по законодательству иконоборческого периода и его приспособленности именно для пришедшего славянского элемента. Для доказательства данного положения исследователь во втором томе своей трёхтомной «Истории Византийской империи» указал на заимствование со стороны славянских государств более позднего периода «Земледельческого закона». Так этот документ оказался перенесённым из Византии на Русь в виде устава о земских делах Ярослава, вошедшего в состав Кормчей книги³. Таким образом, данный памятник законодательства был применён для условий древнерусского крестьянства без каких-либо трудностей. Тем не менее, ещё ранее исследователь в своих рассуждениях заходил и дальше. В работе с говорящим названием «Древнейший памятник славянского права» от 1886 года Успенский собственно и предложил этим самым памятником считать «Земледельческий закон», изложенный на греческом языке⁴. В связи с этим он полагал, что община при Исаврийской династии обладала в империи высоким статусом и автономией.

Говоря о противоположной группе исследователей, то к ней обычно относят А.А. Васильева (1867-1953) и К.Н. Успенского (1874-1917). В работах данных исследователей наблюдается явная прямая оппозиционность к их выше обозначенным коллегам. Однако эта оппозиционность выражалась по-разному.

Если говорить о первом исследователе, то можно сказать, что в целом А.А. Васильев не ставил в центр своего внимания конкретные проблемы социально-экономического характера в истории Византии. Зато в его труде под названием «История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 года)» от 1917 г. имелись некоторые тезисные оценки по данной проблеме в отношении оппонентов. Так, исследователь склонялся к тому, что

¹ Там же. С. 250-251.

² Там же. С. 251.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Периоды IV-V. М., 2020. С. 52.

⁴ Успенский Ф.И. Древнейший памятник славянского права // Юридический вестник. 1886. №4. С. 703-704.

вышеупомянутый Ф.И. Успенский придал слишком большое значение «Земледельческому закону» для империи¹. Собственно, говоря о славянах, Васильев не считал их влияние на те процессы, что происходили внутри Византийского государства, значительным и определяющим. Так, он указывал на то, что при обращении к таким документам как Кодекс Феодосия, Кодекс и новеллы Юстиниана, жития святых и применении при этом данных папирологии можно было обнаружить непосредственное существование в Римской империи института общинной земельной собственности свободных земледельцев.

Второй исследователь придерживался тех же воззрений в общем виде, как и А.А. Васильев. Однако он их раскрыл более подробно. В труде под названием «Очерки по истории Византии. Часть I» от 1917 г. К.Н. Успенский затронул рассматриваемую нами проблему с очень резкой позиции. С его стороны даже были выдвинуты самые настоящие обвинения в сторону оппонентов в том, что они фальшиво осветили проблему, выдвинули искусственные положения и сделали неправильные оценки². Само же положение о том, что славяне никак не могли повлиять на социально-экономический строй Византии им объяснялись уровнем развития их племён. Ибо, по его мнению, «общинный строй» и выступавший в качестве его соперника с социологической точки зрения родовой строй ирреальны³.

Не обошёл исследователь и «Земледельческий закон». Так, К.Н. Успенский полагал, что он представлял собой ни что иное как компиляцию VII века, состоявшую из некоторых выдержек из Юстинианова права, а также обычаев и практик⁴. С особой напористостью исследователь обрушился на В.Г. Васильевского. В частности, он показал наличие в статьях памятника указания на личную собственность крестьян в отношении к усадебной, огородной, пахотной земле и роще⁵. Попутно К.Н. Успенский обратил внимание на неразделённые выгоны и угодья. Так, данные общинные порядки, согласно автору, были естественны для того самого колонатного быта и строя Рима, вследствие чего сам пример такого законодательства являлся ни чем иным как свидетелем вторичного, производного образования этих самых общинных связей и отношений⁶. В довершение же своей точки зрения он констатировал греческий характер описываемого в документе хозяйства. Подтверждение этому исследователь находил в факте отсутствия в тексте документа таких понятий как «луг» и «лошадь»⁷.

Подводя итог под всем выше сказанным, можно констатировать, что обе группы исследователей опирались в своих рассуждения на данные,

¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.); пер. с англ. А. Г. Грушевой. СПб., 2014. С. 329.

² *Успенский К.Н.* Очерки по истории Византии. Часть I. М., 1917. С. 153-154.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Там же. С. 171.

полученные ими из законодательства эпохи императоров-иконоборцев. В частности, «Земледельческого закона». При этом у них получилось занять кардинально противоположные позиции по проблеме славянского влияния на крестьянскую общину в империи.

Первая группа сильно симпатизировала славянам, что бросается в глаза при рассмотрении приведённых нами рассуждений с их стороны. Вторая же группа явно искала объяснение всем процессам, отражённым в «Земледельческом законе», именно внутри первоначальной империи с характерным для неё укладом. Мы же не будем как искать политического мотива со стороны исследователей думать определённым образом (на что есть определённые указания), ограничившись лишь непосредственно содержательным аспектом их трудов, так и занимать ничью из их сторон. Скажем лишь то, что данная проблема в дальнейшем волновала ещё не одно поколение как советских, так и современных российских историков, которые примыкали как к первой, так и второй группе.

THE SLAVS AND THE PEASANT COMMUNITY IN BYZANTIUM IN THE VI-VIII CENTURIES AS EVALUATED BY RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY BYZANTINES

A.S. Dedov (Belgorod)

This article is devoted to the view of Russian pre-revolutionary Byzantine studies on the influence of the Slavic element in relation to the Byzantine peasant community. It describes the opposing views of two groups of researches. A description of their positions is given. The analysis of their conflict is carried out.

Key words: Slavs, peasant community, Byzantium.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ХОДЕ ФЕРРАРО- ФЛОРЕНТИЙСКОГО СОБОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ КНИЖНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА «ХОЖЕНИЙ»

А.Д. Зубков (Белгород)

В статье рассматриваются ключевые аспекты и особенности, на которые обращали внимание русские авторы при описании событий деятельности византийской делегации на Ферраро-Флорентийском соборе. На примере трех главных произведений, которые являются представителями жанра «хожений» показаны различия в описании данных событий различными авторами.

Ключевые слова: Ферраро-Флорентийский Собор, хожения, Марк Эфесский, русская делегация.

Ферраро-Флорентийский собор стал одним из знаменательных событий XV века, когда была предпринята одна из самых серьезных попыток

экуменического движения в вопросе объединения Католической и Православной Церкви в единое целое¹.

Данному событию характерна особенность большого количества участников – так как помимо непосредственно части католического мира, который поддерживал Папу Римского (дело в том, что параллельно Флорентийскому собору проходил еще один католический собор в Базеле, который не признавал папу Евгения как католического первосвященника), и Византии, на данном соборе присутствовали и представители других Православных церквей. Для нас наиболее интересным из этих участников выступает делегация от Руси, во главе которой находился митрополит Исидор².

Особую ценность для истории представляет то, что в результате деятельности данного Собора, который по итогу был отвергнут православными, русские книжники оставили целый ряд примечательных сочинений, которые по своей сути относятся к жанру «Хожений». Всего основных таких сочинений несколько – наиболее примечательными из них выступают – во-первых, «Сказание о Флорентийском соборе» неизвестного автора, которое является классическим примером данного жанра, во-вторых, «Сидоров собор и хождение на него» Симеона Суздальского, в-третьих, часть летописного текста под заглавием «Об Исидоре митрополите как пришел из Царьграда на Москву, с восьмого собора»³.

В рамках данной статьи мы хотим рассмотреть один из интересных аспектов, приведенных выше посланий – а именно тот момент, каким образом авторы текстов характеризовали деятельность тех или иных членов византийской делегации собора. Этот аспект крайне важен, поскольку рассматриваемые события Флорентийского собора, на котором, по мнению русских книжников, Византия отреклась от Православия, стали одним из тех факторов, которые определили развитие русской идеологии в конце XV – XVI вв., в которой, в частности, сформировалась большая теория «Москва – третий Рим».

Начнем анализ с «Хожения на Флорентийский собор» неизвестного автора. Впервые греческая делегация упоминается здесь в лице императора и патриарха: «Там же (в Ферраре) ... застали святого греческого императора Иоанна, и святого вселенского патриарха Иосифа, и святой вселенский

¹ Ферраро-Флорентийский собор (1438-1439 гг.) // *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. – [Эл. ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ocherki-po-istorii-vselenskoj-pravoslavnoj-tserkvi/61 (Дата обращения 23.09.2022).

² *Акишин С.Ю, Флоря Б.Н.* Исидор // *Православная энциклопедия.* — [Эл. ресурс]. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/674888.html> (Дата обращения 23.09.2022).

³ *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 78.

собор»¹. Отметим, что слово «святой» встречается в данном отрывке три раза, что с самого начала указывает на то, что у автора как таковых претензий к вероотступничеству византийской стороны не возникало.

В целом в послании основное описание посвящено не церковно-догматическим спорам внутри Собора, а скорее описанию порядка его проведения, а также деятельности участников, в том числе, естественно, и греков в нем: «Пятого июля было торжественное соборное заседание, и тогда написали грамоты... как верить... и подписал папа Евгений и греческий император Иоанн... и все митрополиты... каждый своей рукой»². В данном отрывке описан процесс принятия ороса собора, и, как можно заметить, у автора снова нет никаких негативных мыслей о действиях православных.

В заключительном довольно просторном описании последних действий собора – а именно общей службы, также рисуется исключительно позитивная и спокойная картина примирения церквей: «Греческий же император сидел... и смотрел их (католические) службы, и все его приближенные были с ним... И после службы... и окончания молебна сел (папа Евгений) посреди соборной церкви на... престоле... и взошел на амвон... кардинал по имени Юлиан, и никейский митрополит Виссарион, и подняли они оба грамоты соборные... а потом митрополит стал читать греческую грамоту. И после чтения грамот папа благословил народ; и затем папские диаконы начали петь хвалу папе, а диаконы императора – императору. И затем начал путь весь собор латинский и весь народ, и радовались они, потому что приняли прощение от греков»³.

Повесть Симеона Суздальского, в свою очередь, показывает нам совсем другие аспекты, которые автор выделял в деятельности греческой делегации. Симеон характеризует царя следующими словами: «Тому самому царю и всем греком и митрополитом, понеже всем прельстившимся сребролюбием и златолюбием...»⁴. Практически с самого начала в тексте звучат обвинения в том, что католики подкупали византийского императора деньгами, из-за чего он и принял губительное решение о подписании унии.

Далее по тексту происходит противопоставление «павшему царю» Марка Эфесского, который на протяжении всего собора выступал против соединения на условиях католиков и постоянно вел с ними серьезную полемику⁵, как например в следующем отрывке: «И три зборы збороваша... а на четвертый збор нача Марко глаголати тихим гласом к пап... и к всему латинскому языку, и рекшу ему: «слыши, честный папа Римский и учителю латынского языка, како ты глаголеши и осьмым сбором нарекаеши, и себе в

¹ Казакова Н.А. Хождение на Флорентийский собор // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. [Эл. ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4996> (Дата обращения 23.09.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Аникьев И.И. Ферраро-Флорентийский собор // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 284-285.

начале поминаеши а царя не нарекаеши ни в котором слове, и своим собором зовеша осмым, а седми святых собор отрекаешися, а патриархов себе братьею не зовеша, латыню в начале поминавши, а православие последи поминаеши?»¹.

В данном тексте мы видим целый ряд обвинений, из-за которых Марк отказывался видеть папу Римского авторитетом. Пожалуй, самым сильным из этих обвинений было то, что католики не признавали всех Православных церковных соборов, а именно решений четвертого Константинопольского, на котором отвергли католическое *filioque*.

На фоне данной речи Марка Эфесского Симеон описывает его диалог с императором, который обратился к священнику: «Тогда слышахом царя к нему глаголюща: «честный мой господине, отче что еси тако жестоко глаголали, папе и гардиналом, яко вси избегоша? А яз, отче святой, не на то пришел. Аще бы смиренно и беззлобиво глаголали есте между собою, не бы поношение и укорение которому человеку между вас было»².

В данном отрывке, на наш взгляд, стоит обратить особое внимание на слова «Я не на то пришел», которые как бы подчеркивают, что в глазах автора византийский император пытался на данном соборе добиться не справедливости, а совсем иных целей, что в целом довольно близко к правде, т.к. греки поехали на данный собор прежде всего из-за очень тяжелого положения своей империи в надежде привлечь католические государства для военной помощи против турок.

Иосиф в ответ императору в целом повторяет свои слова, сказанные папе: «Иосифе! Како есте глаголали во Цареграде, как к вам папа посылал во единачестве быти и первом единачестве во христианстве быти, и церковь едина бы была, и христианство едино бы было... А ныне, царю, ты и ты, патриарше Иосифе, слыши, что папа глаголет, иже осмаго собора поминает, а седми святых соборов не хочет поминать... православных христиан впервых не поминати, но латыню в начале поминати, и латынство повсюду поминати, а православия нигдеже не поминати в начале»³.

Следующим шагом противопоставления становится упоминавшееся ранее «сребролюбие», которому поддался император, но не поддался Марк Эфесский, который попытался уговорить своих соотечественников не принимать этот «дар»: «По том же времени... нача [папа] посылати ко царю и патриарху... злата и сребра... Тогда царю и деоспону... и всем бояром царевым собравшимся, и греком... митрополитом, яко и царю, хотяшим злата и сребра доволно взяти. И Марку же ко царю глаголющу: «аще злато и сребро, царю, доволно возмете, то безчестие себе получите и от всех язык поношение и укорение приемлете»⁴.

¹ Повесть Симеона Суздальскаго об осьмом Флорентийском соборе. Исидоров собор и хождение его. – [Эл. ресурс] – URL: <http://starajavera.narod.ru/simeonsuzdal.html> (Дата обращения 23.09.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Сам же Марк в повести отказывается от папского золота: «Папа же довольно царю давши злато... мнящееся, аще бы чем усладити Марка, или златом или серебром... Папа же много злата даваше, а Марка же никакоже возмогоша усладити чим, ни златом, ни серебром, ни книгами своими умолвити его»¹.

Такая же история описывается уже и по случаю попытки подкупить митрополита, чтобы Марк подписал унию, когда император советуется с папой, как можно убедить Марка: «И ты, папа, избери от собора своего и пошли к нему от себя, а не от меня, аще что хоцещи ему глаголати». Папе же... посла к нему не со злом, но с великою честью, повеле насыпати велико блюдо злато золотых и ковш злат золотых, с великою честью и прощением, аще бы приял то и пришел бы и виделся с папою, и честь бы велику взял у него... Марко же послов папешских ни в полату свою не впустил...»².

Наконец, рассмотрим особенности летописного текста о событиях Флорентийского собора. Тут важным аспектом является то, что византийскому императору приписываются слова, которые восхваляют Русь: «тогда царь Иоанн говорил... Евгению – папе Римскому... какие есть русские... и большее православие и высшее христианство на Белой Руси... у них же есть государь великий, брат мой... ему же бесчисленные цари прислуживают и великие князи со слезами служат ему... ради благочестия»³.

Далее же по тексту фактически полностью и теми же сами словами повторяются тезисы из послания Симеона Суздальца с постоянным обличением греческого патриарха, императора и их делегации в сребролюбии с одной стороны, и подчеркивании поступков Марка Эфесского, которого подкупить не удалось – с другой⁴.

Итак, анализ источников показал нам следующие особенности в описании деятельности византийской делегации в ходе Флорентийского собора.

Во-первых, в «Хожении» неизвестного автора крайне любопытным аспектом является то, что, по сути, никаких упреков или обвинений в сторону византийской делегации не делается – для автора описание впечатлений и увиденного в процессе путешествия явно более важно, чем подробная характеристика непосредственного хода данного Собора; складывается такое ощущение, что непосредственное догматическое содержание дискуссий абсолютно не интересовало автора – данное произведение представляет от себя нечто похожее на путевые записки и впечатления от поездки, а касательно греческой делегации автор не замечает ничего плохого и называет и императора и патриарха «святыми».

Во-вторых, совершенно иная картина предстает перед нами в именном произведении человека, который точно относился к духовному сану – Симеона Суздальского, а также в летописном сказании о данном соборе, которое под собой явно имеет в основе текст Симеона, так как практически полностью

¹ Там же.

² Там же.

³ Летописное сказание о том же соборе // *Малинин В.* Старец Елеazarова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 117.

⁴ Там же. С. 119–122.

копирует его по смыслу и сильно схоже в текстовом плане. У данного автора непосредственно дороге не уделяется практически никакого внимания (хотя произведение в заглавии все равно имеет слово «хождение»), но при этом показано все то противоречие, которое возникло внутри делегации Византии в ходе проведения собора – она разделилась на два лагеря: в первом, к которому относится Марк Эфесский, максимально противятся в любых уступках католикам, так как это подорвет чистоту православной веры; во-втором, который условно можно назвать «падшим», находится практически вся делегация Византии, в том числе император и патриарх, которые преследуя личные политические цели, а также поддаваясь меркантильности, давая себя подкупить, предают свою веру и подписывают унижительную унию, которая полностью соответствовала учению католиков, а не православных.

В-третьих, важной частью летописного рассказа является вставка о том, что византийский император называет своим братом русского великого князя, а также явно говорит о том, что правителю Руси по статусу стоило бы взять царский титул, который он не берет только из-за своей скромности. Понятное дело, что данный монолог явно выдуман автором, однако он показывает нам тот идеологический аспект, который происходил на Руси 2-й половины XV – 1-й половины XVI вв., когда русские правители всю пытались доказать свое полное право носить царский титул, и данный летописный текст стал одним из многочисленных аргументов в данном вопросе.

**REFLECTION OF THE FEATURES OF THE BYZANTINE DELEGATION'S
ACTIVITY DURING THE FERRARO-FLORENCE COUNCIL IN THE WORKS OF
RUSSIAN SCRIBES ON THE EXAMPLE OF THE LITERARY GENRE "HOZHENIY".**

A.D. Zubkov (Belgorod)

The article examines the key aspects and features that Russian authors paid attention to when describing the events of the Byzantine delegation at the Ferraro-Florence Cathedral. Using the example of the three main works, which are representatives of the genre of "walking", the differences in the description of these events by different authors are shown.

Keywords: Ferraro-Florence Cathedral, walking, Mark of Ephesus, Russian delegation.

**СТРУКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ НАРОДНОЙ СКАЗКИ БОРМА
ЯРЫЖКА КАК ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ РЕЦЕПЦИИ
АНТИЧНОСТИ И ЕЁ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СЕР. XVI В.**

Н.В. Шевцов (Белгород)

В статье рассматривается структурная композиция русской народной сказки о Борме Ярыжке и анализируется ряд её сюжетных линий, позаимствованных из античности либо связанных с нею через русскую публицистику идеологического характера, а также то, каким образом их восприняло и интерпретировало народное сознание.

Ключевые слова: Борма Ярыжка, сказка, фольклор, рецепция античности, идеология.

Изучение культурного наследия нашей страны всегда находилось в поле зрения многих исследователей, поскольку этот пласт является одной из важнейших составляющих героического прошлого нашего государства, о чём свидетельствует то, что уходящий в историю 2022 год был объявлен годом культурного наследия народов России¹.

Его углубленное изучение началось ещё в XIX в., когда среди просвещённой части общества пробудился интерес к народному творчеству, носителями которого являлись преимущественно представители крестьянского сословия. Собиратели фольклора предпринимали целый ряд этнографических экспедиций в разные уголки России, где они слушали простых представителей народа, за которыми записывали древние предания.

Ценности их труду прибавляет и то, что помимо философской составляющей, выраженной в небезызвестной цитате А.С. Пушкина «Сказка ложь, да в ней намёк...»², и то, что сказки и легенды являются не просто плодом воображения многочисленных авторов, но и отражением череды событий или обычаев, имевших место в глубокой древности. Например, вплоть до XIX в. учёные подвергали сомнению существование Трои, пока археолог Генрих Шлиман не откопал её, опираясь на творения Гомера. Так и отечественные фольклористы помогли нам подобно Шлиману открыть глаза на наше прошлое и лучше его понять.

В свою очередь, специалисты из различных областей исторического знания не раз отмечали то, что «многие произведения древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции и литературные обработки предшествующих произведений»³. Исходя из этого, следует, что фольклор может как вбирать, так и отбрасывать множество разнообразных сюжетов. Иными словами, он обладает способностью существенно изменяться в течение времени, а точнее, подстраиваться не только под существующую обстановку, но и под определённую группу лиц, которой его рассказывают. Поэтому анахронизмы и исторические несостыковки являются обычным делом для данного культурного явления.

История формирования фольклорных сказаний отчётливо прослеживается с конца XV – 1-й пол. XVI вв., однако сюжеты, возникшие или сложившиеся во времена становления Русского централизованного государства, дошли до нас в виде пересказов, письменно зафиксированных только в XIX-XX вв.⁴ Эти повествовательные, обычно народно-поэтические произведения о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с

¹ Путин объявил 2022-й Годом культурного наследия народов России // РБК. 31.12.2021. – [Эл. ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61cf300b9a79475cd4cd25c7> (Дата обращения: 01.09.2022)

² Цит. по: Сказка о золотом петушке // *Пушкин А.С. Сказки*. М., 2009. С. 117.

³ *Лихачёв Д.С.* Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 17.

⁴ *Очерки истории СССР. Т. 5: Период феодализма (кон. XV — нач. XVII вв.)*. М., 1955. С. 166.

участием волшебных, фантастических сил, более известны нам под определением «сказки»¹.

Среди обилия этих народных произведений, передававшихся на протяжении длительного времени из уст в уста, в сборнике сказок Самарского края 1884 г. увидела свет любопытная сказка «Борма Ярыжка», которую записал со слов симбирского мещанина Петра Степановича Полуектова фольклорист Д.Н. Садовников².

Эпоха, в которую жил Иван IV Грозный (1530-1584), поставила перед исследователями ряд проблем, связанных с правлением этого царя. Доподлинно известно, что образы правителей России всегда привлекали внимание народа, что также нашло отражение и в вышеназванной сказке. Анализ данного произведения в большей степени свидетельствует о поиске Иваном IV нескольких атрибутов власти, а именно короны, скипетра и книжки.

Главный действующий персонаж произведения – Борма Ярыжка, вызвался привезти их царю из Вавилонского царства. Говоря о нём, необходимо обратить внимание на то, что он выведен в качестве лица, страдающего алкоголизмом, но при этом не лишённого хитрости, с помощью которой он всегда выходил сухим из воды. Данный доброволец, как мы видим, является отражением народного стереотипа о низших чинах.

В словаре В.И. Даля сказано, что слово «ярыжка» помимо своего прямого определения: низший служитель полиции, в круг обязанностей которого входила рассылка, прислуживание и исполнение различных приказаний, со временем обрело иное значение: мошенник, пьяница и бездельник³. Негативное значение, по всей видимости, возникло из-за большого числа лиц, которые занимали эту должность и ничем себя не утруждали. Подтверждает данный тезис сама сказка, в которой главный герой перед выходом в море 6 недель пропьянствовал вместе с командой.

Вместе с тем, это произведение вызывает ряд ассоциаций, связанных, в первую очередь, с символами державности, а с другой стороны, с различными государственными образованиями, откуда эти предметы могли быть привезены в Москву. Сам сюжет с отправкой людей в экспедицию за знаками власти перешёл в народную среду из произведений книжников XV-XVI вв., когда активно пропагандировались идеи централизованного государства⁴. Данная фабула попала на русскую землю из Византии и была позаимствована из «Сказания о Вавилоне». Согласно ему, некий византийский император, выведенный в качестве идеального поборника христианства⁵, посылает экспедицию в этот некогда могущественный город за венцом Навуходносора

¹ Сказка // *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов. М., 1991. С. 718.

² Борма Ярыжка // *Сказки и предания Самарского края.* СПб., 1884. С. 27.

³ Ярыга // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1980. С. 679.

⁴ *Бас И.* Иван Федоров. М., 1940. С. 121.

⁵ Сказание о Вавилоне // БЛДР. Т.6. – [Эл. ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4973> (Дата обращения 15.09.2022).

и за грамотой, согласно которой по Божьему повелению, власть переходит в руки византийским монархам¹.

На Руси народная фантазия видоизменила и приукрасила этот сюжет: так, вместе с регалиями Борма Ярыжка должен был привезти книгу, а не грамоту о власти. Из этого следует, что в отличие от литературной повести, сказка не подчёркивала преемственность царской власти на Руси от византийских басилевсов, а показывала, что добывание знаков царского достоинства – это желание, а не условие, подтверждающее право на власть Ивана Грозного².

Упоминание книги в народной сказке исследователь И. Бас интерпретировал как отражение сильнейшей литературной пропаганды, с помощью которой царь укреплял свою власть не только через устное, но и письменное слово³. С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку в XVI в. всюду осуществлялась идеологическая пропаганда русского самодержавия через политические мифы о возведении родства московских правителей как к византийским монархам, так и к древнеримским императорам. Это нашло отражение в таких произведениях как «Послание о Мономаховом венце» и «Сказание о князьях Владимирских»⁴.

Возвращаясь к фольклорному творению, отметим, что Борма Ярыжка, прибыв в Вавилонское царство, увидел, что оно было съедено змеями. Добыв без труда нужные русскому царю символы сакрального характера, путешественник захотел осмотреть не известные ему земли. Краткая история Вавилона рассказана в сказке и звучит следующим образом: вавилонский царь приказал вывести изображение змей всюду, где только возможно (даже на монетах, чашках и ложках). За этот поступок Бог разгневался на него и оживил все изображения змей, которые привели его царство в состояние запустения⁵. Цикл сказаний о Вавилонском царстве огромен, и этот эпизод перекликается с легендой о сооружении юнаками глиняного змея, ставшего причиной опустения и упадка столицы⁶.

Науке известно, что в античности, как в Греции, так и в Риме, огромное значение придавали тому, или иному явлению (природным катаклизмам, снам, поведению животных), в чём древние очень часто видели знамения, посланные богами для смертных. С принятием христианства в Римской империи с прежними верованиями стали вести ожесточённую борьбу, но

¹ Лось И. Вавилонское царство // ЭСБЕ. — [Эл. ресурс]. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Вавилонское_царство (Дата обращения 09.09.2022).

² Очерки истории СССР. Т. 5: Период феодализма (кон. XV — нач. XVII вв.). М., 1955. С. 167.

³ Бас И. Иван Федоров. М., 1940. С. 121.

⁴ Караваикин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI-XVII вв.). М.; СПб., 2018. С. 426.

⁵ Борма Ярыжка // Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 23.

⁶ Дробленкова Н.Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – [Эл. ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/637> (Дата обращения 14.09.2022).

накопленные с глубокой древности научные знания церковь стала использовать в своих целях. Но всё же, роль знамений не была сведена на нет. Теперь их толковали с христианско-политической позиции.

У многих исследователей по сей день вызывает интерес упоминание змея в ветхозаветной истории. Именно змеей толкнул первых людей на первородный грех (Быт. 3: 4-6), а в книге «Числа» сооружённый Моисеем по указу Бога медный змей спасал жизни людям, взглянувшим на него (в христианстве данный знак считается прообразом Христа, который исцелял нуждающихся) (Чис. 21: 8-9). Из этого следует, что данный образ мог нести значения различного характера, но преимущественно негативного, поскольку у евреев змеи считались нечистыми животными (Лев. 11: 20), и это впоследствии нашло отражение в других культурах.

В поэме Гомера «Илиада» змеей уже служит как предзнаменование несчастья. Зевс послал орла со змеей в когтях, которая ужалила птицу, после чего орёл выронил его в стане троянцев, что передавало волю бога-олимпийца жителям Трои прекратить бой с греками¹. Позднее у русского публициста Ивана Пересветова змеей был уже выведен в качестве символа бесерменства (ислама). В свою челобитную царю Ивану IV Васильевичу он поместил историю, что якобы при основании Константинополя император Константин (306-337) увидел орла, схватившего змея, который затем ужалил птицу. Орёл упал и с помощью людей победил змея в завязавшейся борьбе. Данное послание небес римскому императору истолковали следующим образом: «...понеже змий одоле орла, являет яко бесерменство одолеет христианство, а понеже христиания змию убили, а орла поймали, являет яко напоследок паки христиания одолеют бесерменство»².

Итак, эта история возникла в среде русских публицистов, разделявших положения концепции монаха Филофея «Москва – третий Рим». Пересветов свято верил в грядущую победу христианства и освобождение территории Византии от турок, в лице которых европейцы XVI в. видели реальную угрозу. Обращаясь к фактической стороне дела, заметим, что ислам зародился в начале VII в., тогда как действие вышеуказанного политического мифа происходило в IV в.

Мы видим, что в изучаемой нами сказке идёт напластование и переплетение как античной мифологии и народных мотивов, так и русской публицистической мысли XVI в. Змеи, которые были в сказочном Вавилоне, наглядно иллюстрируют слушателю божью кару за вероотступничество правителя. Однако сам город не стоит полностью ассоциировать с реальным местом, здесь он является символом величайшего города, а если быть точнее – «столицы мира», утратившей своё былое могущество. Таким же в глазах русских людей был Константинополь (Царьград), который, согласно

¹ Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Душанбе, 1988. С. 294-295.

² Повесть об основании и взятии Царьграда // Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А.А. Зимин. Под ред. Д.С. Лихачева. М.-Л., 1956. С. 124.

Филофею, предал веру на Ферраро-Флорентийском соборе, за что по воле Бога в наказание он был захвачен турками¹.

Возвращаясь к сказочному сюжету, обратим внимание, что Борма Ярыжка сумел сбежать из Вавилона от царь-девки и от преследования змей, но прежде, чем вернуться на родину со знаками власти, он скитался 30 лет, попадая во всевозможные зловключения, из которых, благодаря хитрости, ему удавалось выпутываться. Тут невольно возникает ассоциация с «Одиссеей» Гомера и она, как следует из анализа сказки, не случайна, ведь сюжет одного из зловключений главного персонажа позаимствован из данного произведения.

Путешественник попал к одноглазому великану, который хотел его съесть, а Борма Ярыжка пообещал сделать ему ещё один глаз, после чего ослепил его, залив в глаз олово. Потерявшее зрение чудовище закрыло вход в пещеру и стало искать персонажа. Борма подвязался под брюхо козла, жившего в пещере, вскоре великан перешвырнул животное через стену вместе с хитрым путешественником². Так что, данный эпизод, в который были внесены незначительные изменения, является явной калькой из поэмы Гомера: там Одиссей, ослепив циклопа Полифема, выбрался из пещеры аналогичным способом³.

Одновременно с этим, на ум приходит другая русская народная сказка про лихо-одноглазое. В ней кузнец ослепил чудовище под подобным предлогом и сумел сбежать от него с большим трудом, из-за того, что он не устоял, как и Борма, перед золотым топором, к которому намертво примораживается рука⁴. Здесь мы видим очередную рецепцию античности, когда помимо сюжета позаимствованный образ циклопа в народной фантазии трансформировался в лихо-одноглазое – олицетворение всевозможных бед и несчастий.

В дальнейшем, когда Борма Ярыжка убежал на плоту от очередного чудовища, то в глаза бросается такая деталь, что реку, отделяющую русскую землю от всего мира, не могла перелететь нечистая сила. Общеизвестно, что люди в раннее время, не имея достаточно информации о других странах, компенсировали её дефицит домыслами и байками путешественников, а потому они помещали всевозможных чудовищ за пределы своей страны. Одновременно с этим, русская земля рисовалась в народном сознании как особенная, почти святая. Это мнение подкрепляла упоминаемая нами ранее концепция Филофея и то, что Российское государство, а далее Московское царство оставалось в мире единственным независимым православным государством. Именно поэтому иные земли в сказке о Борме Ярыжке считались обиталищем вероотступников и всевозможной нечисти. В конце концов, фольклорный персонаж вернулся

¹ Послания старца Филофея // БЛДР. Т.9 / под ред. Д.С. Лихачева. – [Эл. ресурс]. – URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105#_edn35 (Дата обращения 01.09.2022).

² Борма Ярыжка // Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 24-25.

³ Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Душанбе, 1988. С. 373-374.

⁴ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т.2. М., 1985. С. 341.

домой, отдал царю знаки власти и получил в награду просимое – пить бесплатно во всех кабаках¹.

Итак, на примере некоторых сюжетов нам удалось найти исторические напластования и заимствования в данном произведении, однако найти первоисточник сказки представляется делом невозможным, поскольку она бытовала в устной форме так долго, что могла быть изменена до неузнаваемости и быть подогнана под те или иные реалии, понятные простым людям.

Таким образом, тщательно проанализировав народную сказку о Борме Ярыжке, мы можем заключить, что она возникла далеко не сразу как законченное произведение, а на протяжении нескольких веков постоянно обрастала деталями. Это означает, что:

Во-первых, большинство символов, с течением времени, стали толковаться с позиции церкви в выгодном ключе, как для неё, так и для московских государей.

Во-вторых, древние легенды, использовавшиеся в политических целях в публицистике, соединившись с народными сказаниями, способствовали появлению новых сюжетов.

В-третьих, в данной сказке были ярко отражены народные стереотипы и наблюдения, которые вкупе со словами публицистов были по-своему восприняты народным сознанием. Это значит, что пропаганда государственной идеологии в XVI в. дошла до народа и даже была воспринята в фольклоре.

STRUCTURAL COMPOSITION OF THE FOLK TALE BORMA YARYZHKA AS ONE OF THE ELEMENTS OF THE RECEPTION OF ANTIQUITY AND ITS CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE POLITICAL IDEOLOGY OF THE MOSCOW KINGDOM IN THE MIDDLE OF THE 16TH CENTURY

N.V. Shevtsov (Belgorod)

The article deals with the Russian folk tale about Borma Yaryzhka and analyzes a number of its plot lines borrowed from antiquity or connected with it through Russian ideological journalism. And also how they were perceived and interpreted by the people's consciousness.

Key words: Borma Yaryzhka, fairy tale, folklore, reception of antiquity, ideology.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

П.С. Таранова (Белгород)

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы развития интеллектуальной истории. Отмечаются характерные особенности становления данной научной области и формирования ее методологической базы. Рассматриваются связи интеллектуальной истории с другими гуманитарными науками.

Ключевые слова: интеллектуальная история, междисциплинарная область, история идей.

¹ Борма Ярыжка // Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 27.

Интеллектуальная история – одна из отраслей исторической науки, изучающая исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая условия, в которых такая деятельность была реализована, ее формы и результаты. Интеллектуальная история восходит к истории идей, классиком которой стал американский историк Артур Лавджой, автор книги «Великая цепь бытия» и основатель «Журнала истории идей».

Основными задачами истории идей стали изучение процесса возникновения, развития и распространения идей и исследование воздействия человеческого мышления на развитие идей и воздействия идей на мышление поколений. Лавджой выдвинул особый метод изучения идей, предложив рассматривать их как отдельные самостоятельные абстрактные единицы с собственной внутренней логикой. Таким образом, отдельные «идеи-блоки» должны были изучаться вне доктрин или теорий, в которых они содержались, – то есть, как их составные части¹.

В 60-70-х годах XX в. этот подход, как и сама история идей, подверглись критике из-за сосредоточения на конкретных идеях без учета социального и политического контекста, в котором они возникали, и чрезмерной «элитарности» объекта исследования – интерес уделялся только мыслям великих авторов. Научное направление теряет свою популярность и ненадолго уходит на задний план – внимание большинства историков притягивает социальная история.

К середине 70-х гг. в области гуманитарного знания происходит антропологический, а затем и лингвистический поворот, который, главным образом, затрагивает историческую науку. В поле внимания историков принимаются ценностные системы и особенности мышления людей изучаемой эпохи, а также особенности выражения мысли посредством той или иной системы языковых знаков. Особое влияние на историю идей оказывают новая социальная история и история ментальностей.

Приблизительно в этот период формируется Кембриджская школа политической мысли, основной вклад в развитие которой внесли Квентин Скиннер, Джон Данн и Джон Покок. Ученые предлагают отличный от Лавджоя подход к изучению идей. Они призывают рассматривать мысль в историческом контексте, в котором она возникла и развивалась, опираясь на положения, высказанные в своих научных трудах Джоном Остином и Людвигом Витгенштейном². Таким образом, вызванное вышеупомянутыми факторами введение контекстуализма как метода в область исследования идей способствует развитию новой отрасли исторической науки – интеллектуальной истории.

К началу 90-х гг. в США, Франции, Великобритании и ряде других европейских стран завершилась институционализация интеллектуальной

¹ Лавджой А. Великая цепь бытия: история идей. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 10.

² Атнашев Т., Велижнев М. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 6.

истории – появились исследовательские центры в Кембриджском университете (Великобритания), университете Гронингена (Нидерланды), Принстонском университете (США). В 1994 г. было учреждено Международное общество интеллектуальной истории. В России подобный институт появился в 2001 г. – Российское Общество интеллектуальной истории, возглавляемое членом-корреспондентом РАН, руководителем Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН Лориной Петровной Репиной. Основными периодическими изданиями общества стали электронное издание «Вестник РОИИ» и журнал «Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории»¹.

Современная интеллектуальная история изучает не только сами идеи, особенности их возникновения, развития и распространения, но и социальные, культурные и политические факторы, воздействующие на эти процессы, и влияние особенностей мышления и ментальные привычки авторов относительно формы изложения мысли.

Интеллектуальная история является междисциплинарно-интегративной областью исследования и обладает методологическим плюрализмом, так как тесно взаимодействует с разными полями научного знания.

Междисциплинарный характер интеллектуальной истории вызван, в первую очередь, особенностями проблем и задач этой отрасли науки. Для их решения и комплексного исследования часто приходится обращаться к теориям и методологии смежных наук. Например, для наиболее эффективного изучения механизмов распространения «высоких» идей среди массы и переработки массой этих идей, особенностей интеллектуального ландшафта, то есть, социального и культурного контекста, в котором идеи возникают, историкам следует обратиться к культурологии и истории ментальностей. Эти вопросы, а также проблема правильной интерпретации самих идей и личных посылов автора, вложенных в идею, изучаются посредством методологии области когнитивных исследований.

Говоря о содержании, лексической и стилевой форме выражения идей и особенностях отражения в этих идеях языковой картины мира, как о предметной области интеллектуальной истории, стоит учесть ее связь с лингвистикой и литературоведением, которые в начале становления данной области науки, наряду с некоторыми отраслями историографии, имели большое влияние на формирование ее теоретико-методологического арсенала.

Не стоит забывать и о методологической системе истории науки, посредством которой интеллектуальная история изучает взаимодействие определенных идей с общими фундаментальными научными принципами и влияние этих идей на развитие научной картины мира.

Таким образом, можно сказать, что широкий спектр задач и проблем интеллектуальной истории и ее междисциплинарный характер определяют основные направления развития данной области знания. В условиях

¹ *Леонтьева О.Б.* Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв. Самара: Издательство «Самарский университет», 2012. С. 13.

современного постнеклассического типа научной рациональности перспективы развития интеллектуальной истории связаны с переходом от междисциплинарности к междисциплинарно-интегративному состоянию.

Интеллектуальная история является сравнительно новой актуальной мультидисциплинарной областью научного знания, обладающей широкой методологической базой, способной максимально эффективно решать поставленные цели и задачи.

В России это направление стремительно набирает популярность, привлекает внимание многих ученых и создает новые научные институты, тем самым, способствуя развитию отечественной исторической традиции.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTELLECTUAL HISTORY

P.S. Taranova (Belgorod)

The article considers main problems and prospects of Intellectual History. It analyses special features of development of Intellectual History and building of its methodological framework. It also underlines the connection between Intellectual History and other human sciences.

Key words: Intellectual History, interdisciplinary field of research, History of Ideas.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ

МОРИС ДРЮОН. «ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРОЛЬ»

О.С. Зайковская

Морис Дрюон (1918-2009 гг.) – французский писатель. «Моя мама – наполовину бразильского происхождения, мой прадедушка родился на севере Бразилии, около экватора, был поэтом и переводчиком Гомера и Вергилия. Один из моих дедушек был фламандцем. Так что во мне – все эти южные и северные крови, я человек мира и французский патриот», – рассказывал о своем происхождении по линии матери французский писатель.

Стоит отметить, что автором написано в общей сложности более 50 произведений различных жанров, в том числе романы, новеллы, эссе, драматургические поэмы и пьесы.

Цикл «Проклятые короли» (1955-1977 гг.) состоит из семи книг, которые считаются классикой исторического остросюжетного романа, принесшего писателю мировую славу.

«Железный король» - первая часть цикла. Действие книги начинается с 1314 года. Происходит знакомство с Робертом III д'Артуа, одним из главных героев данной книги. Он встречается с королевой Изабеллой, рассказывает об измене жён ее братьев. Изабелла решает разоблачить измену перед своим отцом, королем Франции Филиппом IV Красивым.

Однако на фоне этих событий разворачивается событие, можно сказать, эпохального масштаба, а именно – окончание семилетнего процесса над орденом тамплиеров. В книге довольно подробно описывается казнь Великого Магистра Жака де Моле и приора Нормандии Жоффруа де Шарне. Во время казни Великий Магистр проклинает Филиппа IV, папу римского Клементя V, хранителя королевской печати Гийома де Ногаре, также их род до тринадцатого колена.

Последующая цепь повествования тесным образом связана с этим проклятием. Смерть папы римского, а затем хранителя королевской печати невольно заставляет задуматься о наложенном проклятье. Интрига закручивается сильнее после финального штриха – неожиданной гибели на охоте пышущего здоровьем короля Филиппа.

При прочтении постоянно возникает вопрос: сработало ли проклятие, или же череда смертей – лишь цепь совпадений? И эта часть, можно сказать, финальная, показана, на мой взгляд, очень интересно и волнующе. Дрюон мастерски балансирует между мистицизмом, намеками на совпадения и захватывающим повествованием.

Безусловно, интрига остается с прочтением всей книги. По моему мнению, замыслом писателя было немного «помучить» читателя, заставить его сомневаться, а затем самому решить, действительно ли это было проклятие.

Еще один момент касается мастерского умения Дрюона показать сущность французского королевского двора. Прекрасно изображены интриги, тайны, измены, авантюры. Реальные исторические личности предстают людьми со своими желаниями, чувствами и поступками. Безусловно, подкупает и то, что автор будто бы сбрасывает маски с героев, в том числе, с короля Филиппа, «железного короля». Его фигура как бы стоит над всеми.

Отдельно отмечу, что Франция в данной книге выступает не в качестве фона, на котором происходит ряд событий. По моему мнению, Дрюон делает ее отдельным персонажем, со своим лицом и обликом, который раскрывается на протяжении всего цикла. В первой книге выстраивается образ, изображенный крупными, немного резкими мазками. Постепенно нагнетается атмосфера; Франция, подобно даме в вуали, лишь немного приоткрывает свой лик. Отмечу, что в последующих книгах цикла завеса таинственности приоткрывается.

Таким образом, «Железный король» Мориса Дрюона – наглядный пример остросюжетного исторического романа, сохраняющего интригу до последних страниц.

«ЧУМА» А. КАМЮ: «БЫТЬ ЧЕСТНЫМ – ЗНАЧИТ ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО»

Д.Н. Добрынина

После объявления Всемирной Организации Здравоохранения 12 марта 2020 г. о пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 и введения разными странами противоэпидемических мер, роман Альбера Камю «Чума» стал одной из самых продаваемых книг в Европе¹.

В январе 1941 г. А. Камю начал работать над книгой о бактерии — чумной палочке, которая бесконтрольно распространяется от животных к человеку и в итоге уничтожает бóльшую часть населения средиземноморского города Оран. Интересно, что автор романа жил в городе, который описывает в произведении, около 18 месяцев, вместе со своей женой Франсин Фор, которая в нем родилась².

В 1947 г. книга впервые была напечатана и часто описывается как один из величайших романов послевоенного времени. Чтобы написать роман, Альбер Камю изучал истории эпидемий. Он читал о чуме, которая унесла

¹ Продажи романа Камю «Чума» подскочили на фоне распространения коронавируса // Известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iz.ru/982721/2020-03-03/prodazhiromana-kamiu-chuma-podskochili-na-fone-rasprostraneniia-koronavirusa> (дата обращения: 20.10.2022).

² Why is Albert Camus Still a Stranger in His Native Algeria? // www.smithsonianmag.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.smithsonianmag.com/innovation/why-is-albertcamus-still-a-stranger-in-his-native-algeria-13063/> (дата обращения: 20.10.2022)

жизни более 50 млн. человек в Европе в XIV в., о «великой чуме» в Лондоне, а также эпидемиях, бушевавших в Марселе, Провансе и Китае¹.

Поскольку книга писалась в военное время, когда Франция была оккупирована Германией, то Камю не мог не упоминать об этом в своем романе. Роман начинается со строк «Любопытные события, послужившие сюжетом этой хроники, произошли в Оране в 194... году»². События в романе посвящены борьбе с эпидемией бубонной чумы, которая вызывает оккупацию и сопротивление, и которая обнажает в жителях города светлые и темные стороны.

В самом названии произведения заложена история борьбы с чумой. Каждый сам для себя решает, что для него «чума» – болезнь, которая передается чумной палочкой, зло, которое есть в каждом человеке или политический режим.

Практически вся научная мысль является отражением времени, в котором она развивается. Самые крупные социальные потрясения XX века – Первая и Вторая мировые войны – не могли не сказаться на духе времени, и возникшая экзистенциальная философия, переосмыслив социальную реальность, была призвана дать ответы на вопросы современности. Ряд авторов считают, что экзистенциализм был сформирован на базисе кризиса.

Альбера Камю, нобелевского лауреата по литературе, одного из самых ярких представителей экзистенциализма, называли «совестью Запада»³. Экзистенциализм – это философское направление, главным вектором которого стал человек, его мировоззрение, бытие, трудности и заботы. Экзистенциалисты утверждали, что центральным интересом для философии должен быть конкретно человек, а не нечто эфемерное и абстрактное.

Практически вся западная экзистенциальная философия определяется через такие понятия, как «свобода», «выбор», «абсурд», «бунт», «одиночество», «самоубийство», «жизнь», «трагичность бытия», «извечная драма человеческого существования» и др.⁴

Методы борьбы и последствия эпидемии чумы в романе имеют много общего с современными «ковидными реалиями». Автор описывает поведение жителей города в эпидемиологическое время.

Горожане изначально не верят в угрозу эпидемии и не замечают ее. Можно выделить два типа причин: осознаваемые и бессознательные. Первый тип характеризуется тем, что люди понимают, к чему приведут противоэпидемические меры – произойдет спад экономики со всеми дальнейшими негативными последствиями для общества (закроются

¹ Camus on the Coronavirus // www.nytimes.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/03/19/opinion/sunday/coronavirus-camus-plague.html> (дата обращения: 20.10.2022).

² Камю А. Чума. М.: АСТ, 2020. С. 9.

³ Полвека без Альбера Камю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20100120/205414860.html> (дата обращения: 20.10.2022)

⁴ Павленко А.Н. Ф.М. Достоевский и рождение русского экзистенциализма. Человек из «подполья» // Вестник славянских культур. 2015. № 1(35). С. 11-25.

магазины, компании, потеря рабочих мест приведет к безработице, начнутся беспорядки на улицах и т.д.). Как писал Камю, «коммерция скончалась от чумы»¹.

Второй тип характеризуется тем, что страх перед смертельной опасностью заставляет людей убеждать других и, как следствие, себя самих в том, что скоро все закончится, и это неопасная история. Поэтому врачам пришлось долго убеждать администрацию города в том, что ситуация действительно опасна. Затем «первоначальное изумление горожан переросло в панику». Часть людей хотели бежать от очага распространения инфекции. Именно поэтому врачи Сорбонны в XIV в. давали совет «бежать со всех ног», если возникали вспышки заболевания чумой².

Затем, когда закрывают ворота города и объявляют карантин, некоторые люди стали чувствовать себя одинокими, стало происходить отчуждение друг от друга. У населения стало наблюдаться «хронически дурное настроение»³. Так, в РФ количество браков в 2020 г. снизилось на 19% по сравнению с 2019 г.⁴

Людей, которые контактировали с больным, сажали на карантин. Письма писать друг другу запрещалось, так как они могли стать источником инфекции. Большая часть горожан стали испытывать дискомфорт от того, что не занимаются любимым делом – «коммерцией». Также и в России, когда началась пандемия коронавирусной инфекции, людей посадили на карантин и отправляли в вынужденные «отпуска».

Один из героев романа просит у доктора Риэ удостоверение, где было бы написано, что у него нет чумы. Можно провести параллели с «антиковидными паспортами» и справками об отсутствии коронавируса.

Люди стояли по два часа в очереди, лишь бы попасть к телеграфу. Во время периода «самоизоляции» при пандемии коронавирусной инфекции повысилась доля пользователей социальными сетями и выросли продажи электронных устройств (увеличились на 19%, впервые за 6 лет).

Церковные власти города в романе объявили «наступающую неделю недель общих молений»⁵. В России также проходили «моления о спасении от коронавирусной инфекции».

Улицы Орана покрылись разводами от дезинфицирующих средств, так же, как и улицы крупных городов России. Зазвучали призывы экологов не разрушать природу.

Камю пишет о схватке у городских ворот между жандармами и людьми, которые не хотели соблюдать противоэпидемиологические меры и находиться

¹ Камю А. Чума. М.: АСТ, 2020. С. 84.

² Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. 1: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 468 с.

³ Камю А. Указ. соч. С. 128.

⁴ . Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rKYssRaN/edn01-2021.htm> (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Камю А. Указ. соч. С. 100.

дома. В пандемию, вызванную коронавирусной инфекцией, в разных точках планеты население выходит на «карантинные бунты» – в США, Германии, Франции, Нидерландах, Бразилии, Индии и других странах¹.

При этом, в романе желающим нарушить карантинные миры и сбежать из города грозила тюрьма. Современные реалии аналогичны: в Англии ужесточили наказание при несоблюдении антиковидных мер, максимальная мера наказания – 10 лет тюрьмы². В Москве во время режима самоизоляции так же, как и в романе, «город прочесывали патрули»³ и штрафовали нарушителей.

В Ороне был введен комендантский час – после одиннадцати часов вечера было запрещено выходить на улицу жителям города. Комендантский час был введен во многих городах мира для борьбы с пандемией.

В Ороне отстреливали бродячих животных, так как считали, что они могут быть разносчиками инфекции. В Китае во время пандемии Covid-19 выбрасывали из окон домашних животных, поскольку люди думали, что они могут быть источником Covid-19.

В Ороне стала выходить новая газета под названием «Вестник эпидемии», сообщающая последние новости, связанные с чумой. У «профессора Б.» в романе спрашивают прогноз окончания эпидемии, но он дает неверный ответ⁴. Начиная с конца 2019 г., появилось множество интервью различных специалистов, книг, статей о конце пандемии, сайтов и информационных лент, освещающих последние новости о Covid-19.

В чумном городе набирают волонтеров из гражданского населения для борьбы с эпидемией, так же, как и в России. Президент РФ В.В. Путин на встрече с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России – 2020», отметил, что в 2020 г. приняли участие в добровольческих проектах свыше 11 млн. Граждан.⁵

Доктор Бернар Риэ и его коллега Кастель пытаются создать античумную сыворотку. В борьбе с пандемией Covid-19 были созданы вакцины против коронавирусной инфекции в беспрецедентно короткие сроки – менее, чем за один год, и первая из них – в России.

Герой романа Коттар, который стал контрабандистом, пользуясь тем, что город изолирован, продавал с большой наценкой сигареты и алкоголь. В

¹ Карантинный бунт: почему люди выходят на митинги в разгар пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1002514/ekaterina-postnikova/karantinnyi-bunt-pochemuliudi-vykhodiat-na-mitingi-v-razgar-pandemii> (дата обращения: 20.10.2022).

² В Британии нарушителям антиковидных мер грозит 10 лет тюрьмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/02/09/v-britanii-narushiteli-antikovidnyh-mer-grozit-10-let-turymy.html> (дата обращения: 20.10.2022)

³ Камю А. Указ. соч. С. 120.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Добрость духа: как волонтеры помогли в борьбе с пандемией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1096344/dmitrii-laru-maksim-khodykin/dobrost-dukha-kak-volontery-pomogli-v-borbe-s-pandemiei> (дата обращения: 20.10.2022).

России, в начале 2020 г. цены на медицинские маски выросли в 35 раз, а на имбирь и лимоны – в несколько раз из-за ажиотажного спроса.

XIX в. был пиковой точкой развития капитализма, эпохи модерна, веры в знания и силу человека. Но XX в. стал временем разочарования, хотя Ницше и Достоевский предупреждали о таком финале. Современники начала XX века стали свидетелями двух самых кровопролитных войн в истории человечества, унесшие жизни миллионов людей, а создание атомной бомбы, экологические катастрофы и изменения климата вообще поставили под вопрос существование человека как вида.

Как сказал Теодор Адорно, «после Освенцима писать стихи – варварство»¹. Основа, на которой построена культура нового времени, рухнула, поскольку «человек перестал звучать гордо», а развитие науки и техники принесло только боль и страдание людям, которых затронули мировые войны. Поэтому вопросы, которые затрагивают человеческое существование, стали очень актуальными.

Безусловно, данными вопросами задавались и раньше, поэтому экзистенциалисты находят ответы на данные вопросы у Сократа, Аврелия Августина, Ницше, Достоевского и др. Но именно в XX в. данные вопросы начинают звучать все громче, и философия пытается найти на них ответы.

А. Камю в своем романе «Чума» показывает, что зло – это обязательная составляющая любого человека. И его нельзя победить, поскольку вакцины не существует. Как человек не замечает зло, сидящее в нем, так он и не замечал полчища крыс, живущих на улицах Орана.

Альбер Камю заканчивает роман мыслью, что чума никогда ни о ком не забывает, она может возродиться в любой момент, когда посчитает это нужным. Он дает совет, как выиграть жизнь у чумы – «это знание и память»². Всегда нужно помнить историю, чтобы ее ошибки не повторились.

Пандемия коронавирусной инфекции дает понять человечеству, что даже несмотря на высокий уровень развития науки и технологий, справиться с брошенным вызовом очень сложно.

В.Я. БРЮСОВ. «ЮПИТЕР ПОВЕРЖЕННЫЙ»

В.А. Лихошерстов

Валерий Яковлевич Брюсов – русский писатель и один из основоположников русского символизма.

«Юпитер поверженный. Повесть IV века» – исторический роман Брюсова. Является продолжением романа «Алтарь Победы», однако события

¹ Шишкин А.Г., Морозова О.О. Опера «Пассажирка» Моисея Вайнберга: опыт формирования культуры памяти // Вестник культуры и искусств. 2019. № 1. С. 130.

² Камю А. Указ. соч. С. 302.

поданы с другой точки зрения; от читателя не требуется знать сюжет предыдущего романа.

Писательские задачи не требовали глубокого погружения читателя в реалии Римской империи эпохи Поздней античности, изменилась стилистика. Из-за холодного приёма критиками предыдущего романа на античную тему, Валерий Брюсов забросил работу, и четвёртая, заключительная, часть романа так и не была написана. Брюсов возвращался к нему дважды – в 1914 и 1918 гг., но так и не завершил его.

Действие начинается в Аквитанском монастыре, иноком которого стал Юний – главный герой «Алтаря...», ныне – смиренный Варфоломей. Роман должен был продемонстрировать путь бывшего Юния к христианскому мировоззрению. Повествование построено в виде воспоминаний Варфоломея-Юния о событиях, продолжившихся после окончания действия «Алтаря Победы».

Варфоломей осуждает свою языческую молодость. В первых главах Брюсов искусно имитировал стиль латинских христианских авторов, прежде всего, «Исповеди» Августина.

Поскольку произведение не закончено, смысл заглавия точно не раскрывается.

Впервые текст был опубликован вдовой писателя И.М. Брюсовой в 1934 г.

М.Л. Гаспаров отмечал, что создание нового романа оказалось для Брюсова несравнимо более сложной задачей, поскольку все основные идейные коллизии и средства художественной выразительности были уже использованы им в первом романе. Это особенно заметно по воссозданным реалиям: например, «Алтарь» не является профессорским романом, но достоин, чтобы встать в одну шеренгу с ними. О «Юпитере» этого сказать нельзя.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИЧНОСТИ И ИДЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В «ПИСЬМАХ К СЫНУ» ГРАФА ЧЕСТЕРФИЛДА

Н.В. Шевцов

История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чтили и уважали людей добродетельных при жизни, а также какую славою увенчало их потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней...

Честерфилд «Письма к сыну»¹.

¹ Цит. по: *Честерфилд. Письма к сыну* / пер. с англ. и коммент. А Шадрина. М.: Мир книги, Литература, 2006. С. 42.

Восемнадцатое столетие, также известное как эпоха Просвещения, оказало огромное влияние на историю человечества, так как в данный период творила целая плеяда выдающихся учёных. Вместе с тем, данное время было весьма сложным и противоречивым, поскольку бок о бок уживались, казалось бы, несовместимые вещи: наука и суеверие, свободомыслие и деспотизм. Эта эпоха давно прошла, но книги и письма, сотворённые в неё, по-прежнему вдохновляют людей и помогают нам лучше понять нравы беспокойного XVIII века.

Так, написанные Филиппом Стэнхоупом (4-м графом Честерфилдом) многочисленные письма к сыну проливают свет не только на жизнь и вкусы отдельно взятого человека, но и на общество того времени в целом. Но чтобы лучше понять данное произведение, нам, прежде всего, необходимо обратиться к биографии его автора.

Филипп Стэнхоуп происходил из дворянской семьи и получил превосходное образование в Тринити-колледже. Свою карьеру он начал в палате общин, а после смерти отца получил титул графа Честерфилда и перешёл в палату лордов, где снискал себе славу превосходного оратора. Будучи человеком политики, Филипп постоянно участвовал в закулисной борьбе, в результате которой был вынужден перейти в посольство в Гаагу, где успешно защищал интересы британской короны.

Вернувшись в Лондон, Стэнхоуп перешёл в оппозицию правительству, за что лишился придворных чинов, но, в то же время, занял пост лорда-лейтенанта Ирландии. Оставив этот пост, граф Честерфилд заново вернулся на туманный Альбион, где на время стал госсекретарём, но из-за участия в вечно не утихавших парламентских противоборствах был вынужден оставить эту должность.

В политике Филипп Стэнхоуп снискал известность тем, что благодаря ему Англия перешла с Юлианского на Григорианский календарь, а также тем, что, уже находясь в отставке, он выступил против Гербовых сборов в Американских колониях. Но прогрессирующая глухота заставила Филиппа Честерфилда уйти на покой, и в 1773 г. он незаметно для всех скончался, пережив единственного сына на 5 лет. Однако спустя год после кончины престарелого графа английское общество заново заговорило о нём.

Причина была следующая. Когда сын Честерфилда, которого звали, так же, как и отца, Филипп Стэнхоуп, скончался в 1768 г., то граф неожиданно для себя узнал, что усопший скрывал от него существование двух внуков. Дед принял деятельное участие в их судьбе, завещав каждому из них огромное состояние, но при этом обделив наследством сноху. После смерти свёкра она, не имея средств к существованию, продала издателям письма Честерфилда, которые никогда не предназначались для печати.

Филипп Стэнхоуп участвуя в борьбе парламентских группировок, никогда не забывал о своём сыне. Он, будучи занят службой, передал ребёнка под опеку воспитателей, среди которых был доверенный человек по имени мистер Харт. Поэтому редко видя сына, отец-политик часто писал ему.

Читая первые письма Честерфилда, обращённые к маленькому мальчику, обращаешь внимание на то, что они пронизаны духом античности: вперемешку с вопросами к сыну автор рассказывал ему в доступной форме о разных странах, включая и сюжеты древнеримской и древнегреческой мифологии (в частности, про героев «Илиады» Гомера и «Энеиды» Вергилия, характеризовал их).

По мере прочтения писем становится ясно, что Филипп Стэнхоуп-ст. стремился воспитать совершенного человека в духе идей Джона Локка. Этот философ полагал, что у людей нет никаких врождённых идей, и что человек – это «чистая доска», на которой нужно «написать» самое необходимое, при этом Локк считал, что индивид должен познавать мир через чувства. Цель у такого обучения, при котором каждый изученный предмет должен готовить к жизни, была одна – воспитать всесторонне развитого человека.

Граф желал сыну лучшей участи и поэтому сизмальства готовил его к карьере дипломата. Для этого он писал ему письма не только на английском, но и на латинском и французских языках, стремясь, чтобы сын овладел ими в совершенстве. Он также настаивал, чтобы ребёнок тщательно изучал греческую грамматику.

Довольно часто Честерфилд призывал Стэнхоупа-мл. изучать историю, в особенности древнеримскую, в которой, по его словам, больше всего примеров благородства и великодушия. А при чтении исторических трудов отец рекомендовал сыну всегда держать под рукой географические карты.

Ряд писем пестрит латинскими выражениями величайших писателей античности, таких как Цицерон, Лукан и многих других, которых Филипп Честерфилд призывал сына брать их за образец. В частности, писатель неоднократно обращался к эпизодам из биографий великих деятелей прошлого; так, говоря о благородной жажде славы, Честерфилд пересказывал сыну эпизод из «Жизнеописаний» Плутарха, где Цезарь сокрушался, что в 30 лет Александр Македонский сделал больше, чем он в те же годы.

Тон и смысл писем с течением времени изменялся: так, если свои первые письма граф Честерфилд писал для мальчика 6-ти лет, то последние были адресованы 36-летнему дипломату. Советы отца-политика становятся более откровенными. Он рассказывает Стэнхоупу-мл. о политике, раскрывает тонкости придворной и парламентской жизни, а также как организовать личную жизнь. Помимо этого он писал о литературе, вместе с письмами присылал ему книги, среди которых были исторические труды Вольтера.

Будучи уже юношей, графский сын, путешествуя по Европе и находясь при разных королевских дворах, неизменно получал от отца письма. Честерфилд надеялся, что сын, посещая иностранные государства, улучшит знание языков и, что немаловажно, выработает манеры, изысканность, грациозность для того, чтобы производить приятное впечатление на людей.

В этих письмах каждый читатель вне зависимости от интересов найдёт что-то для себя новое и, поразмыслив над советами писателя, жившего более 250 лет назад, заметит, что автор этих строк стал знатоком человеческой природы. Советы по поводу образования, поведения и морали будут актуальны

во все века. Они типичны и во многом кажутся простыми прописными истинами: не ленись, находи время для образования, будь учтив и осторожен, но в руках человека, за спиной которого имелся внушительный жизненный опыт и талант писателя, они ожили.

Современники были шокированы выходом в свет данного произведения из-за откровенности и прослеживавшихся на протяжении всех писем мысли о необходимости расположить к себе окружающих. Из-за этого Честерфилда постоянно переоценивали как писателя и философа. Одни видели в нём воспитателя поколений, а другие – бездушного политика-интригана, который, строя письмо, не сумел как следует воспитать родного сына.

Прошли годы, критики знавшие автора умерли, шум вокруг его имени улёгся, а письма к сыну графа Честерфилда, в которых гармонично соединилось античное наследие и идеи эпохи Просвещения, не потеряли своей новизны и по праву заслужили звание творения на века.

ХРОНИКА**НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
«КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ» В 2021 Г.****Н.Н. Болгов, М.А. Литвяк**

В данном материале, публикуемом ежегодно в сборнике материалов конференции, даются краткие основные сведения о научной работе за прошлый год.

Диссертации, защищенные в 2021 г.

1. *Литовченко Е.В.* Позднеантичная эпистолография в контексте медиевализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV-VI вв.) (докторская). 11 июня.

2. *Руднева М.А.* Город Александрия в ранневизантийское время: проблемы топографии и населения (кандидатская). 30 сентября.

3. *Лопатина М.Ю.* Финал античной культуры в Газе Палестинской и ранневизантийский культурный синтез (V-VI вв.) (кандидатская). 28 октября.

4. *Синица М.М.* Иоанн Лид и антикварная традиция в Ранней Византии (кандидатская). 25 ноября.

Рейтинг НИРС 2021 г. студентов научного направления КВТ

<i>№</i>	<i>ФИО студента</i>	<i>группа</i>	<i>курс</i>	<i>баллы</i>
1.	ДОБРЫНИНА Д.Н.	02031805	4	235
2.	САПОЖНИКОВА М.Г.	02032009	Маг 2	157
3.	ФАРТУШНОЙ Н.О.	02031804	4	130
4.	Лихошерстов В.А.	02031705	Маг 1	115
5.	Чаплыгина А.А.	02031705	Маг 1	88
6.	Мишнев С.Н.	02031905	3	87
7.	Зайковская О.С.	02031805	4	85
8.	Арисланов Б.С.	02031705	Маг 1	76
9.	Лобынцев Д.В.	02031905	3	66
10.	Черномурова А.Н.	02031903	3	56
11.	Погорелова Ю.И.	02032005	2	55
12.	Бабенкова Е.Л.	02031905	3	53
13.	Стальниченко Т.С.	02031703	5	44
14.	Холодов Е.А.	02032005	2	37
15.	Криворотенко Е.А.	02031805	4	30
16.	Литвяк М.А.	02032005	2	30

Победители конкурсов

Добрынина Дарья – медаль «Достойному» НИУ «БелГУ».
Добрынина Дарья – «Студент-исследователь» НИУ «БелГУ».
Сапожникова Мария – «Студент-исследователь» НИУ «БелГУ».
Лихошерстов Вячеслав – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.
Фартушной Никита – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.
Чаплыгина Алиса – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.
Мишнев Сергей – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.
Арисланов Богдан – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.
Лобынцев Денис – Лауреат НИУ «БелГУ» в области НИРС.

Научные публикации аспирантов и студентов 2021 г.

М.Ю. Лопатина

1. «День розы» как пример трансформации языческих праздников в ранневизантийской Газе // *Via in tempore*. История. Политология, 48(1). 2021. С. 36-47.

Ю.В. Бузанаков

1. Бузанаков Ю.В., Иваницкая Я.Ю., Немыкина Е.В. Арабское завоевание Антиохии и завершение позднеантичной истории города // *Via in Tempore*. История. Политология, 48(2), 2021. С. 318-327.

2. К вопросу о специфике сирийского монашества в IV-VII вв. // *Классическая и византийская традиция*. 2021. Белгород, 2021. С. 194-199.

Ф.А. Суслов

1. Изучение личности Гипатии в зарубежной историографии // *Via in Tempore*. История. Политология, 48(2), 2021. С. 299-317. **ВАК**

Я.А. Дронова

1. Организация учебного процесса в высших школах ранневизантийского Берита (по Захарии Ритору) // *Via in tempore*. История и политология. Т. 48(1). 2021. С. 48-54. **ВАК**

А.Ю. Пашкова

1. Термесс и Сельге – два форпоста римской Писидии // *Классическая и византийская традиция*. 2021. Белгород, 2021. С. 40-45.

2. К вопросу об императорском культе конца III – IV вв. в Писидии (Сагаласс) // *Византийский клуб: альманах*. Белгород, 2021. С. 179-181.

Е.П. Веретенникова

1. Патара – город в античной Ликии: географическое положение, население, хозяйство // *Классическая и византийская традиция*. 2021. Белгород, 2021. С. 36-40.

2. Мира Ликийская в ранневизантийское время // Византийский клуб: альманах. Белгород, 2021. С. 182-186.

3. Византинизация городов Ликии в V–VII вв. // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 208-212.

Н.В. Жукова

1. Филадельфия (Амман) в римско-византийское время // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 183-189.

2. Христианизация городов Декаполиса: церковное строительство в ранневизантийский период // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 218-222.

М.Г. Сапожникова

1. Правление Феодосия II в свете западно-римских хроник // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 167-170.

2. К вопросу о высших придворных должностях эпохи Феодосия Младшего // Византийский клуб: альманах. Белгород, 2021. С. 161-167.

3. XV научная конференция «Классическая и византийская традиция» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 7-8.

4. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2020 г. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 312-324.

5. Диссертации по истории Древнего мира и Византии, защищенные в России в 2014-2021 гг.: краткий анализ // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 326-338.

6. Образ римского патриция в романе Д. Монтанари «Смерть куртизанки» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 297-299.

7. Понятие «бедность» по данным кодекса Феодосия // Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 147-154.

8. К вопросу об обращении к Божественной силе при рождении императорского наследника в эпоху Феодосиевой династии // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 230-235.

9. К вопросу о вкладе Пульхерии Августы в ранневизантийское градостроительство // Вестник СНО – 2021: сб. студ. науч. работ / отв. ред. К.А. Данилова, С.Б. Смирнова. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. С. 59-62.

10. Социальная мобильность в Ранней Византии по данным Кодекса Феодосия // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 54-57.

В.А. Лихошерстов

1. Церковная иерархия Александрийского патриархата в Ранней // Византийский клуб: альманах. Белгород, 2021. С. 157-160.

2. Тимофей Элур как один из лидеров движения монофизитов в Александрии // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 170-175.

3. В.Я. Брюсов. «Алтарь победы» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 302-303.

4. Пётр Монг как глава общины монофизитов в Александрии // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 222-226.

Б.С. Арисланов

1. Постгерульские Афины: организация власти и положение высших школ // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 50-55.

2. Феномен христианизации Афин на примере Парфенона // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 203-208.

А.А. Чаплыгина

1. Археологические исследования в Газе Палестинской // // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 148-151.

Д.Н. Добрынина

1. «И она сосудом, избранным для благодати, стала»: о тернистом пути к истинной вере // Византийский клуб: альманах. Белгород, 2021. С. 187-189.

2. Святость блудниц как социальный феномен ранневизантийской культуры // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 212-215.

3. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2020 г. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 312-324.

4. Античный археологический сезон НИУ «БелГУ» в 2021 г. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 324-326.

5. «Иуда Искариот» Леонида Андреева, или «Нечто по психологии предательства» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 297-302.

6. Экономические аспекты ранневизантийского гетеризма // Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 121-125.

7. От гетеры до святой: феномен святости бывших блудниц // Вестник СНО – 2021: сб. студ. науч. работ / отв. ред. К.А. Данилова, С.Б. Смирнова. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. С. 79-83.

8. Отношение к феномену гетеризма различных социальных групп византийского общества позднеантичного периода // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 43-47.

9. Этнорегиональная специфика гетеризма в Ранней Византии // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 39-41.

10. Контрацепция в частной жизни позднеантичного общества // ЛОМОНОСОВ-2021. М., 2021 – https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_16_22301.htm

О.С. Зайковская

1. «Капитан Алатристе» Артуро Перес-Реверте // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 306-307.

2. К вопросу о военных конфликтах Ирана и Византии в VI в. // Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 89-93.

3. Общие работы отечественных византистов XIX века в контексте эпохи Юстиниана Великого // Карамзинские чтения – 2020: сборник материалов V Всероссийской научной конференции, Белгород, 18 декабря 2020 года / отв. ред. К.К. Ли. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 45-49.

4. К вопросу о теории и практике военного дела Сасанидов в контексте персидско-византийских войн // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 41-43.

5. Особенности военного искусства Византийской империи в Лазской войне (541-562 гг.) // ЛОМОНОСОВ-2021. М., 2021 – https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_16_22301.htm

Т.С. Стальниченко

1. К вопросу о семье в каноническом (церковном) праве Ранней Византии IV-VI вв. // Традиционные культуры народов мира: история,

интерпретация, восприятие: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 52-54.

2. К вопросу о состоянии христианства в годы правления императора Юстиниана I (527-565) // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 57-60.

Е.А. Криворотенко

1. Философия и богословие эпохи Юстиниана I в Александрии. Основные тенденции развития // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 44-47.

Н.О. Фартушной

1. Племя блеммиев как регулятор торговли изумрудами в Северо-Восточной Африке в эпоху Поздней античности // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 71-75.

2. Гегемония Аксумского царства в Восточной Африке во время царя Эзаны на примере взаимодействия с народами ноба // Вестник СНО – 2021: сб. студ. науч. работ / отв. ред. К.А. Данилова, С.Б. Смирнова. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. С. 83-86.

3. Становление первых религиозных отношений между Россией и Абиссинией // Карамзинские чтения – 2020: сборник материалов V Всероссийской научной конференции, Белгород, 18 декабря 2020 года / отв. ред. К.К. Ли. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 25-29.

4. Византийская миссия в царство Алва как заключительный этап христианизации Нубии // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 60-62.

Е.Л. Бабенкова

1. Зефирий – загадочный боспорский город близ Китея // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 127-132.

2. Античный археологический сезон НИУ «БелГУ» в 2021 г. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 324-326.

3. Значение античной мифологии с позиции христианства на примере творчества Фабия Планциада Фульгенция // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 37-39.

С.Н. Мишнев

1. Исторические источники о воцарении Анастасия I // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 189-192.

2. Военный декрет Анастасия из города Перге как источник по изучению реформирования византийской армии // Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 43-46.

3. Анализ реформаторской деятельности Анастасия I (по Кодексу Юстиниана) // Вестник СНО – 2021: сб. студ. науч. работ / отв. ред. К.А. Данилова, С.Б. Смирнова. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. С. 53-56.

4. Влияние Исаврийской войны на монетную реформу Анастасия I // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 52-54.

Д.В. Лобынцев

1. Методология изучения ранневизантийского искусства в трудах В.Д. Лихачёвой // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 236-240.

2. «Клеарх и Гераклея» Юлии Латыниной: вторая жизнь греческого романа // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 292-295.

3. Эволюция изображения короны в позднеантичной нумизматике // Вестник СНО – 2021: сб. студ. науч. работ / отв. ред. К.А. Данилова, С.Б. Смирнова. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. С. 42-45.

4. О персонификации Солнца в «Христианской топографии» // Белгородский диалог – 2021: Проблемы истории и филологии: сборник материалов XIII Международного молодежного научного форума / отв. ред. В.К. Харченко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 47-49.

А.И. Колесников

1. Готский элемент в византийском обществе V в. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 175-178.

А.С. Дедов

1. Натиск славян на Истр и Балканы при Юстине I и Юстиниане I // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 202-208.

А.Н. Черномурова

1. Сравнение образа Константина Великого в трудах Зосима и церковных историков // К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских церковно-

исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. С. 235-239.

2. Критика религиозной политики Константина Великого в дореволюционной и советской историографии // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 57-60.

М.А. Литвяк

1. Аспенд – город римской Памфилии // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 45-50.

Е.А. Холодов

1. Роль Велизария в подавлении восстания «Ника!» 532 г. // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 192-194.

2. Рафаэлло Джованьоли. Роман «Спартак» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 295-297.

Ю.И. Погорелова

1. Праздник Брумалий в Ранней Византии // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 194-197.

2. Поль Бурани. «Царица красоты» // Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород, 2021. С. 303-306.

Доклады на научных конференциях 2021 г.

Художественная литература по истории

Арисланов Б.С. «У Понта Эвксинского» В. Полупуднев

Добрынина Д.Н. Леонид Андреев. «Иуда Искариот»

Зайковская О.С. «Капитан Алатристе» Артуро Перес-Реверте

Лихошерстов В.А. В.Я. Брюсов «Алтарь победы»

Лобынцев Д.В. «Клеарх и Гераклея» Юлии Латыниной: вторая жизнь греческого романа

Мишнев С.Н. «Чёрный ангел» Мика Валтари

Погорелова Ю.И. Поль Бурани «Царица красоты»

Сапожникова М.Г. Образ римского патриция в романе Д. Монтанари «Смерть куртизанки»

Холодов Е.А. Рафаэлло Джованьоли. Роман «Спартак».

Чаплыгина А.А. Интерпретация гомеровской «Илиады» в романе Мадлен Миллер «Песнь Ахилла»

Черняева Э.Ю. Л.Н. Андреев. «Иуда Искариот»

Белгородский диалог

Добрынина Д.Н. Этнорегиональная специфика гетеризма в Ранней Византии.

Зайковская О.С. К вопросу о теории и практике военного дела Сасанидов в контексте персидско-византийских войн.

Криворотенко Е.А. Философия и богословие эпохи Юстиниана I в Александрии. Основные тенденции развития

Лихошерстов В.А. Экономическая основа церковной организации ранневизантийской Александрии

Лобынцев Д.В. Проблема персонификации Солнца в «Христианской топографии»

Арисланов Б.С. Организация власти в Афинах после герульского нашествия.

Мишнев С.Н. Влияние исаврийской войны на монетную реформу Анастасия.

Сапожникова М.Г. Социальная мобильность в Ранней Византии по данным Кодекса Феодосия

Стальниченко Т.С. К вопросу о состоянии христианства в годы правления императора Юстиниана I (527-565)

Фартушной Н.О. Византийская миссия в царство Алва как заключительный этап христианизации Нубии

Чаплыгина А.А. Эней Газский – яркий представитель эпистолярного жанра в Ранней Византии

Бабенкова Е.Л. Значение античной мифологии с позиции христианства на примере творчества Фабия Планциада Фульгенция

Традиционные культуры народов мира - 2021

Добрынина Д.Н. Отношение к феномену гетеризма различных социальных групп византийского общества позднеантичного периода

Стальниченко Т.С. К вопросу о каноническом (церковном) праве о семье в Ранней Византии IV-VI вв.

Черномурова А.Н. Критика религиозной политики Константина Великого в дореволюционной и советской историографии

Ломоносов - 2021

Зайковская О.С. Особенности военного искусства Византийской империи в Лазской войне (541-562 гг.)

Добрынина Д.Н. Контрацепция в частной жизни позднеантичного общества

Археологический сезон – 2021

Литвяк М.А. Предварительные результаты работы отряда РАЭ на поселении «Осадчее селище-1»

Нукушов Р.М. Итоги работ белгородского отряда ВКАЭ 2021 (Полянка)

Добрынина Д.Н., Лихошерстов В.А. Китейская экспедиция: работы в сезоне 2021 г.

Бабенкова Е.Л. Жизнь и быт китейцев 2021.

Классическая и византийская традиция – 2021

Веретенникова Е.П. Патара – город римской Ликий: географическое положение, население, хозяйство

Пашкова А.Ю. Термесс и Сельге – два форпоста римской Писидии

Литвяк М.А. Аспенд – город римской Памфилии

Арисланов Б.С. Постгерульские Афины: организация власти и положение философской школы

Фартушной Н.О. Племя блеммиев как регулятор торговли изумрудами в Северо-Восточной Африке в эпоху Поздней античности

Добрынина Д.Н., Бабенкова Е.Л. Работы Китейской экспедиции в сезоне 2021 г.

Чаплыгина А.А. Археологические исследования в Газе Палестинской

Сапожникова М.Г. Правление Феодосия II в свете западно-римских хроник

Лихошерстов В.А. Тимофей Элур как один из лидеров движения монофизитов в Александрии

Колесников А.И. Готский элемент в византийском обществе V в.

Жукова Н.В. Филадельфия (Амман) в византийское время

Мишнев С.Н. Исторические источники о воцарении Анастасия I

Дронова Я.А. К вопросу об авторстве «Церковной истории» [Захарии]

Холодов Е.А. Роль Велизария в подавлении восстания «Ника!» 532 г.

Погорелова Ю.И. Праздник Брумалий в Ранней Византии

Бузанаков Ю.В. К вопросу о специфике сирийского монашества IV-VII вв.

Дедов А.С. Натиск славян на Истр и Балканы при Юстине I и Юстиниане I

Добрынина Д.Н. Святость блудниц как социальный феномен ранневизантийской культуры

Логвинова А.А. Птолемей Хенн в «Мириобиблионе» патриарха Фотия

Лобынцев Д.В. Методология изучения ранневизантийского искусства в трудах В.Д. Лихачёвой

Стальниченко Т.С. Проблемы детей и детства в Византии в работах С.Б. Сорочана

Славные и памятные даты – 2021

Добрынина Д.Н. 130 лет со времени рождения русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова: знаки сакрального в романе «Мастер и Маргарита»

Лихошерстов В.А. 955 лет со дня нормандского завоевания Англии.

Погорелова Ю.И. Роль Второго Вселенского собора в становлении христианской догматики.

Сапожникова М.Г. 1620 лет со дня рождения византийской императрицы Евдокии

Чаплыгина А.А. Вклад братьев Третьяковых в развитие русского искусства (к 165-летию со времени основания Государственной Третьяковской галереи)

Черняева Э.Ю. Становление Константинополя как центра восточного христианства (к 1640-летию со времени проведения Второго Вселенского собора)

Митрофановские чтения (Борисоглебск) - 2021

Веретенникова Е.П. Византинизация городов Ликии в V–VII вв.

Жукова Н.В. Христианизация городов Декаполиса: церковное строительство в ранневизантийский период

Сапожникова М.Г. К вопросу об обращении к Божественной силе при рождении императорского наследника в эпоху Феодосиевой династии

Лихошерстов В.А. Пётр Монг как глава общины монофизитов в Александрии

Арисланов Б.С. Феномен христианизации Афин на примере Парфенона

Черномурова А.Н. Сравнение образа Константина Великого в трудах Зосима и церковных историков

Путешествие в античность и средневековье

Кириллов В.М. Ленин и остатки древней цивилизации: прогулка по историческому центру Выборга

Карамзинские чтения - 2021

Арисланов Б.С. Российские исследования XIX – нач. XX вв. в области христианизации позднеантичного мира

Лихошерстов В.А. Монофизитские общины Ранней Византии в трудах В.В. Болотова

Погорелова Ю.И. Рецепция античности в имперской России на примере преподавания классических языков в гимназии

Холодов Е.А. Научный вклад М.И. Ростовцева в развитие антиковедения в период до его эмиграции

Чаплыгина А.А. Формирование столичных антиковедческих школ в Российской империи

КИТЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 2022 Г.

М.А. Литвяк, А.А. Варганян

Летом 2022 года в период с 16 июля по 7 августа студенты, аспиранты, преподаватели историко-филологического факультета НИУ «БелГУ», члены проблемной группы «Классическая и византийская традиция» в составе 16 человек совместно с коллегами из Государственного Эрмитажа приняли участие в Китейской археологической экспедиции. Работы проводились под руководством начальника экспедиции А.В. Катцовой.

Античный Китей – это город древнего Боспорского царства. Он расположен в 40 км к югу от современной Керчи в самом центре обширной равнины между мысом Такиль и Кыз-Аульским маяком на берегу Черного моря. Сегодня на этом месте нет не только города, но даже небольшого поселения. От самого древнего Китея осталось едва ли больше половины его прежней площади из-за интенсивного разрушения береговой черты морем. Однако в истории Боспора город играл достаточно заметную роль. Об этом свидетельствует уже тот факт, что он упоминается в древнейшем из дошедших до нас списков эллинских городов у морского побережья Восточной Таврики – перипле Псевдо-Скилака, составленном в 30-е годы IV в. до н.э.

Равнина, в центре которой располагался древний Китей, окаймлена с северо-запада естественной грядой холмов, увенчанных в большинстве случаев скальными выходами причудливой формы. Прибрежная же полоса равнины на всем пространстве сильно изрезана и выглядит как внезапно застывшая полоса волн, что особенно хорошо видно на аэрофотосъемке. Море здесь всегда было богато рыбой. Единственный недостаток местности – отсутствие источников пресной воды. Это обусловило и специфику растительного мира. Уже первый исследователь Китея Поль Дюбрюкс, посетивший его развалины в 1820 году, отмечал, что единственный вид растительности, покрывающей берег на всем его протяжении, каперсы – многолетние стелющиеся полукустарники. Каперсы и поныне остаются основным украшением здешнего ландшафта.

Сам город был основан в V веке до н.э. и существовал вплоть до конца VI века именно как город, о чём свидетельствует надпись 234 г. на культовом столе и все известные упоминания в письменных источниках.

На протяжении столетий Китей был вовлечен в важнейшие политические события той эпохи. Крепость отражала набеги пиратствующих племен Кавказского побережья, вставала на пути армий Митридата Евпатора и римских легионов, а впоследствии дала пристанище византийскому гарнизону. Недалеко от Китея, на входе в Керченский пролив, произошла морская битва 275 г., положившая конец пиратским набегам с Боспора на малоазийские провинции Римской империи. Город относительно благополучно пережил все сложные времена Великого переселения народов (IV—VI вв.). Как окончилась история города, не вполне ясно. Вероятно, обезвоживание местности привело к его постепенному запустению.

В 1927–1929 годах Керченским музеем древностей были предприняты небольшие раскопки городища и некрополя, и именно с этого момента берет свое начало Китейская экспедиция. Работами руководил директор музея Ю.Ю. Марти.

В 1957 г. руководитель Боспорской экспедиции В.Ф. Гайдукевич направил на восточную оконечность полуострова отряд археологов, которым руководила Н.С. Белова. Тогда впервые была изучена стратиграфия городища до материка и дана их общая датировка. Отдаленность памятника от города Керчь и отсутствие воды не позволили продолжить работы в последующем.

И только в 1970 г. Керченский историко-археологический музей возобновил раскопки античного городища под руководством С.С. Бессоновой, ставшие систематическими. С 1974 г. экспедицию возглавлял Е.А. Молев, выдающийся учёный, специалист по античной истории и археологии Северного Причерноморья. В Китейской экспедиции работали первоначально керченские добровольцы и школьники, затем студенты Белгородского педагогического института (с 1979 г.), Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (с 1992 г.). Таким образом, систематическая работа экспедиции успешно продолжается уже долгие годы. Экспедиция Е.А. Молева с 2021 г. окончательно волилась в состав Китейской экспедиции Эрмитажа как белгородский отряд.

В 2022 году были продолжены раскопки квадратов прежних лет. Основной упор исследований был сделан на раскоп 4. Он представляет собой ряд помещений, примыкающих к восточной крепостной стене. Сначала была проведена тщательная очистка памятника от растительности, а затем члены экспедиции приступили к постепенному снятию пластов земли. Спустя пару дней интенсивных работ удалось добраться до объектов, которые в прошлом году были законсервированы при помощи специального пленочного материала. Следующим этапом стала расконсервация. Стараясь не повредить составные части раскопа, мы сняли слои пленки и провели зачистку на всей территории раскопа. Всё это позволило перейти к изучению открывшихся новых культурных слоёв.

Так, в результате многоэтапных работ участниками экспедиции была изучена планировка помещений, открыты двор, вымостка, вход в помещение.

В процессе раскопок было найдено большое количество керамики, ранневизантийское стекло, кости, позднебоспорская монета. Из отелных находок наиболее интересен штампованный крест VI в. на краснолаковой чаше. Все это доказывает важность Китея как базового памятника Боспора ранневизантийского периода.

Что касается остальных участков, то в этом году активных раскопок на их территории не велось. Однако они не остались без внимания – участники экспедиции очистили эти раскопы от травы для поддержания чистоты и порядка. На всех раскопах руководителем отряда Н.Н. Болговым была проведена обзорная экскурсия для ознакомления с находящимися там памятниками.

В результате прошедший полевой сезон стал ещё одним важным шагом в исследовании античного Китея.

Этот сезон начался 16 июля. Именно в этот день мы все собрались вместе, погрузили в автобус многочисленные вещи, погрузились сами и отправились в Крым.

Дорога прошла спокойно, без происшествий. Во время путешествия было много веселых разговоров, песен, мы потихоньку знакомились друг с другом.

Хочу особо выделить водителя Евгения, который прекрасно водит, включает хорошую музыку и веселые фильмы. Именно в автобусе за один день я посмотрел фильмов больше, чем за последние несколько месяцев.

По приезде в Керчь, мы сделали небольшую остановку для краткой экскурсии, обеда и минимальных закупок. Собственно наш лагерь располагался южнее Керчи, рядом с селом Заветное. Приехали мы туда, выгрузили вещи и начали ставить палатки. Надо сказать, что дело это не самое простое. Но во время общей работы происходит сплочение коллектива.

Что касается самого места, где мы были, то тут можно сказать только одно – красота. Живописнейший пейзаж бескрайней крымской степи, почти вплотную подступающей к сверкающему морю. Что нужно для полного счастья? Ах, да, чтобы искупаться в море, нужно спуститься по 30-метровому обрыву. Но это мелочи. Наградой вам послужит море. Освежающее,

спасающее от палящей жары море. Море было нашим душем, море было нашей стиральной машиной, море было нашим курортом.

В рабочие дни режим лагеря был такой:

1. 5.00 – подъем
2. 5.45 – на работу
3. 6.00 – начинаем работать
4. 8.00 – перерыв на завтрак
5. 9.00 – возвращаемся на работу
6. 14.00 – конец работы, перерыв перед обедом
7. 14.00 – обед, после которого весь оставшийся день было свободное время
8. 19.00 – ужин
9. 22.00 – отбой

Мобильная связь в Крыму не самая лучшая. Часто, чтобы поговорить с родителями или друзьями, нужно было побродить вокруг лагеря в поисках интернета. Странное чувство, когда среди стрекочущих кузнечиков и ползающих змей, стоя по колено в высокой траве ты болтаешь по телефону.

Пару слов о еде. Она была божественной. Готовили так вкусно, что когда мы поехали в Керчь и зашли в кафе, все сошлись во мнении, что наши девчонки кормят лучше. Мало того, иногда у нас была на столе такая экзотика, как пойманные нами же мидии и рапаны.

Раскопки – дело настолько интересное, что помимо людей в экспедиции принимали участие даже собаки. А именно – Фасоль, Равель и Ватка.

Кстати о раскопках. Конечно, это очень тяжелая работа сама по себе. Но жутко интересная. Когда перед тобой из земли появляется древний город, и ты принимаешь в его откапывании непосредственное участие – это поистине грандиозное чувство. Знаете, из моих знакомых мало кто может похвастаться тем, что сидел на крепостной стене, которой 1500 лет и смотрел на то, как солнце медленно заходит за море. Романтика.

За 3 недели нашего пребывания было несколько дней, которые сильно выделялись из общего ряда.

В первую очередь, это праздники. Праздник сломанной лопаты был своего рода днем, когда можно поделиться первыми впечатлениями от раскопок, выразив их через творческий номер. Было две команды – новички и те, кто уже не в первый раз принимают участие в экспедиции.

Вторым праздником было посвящение, на котором новички приблизились к тому, чтобы стать гражданами Китея.

Стоит отдельно упомянуть о морском смерче, который, к счастью, был не сильно близко к нашему лагерю. Жутковато, но зрелищно.

За каждым праздником следовали выходные. Сначала мы исследовали город Керчь, следуя культурной программе под руководством Николая Николаевича. Так, в первый день мы посетили Митридат, Пантикапей, Керченский историко-археологический музей и храм Святого Иоанна Предтечи. Во второй выходной прошла экскурсия в Царский курган и Аджимушкайские каменоломни.

Последнее, что хочется отметить, это участие в экспедиции одного человека, который сильно выделялся среди остальных. Это Сергей Иванович. Это самый трудолюбивый, самый добрый и душевный человек, которого я знаю. Он очень часто что-то мастерил для лагеря, например, душ, тент, забор, веревки для белья и много чего по мелочи. Я уверен, что ещё бы чуть-чуть, и у нас появились бы многоэтажные дома и атомный реактор. Для меня Сергей Иванович – пример настоящего мастера на все руки.

Три недели пролетели очень быстро. 5 августа мы благополучно вернулись в родной Белгород. Эта поездка – самое лучшее, что случилось со мной за весь прошлый год. Мы все подружились, насладились морем, увлеклись археологией и зарядились позитивом.

Состав участников:

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова, М.А. Руднева, М.М. Сеница, М.Л. Радченко, К.Н. Болгов, Е.О. Родина, В.А. Лихошерстов, Б.С. Арисланов, Е.Л. Бабенкова, С.Н. Мишнев, Д.В. Лобынцев, М.А. Литвяк, А.А. Вартамян, В.В. Елисеева, Е.И. Смородинова, С.И. Юрченко, О.С. Большакова, а также В.М. Кириллов.

ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ХЕРСОНЕС (2022)

Р.А. Ермолович, А.А. Авилова

Очередная ректорская паломническая и образовательная поездка студенческого клуба «Византийское древо» состоялась в конце сентября 2022 г. в Херсонес Таврический – особое для православной традиции и русской истории место, где князь Владимир принял христианство.

Идея ректорских паломнических поездок возникла ещё в 2018 г. в рамках «Византийского клуба». Ректор университета, профессор О.Н. Полухин обратил внимание на важность личного посещения особо отличившимися студентами мест, связанных с отечественной цивилизационной традицией, святых мест православия на Руси и в восточно-христианском мире в целом.

С этого года ректорские поездки включили в план работы проекта «Региональная научно-просветительская платформа «Византийское древо: корни православной духовности и нравственности» программы стратегического лидерства «Приоритет-2030» и план работы студенческого клуба «Византийское древо».

В античном и византийском городе Херсонесе Таврическом с двухтысячелетней историей, расположенном на территории современного Севастополя, побывали 17 молодых исследователей, представлявших научное направление НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Площадь городища оказалась почти не затронута современной застройкой, и поэтому сегодня этот памятник единственный в России, который может дать цельное представление о византийском городе. Многочисленные церкви и часовни, жилые кварталы, оборонительные стены с цитаделью и казармами, хозяйственные сооружения, а также театр создают неповторимую атмосферу древнего приморского города, где Русь встретилась с Византией. Участники поездки побывали на месте крещения князя Владимира, осмотрели иные памятные места, связанные с православной традицией и ее встрече с Русью.

Важной частью поездки стали, специально запланированные встречи с ведущими учёными-докторами исторических наук – директором Института археологии Крыма В.В. Майко и ведущим специалистом этого же института Ю.М. Могаричевым. Ребята получили ответы на свои вопросы о Херсонесе, пещерных городах византийского Крыма, повседневной жизни и быте людей того времени.

В рамках ректорской паломнической поездки обучающиеся посетили Малахов курган, места подвигов адмирала Нахимова, матроса Кошки, Даши Севастопольской и других героев Крымской войны и первой обороны Севастополя (1853-1856). Также удалось посетить уникальную панораму «Оборона Севастополя», осмотреть памятник затопленным кораблям на городской набережной и другие памятники Крымской и Великой Отечественной войн.

На третий день группа переместилась в Горный Крым и, сделав остановку у подножия Мангупа, – главной крепости Крымской Готии и столицы княжества Феодоро, посетили пещерный город Чуфут-Кале, создавший объёмное представление о жизни византийского Крыма в средние века, а также Успенский монастырь в окрестностях Бахчисарая. В дополнение к программе удалось посетить и Ханский дворец, который, несмотря на продолжающуюся реконструкцию, погрузил студентов в атмосферу крымско-татарской истории и культуры.

Стоит отметить, до пандемии состоялось две образовательные поездки: в Екатеринбург, по местам, связанным с памятью царской семьи, и на Русский Север – по монастырским комплексам Соловецких островов, острова Валаам, Карелии. Они будут продолжены и в дальнейшем, так как полноценно изучать историю и цивилизационную традицию родной страны без личного знакомства с памятными местами – невозможно.

Состав участников:

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова, М.А. Руднева, В.А. Лихошерстов, Б.С. Арисланов, Д.Н. Добрынина, Н.О. Фартушной, Е.Л. Бабенкова, С.Н. Мишнев. М.А. Литвяк, Р.А. Ермолович, В.А. Тарасов, Д.Г. Андреева, Д.А. Новикова, Р.М. Нукушов. В.А. Хлыстов, А.А. Авилова.

VI ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВИЗАНТОЛОГИИ (2022)

Н.О. Фартушной, Е.В. Черникова

VI Всероссийская летняя школа по византологии, организованная в рамках проекта «Византийское древо» программы «Приоритет-2030», объединила в середине августа на базе оздоровительного комплекса «Нежеголь» НИУ «БелГУ» 20 молодых учёных, аспирантов и студентов, изучающих данную тематику.

Школа была организована в 2017 г. Белгородским отделением Византийского клуба, которое возглавляют ректор НИУ «БелГУ», профессор О.Н. Полухин и митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн. Партнёрами университета стали Национальный комитет византистов России и МГУ им. М.В. Ломоносова.

После двух лет проведения в режиме видео-конференции школа вновь состоялась в очном формате. Слушатели школы – молодые ученые, аспиранты и студенты – представляли Белгород, Тулу, Нижний Новгород.

Руководителями школы выступили доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгов и кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Грацианский. В её работе также приняли участие старший научный сотрудник Белгородского историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук А.Ю. Елисеева и преподаватель кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук М.А. Руднева.

Школа призвана актуализировать индивидуальную научную работу молодых учёных и студентов, дать им возможность обмениваться идеями и впечатлениями по тематике и реализации своих научных исследований в различных регионах и научных центрах.

Ведущей темой стала регионалистика Византийской империи, восточно-христианского мира, начиная с её античных римских истоков и до глубокого Средневековья, что позволило обсудить достаточно широкий круг проблем на лекциях, круглых столах и дискуссиях.

Второй (Новый) Рим, православная держава между Западом и Востоком, как известно, является главным истоком отечественной цивилизационной традиции. И сегодняшняя борьба России за возвращение её извечного места и роли в мировой истории не могла не вызвать многочисленных исторических параллелей и горячего обсуждения.

Студенты приняли активное участие в круглом столе и обменялись мнениями о региональной специфике Малой Азии, Сирии, Египта, Греции в эпоху Поздней античности, преемственности в эволюции ранневизантийских городов после падения Западной Римской империи, познакомились с основами византийской археологии.

Помимо теоретической части, лекций и дискуссий, были организованы ежедневные трёхчасовые занятия по основам древнегреческого языка. Для многих студентов, особенно делающих первые шаги в науке, они открыли путь в мир классических древних языков, которые необходимы в научной работе историка по данной тематике.

Но самое главное, по мнению участников, – это живое общение, включающее отдых и досуг на базе оздоровительного комплекса «Нежеголь», где для этого созданы прекрасные условия. Это связано с тем, что из-за ковидных ограничений в последние два года возможности непосредственного общения были значительно сокращены.

Участники школы выразили искреннюю признательность организаторам и надежду, что этот востребованный формат научного общения обязательно продолжится в будущем.

Состав участников от нашей проблемной группы:

М.Г. Сапожникова, Е.П. Веретенникова, В.А. Лихошерстов, Б.С. Арисланов, Д.Н. Добрынина, Е.Л. Бабенкова, Н.О. Фартушной, Д.В. Лобынцев, С.Н. Мишнев, Е.А. Холодов, Ю.И. Погорелова, Р.А. Ермолович, В.А. Тарасов, Д.Г. Андреева, Е.В. Черникова, Д.А. Новикова.

Научное издание

**КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ.
2022**

Сборник материалов XVI международной научной конференции

Ответственный редактор-составитель
Николай Николаевич Болгов

Подписано в печать 02.11.2022. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 16,27 Тираж 100 экз. Заказ 120.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр».
308023, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис. 40.